

Мэри Кушникова Вячеслав Тогулев

**«КУЗНЕЦКИЙ ВЕНЕЦ»
ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО
в его романах, письмах
и библиографических
источниках минувшего
века**

Книга первая

**Кемерово
Кузбассвузиздат
2005**

ББК
К

Самым близким друзьям, - Виктории Кинг и её брату Юрию Гинатулину, - с благодарностью за неизменную поддержку в тяжелые времена посвящается эта книга.

***Вместо предисловия
или...
Оппонируя самим себе***

К «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. – Книга первая. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 608с.

ISBN

© М. Кушникова, В. Тогулев, авторы. 2000-2005
© Брагин А.В. - компьютерная верстка. 2005
© Издательство «Кузбассвуиздат. 2005

Не обожествлять, а очеловечить – вот высший закон творческой психологии; не обвинять, пользуясь искусственными аргументами, а объяснять – вот ее задача...

Стефан Цвейг

Первый газетный очерк одного из авторов о «грозном чувстве» Федора Михайловича Достоевского появился в 1977 году. За ним – еще несколько, затем журнальный вариант и ряд телепередач.

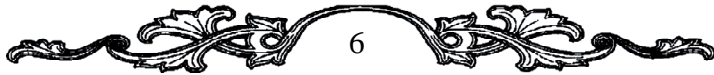
Для «человека со стороны» все реалии нового местообитания воспринимаются более ярко и выпукло. Увидев в Кузнецке останки Преображенского собора и узнав, что совсем рядом стояла Одигитриевская церковь, где Федор Михайлович венчался с некоей Марией Дмитриевной Исаевой, - но церковь была варварски разрушена в 1919 году бандой красного партизана Рогова и окончательно снесена в 1929-м, трудно было не ощутить, что здесь вмещался Рок...

О счастливом браке Федора Михайловича с Анной Григорьевной кто сейчас не наслышан! А вот о его первой жене и о венчании с ней мелькали лишь упоминания, но такие скупые и полные умолчаний, как выяснилось впоследствии, словно речь шла о мало-значашем эпизоде, о мимолетном заблуждении, и даже о чем-то малопрстойном, чего лучше бы вообще не касаться – все-таки Достоевский «мировое имя» и – какая-то Исаева из захолустного Кузнецка...

Видели в экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея ее фотографию, знакомую одному из авторов еще по Семипалатинску, – но там сфера интересов была иная: дружеские связи Федора Михайловича с Чоканом Валихановым. Здесь же, рядом с фотографией Исаевой, – фото лиственницы, что стояла возле Одигитриевской церкви и была как бы свидетельницей этого брака...

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

Ну как же не Рок вмешался в судьбу этой женщины, если ее путь к венчанию с Федором Михайловичем был столь тернист, ее память дважды осквернена в книгах второй жены и дочери Достоевского, церковь, в которой ее венчали, разрушена, и даже ни в чем не повинная лиственница, и та срублена в 1970-е годы, поскольку мешала башенному крану...

Знаменитый в конце 19 – начале 20 вв. русский художник В.Д. Вучичевич-Сибирский, блистательный петербургский щеголь, любимец дам, небезызвестный при Дворе, по совокупности причин, одна из коих – «умыкновение» возлюбленной брата, тоже художника, Евгения Вучичевича, «самосослался» в Томск, где и осел, устраивая выставку за выставкой и пользуясь неизменным успехом.

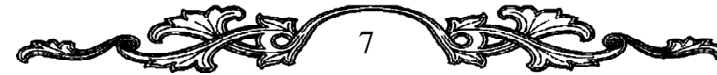
Вскоре он создал картину «Дом Достоевского в Кузнецке». Что заставило его отправиться в невзрачный уездный город и написать дом, в котором сам Достоевский никогда не жил, а жила Мария Дмитриевна Исаева, по тем временам еще воспринимаемая лишь как досадный эпизод в биографии писателя?

Тут и возникла та самая цепь случайностей, что определяет направленность человеческих поступков, в зависимости от характера каждого.

А было так, что в 1904 году в томской газете юноша Валентин Булгаков, уроженец Кузнецка и сын отставного смотрителя местного уездного училища, ставший впоследствии последним секретарем Льва Николаевича Толстого, опубликовал статью о венчании Достоевского с Исаевой, и это была единственная статья, в которой приводились свидетельства очевидцев «кузнецкого венца».

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

Шли годы, статья оставалась малоизвестной, - настолько, что в конце 80-х Т.И. Орнатская, - из плеяды блистательных комментаторов 30-томника Достоевского, обратилась к одному из авторов с просьбой найти и выслать эту статью, поскольку последняя упоминалась в краеведческой книге «Остались в памяти края», но полный текст не приводился. Просьба была выполнена – в Томске нашли газету и сняли ксерокопию статьи.

Но что заставило юного Булгакова взяться за такой сюжет? Причин было несколько. Одна из них – как уже сказано, его отец был смотрителем того самого уездного училища, где некогда работал обожатель Марии Дмитриевны, и потому не мог не знать о нашумевшем «треугольнике» Достоевский-Исаева-Вергунов и, конечно же, юноша от отца эту историю услышал. Кузнецанин по рождению, он встречался с детства со старожилками, которые такой яркий «пассаж» в захолустном городке запомнили надолго.

Другая причина – тесная связь Валентина Булгакова с томским ученым Потаниным, который для Сибири был неким аналогом Л.Н. Толстого для России в целом. Возможно, именно Потанин, - тоже, несомненно, наслышанный о кузнецкой драме, - узнав от своего подопечного юного Булгакова, что его отцу известны подробности странного венчания, вполне мог посоветовать юноше съездить из Томска, где он еще учился, в родной город и записать все, что услышит от жителей Кузнецка.

А что же Вучичевич? Проживая с Потаниным в одном городе, они, как представители местной интеллигенции, конечно же, могли общаться. Будучи сам

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

весьма впечатлительной и – чего уж греха таить! – любвеобильной натурой, не мог художник не попасть, - наверное, как и мы, грешные, - под чары этого трагического романа и решил изобразить тот дом, где, если Достоевский и не жил, то обитала там его «муза», объект «грозного чувства»...

Прошло полвека, а аура этой любви все еще витала над маленьким срубом и манила к себе людей чувствительных, с романтическим складом души.

Но Рок тоже пристально следил за этой страницей земного бытия и неослабно вершил начатое.

Картина Вучичевича исчезла. И, несмотря на тщательные поиски, в преддверии юбилейной региональной выставки художника в 1994 году, обнаружена не была. Так, как будто судьбе было угодно стереть малейшие следы злосчастного романа Достоевского с Исаевой.

Сам же художник зверски убит в 1919 году на своей заимке, но, оказавшись «недобитым», «умер от ран, нанесенных большевиками» в кемеровской больнице, как свидетельствуют два документа, найденных писателем В. Мазаевым в кемеровском архиве.

В кемеровском областном краеведческом музее бытует выставка, посвященная 135-летию В.Д. Вучичевича, притом, что зритель не увидит ни одной из 10 его картин, имеющих в музее – тогда как их было 30, а остальные исчезли, и по сей день местонахождение их неизвестно.

Так, вполне оправдалось предчувствие – на челе Марии Дмитриевны была печать злого рока и все, кто был близок к ней, любил ее, соприкасался всего лишь

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

с ее посмертной аурой, были настигнуты Роком. Даже художника, что написал ее дом, Он не пощадил. Даже саму картину – как уже сказано, - она исчезла!

Более того. Посмертную биографию Вучичевича тоже не обошла злая судьба. Долгое время о нем не велено было писать, ибо «культурным властям» было не вполне ясно, «белый» он или «красный». Сошлись на том, что его убили белобандиты. Или просто бандиты.

Но вот «всплывают» найденные в архиве документы. И разгорается неприличная дискуссия между апологетами «былых истин» и почитателями документальной точности.

И побеждают люди «позавчерашнего дня». Настолько, что, совсем зачеркнув из всей истории с убийством художника постыдное имя красного партизана и бандита Рогова, чей отряд сжег кемеровскую церковь, в которой, согласно найденным документам, и отпевали убитого Вучичевича-Сибирского, в упомянутой музейной выставке последние два документа, касающиеся большевистского статуса убийц художника, по сей день не показаны, без объяснения причин.

Злой рок отказал художнику даже в посмертной сатисфакции – да будут названы убийцы убийцами и да будет память о них по делам им (откроем скобку: в газете «Золотые купола», что выходит как приложение к местной областной газете «Кузбасс», недавно появилась статья о партизане Рогове без единого упоминания о его роли в сожжении кузнецких храмов и, в частности, Одигитриевской церкви, где венчался Достоевский; автор ее – один из устроителей упомянутой «экспозиции» в музее, в которой, как уже сказано,

---

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

замалчивается большевистский статус убийц). Рок, рок...

Но вернемся к кузнецкому Дому, где жила Исаева, к которой до бракосочетания в течение двух лет трижды приезжал Достоевский. Посетив этот низенький деревянный сруб в недоумении постигаешь: именно здесь - обиталище не эпизода, не прихоти, а *великой любви писателя*, как это потом выяснилось.

Здесь он не написал ни одной строки. Но, не будь этого дома, над которым шелестел сумрачными крылами все тот же Рок, еще читал ли бы весь мир сегодня череду исповедальных повествований об обнаженнейших до последнего предела, самых тайных, даже стыдных извилин души...

Все более вникая в документы, письма, произведения Достоевского, всякий раз изумлялись великой несправедливости, постигшей эту злосчастную любовь – «грозное чувство» писателя-страстотерпца – не в смысле терзаний тела, - а истязаемости страстями. Ибо все, что делал – делал со страстью - раздраемый борьбой Достоевского с Достоевским...

В тюркском фольклоре бытуют по сю пору два вечных спутника человека – демон зла и демон добра, которые в виде черной и белой птицы, гнездятся на левом и правом плече каждого. И любой благоразумный человек, выходя из дому, бросает по щепотке зерна через плечо – слева и справа, чтобы уравновесить в себе доброе и злое начала. Потому что негоже человеку быть одномерным – рабом зла, равно как и рабом добра. Ибо добро, содеянное одному – всегда за счет кого-то, кому тем самым причинено зло.

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

Но разве душа Достоевского не была всю жизнь ареной единоборства двух начал, добра и зла, который делают человеческую жизнь достойной, только будучи в равновесии: не ад, но и не канонное «житие».

И Достоевский весь век подкармливал своих строптивых демонов, но равновесия меж ними достиг ли?

В «грозном чувстве» - особенно...

И романтический флер, овевающий бурный роман Федора Михайловича и Марии Дмитриевны, окутал нас настолько, что пару лет мы ходили, как в чаду, с возмущением в сердце: и это «властители от культуры» называли всего лишь эпизодом в жизни Достоевского!...

Несколько лет шла борьба за сохранение маленького сруба. Объявляли его полусгнившим; объявляли, что весенний паводок залил его выше крыши, и потому надо его разобрать и «перетащить» в более безопасное место. Кстати, - вместе с прочими памятниками, весьма немногими, что сохранились от 18 и 19 веков, в Старокузнецке. Пусть бы была такая «уютная» резервация для памяти вокруг Преображенского Собора. А Собор бы отремонтировать и открыть в нем ресторан...

И тут в помощь нам «взвились» журналисты. В одной телепередаче предлагалось даже назвать ресторан «Старая Крепость», резервацию – «На бабулиных косточках», а в «Доме Достоевского» (в народе его так все называли) устроить бар, где под выпивку сервировать «котлеты по-идиотски»...

Возмущению властей не было предела.

Но мы – уцелели, ресторан не открыли и Дом Достоевского остался на месте.

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

Мы предлагали отвести этот дом под литературный музей имени писателя, и даже обращались в министерство культуры РСФСР, но некая чиновница с хорошо запоминающейся фамилией недоуменно пожала плечами: «Нельзя же, в самом деле, в каждом доме, где писатель с кем-то целовался, открывать по музею!».

И это – о «грознном чувстве» Достоевского к Исаевой.

Не стоит утомлять читателя описанием всех перипетий, что сопутствовали открытию музея, но музей все-таки был открыт и действует успешно поныне.

Все это мы рассказали лишь для того, чтобы стало понятнее, почему, обуреваемые несправедливостью, допущенной самой историей российской культуры, мы принялись за пристальное «присматривание» к «грознному чувству».

Мы хотели воздать ему должное. Мы хотели воздать должное Марии Дмитриевне Исаевой, нежный и печальный образ которой нет-нет, а потянется к нам взволнованно со страниц множества творений Федора Михайловича...

Так был написан «Черный человек сочинителя Достоевского».

Вполне лицепрятно. Как мы это поняли по прошествии чуть не десяти лет. Исаева казалась нам одной из тех фатальных фигур, что несут на челе знак беды не только для себя, но и для всех, кто им сопутствует по жизни. Впрочем, в этом, похоже, мы не ошиблись, о чем выше.

По мере «присматриваний», все более интриговала нас личность соперника Достоевского, кузнецкого 24-летнего учителя Николая Борисовича Вергунова.

Достоевскоеды едва ли не единодушно считали его человеком ничтожным и вполне бесцветным. Даже задушевный друг писателя поры «грознного чувства», барон Александр Егорович Врангель, считал его именно таким. Впрочем, и сам Достоевский иным его не видел, и на всю жизнь «открыл на него счет», чуть не в каждом произведении, в той или иной ипостаси, расправляясь с ним издевательски и круто.

Но ведь Мария Дмитриевна Вергунова любила. За что-то же любила она его, вплоть до того, что до последнего дня перед венцом Достоевский так и не был уверен – выйдет ли за него, или же Вергунов уведет ее прямо из-под венца...

И тут томский архив открыл перед нами свои сокровища. «Весь Кузнецк», со своими страстями, аферами, дружбами и враждами предстал перед нами, спрессованный в безмолвных папках.

И среди прочих – Николай Борисович Вергунов.

Наконец, мы узнали о нем «подноготную». И каким был, и как ему работалось, и сколь пытливым и усердным себя являл, и насколько мог поддаваться, - невзирая ни на молву, ни на грозящие неприятности по службе – ошеломительным порывом, возмущая местный бомонд...

Он не увел Марию Дмитриевну от аналая, нет. Но через самое короткое время после венчания устремился вслед за Достоевскими в Семипалатинск – оказать ся поближе к ней.

Были ли они близки с весны 1857 года до лета 1859-го, когда Достоевские покидают Сибирь, - о том свидетельств нет, - кроме того, что после такой отчаянной борьбы за руку и сердце Исаевой Федор Михайлович

почти внезапно к ней охладевает. Где те восторженные бредовые слова, что он находил для описания своей любви в письмах к Врангелю, - как только минули считанные месяцы после венчания, и следа их не отыскать...

Возникли загадки. Тем более «загадочные», что по версии второй жены и дочери Достоевского, когда чета направлялась в Тверь из Сибири, Вергунов якобы сопровождал их, а Мария Дмитриевна даже назначала ему свидания от станции к станции. И полную вероятность этого томские документы подтверждали...

Некие чрезвычайные обстоятельства, которые, судя по письму Достоевского к сестре Исаевой, заставили его срочно увезти Марию Дмитриевну из Владимира, - здесь она, почти на пороге смерти от чахотки, едва-едва приходила в себя после тяжелой зимы в столице, где, конечно, самый подходящий климат для чахоточных! Утверждение дочери Достоевского, что к ней приезжал Вергунов...

И что перед смертью она призналась мужу в постоянной своей любви к Николаю Борисовичу и измене Достоевскому...

Загадки, загадки... Мы пристально проанализировали «Дядюшкин сон», «Идиот», «Вечный муж», «Записки из подполья», «Преступление и наказание» и т.д. После изучения писем Достоевского они читались по-другому. Сколки из его писем находили мы в них...

Но мы были еще под дурманом «грозного чувства», хотя уже ясно было, что Вергунов требует себе места в повествовании.

Так была написана книга «Загадки провинции», которую мы считали как бы продолжением «Черного человека».

Если в «Черном человеке» намечались лишь «контуры контуров» романтической и тревожной истории любви, то в «Загадках провинции» контуры приобрели уверенные черты и внутри них возникали первые «кубики мозаики», составляющей человеческую судьбу.

В данном случае – судьбы. Достоевского, Александра Ивановича Исаева, Марии Дмитриевны Исаевой, Николая Борисовича Вергунова, Анны Григорьевны и Любви Федоровны Достоевских.

Мы еще внимательнее присматриваемся к воспоминаниям Анны Григорьевны и к книге Любви Федоровны об отце. Кто знает, кто знает...

Говорят, нет дыма без огня. Вергунов сопровождал Достоевских в Тверь? Возможно. Очень возможно. Приезжал во Владимир? Не весьма вероятно, но не исключено. Документы. Еще документы. Мы в поиске...

На чаше весов – «грозное чувство» Достоевского и роковая любовь Марии Дмитриевны к Вергунову. Кому из них удалось пронести через всю жизнь «пылающее сердце» без лжи и изъяна? Мы колеблемся. Мы не хотим ни одним облачком омрачить чарующую легенду об «униженных и оскорбленных». И, сами не замечаем, как едва ли не центральным персонажем ее начинает уверенно выступать Вергунов.

Это он, поставив на дыбы все томское начальство, добывается в кратчайший срок перевода в Семипалатинск под тихое шипение кузнечного «высшего общества»: ведь это вслед за ней, за француженкой, за обвенчанными...

Надо полагать, многие неприятности, постигшие его в Семипалатинске – тоже результат, в какой-то мере,

того «шлейфа», что тянется за ним из Кузнецка (см. «Загадки провинции»).

Это он, опять-таки делая невозможное, добивается продления каникулярного отпуска и подгоняет его чуть не день в день под момент отъезда Достоевских в Тверь, притом, что Федор Михайлович несколько раз меняет назначенное время поездки, и к новой дате надо вновь приспособиться.

Это он сидит под домашним арестом в предсмертный период Марии Дмитриевны Исаевой. И, хотя пока не найдено никаких документов, которые бы подтверждали, что он побывал у нее, чтобы проститься (Владимир?), причина домашнего ареста не обнаружена, а за опоздание на урок такого наказания не получишь, тем более, будучи на хорошем счету.

И, если верить Любови Федоровне Достоевской, почему-то же призналась Исаева супругу в своей нетленной любви к Вергунову именно незадолго до смерти...

Откуда узнала об этом Любовь Достоевская? Конечно, от матери. А та – от кого? Да от самого Достоевского. Больше не от кого было.

И, наконец, все годы разлуки с Исаевой Вергунов и не думает о женитьбе, и никаких сведений о его любовных связях за эту пору не найдено. И лишь после смерти Марии Дмитриевны в 1864 году, уехав в Барнаул, почти сразу же вступает в брак с девицей из весьма хорошего общества. Так, как будто пока была жива Исаева, он не считал себя свободным.

Мы не знаем также, состояли ли в переписке Исаева и Вергунов за время их разлуки, но в «Вечном муже» находим некий ларчик, в котором покойная героиня романа держала письма от необъявленного

возлюбленного. Причем ларчик описан с такой проникновенной точностью, словно он только что стоял на туалетном столике Исаевой...

«Увы, многое ведение – многие печали». Пока писали «Загадки провинции», еще раз «под лупу» прочли всю переписку Достоевского, перешерстили все комментарии, какие только смогли найти.

И волшебный флер, который окутывал для нас «грозное чувство» в течение почти десяти лет, почему-то начал не то чтобы меркнуть, а - утончаться под напором все новых «кубиков мозаики судеб».

«Загадки провинции» укоризненно глядели на нас с полки. Они требовали продолжения. Причем правдивого и нелицеприятного, как на исповеди. Перед нами вновь встал поединок Достоевского с Достоевским и посмертный же поединок Анны Григорьевны с Исаевой.

Здесь не было ни правых, ни виноватых. «Человек есть тайна» - ведь сказано! И каждый из героев этого уже не тревожного, а трагического узла берег свою тайну, как мог. И опять же, как мог, стремился поведать ее миру.

Так Мария Дмитриевна посещает Федора Михайловича из своего загробия, всякий раз, как он берется за перо, с тихой укоризной напоминая о себе, какой была, - «экзальтированной», с «фантастическим характером»...

А Федор Михайлович, садясь за письменный стол, вспоминает былые обиды и былых соперников – первого мужа Исаевой и Вергунова – и вновь, и вновь наделяет их презрительными фамилиями (Мозгляков, Мармеладов, Трусоцкий и т. п.) и жалкими характерами,

а, следовательно, - жалкими судьбами.

Ибо – что такое судьба? Цепь поступков, возможных только при таком-то и таком-то характере. Поступки порождают обстоятельства. А обстоятельства обрастают случайностями, которые подворачиваются в добрую или недобрую минуту и определяют исход каждого возникшего жизненного узелка.

И тут поединок Достоевского с Достоевским, наверное, достигал апогея. Он, который искал «нравственного начала», но не мог забыть обид, пытается превозмочь в себе именно злое начало. Но он – гениальный сочинитель! – уже начертал образ, и тот зажил своей жизнью, и создатель его, Федор Михайлович, обязан воздать ему по делам его, то есть как бы наделить его заслуженной судьбой.

Считал ли себя Достоевский богоравным, поскольку прежде всего ценил в человеке Личность, то есть наидрагоценнейшее Я, которое трудно и даже невозможно принести в жертву хотя бы и самому дорогому существу – не смог ведь и он поступить так ради Марии Дмитриевны...

Полагаем, что создавая образы, порою, буквально из «живой плоти», он имел право считать себя Демиургом. Но – не считал. Он только пытался превозмочь самого себя и достигнуть совершенства «Князя Христа», и потому, по словам Льва Николаевича Толстого, Достоевский был весь – борьба.

Он добросовестно подкармливал демонов с правого и левого плеча, именно потому что богоравным себя не считал. И когда в героинях, прототипом коих столь явственно читается Исаева, подчеркивает, что, де, «она не женщина, к ней ревновать нельзя», или –

она «экзальтированная идиотка, почти сумасшедшая» - это зернышко левому демону, чтоб не очень лютовал и не нарушал мир в семье, где чрезвычайно ревнивая Анна Григорьевна подмечала малейшие оттенки в упоминании об Исаевой.

Но и о правом демоне не забывает мятущийся писатель – сколько возвышенных слов, пронизанных неугасающим чувством, произносит и пишет он, там, где это не затронет его семейного очага...

Обо всем этом книга «Кузнецкий венец». И да не покажется читателю, что она – некий противовес «Черному человеку». Она есть лишь продолжение «Загадок провинции», поскольку между контурами, очерченными в «Черном человеке», оставалось столько пространства, заполненного только одними вопросами, которые требовали толкования, если не полной разгадки!

И мы добросовестно попытались это сделать.

Другое дело, что по ходу работы над книгой возникали новые лакуны, которые тоже потребуют, очевидно, дальнейшего заполнения.

В «Кузнецком венце», например, перед нами предстал некий «подспудный бес», который увязался за Федором Михайловичем из Мертвого Дома и нередко подталкивал: «твое Я первоценнее всего; позволь себе все, что захочешь; устрани все, что мешает!».

Где гнезился сей обитатель тьмы? Очевидно, в подсознании писателя, в том самом «подполье души», куда самому-то, порой, страшно заглянуть.

Иначе как объяснить его абсолютное игнорирование того, что в Италию ездить надо не ему, а умирающей чахоточной Марии Дмитриевне. Но подсознание твердило: «она мешает тебе – так не препятствуй же свершиться

предначертанной ей судьбе». Тем более что брак с Апполинарией Сусловой – вот он, только руку протянуть...

В этой книге впервые к «грозному чувству» как бы примешался расчет. Да не шокирует читателя такая двойственность! Не забудем, что поэтический роман связал не подростков, не Ромео и Джульетту.

Достоевскому – 36 лет, Исаевой – 29. Они слишком долго были несчастны. Оба. Каждый по своему. Жизнь была к ним неласкова и многому научила.

Для него речь идет о всей будущности – сможет ли вновь «пробиться» после каторги и ссылки, сможет ли реализовать свой дар, который столько лет бурлит в нем, не находя исхода. Это общий фон его душевного настроения.

А на этом фоне – нежнейшим и незащищенным ростком проклюнулось чувство к Марии Дмитриевне, которое, при его бурном темпераменте, накрыло его как волна накрывает пловца при приливе, и стало поистине грозным шквалом.

Как все это совмещалось? А почему бы – нет?

Ведь это – жизнь.

Исаева, любя Вергунова, – ибо мы считаем, что она «любила любовью» именно его, – выходит замуж за Достоевского, в чувствах которого тоже вполне уверена. Она жалеет его, она уважает его, она видит – рядом с ним, и ей, и ее сыну будет, наконец-то, жить спокойно.

И она выбирает его. Ничуть не обманывая ни себя, ни Федора Михайловича.

Ибо на то Достоевский – великий «препаратор» человеческих душ, чтобы смочь догадаться: и у Исаевой тоже есть свои «подполья души», и лучше им

обоим в эти «подполья» не заглядывать, коли брак уже дело решенное...

Недавно довелось перечитывать в который раз одну из лучших книг Стефана Цвейга – «Мария Стюарт». Поразила сходная обреченность в беде, что и у Исаевой.

Исаеву не казнили на плахе. Удар топором – мгновение.

Ее же казнь длилась семь лет брака с Достоевским, не считая злорочия в сосуществовании с несчастным, слабым, покорным, упрямым и своевольным алкоголиком А.И. Исаевым.

Ее «казнь» длилась посмертно, чуть не в каждом новом произведении Федора Михайловича, вплоть до его кончины.

Причем был он одновременно палач самому себе, поскольку, будучи великим мучителем в любви, по самой своей природе – умел раскаиваться как никто и, сам себе, терзаясь, отпускал свои вины перед Марией Дмитриевной и разве что от этого испытывал наслаждение (раскаяние – есть наслаждение), потому что, похоже, после брака с ней мало какие наслаждения посещали его. Именно – с ней...

Очевидно, легенды могут «выжить», только оставаясь легендами.

Отсылаем читателя к названной книге Цвейга: «В каждом поколении ее (легенду – *авт.*) вновь пересказывают и вновь утверждают; точно неувядающее дерево дает она что ни год все новые ростки; рядом с этой высокой истиной лежит в небрежении бумажная труха исторических фактов, ибо то, что нашло себе однажды прекрасное воплощение,

живет и сохраняется в веках по праву всего прекрасного. И когда с годами, вместе со зрелостью, к нам приходит недоверие, и мы пытаемся за трогательной легендой нащупать истину, она представляется нам кощунственно трезвой, как стихотворение, пересказанное холодной, черствой прозой»... (Стефан Цвейг. Мария Стюарт. М., 1959. – С. 230).

Таким образом, в этой книге мы как бы оппонируем себе, таким, какие писали «Черного человека» и «Загадки провинции». Для нас это тоже был поединок с самими собой, ибо ничего нет печальнее тени, что ложится на абрис прекрасной легенды...

И мы еще раз ужасаемся бездонностью личности Достоевского, о котором, коли судьба позволит, попытаемся написать еще не один раз.

* * *

Эта книга была приурочена к 180-летию великого русского писателя Ф.М. Достоевского, который, как известно, вступил в брак в Кузнецке в 1857 году. 1990-е годы в краеведении прошли под знаком неослабного интереса к его фигуре. Тому доказательство – десятки статей, так или иначе касающихся «кузнецкого венца», завершившего бурный роман Достоевского и его первой жены Марии Дмитриевны Исаевой. На эту тему появилось также несколько книжек и специальный аннотированный указатель литературы «Кузнецк в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского».

Особенно знаменательным и богатым на события оказался 175-летний юбилей, когда после многих

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

препон и газетных «боев» удалось-таки довести до конца реставрацию Дома Достоевского в Новокузнецке и подготовить под сенью этого памятника истории образно-сюжетную экспозицию при помощи московских художников-макетчиков.

Равно избежали грозившего переименования Дома Достоевского в дом Исаевой, а то и хуже – «дом сапожника Соловьева», по имени фактического его владельца, что лишило бы музей литературно-мемориального статуса – зато все было бы «по науке», как уверяли доморощенные спецы от культуры – ведь «сам-то сочинитель там не жил».

Немалых трудов стоило краоведам и журналистам нейтрализовать попытки чиновников подчинить этот дом новокузнецкому городскому краеведческому музею.

Прошедшее недавно 180-летие отмечено, увы, куда скромнее. Отношение к памятникам истории в Новокузнецке оставляет желать лучшего. Видно, такова уж исконная традиция со времен, когда в Новокузнецке сгорел Народный Дом имени Пушкина и снесены были другие дома XVIII-XIX вв. на Базарной площади.

За период меж «торжествами» произошло огорчительное событие. В 1998 году при сверхстремительной реставрации Крепости, которая считалась символом города уже потому, что была видна из любой его точки, «сокрушили» церковный надвратный комплекс.

Напомним: этот памятник почти современен пребыванию Достоевского в Кузнецке и писатель не мог не впечатлиться его абрисом во время кратковременных

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

побывок здесь. На месте истребленного комплекса в Крепости выстроен сомнительный «павильон», напоминающий мечеть, где в большом ходу «балалаечная парадная культура», что вновь затмевает истинные культурные ценности. Это тоже печальная традиция - она, как обычно, возникает на руинах былого величия.

... А ведь, помимо всего прочего, в названной Надвратной церкви исповедовали и отпевали арестантов, и именно это роднило Кузнецкую Крепость с тем «Мертвым Домом», который так горько удалось узнать в Сибири Достоевскому. Разрушать то малое в Кузнецке, что было ему родственно - кощунственно...

Привял, похоже, интерес чиновников к Дому Достоевского и заботиться о нем перестали. Последний раз экспозиция музея радикальным образом «подновлялась» в 1996-м году. После чего практически никаких средств на закуп экспонатов новокузнецкие культурные власти не выделяли. Между тем, в интерьере музея очень и очень мало типологических предметов того времени, когда Достоевский бывал в Кузнецке в пору его знаменательного венчания.

Повторимся: трепетного отношения к былому в этом городе ожидать трудно. Снос останков кузнецкой крепостной церкви в 1998 году – надругательство над памятью того же ряда, что и разрушение Одигитриевского храма в 1929-м году – храма, в котором Достоевский как раз и венчался. Связь между подобными событиями – очевидна; она доказывает, что в нашем местечковом «феномене провинции» за почти что восемьдесят лет если что и изменилось – то, увы, не к лучшему...

Вместо предисловия, или... Оппонируя самим себе

Глава первая

ОБРАЗЫ

Не следует оценивать писателя по академическим меркам исторической науки. Историк решает научную задачу, писатель – художественно-нравственную. У каждого свои методы постижения одних и тех же событий. Историк хотел бы как можно точнее реконструировать прошлое, вскрыть закономерности, и потому так щепетилен в отношении фактов. Писатель же стремится к достоверности, прежде всего художественной, и сумма фактов, а также их проверка имеют для него меньшее значение...

Стефан Цвейг

Письма Достоевского и его сочинения – основные, «прямые» источники по истории «кузнецкого венца». Поэтому, прежде чем перейти к его отражению в публикациях исследователей только что минувшего XX века, – к тому, какие при этом возникали концепции, как они менялись, а также преломлялись на местном «краеведческом» уровне, – нужно пристально взглянуть в путь, что привел великого писателя и его избранницу к аналогу Одигитриевской церкви, и коснуться упомянутых «прямых источников» в нарочито беглом обзоре. Более подробный их анализ – во II томе нашей книги...

«Дядюшкин сон»

Это одно из первых сочинений Ф.М. Достоевского, в котором отражена «кузнецкая коллизия». Как писала еще в 1972г. достоевсковед Н.М. Перлина, замысел «Дядюшкиного сна» возник в Семипалатинске в 1855 году, когда Достоевский вознамерился написать «комический роман». Но – параллельно развивался его собственный роман въяве с Марией Дмитриевной Исаевой, причем бурно и тревожно.

Неожиданно овдовев в Кузнецке и, несмотря на доверительные и более чем нежные отношения с Достоевским, она сблизилась с красивым молодым учителем Николаем Борисовичем Вергуновым.

Возможно, у многих-иных – особенно после опубликования Л.Ф. Достоевской сенсационных подробностей о «любовном треугольнике» Достоевский-Исаева-Вергунов – связь Достоевского с Исаевой тоже могла вызвать усмешки.

Но была ли она столь уж «смехотворной» для самого Достоевского и для его возлюбленной, и, стало быть, получился ли вообще задуманный в ту пору «Дядюшкин сон», согласно чаяниям автора, именно «комичным», или, напротив, скорее щемительным...¹

«Комический роман»

«Комичность» задуманного, возможно, виделась Ф.М. Достоевскому потому, что «любовный треугольник», присутствующий в «Дядюшкином сне», намечается одновременно и в судьбе самого писателя. Но – только намечается. Над ситуацией еще можно подшучивать.

В своем романе (повести) Достоевский, как справедливо указывает Н.М. Перлина, изобразил старого «неудачного жениха», который «молодится» изо всех сил. «Таким образом, фигура князя (персонаж «Дядюшкиного сна», - *авт.*) в какой-то мере была для автора своеобразной «маской»: рассказывая об увлечении князя, Достоевский соотносил его, по-видимому, с собственным «запоздалым» романом с М.Д. Исаевой, высмеивая в лице своего героя себя...» – считает Н.М. Перлина.²

Впоследствии вторая жена писателя А.Г. Сниткина очень не любила этот роман, не скрывая, что ощущает желание Достоевского отождествить себя с героем «комического» повествования. Чрезвычайно ревниво относившаяся к прошлому супруга, юная А.Г. была на диво интуитивна и в «Дядюшкином сне» живо улавливала подспудную горечь, которой напитывался (не исключено, что сперва даже забавлявший автора) треугольник въяве.

Преображение комедии в трагедию

По мере того, как Достоевский всё более свыкался с мыслью, что его возлюбленная не порвала отношений с Н.Б. Вергуновым (который после кузнецкой свадьбы стремительно уезжает вслед за четой Достоевских в Семипалатинск), по мере того, как укрепляются подозрения писателя о продолжении их связи, задуманный «Дядюшкин сон» всё менее походит на «комичный роман» и трансформируется если не в трагедию, то в саркастический памфлет, - в нем Достоевский беспощадно разделяется со своим реальным соперником, причем в двух ипостасях – Мозглякова и учителя Васи (заметим особо – ведь и Вергунов был учителем!). Расправляется настолько круто, что Васю даже «умерщвляет», а Мозглякова ставит в самое подлое и жалкое положение.

Атмосфера в «жизненном» треугольнике накаляется. Всего через три месяца после венчания с М.Д. Исаевой Ф.М. Достоевский оставляет молодую жену, - а ведь он ее так отчаянно домогался! - и в конце мая 1857 года отправляется в отпуск в форпост Озерный «для излечения от застарелой падучей болезни».

Итак, Достоевский – за 16 верст от Семипалатинска, а Вергунов в Семипалатинске наедине с Исаевой.³

В форпосте Озерный

Именно вдали от этой пары Достоевский продолжает писать «Дядюшкин сон» об обманутом старом князе. Очевидно, - факты взаимосвязаны, о чем говорит некое обстоятельство.

Через несколько дней, после отъезда из города, где он покидает М.Д. Исаеву с соперником Вергуновым, Достоевский 1 июня сообщает в письме к Е.И. Якушкину о стремлении дописать «один роман», потому что «Другим же я ничем (литературным) не занимаюсь теперь, кроме этого романа, ибо сильно лежит к нему сердце».

Да и мог ли Достоевский в ту пору думать о чем-либо другом, как о том, что так прямо и больно его касалось...

Известно – душевные переживания действеннее всего сублимируются в творчестве. И писатель «препарирует» обидчика, равно и свое собственное двусмысленное положение в романе, который давно перестал быть комическим...⁴

«Отвращение к повести»

По мере того, как связь Исаевой с Вергуновым всё более удручала Достоевского, ему уже ненавистно само отражение «яви» в «Дядюшкином сне», что весьма прозрачно проглядывает в его письме к брату М.М. Достоевскому от 13 декабря 1858 г.: «Уведомил я тебя в октябре, что 8-го ноября непременно вышлю тебе повесть. Но вот уже декабрь, а моя повесть не кончена. Многие причины помешали. И болезненное состояние, и нерасположение духа и провинциальное отупение, а главное, отвращение от самой повести. Не нравится мне она, и грустно мне, что принужден вновь являться в публику так нехорошо. Грустнее всего то, что я принужден так являться».⁵

Заметим: «нерасположение духа», - ведь Вергунов переселился в Семипалатинск, а какие это

может иметь последствия – кто бы знал...

О «нехорошем явлении в публику»

Примечательно, что Достоевский считает, будто выход в свет «Дядюшкиного сна» – «нехорошее явление в публику». Не потому ли, что в повести отражена, - истинная или домысленная, - скандальная связь М. Исаевой с Вергуновым, о чем «бомонд», по крайней мере кузнецкий и семипалатинский, уже давно наслышан? Но что же Достоевского заставляет, а, вернее, даже принуждает, - о чем он пишет, подчеркивая, - так «нехорошо являться в публику»? Перворядно «смятение духа» - от него он пытается разрядиться в романе.

Но – не только. Возможно, писатель полагает, что расправа с «прелюбодеями» если не в жизни, то хотя бы в романе принесет ему некую сатисфакцию в глазах хоть и «поганого», но общества, которое он может презирать - но ему в нем жить. Отсюда и «принуждение»...

А была ли «нехорошость»?

Вполне вероятно, однако, что Достоевский сам осознает: дал волю подозрениям, не имея пока никаких улик, и все-таки расправился в повести, возможно, с не повинными Исаевой и Вергуновым только оттого, что последний «ринулся» из Кузнецка в Семипалатинск «вслед за обвенчанными Достоевскими», что могло быть истолковано как «сюжет» для сплетен.

Стало быть, и он, подстать местным кумушкам, тоже клеветает – а это и есть *нехорошее* дело. Но

тогда почему Достоевский *вынужден*, как он пишет, «нехорошест» обнародовать? Не как урок ли на будущее для М.Д. Исаевой, потому что если даже и прерваны её связи с Вергуновым – но ведь были же они, были? А при подозрительности Достоевского любая тень сомнения вырастает в повод к самому чительству и сведению счетов...

«Нарочитое выдумывание»

В том же письме Достоевского к брату - весьма любопытный акцент: «И для денег я должен *нарочно выдумывать* повести». Курсив – Достоевского. Следует ли понимать, что «Дядюшкин сон», о котором Достоевский сообщает – лишь нарочитая выдумка? Чтобы «потерзать» Марию Дмитриевну и её бывшего возлюбленного Вергунова, да еще получить гонорар - но ради денег можно было «выдумать» и другой сюжет, менее сходный с собственной ситуацией.

Думается, это странное «за деньги» – всего лишь камуфляж. То есть про себя писатель знает, - всё так, увы, как в далеко не смешном «комическом романе». Но Достоевский не хочет, чтобы брат, наверное, уже наслышанный о «треугольнике», потерял уважение к М.Д. Исаевой, ведь он этот брак никак не одобряет...⁶

«Понравился мне мой герой...»

Таким образом, завершение работы над «Дядюшкиным сном» оказалось совсем «невеселым» и уж никак не комическим. Что этому способствовало – реальные жизненные обстоятельства: связь Вергунова с Исаевой, - или всего лишь подозрительность

Достоевского, который не был так «свеж и красив», как Вергунов?

И получилось: «начав за здоровье, кончил за упокой». «Я шутя начал комедию, - сообщал Достоевский Майкову 18 января 1856 г., - и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дальше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман...».

Но восторженный и романтический период в отношениях с М.Д. Исаевой закончился. Куда быстрее, чем можно было ожидать. Автор не смеется над злоключениями князя, а, скорее, сокрушается. И повесть стала Достоевскому в тягость...⁷

Попытка разрыва

Символично, что «Дядюшкин сон» опубликован весной 1859г. То есть в ту самую пору, когда Достоевский собирался уезжать из Сибири. Роман увидел свет в марте, и тогда же Достоевский признался брату, что хотел бы выехать из Семипалатинска уже в апреле, но планам не суждено было сбыться «по случаю замедления отставки». Покидая «Семипроклитинск» - так он называл этот город, - Достоевский, конечно, надеялся на разрыв отношений между Исаевой и Вергуновым.

Завершение очередного жизненного витка (отъезд из Сибири) и окончательное избавление от соперника

должны бы совпасть по времени с ударом, который нанесен Вергунову в «Дядюшкином сне».

Однако - надежды оказались тщетны. Как свидетельствуют иные источники, связь М.Д. с Вергуновым длилась чуть ли не до её смерти, о чем – ниже, а «третий лишний» так «вращёт» в подсознание Достоевского, что станет как бы «кошмаром» писателя на протяжении всей жизни. Поскольку он - отнюдь не лишний, а – необходимый для Исаевой. Возможно, поэтому во многих романах Достоевского прослеживается тень мучительного любовного треугольника...⁸

Интерьер «Дядюшкиного сна»

Как справедливо указывает Н.М. Перлина, обстановка в доме Москалевых из «Дядюшкиного сна» близка к картинам П.А. Федотова. Сегодня на повестке дня – создание интерьера в Доме Достоевского в Новокузнецке (одно из музейных зданий – двухэтажный особняк XIX века). Поскольку предметов первой половины и середины столетия там чрезвычайно мало, при посещении залов не проникаешься чувством «погружения» в иной временной пласт, в обиталище давно отзвучавших событий.

Между тем, такое чувство обязано возникать. Без него невозможно передать посетителю то, что называется «ароматом времени», и говорить с ним на «языке минувших лет». А «Дядюшкин сон» – одно из наиболее близких к «кузнецкому венцу» произведений, и потому стоило бы задуматься над формированием обстановки в том ключе, какой указан Н.М. Перлиной (то есть по типу изображенного на

картинах Федотова, или, хотя бы, воспроизведенного в известном альбоме-каталоге «Убранство русского жилого интерьера XIX века», изданном в Ленинграде в 1977 году). Это было бы тем более уместно, что Достоевский с Федотовым был знаком лично.⁹

«Мое имя стоит миллиона...»

Как оценивал написанное в «Дядюшкином сне» сам Достоевский «спустя годы», и как относился к отраженному в романе «треугольнику»? Из письма М.П. Федорову выясняется, что уже в 1873 г. «единственной серьезной фигурой во всей повести» он считал старого князя (то есть - себя!).

Всё это очень «по-Достоевскому», которому, при его натуре, мятущейся и сомневающейся, свойственна была чрезвычайно высокая самооценка: «моё имя стоит миллиона» - его слова. Попутно он сообщает Федорову, что выступает против постановки такого «водевильчика» на сцене.

Понятно: ни Вергунова, ни Исаевой нет в живых, и высмеянный Достоевским «треугольник» как-то негоже подавать как комедию после кончины «главных обвиняемых»...

Впрочем, иные читатели (например, В.Д. Писарева) двадцать лет спустя по опубликовании «Дядюшкиного сна» все-таки «хохотали» – не подозревая, конечно, о щемительной подноготной «фарса»...¹⁰

«Замечательная невинность»

Из упомянутого послания Достоевского к Федорову от 19.09.1873г. узнаем также, что писатель считал «Дядюшкин сон» «вещичкой голубиноного незлобия и

замечательной невинности». Остается только догадываться, как на такую «незлобивость» реагировала М.Д. Исаева, человек довольно высокого интеллекта и весьма интуитивный, - уж она-то, конечно, вряд ли могла простить Достоевскому своё поруганное чувство к Вергунову, с которым Достоевский так лихо расправляется в отнюдь не смешном «комическом романе».¹¹

«Село Степанчиково и его обитатели»

Одновременно с «Дядюшкиным сном» писалось «Село Степанчиково и его обитатели». Достоевковед И.З. Серман в 1972г. подчеркивает, что любовь к М.Д. Исаевой (и, очевидно, подразумевающиеся бури вокруг пресловутого «треугольника»?) мешали Достоевскому заниматься литературным творчеством: «...длительная и драматическая по своему характеру любовь к будущей жене М.Д. Исаевой – всё это не давало Достоевскому сосредоточиться на выполнении своих обширных литературных планов».

Но, быть может, - наоборот; не из собственных ли жизненных коллизий, непременно участниками коих были и Исаева, и Вергунов, черпал Достоевский сюжеты для своих романов? И не послужила ли именно «драматичность» чувства Достоевского, поминаемая у И.З. Серман, залогом успеха, который снискали его сочинения на годы вперед?¹²

«Страстный элемент»

18 января 1856г. Достоевский поделился с А.Н. Майковым замыслом по созданию романа «со страстным

элементом». Из этого «плана», как известно, выкроились две крупные вещи: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково». В 1856г. Достоевский аттестовал будущее «детище» не иначе как «моим главным произведением».

Напомним, что мысли и взоры Достоевского прикованы к Кузнецку и обитающей там М.Д. Исаевой. Не отсюда ли уверенность, что задуманное вскоре осуществится, ведь питательная основа для пылкого вдохновения – налицо: любовная интрига с М.Д. Исаевой в самом разгаре. Но вот «страсти» улеглись, венчание состоялось и на смену эмоциональным бурям пришла проза жизни. Романтика оттеснена буднями, так что завершение рукописи оттягивается надолго.¹³

Охлаждение к М. Д. Исаевой

Психологически оно вполне вычислимо. Как уже сказано, в конце мая 1857 года Достоевский уезжает в Озерный форпост, оставляя жену в Семипалатинске на целых два месяца – и это когда со дня венчания не прошло и ста дней! Тогда же из Кузнецка в Семипалатинск, поближе к М.Д. Исаевой, как мы знаем, перебирается её бывший возлюбленный Н.Б. Вергунов, и злая молва его переезд толкует по своему (подробнее см. «Загадки провинции», 1996).

Похоже, именно потому, что поездка Вергунова в Семипалатинск была столь стремительной, в мае 1857г. Достоевский начинает лихорадочно писать «Село Степанчиково». Очевидно, по-прежнему спешит дать ответ «обществу поганому», которое донимает его сплетнями, и он мстит вольным или

невольным виновникам пересудов – М.Д. и её обожателю. В письме к Каткову 11 января 1858г. Достоевский пишет: «Но в мае месяца прошлого (т.е. 1857-го, - *авт.*) года я сел работать начисто», тогда же и было окончательно решено, что из «комического романа» выделяется «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково».

Однако, несмотря на желание поскорее закончить работу и вынести язвительный приговор былым или сегодняшним «обидчикам», эмоциональные всполохи гаснут, и рукопись вновь откладывается в долгий ящик.

Возможно, безмерная любовь к Исаевой, омраченная вероломством Вергунова, последовавшего за ней в Семипалатинск, сменяется охлаждением (побывка в форпосте Озерном) и все-таки стремлением как можно больнее расправиться с партнерами по тайной страсти, изобразив их гротесково и зло. Но «время лечит», отпуск в форпосте приводит нервы в порядок, и «страстный роман» откладывается в дальний угол до поры...¹⁴

«Мучительный» роман

Мы уже приводили собственные оценки Достоевского по поводу своего «семипалатинского» творчества, сделанные им в 70-е годы. Подумать только – «Дядюшкин сон» он уже называет «водевильчиком» и комедией!

А ведь «Дядюшкин сон» – часть именно того первоначального «страстного романа», куда входило также и «Село Степанчиково». События, переживаемые Достоевским в те поры столь бурны, а их

отражение столь прозрачно, что как-то не верится, будто бы он всерьез считал произведения тех лет легковесными.

Достоевский лукавил. Действительность была иной. Из письма Достоевского к брату от 18 января 1858г.: «Роман мой... оставлю до времени. Не могу кончать на срок! Он только измучил бы меня. Он уж и так меня измучил. Оставляю его до того времени, когда будет спокойствие в моей жизни и оседлость. Этот роман мне так дорог, так сросся со мною, что я ни за что не брошу его окончательно... Слишком хороша идея и слишком много он мне стоил, чтобы бросить его совсем».¹⁵

Звучит искренне: роман въяве не просто измучил Достоевского – его отражение «на письме» действительно «слишком много ему стоило», ведь пришлось вновь и вновь пережить уже единожды выстраданное...

Почему – «мучительный»?

Итак, задуманное повествование (точнее, две его составные части, в том числе «Село Степанчиково») Достоевского «измучило», потому что в жизни его «нет спокойствия». И зачем именно в разгар творческого подъема Достоевский на два месяца удаляется от молодой жены в далекий форпост «лечиться»? Да и странное это «лечение». Эпилепсия – болезнь «нервическая». Достоевский же в Озерном только тем и занимается, что, создавая своих «героев», ворошит не зажившие душевные раны. Отсюда, видимо, и то, что роман «много мне стоил».

Но он же не окончен, да и задумывался как комедийный, легкий. Однако, если учесть, что смеялся

Достоевский прежде всего над собой (старый, обманутый князь в «Дядюшкином сне!»), то всё станет на свои места. О себе писать с иронией мучительно.

А вот - если приоткрыть завесу над тайнами треугольника, причем самому, на глазах у всё понимающих «мордасовских кумушек», да притом в форме, которая всеми (кроме прямых, тогда еще живых прототипов) должна восприниматься как нечто вроде водевиля – иное дело.

Если «водевильчик», значит – это не обо мне, не обо мне, такая, знаете ли, ухмылка судьбы...¹⁶

«Уничтоженный» роман

И.З. Серман привлекает внимание читателей Сочинений Достоевского к примечательному месту из письма Ф.М. брату от 9 октября 1859г., в котором говорится, что «роман тот уже уничтожен». Очевидно, речь идет не о романе, а только о новой литературной задумке, проекте, - но Достоевский с какого-то времени по непонятной причине считает его неосуществимым.

Обратим внимание на дату: 1859-й - судя по всему, последний год, когда М.Д. Исаева виделась с Н.Б. Вергуновым в Семипалатинске, хотя бытовала версия, что Вергунов сопровождал её из Семипалатинска до Твери – и всё это происходило (если происходило!) тоже в 1859 году.

План, стало быть, мог родиться в семипалатинскую пору. И диктовался отношениями Исаевой, Вергунова и Достоевского. Но вот соперник устранен окончательно и на жену Достоевского больше

посягать не станет, - по крайней мере, именно так думает писатель. Замысел рушится, поскольку – бесполезен. К чему воевать с «теньями», если они уже не опасны?¹⁷

Но – «уничтоженный» ли?

Впрочем, И.З. Серман полагает, что идея романа-исповеди, рожденная в семипалатинскую пору, по-прежнему существует, несмотря на утверждения Достоевского, что, де, с этим планом покончено. В подкрепление такого вывода приводятся письма, из коих следует, что намерение сочинить истинно «страстный роман» не реализовано. Про «страстный элемент» Достоевский писал еще в 1856-1857гг., и, значит, он продолжает «болеть» старой темой, навеянной именно коллизиями любовного треугольника?

Серман считает, что сюжетной линией будущего романа-исповеди Достоевского должна стать любовная история с М.Д. Исаевой. Но ведь она немислима без третьего персонажа – Вергунова. И, стало быть, даже после отъезда из Семипалатинска Достоевский все равно живет реалиями той поры, когда «треугольник» существовал въяве!

Смеем предположить, что «запал», полученный в Кузнецке и Семипалатинске, Достоевский будет чувствовать до конца дней – не оттого ли тема «треугольника» прослеживается почти во всех его крупных произведениях? И.З.Серман, по крайней мере, не отрицает, что «страстный элемент» (категория семипалатинской и кузнецкой поры!) вошел в замысел «Униженных и оскорбленных», с чем нельзя не согласиться. Пережив в Кузнецке и Семипалатинске

истинно пламенное чувство с крайне болезненными симптомами, Достоевский, однако же, будет анализировать и описывать его проявления отнюдь не только в «Униженных и оскорбленных»...¹⁸

«Униженные и оскорбленные»

И.З. Серман находит, что в «Униженных и оскорбленных» «писатель вместил такое количество автобиографического материала, какого ранее он никогда еще не предлагал вниманию читателя».

Однако вывод И.З. Серман, возможно, и ошибочный: автор не оговаривается или почти не оговаривается, где именно и на какой странице – подлинный сколок собственной жизни, а где – «выдуманый».

Думается, вся проза Достоевского в той или иной мере – отражение истинных событий, насколько это возможно в художественном произведении. Вряд ли до «Униженных и оскорбленных» Достоевский больше «сочинял», чем высказывал сокровенное – неужели менее автобиографичен «Дядюшкин сон»? Или – «Село Степанчиково»? На волне наибольших душевных потрясений, вызванных и «Мертвым Домом», и страстью к Исаевой, и соперничеством с Вергуновым, – творчество Достоевского не могло быть «придуманным», «воображенным»...¹⁹

«Преображенные эпизоды»

И.З. Серман, ссылаясь на выводы достоевсковеда А.С. Долинина, считает, что в «Униженных и оскорбленных» Достоевский описал свои отношения с М.Д. Исаевой: «Центральный образ «Униженных

и оскорбленных», «неудавшийся литератор» Иван Петрович, как бы синтезирует две эпохи жизни самого Ф.М. Достоевского: факты литературной деятельности, мытарств и тягостей писательства, выпадающие на долю Ивана Петровича, взяты из воспоминаний Достоевского о его литературной молодости, история же отношений Ивана Петровича и Наташи, и его самоотверженной любви, по мнению А.С. Долинина, в той или иной мере в преображенном виде воспроизводит эпизоды отношений между Достоевским и его будущей женой Марией Дмитриевной».

Остается загадкой, в какой именно мере воспроизводилась Достоевским «на письме» тончайшая паутина связей и связочек, соединявших Ф.М. с М.Д. Ведь они никогда не были «ровными» друг к другу, и Исаева начала 1856г. вызывает в Достоевском совсем другие ощущения, нежели три месяца спустя после венчания. Нельзя не отметить также, что Исаева к моменту создания «Униженных и оскорбленных» еще жива, и Достоевский, следовательно, не может её «препарировать» в открытую, и всячески вуалирует свои действительные чувства к ней, дабы читатели не догадались, «кто есть кто» в его романе...²⁰

В глубинах подсознания

И.З. Серман подмечает некоторые черты сходства между «Белыми ночами» и «Униженными и оскорбленными»: «По психологическому рисунку отношения между Иваном Петровичем, Наташей и Алешей близки к отношениям Мечтателя, Настеньки и её возлюбленного в «Белых ночах»...». Иными словами –

«треугольник» описывался Достоевским не только после коллизии Исаева-Вергунов-Достоевский, но и задолго до того, то есть в 40-е годы.

Не означает ли это, что «тройственность» в любовных отношениях - некая «идея-фикс» Достоевского, и что не память о Вергунове с Исаевой повлекли за собой череду подобных же персонажей в его романах, а, напротив, сам «кузнецкий венец», мучительный и странный, возник как следствие своеобразных представлений Достоевского о любви и ревности вообще. Поскольку «идея треугольника» гнездилась в его подсознании еще в 40-е годы, Достоевский попытался «проиграть» означенный сценарий в жизни уже в годы 50-е, причем набрался столь жгучих впечатлений, что ему хватило их на десяток книг, вплоть до его кончины...²¹

Странные совпадения

Мы уже подмечали, что Достоевский принимался за реализацию намеченных литературных планов (либо возобновлял таковые) именно в тот момент, когда контакты с М.Д. Исаевой претерпевали явный кризис.

Вспомним: к «Дядюшкиному сну» он приступает вплотную в конце мая 1857г., отправляясь для «лечения» в форпосте Озерном – на самом деле, возможно, выказывая великодушие (не желает мешать продолжению романа Исаевой с Вергуновым), либо в порыве гнева – вот уж кого он не чаял видеть рядом с ней, так это кузнецкого соперника! И в «Дядюшкином сне» расправляется с Вергуновым, выставив перед всем светом личностью ничтожной. Аналогичная история с

«Униженными и оскорбленными».

Известно, что в «Сибирскую тетрадь», давно законченную, Достоевский 6 сентября 1860г. вносит запись: «Еheu. Отъезд М(аши) 6 сентябр(я) 1860». Имеется ввиду отъезд Исаевой в Москву после увлечения Достоевского А.И. Шуберт. Промелькнувшее латинское слово переводится как «Увы!». Стало быть, отношения с Исаевой в очередном тупике. То, что это «Увы!» находим в «Сибирской тетради» – вполне оправдано. Достоевский пользовался ею, когда работал над «Записками из Мертвого Дома», а как раз сразу же после отъезда Исаевой в Москву промелькнуло сообщение, что публикация очередной части этого произведения откладывается.

10 сентября 1860г. (на четвертый день после отбытия М.Д.!) Достоевский сообщает А.П. Милюкову, что «приступает к писанию» «Униженных и оскорбленных», где – отражение связи с Исаевой и «любовного треугольника». История с «Дядюшкиным сном» фатально повторилась. Отсутствие Исаевой, либо видимое охлаждение меж ними подвигают Достоевского вести с нею диалог «романно», и он тут же берется за перо...²²

Еще одно совпадение

В 1864г., в апреле, М.Д. Исаева скончалась. Как справедливо отмечает достоевсковед Е.И. Кийко (1973), в феврале 1864г. Достоевский признается, что начатые им «Записки из подполья» не пишутся и оправдывает творческое бессилие собственными недомоганиями и болезнью жены. Очевидно, он еще

не знает наверняка, что М.Д. Исаева умрет, но, наблюдая, как она мучается, сочувствует ей, так что отношения их, хотя и с оговорками, нельзя назвать «разрывными».

Но вот в марте 1864г. Достоевский информирован точно: Исаева «не дотянет даже до Пасхи». Роковыми прогнозами он делится с М.М. Достоевским 20 марта 1864г. и попутно сообщает: «Сел за работу, за повесть», то есть – за «Записки из подполья», где явно прослеживается его драматическая связь с Исаевой, причем уже накануне её смерти писатель докладывает брату, что «пишет с жаром» (письмо от 2 апреля 1864г.). Иными словами: ситуация пограничная, такая же, как в мае 1857г. или в сентябре 1860г., когда предполагаемая измена супруги с Вергуновым послужила импульсом для создания «Дядюшкиного сна», или когда отъезд М.Д. в Москву (то есть фактический разрыв, пусть даже временный) тотчас же простимулировал начало работы над «Униженными и оскорбленными». Но на этот раз ситуация драматичнее: Исаева обречена и Достоевский наблюдает за её постепенным угасанием. Именно в тот момент она, по одной из версий, рассказывает мужу о любви к Вергунову. И Достоевский вновь берется за перо. Так рождаются «Записки из подполья», в коих опять-таки обнаруживаем, в едва завуалированной форме, отголоски взаимомучительства, свойственного роману с Исаевой, и следы треугольника...²³

Образы других женщин

Разные исследователи в разное время подчеркивали, что «увлечения» Достоевского другими

женщинами (А.И. Шуберт, А.П. Сусловой, А.В. Корвин-Круковской) также находили отражение в его творчестве. Так, Е.И. Кийко отмечает «драматичность» этих душевных всполохов. И, поскольку подобные отношения неизменно заканчивались разрывом, нельзя не задаться вопросом: зачем Достоевскому нужно было отображать в романах «жизненные» неуспехи? Возможно, причина в том, что Достоевский, прекрасно знавший терзания ревности (связь Исаевой с Вергуновым на многое ему открыла глаза), описывая собственные новые «коллизии», как бы сводит счеты с «жестокой» и «коварной» (по определению Л.Ф. Достоевской) М.Д. Исаевой. Даже после её смерти он продолжает фиксировать «на письме» не только сцены её измены, но и свои – ей: знай же, и я, и я – тоже...²⁴

Предсмертное «признание»

Не исключен и иной вариант. По распространенной версии, Исаева накануне смерти винится перед Достоевским в измене с учителем Вергуновым.

Но, может, ничего подобного не было, и отъезд Вергунова в Семипалатинск вслед за Достоевскими – лишь совпадение? Достоевский же, всю жизнь, начиная с 40-х годов, обуянный идеей «любовных треугольников» (о чем читаем уже в «Белых ночах»!) эмоционально вполне готов к тому, что его «романные» ситуации и сценарии воплощаются будто бы въяве, как данность. «Аргумент» – Вергунов – налицо. Связь Исаевой с ним еще по Кузнецку неоспорима.

Исаева же, зная о «романтических всплесках» Достоевского с Шуберт, Корвин-Круковской и Сусловой,

или догадываясь о них, щадить его не собирается. И перед кончиной её «признание» – возможно, не более чем отмщение оскорбленной женщины: да, любила Вергунова, тайком и страстно любила...

«Преступление и наказание»

Но вот М.Д. Исаева – ушла из жизни. Первое наиболее крупное сочинение Достоевского после её смерти – «Преступление и наказание». Достоевсковед Г.М. Фридендер полагал, что персонаж этого романа Катерина Ивановна во многом списана с М.Д. Исаевой: «В Катерине Ивановне, насколько можно судить, сложным образом совмещены отдельные черты М.Д. Достоевской – первой жены писателя – и подруги П.Н. Горского, Марфы Браун, и т.д.»²⁵

Исследовательница Г.Ф. Коган конкретизирует данные, сообщаемые Фридендером. У Достоевского есть некий пассаж: «И осталась она... в уезде далеком и зверском, где и я находился, и осталась в такой нищете безнадежной...». Г.Ф. Коган видит в этих строках «Обстоятельства, сходные с эпизодами биографии М.Д. Исаевой и Достоевского (Мы можем добавить еще щемящие подробности: Катерина Ивановна, в доказательство своего «приличного происхождения», рассказывает, как в юности танцевала «па де шаль». Но из биографии М.Д. Исаевой мы знаем, что на выпускном балу в пансионе она именно «па де шаль» и танцевала, о чем, конечно же, много рассказывала Достоевскому, - *авт.*). После смерти первого мужа М.Д. Исаева осталась «заброшенная на край света», «без куска хлеба», «одна с малолетним сыном, в отдаленном захолустье Сибири, без призора

и без помощи» (из писем Достоевского к М.М. Достоевскому, 13 января, 24 марта, 22 декабря 1856г.)».²⁶

Ныне в Кузбассе, впрочем, «седая старина» времен Достоевского чуть ли не идеализируется и поминается в сусально-позолоченных тонах, а восприятие Кузнецка Достоевским сильно приукрашивается (см., в частности, брошюру «Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского», изданную в 1995г.). Как это, однако, контрастирует с мнением самого Достоевского, отраженным не только в письмах. «Далекий и зверский уезд» – не его ли это оценка сибирской «тьму-таракани» и способа обитания в ней местных обывателей?...

«Женщина души самой возвышенной и восторженной...»

Г.Ф. Коган подмечает еще одну особенность, которая роднит образ Катерины Ивановны с почившей М.Д. Исаевой: «Она справедливости ищет... Она чистая. Она так верит, что во всем справедливость должна быть... как ребенок!» - и комментирует процитированное место так: «Сравни с этой характеристикой Катерины Ивановны высказывания Достоевского о М.Д. Исаевой в записи 1870-х годов: «... была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне своей восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова, - да! – и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок»...» (Г.Ф. Коган при цитировании ссылается на работу В.В. Тимофеевой, опубликованную еще в 1904 году).

Однако, слышать из уст Достоевского о «чистоте» Исаевой как будто бы странно, учитывая его же,

Достоевского, мнения о личности М.Д., сообщенные его второй жене и дочери. Возможно, - «на публике» и при создании романа, но отнюдь не в «доверительных» разговорах с А.Г. - Достоевский думает о приличиях и, стараясь подчеркнуть своё сугубо щепетильное представление о нравственности вообще, следует известной поговорке: «О мертвых – либо хорошо, либо ничего».²⁷

«У одра болезни»

Ссылаясь на мнение второй жены Достоевского, Г.Ф. Коган подметила еще одну черту сходства М.Д. Исаевой с персонажем Катерины Ивановны из «Преступления и наказания». Поводом для небольшого комментария Г.Ф. Коган стало такое место в романе: «Беспокойный бред охватывал её более и более» (имеется ввиду «чахоточная» кончина Катерины Ивановны и её болезненно-припадочные мучения). А.Г. Достоевская писала: «Сцену смерти чахоточной Федор Михайлович мог наблюдать у одра болезни его первой жены Марии Дмитриевны», причем Г.Ф. Коган уточняет, что облик Исаевой, «по мнению А.Г. Достоевской, повлиял на создание образа Катерины Ивановны».

Подобный вывод в своё время был сделан и другим пытливым исследователем – Л.П. Гроссманом. Тема жизни и смерти в «Преступлении и наказании» – сквозная (уход из жизни Катерины Ивановны, убийство старухи-процентщицы, и раздумья Раскольникова о таком).

Очевидно, мысли о смерти Достоевского не покидают, и навеяны они, скорее всего, недавней кончиной Исаевой и его брата Михаила.²⁸

«Князь Христос»

Отголоски «кузнецкого венца» отыскиваем в романе Достоевского «Идиот». В подготовительных материалах к нему находим место, озаглавленное «Князь Христос»: «Н(астасью) Ф(илипповну) слишком ободряет, что Князь ни слова не говорит о свадьбе. Она бежала 3 недели назад из-под венца к Лебедеву, в Петербург, к свояченице. Лебедев и представил её Князю. Н(астасья) Ф(илипповна) настаивает, чтоб Князь женился на Аглае. Осведомляется когда. Лихорадочно разузнает у Лебедева. Припадки. Н(астасья) Ф(илипповна) кутила в Москве, больна».²⁹

Как видим, сценарий вполне «жизненный»: невеста бежит чуть ли не из под венца к Князю. Князь же – как бы сквозной персонаж, с которым ассоциировал себя Достоевский еще в пору, когда писал «Дядюшкин сон». И вновь - «треугольник». Больная и неуравновешенная женщина - Исаева в образе Настасьи Филипповны. Поминаются и болезненные «припадки», под знаком коих прошло сосуществование Достоевского и Исаевой. Параллель между «Идиотом» и реальными коллизиями Достоевского, думается, более чем вероятна, - она очевидна.

Но почему – «Христос»?

Однако вот что странно. «Князь», как уже было сказано, у Достоевского – персонаж сквозной, автобиографичный. Но почему в подготовительных материалах он обозначен не иначе, как «Князь Христос»? Неужели Достоевский сам себя считал

богоизбранным? Конечно, в недавнюю пору такая мысль показалась бы крамольной, видимо, потому что Достоевский И.А. Битюгова комментирует этот момент осторожно. На ее взгляд, формула «Князь Христос» появилась у Достоевского именно в связи с кончиной Исаевой: «9 и 10-13 апреля н.ст. появилась запись: «Князь Христос»... Эта очень важная для Достоевского формула имеет свою предисторию. Еще 16 апреля 1864г. под свежим впечатлением от смерти первой жены, раскрывая своё понимание заповеди возлюбить человека, «как самого себя», Достоевский писал: «... высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего Я, - это как бы уничтожить это Я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно». В этих словах писатель сформулировал свой высший нравственный идеал, наиболее полное воплощение которого было доступно, с его точки зрения, одному Христу».³⁰

Свой идеал...

Вспомним мнение Л.Н. Толстого, что, де, нельзя же «возводить в святые» человека, который весь – есть борьба. Достоевский и прожил свою жизнь в попытке преодоления своего вседозволяющего Я.

Все это – оттуда, из Сибирской провинции, где Личность, Я – все. Но ощущение это пришло после долгих лет в «Мертвом доме», где Я, Личность – ничто. Тем ценнее новое обретение себя как центра собственного внутреннего мира. А «подспудный бес» нашептывает – «все можешь, все дозволено».

Но в Достоевском навеки зарубка: человек слаб, подневолен, принуждаем. И как же может быть все

дозволено в отношении к «униженным и оскорбленным»! Отсюда – идеал: Князь Христос. Тот, кто превозмог Личность-все, принесся себя в жертву Личности-ничто.

Тождество Христа

Возможно, всё, написанное И.А. Битюговой, - истая правда, и эту «формулу» надо понимать так: Князь (прототип коего – сам Достоевский) стремится быть лучше, чище и выше, хоть немного стараясь приблизиться к нравственному идеалу.

Однако такая трактовка обтекаема, и не следует ли её принимать буквально, как тождество: «Князь есть Христос», то есть существо, которому понятны законы бытия, к чему, собственно, Достоевский и стремился, сочиняя глубоко психологические романы? Потрясает и другая деталь. Большая часть той страницы, на коей Достоевский «отождествил» своего любимого героя (т.е. зеркальное отражение самого себя), оказалась «занята пробами пера», причем Достоевский каллиграфически на ней вывел: «Воззвал из глубины». Если считать это дословным переводом с латинского «de profundis», которое читается по усопшим и означает, что всяк смертный грешен и взывает к небесам из глубины своей грешной сути, то не получается ли, что, потеряв Марию Дмитриевну, Достоевский как бы отпевает и самого себя, многогрешного...³¹

О «богоравности» Достоевского

Допустим, что Достоевский считал себя богоравным (Личность – все). И предположим, что мнение

И.А. Битюговой верно, и что в самом деле такие мысли Достоевского (или подобные им) подкреплялись эмоциями, коим он был подвержен в момент смерти Исаевой. Однако сцена ухода Исаевой прекрасна, только будучи отраженной в романах Достоевского и в его письмах...

Иные же источники трактуют предсмертное прощание с ней иначе, поскольку она призналась Достоевскому в «грехе», то есть в связи с Вергуновым; причем так, чтобы Достоевскому стало возможно больнее, что и вызвало впоследствии презрение и даже ненависть к ней – если можно ненавидеть посмертно – ближайших к Достоевскому людей – А.Г. и Л.Ф. Достоевских.

Именно в день кончины Исаевой Достоевский, вероятно, острее всего ощутил постоянную внутреннюю борьбу и пытался пересилить отголоски «Мертвого дома», чтобы уподобиться Христу, и уверовать в свое противостояние злу настолько, что вернулся к этому чувству-выводу спустя три года, перед публикацией «Идиота».

Не забудем, тем не менее: он - обманутый муж и «преодолеть» свое Я было бы нелегко любому в его положении, тем более речь идет об «Обманутом муже» калибра Достоевского (такая вот тавтология!), с его верой в собственную гениальность...

Впрочем, кто сказал, что он считал себя богоравным? Он *хотел стать таким*, постоянно разрываясь между стремлением достичь нравственного идеала и невозможностью побороть свое могучее Я, свою наипервейше ценную Личность. И у гроба М.Д., надо полагать, острее, чем когда-либо, осознал двойственность своего Я.

«Вечный муж»

Тема «обманутого мужа» и любовного «треугольника» обыгрывается также в «Вечном муже». После смерти Исаевой проходит пять лет, а Достоевский ещё переживает – верит, что измена была, вернее, сам себя уверяет, что была. Да и никто не скажет теперь, как все происходило в действительности. Достоевскому же, прекрасно сознающему вину перед Исаевой, «выгоднее», чтобы она оказалась ему неверна, так легче найти оправдание для многих собственных неблагоприятностей. В письме Страхову от 18 марта 1869г. Достоевский сообщал, как отмечает исследователь-достоевсковед И.З. Серман, что замысел повести возник «пять лет назад» – то есть сразу же после кончины Исаевой.³²

Свое детище Достоевский не любил: «Я возненавидел эту мерзкую повесть с самого начала». Немудрено. Легко ли писать по плану, построенному на самоунижении...³³

«Наши сибирские мучения...»

И.З. Серман полагает, что «В работе над «Вечным мужем» Достоевский воспользовался для исходной ситуации своими старыми, сибирскими воспоминаниями». А ведь именно с Сибирью связаны самые болезненные моменты в его биографии. Комментируя повесть, исследователь цитирует послание Врангеля к Достоевскому от 25 октября 1859г., в котором тот напоминает Ф.М. о его обещании изобразить «наши сибирские мучения». Комментатор предполагает, что Врангель имел ввиду свой роман с Е.И.

Гернгросс, а не историю с женитьбой Достоевского.

Связь Врангеля с Гернгросс И.З. Серман проследивает весьма подробно. Однако линии Достоевский-Исаева как бы не замечает: ведь тогда придется затронуть и историю с Вергуновым, а это бросает тень на Достоевского, что в советскую пору могло расцениваться как некорректное вмешательство в «личную жизнь гения»...³⁴

Но смеем думать, – чтобы взяться за повесть, хотя она ему «ненавистна», писатель должен быть обуреваем преимущественно личными переживаниями, и вряд ли увлечение Врангеля Е. Гернгросс впечатляло его в ту пору больше, чем его собственные смятения (оба романа въяве разворачиваются в одно время, как бы параллельно)...

Павел Александрович

Не «замечая» почему-то М.Д. Исаеву в числе прототипов героев повести, И.З. Серман относит к ним пасынка Достоевского, Павла Александровича (Александр Лобов): «Прототипом Александра Лобова, счастливого соперника Трусоцкого в борьбе за руку и сердце Нади, послужил, по словам А.Г. Достоевской, пасынок писателя Павел Александрович Исаев, или Паша, как обычно называл его Достоевский в письмах».

Однако странно: сам себя Достоевский в «Вечном муже» - «изобразил», пасынка – тоже, многие сибирские впечатления «всплыли», а память об Исаевой, к которой и были обращены все помыслы его в Сибири, начиная с 1855г., как бы обошел стороной. Не удивительно ли?

Впрочем, допускаем, что некоторых моментов биографии Достоевского еще совсем недавно не велено было касаться. К таковым, конечно, относился и роман жены Достоевского с учителем Вергуновым. И хоть всякому мало-мальски осведомленному (знакомому с книгами А.Г. Достоевской и её дочери) читателю ясно, что именно кроется под излюбленными сюжетами Ф.М. об «обманутых мужьях», писать об этом открыто, похоже, по негласным правилам, не полагалось...³⁵

Обманутые мужья

И.З. Серман в упомянутых комментариях к «Вечному мужу» «запретной темы» не касается. Однако об «обманутых мужьях» повествует убедительно, с привлечением множества библиографических источников. Так, литературовед сообщает, что «Теме переживаний обманутого мужа был посвящен ранний рассказ Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью»... Но в то время Достоевский, следуя господствующей литературной традиции, изобразил фигуру обманутого мужа в полуводевильном, комическом освещении. В повести же «Вечный муж», возвращаясь к некоторым приемам своих ранних петербургских повестей... Достоевский дает новый, сложный и неожиданный поворот развития темы, благодаря чему напрашивается принципиальное переосмысление традиционного комического типа».

Похоже, ссылки на сочинения Достоевского периода 40-х годов, в коих тоже писалось о семейных «неурядицах», призваны были опровергнуть предположения, что обманутым мужем Достоевский

изобразил в повести себя. И коли таковым он стал только в 50-е годы, после венчания с Исаевой, то обращения к «опасной» теме десятью годами ранее как бы его обеляют: «отбивание жены» – излюбленный литературный прием, который прослеживается почти во всех его крупных сочинениях. И, значит, вовсе не Исаева имеется в виду. Но комментатор сам же и разбивает этот опять-таки подразумевающийся и читаемый меж строк довод, показывая, как разнятся истории с «обманутыми мужьями», описанные Достоевским в раннюю пору, от соответствующих сюжетов более поздних лет.

В 40-е годы Достоевский еще смеется над «рогоносцем», привнося в написанное комедийный элемент. Но после того, как пережита измена Исаевой, всё меняется: комедия превращается в трагедию, где ставка – жизнь...³⁶

Метод умолчания

Таким образом, еще в недавние поры очень важно было подчеркнуть, причем эффектно и аргументированно, что в образах «рогоносцев», столь часто мелькающих в романах Достоевского, нет ничего автобиографичного. Старательно избегали даже намеков на то, о чем открыто писала Л.Ф. Достоевская. Её концепция действительного и литературного жития-бытия Достоевского негласно, но последовательно контраргументировалась. Чтобы увести любознательного читателя от опасного сходства с истиной, без труда выдающего Достоевского в образах обманутых супругов, придумывались различные маневры.

Например, И.З. Серман в комментарии весьма пространно рассуждает, откуда именно Достоевский мог почерпнуть интимные подробности и так дотошно исследовать психологию «рогоносца», обращаясь к так называемым «вечным типам мировой литературы». Об «оскорбленных мужьях» писали Мольер («Школа жен», «Школа мужей»), Поль де Кок («Жена, муж и любовник»), Флобер («Госпожа Бовари»), И.С. Тургенев («Провинциалка»). И начитавшись подобных произведений, Ф.М. Достоевский якобы заразился «скользкой» темой настолько, что стал следовать ей чуть не во всех своих романах...³⁷

Как уже было сказано, велика должна быть ослепленность штампами восприятия, чтобы не увидеть горестную нить, что тянется от «человека с черным крепом на шляпе», прямиком убегающую в события конца 50-х годов...

Не сотвори себе кумира

Факты биографии Ф.М. Достоевского, поведенные его дочерью в известной книге, игнорировать трудно. Нельзя перечеркивать личный опыт Достоевского только на том основании, что он подчас весьма непрельстительно выглядит. Забота о «нравственном» и тактичном толковании жизни и творчества писателя не должна сочетаться с замалчиванием, либо с искажением истины.

И коли сам Достоевский придавал известным сюжетам столь исключительное значение, что они у него кочевали из романа в роман, стало быть, нужно детально исследовать то, что за ними стояло – иначе

невозможно будет понять ни его психологию, ни причины, которые подвигали его публиковаться. Тайное и сокровенное – еще не значит стыдное...

В советские годы «кумиров» было не бог весть сколько, а среди сочинителей – и вовсе единицы. Тех, кто попадал в школьные учебники, канонизировали. В их числе оказался и Достоевский. Его канонизация – явление противоречивое. С одной стороны, она способствовала появлению довольно подробно аннотированного Полного Собрания Сочинений и - открытию музеев Достоевского. С другой – «культ» мешал исследователям, и многое (очень многое!) освещалось необъективно...

«Пытается зарезать... бритвой...»

Также, как в «Идиоте», в «Вечном муже» Достоевский опять возвращается к теме жизни и смерти. Если учесть, что и в «Преступлении и наказании» это «сквозной» мотив – нельзя не задуматься: чем он был «простимулирован» и почему интерес к нему так устойчив? «Рогожин, побратавшийся с Мышкиным, - пишет И.З. Серман, - пытается его убить. Трусоцкий, недавно обнимавшийся и целовавшийся с Вельчаниновым, даже поцеловавший ему руку, пытается зарезать его бритвой».

Что же удивляться? Всякий «человек – есть тайна». «Братание» Достоевского с Вергуновым тоже не прошло бесследно. Князь Мышкин и Рогожин поступают также, но Рогожин убивает Настасью Филипповну – объект общей их любви.

У Достоевского же что ни роман – то очередная «казнь» Вергунова. Но возможно и другое: кончина

Исаевой настолько врезалась в память Достоевского, что он только о «загробном» и думает.

«Memento mori», вкупе с обидами «обманутого мужа» – тот логический мостик, который связывает его до конца дней со столь бурным и грозно-насыщенным периодом его биографии, что прошел под знаком Исаевой...³⁸

«Тверской» пассаж

И.З. Серман в комментарии к «Вечному мужу» обращает внимание на подготовительные материалы, в которых поминается Тверь и якобы развернувшиеся в ней «пикантные события»: «Трусоцкий в первый приход к Вельчанинову рассказывает о беременности жены «8 лет назад в Твери», когда Вельчанинов оттуда уехал, и о своей дочери, в действительности дочери Вельчанинова. Далее действие должно было развиваться очень быстро. Трусоцкий говорит Вельчанинову о другом любовнике своей жены (здесь она названа Анной Ивановной), умершем только что, и об оставленных ею письмах, из которых он узнал об изменах и о настоящем отце её дочери».

И.З. Серман считает, что в приведенном плане «описана хронология событий жизни автора в Твери в 1859г.» и что «Приурочение событий, составляющих предысторию взаимоотношений мужа и любовника к этому городу, очевидно, было вызвано желанием Достоевского сделать менее явной «сибирскую» фактическую её основу – историю Врангеля и Х».

Полагаем, однако, что как раз в жизни самого Достоевского сложилась вполне определенная

коллизия, сильно напоминая ту, что отображена в плане. Притом, ведь существовала версия, что Вергунов негласно сопровождал Достоевских по дороге именно в Тверь, и что он тайком встречался на станциях с Исаевой, в чем она призналась мужу перед смертью.

Вероятно, история с «беременностью в Твери» из «Вечного мужа» могла быть сколком с «чужой» яви, и И.З. Серман, перенося «скандальный» акцент с любовным треугольником на Врангеля с Е. Гернгросс (обозначена как X), уводит нас от главной версии, построенной на фактах биографии Достоевского.

Более того – Врангель с Гернгросс никогда не встречался в Твери, и чтобы ассоциировать литературный замысел Достоевского с этой парой, И.З. Серман пришлось «подправить» географическую составляющую. Тогда как узел, связавший М.Д. Исаеву, Вергунова и Достоевского, возникает, возможно, как раз по дороге в Тверь. Таким образом, оберегая репутацию Достоевского, комментатор в очередной раз уводит любознательного и пытливого читателя в сторону, то и дело предлагая ему «не те» версии, «не тех» прототипов и «не ту» географию, замалчивая уже давно вошедшие в обиход трактовки романтических (и не вовсе!) событий...³⁹

Удивительно, но почти не уделено внимания Трусоцкому, вполне очевидному воплощению первого мужа Исаевой, уничижительно поминаемому в «Преступлении и наказании» в образе Мармеладова (как же надо было его презирать, чтобы наделить такой фамилией!). Трусоцкий – человек с черным крепом на шляпе, фамилия которого явно

происходит от слова «трус».

Мы पुще всего не любим тех, кому причинили зло. Достоевский Александра Ивановича Исаева, скорее всего, именно, презирал. Не только за алкоголизм, а и оттого, что сделал его «рогоносцем» – причинил ему зло. И в романе «Вечный муж» сводит, наконец, счеты и с ним. Этаким трусоватым несостоявшийся убийца, который хочет умертвить Вельчанинова, и чуть не с бритвой в руке пугается и делает вид, что «всего лишь искал урыльник»...

«Бесы»

В литературе о Достоевском не раз подмечалось, что писатель очень часто давал персонажам имена прототипов. Если иметь ввиду собственно венчание Достоевского с Исаевой, по сути дела, «уведенной» у Вергунова, нельзя не обратить внимание на одно любопытное место в главе «У Тихона», которая в окончательный вариант «Бесов» не включена. Оно касается бракосочетания Марьи Лебядкиной. Причем жених вчуже радуется, что ему удалось «отбить» невесту у Николая Ставрогина. Под Марьей Лебядкиной довольно прозрачно проглядывает Мария Исаева, под женихом – Достоевский, а Николай Ставрогин ассоциируется с Николаем Вергуновым.

Удивляют не только прямые аналогии описанной сцены с «кузнецким венцом», но и то, что имена героев оказались теми же самыми, что и «в жизни». Итак, - дословно: «Я уже с год назад помышлял застрелиться; представилось нечто получше. Раз, смотря на хромого Марью Тимофеевну Лебядкину, прислуживавшую отчасти в углах, тогда еще не помешанную, но просто

восторженную идиотку, без ума влюбленную в меня втайне (о чем выследили наши), я решился вдруг на ней жениться. Мысль о браке Ставрогина с таким последним существом шевелила мои нервы. Безобразнее нельзя было вообразить ничего. Но не берусь решить, входила ли в мою решимость хоть бессознательно (разумеется, бессознательно!) злоба на низкую трусость, овладевшая мною... право, не думаю; но во всяком случае я обвенчался не из-за одного только «пари на вино после пьяного обеда»...».

Считал ли Достоевский в тайне души Исаеву «восторженной идиоткой, без ума влюбленную в меня», «помешанной», больной и «последним существом»? Не знаем. В письмах Достоевского она рисуется человеком утонченным, обладающей «к тому же, рыцарской душой», а любовь к ней, судя опять же по письмам – была так сильна, что: «без неё с ума сойду, или – в Иртыш».

Но – покошунствуем. Не может ли быть - всё это «для публики», для друзей и знакомых. Что именно думал Достоевский об Исаевой на самом деле – ведь неведомо никому. Особенно – после её гипотетического признания в связи с Вергуновым. Во всяком случае, сцена с венчанием на «полупомешанной идиотке», к тому же отбиваемой у соперника, да еще с сохранением имён из действительной жизненной коллизии, потрясает своей грубостью, и нельзя не задаться вопросом: не для второй ли жены Достоевский вставил подобный пассаж в роман, дабы та не ревновала к памяти М.Д. Исаевой?⁴⁰

«Ее слова драгоценнее всего...»

А то, что вторая жена ревновала к памяти первой, вред ли подлежит сомнению. Иначе – не отзывалась

бы о М.Д. Исаевой до неприличия некорректно. И не ради мира и лада ли с Анной Григорьевной, уже в самом начале совместной жизни, Достоевский вставляет в свои сочинения весьма двусмысленные места. Одно из них – в тексте романа «Бесы». Цитируется диалог о некоем венчании:

«- Нет, она меня «любит и уважает», её слова. Её слова драгоценнее всего.

- В этом нет сомнения.

- Но знайте, что если она будет стоять у самого налота под венцом, а вы её кликнете, то она бросит меня и всех и пойдет к вам.

- Из-под венца?

- И после венца.

- Не ошибаетесь ли?

- Нет. Из-под непрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь и... безумие... самая искренняя и безмерная любовь и – безумие! Напротив, из-за любви, которую она ко мне чувствует, тоже искренно, каждое мгновение сверкает ненависть, - самая великая! Я бы никогда не мог вообразить прежде все эти... метаморфозы...».⁴¹

Итак, женщина под венцом испытывает два вида любви сразу к двум мужчинам. В обоих случаях – любовь-ненависть. Точнее, в одном – ненависть-любовь, а в другом – любовь-ненависть, если судить по цитированному выше диалогу. Стало быть, Исаева (подразумеваться могла именно она) – любила и Достоевского, и Вергунова, но по-разному, потому что была «безумна» – и как это переключается с тем куском из главы «У Тихона», не вошедшей в «Бесы»,

который мы уже приводили...

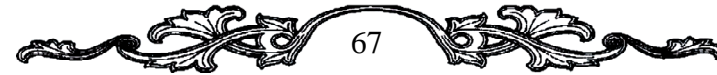
«Не могу же я вести ее к алтарю подлецом?...»

Как правило, изучая личность Достоевского и взаимосвязь его биографии с творчеством, исследователи останавливаются лишь на отражении реальных жизненных коллизий в поступках героев романов и повестей. Между тем, на наш взгляд, куда важнее выявить прямо противоположное: попытаться реконструировать психологию Достоевского и мотивы его действий по его же романам.

Кузнецкий пассаж настолько парадоксален и так трудно поддается «расшифровке», что не прибегнуть к анализу сходных мест в его сочинениях невозможно. В тех же «Бесах» – словесный поединок двух соперников, они оспаривают друг у друга право вести их общую избранницу к алтарю.

Вот что говорит один из них: «Если бы вы хотели взять моё место у аналая, то могли это сделать безо всякого позволения с моей стороны, и мне, конечно, нечего было приходить к вам с безумием. Тем более, что и свадьба наша после теперешнего моего шага уже невозможна. Не могу же я вести её к алтарю подлецом? То, что я делаю здесь, и то, что я передаю её вам, может быть, непримиримейшему её врагу, на мой взгляд, такая подлость, которую я, разумеется, не перенесу никогда».

И далее – про то, что, возможно застрелится, если женщина достанется другому - это так напоминает чувства к Исаевой: «Или с ума сойду, или в Иртыш», что и самому Достоевскому должно было многие годы спустя казаться безумием.⁴²

Притом, что в Кузнецке, в Одигитриевской церкви, он все еще опасался, что Исаева раздумает и Вергунов-шафер уведет ее из-под венца. Отсюда – эпизод с бегством Настасьи Филипповны во время венчания, отсюда и оставшаяся навсегда «зарубка» в подсознании Достоевского, о чем узнаем из «Воспоминаний» А.Г. Достоевской (см. ниже)...

Марья Шатова и Марья Исаева

В тех же «Бесах» находим очередной аналог по жизненной коллизии. Марья Шатова, возможно, тоже в чем-то списана с Марии Исаевой (а повторение действительных имен прототипов, перенесенных на персонажи, как уже сказано, практиковалось Достоевским постоянно). Марья Шатова – «угасает» точно также, как Исаева: «Но легкомысленная, наивная и простодушная прежняя энергия, столь ему знакомая, сменилась в ней угрюмою раздражительностью, разочарованием, как бы цинизмом, к которому она еще не привыкла и которым сама тяготилась. Но главное, она была больна, это разглядел он ясно».

О том, как ведет себя безнадежно больная женщина, о её капризах, Достоевский рассказывал своей второй супруге. Время, когда Исаева «уходила», в память Достоевского врезалось надолго. Хотя бы потому, что «угрюмость, раздражительность и разочарование», вызванные приступами опасного недуга, как бы «оправдывали» увлечения писателя «на стороне» в его глазах, о чем интуитивная Мария Дмитриевна, конечно, догадывалась...⁴³

В другой главе опять – про «угасание Мари»: «она не привыкла к этому ужасному климату... Она горда, оттого и не жалуется. Но раздражена, раздражена! Это болезнь: и ангел в болезни станет раздражителен. Какой сухой, горячий, должно быть, лоб, как темно под глазами и... как, однако, прекрасен этот овал лица и эти пышные волосы...».⁴⁴

Наконец, в одном из последних эпизодов прикованная к постели Marie (Мари) ругает Николая Ставрогина: «Губы её задрожали, она крепилась, но вдруг приподнялась и, засверкав глазами, проговорила:

- Николай Ставрогин подлец!»⁴⁵

Итак, «Мария» называет «Николая» подлецом. Следует ли из этого, что Мария Исаева, предчувствовав кончину, ругала подобным образом Николай Вергунова? И не в этот ли момент она призналась Достоевскому, что была предана Вергунову и после кузнецкого венца? Или Ф.М. хотелось в ту пору услышать из уст М.Д. именно такую аттестацию бывшему сопернику, да не услышал, и теперь хоть на бумаге воображает реванш. Загадка...

«Подросток»

Следы «кузнецкой коллизии» пытаемся обнаружить в еще одном романе Достоевского – «Подросток». Кстати, почему в названии – «тема детства»? И откуда Достоевскому знать о терзаниях, связанных с «трудным возрастом»? Напрашивается параллель: герой, от лица коего и ведется повествование – возможно, Павел Исаев, пасынок Достоевского. Более близких к Достоевскому

«подростков» попросту не было. Черты матери Павла, Марии Дмитриевны, вероятно, присущи образу некой Катерины Николаевны, которая аттестуется как «болезненная девушка... страдавшая расстройством груди, и говорят, чрезвычайной красоты, а вместе с тем и фантастичности. Приданого у ней не было...». «Расстройство груди» – это, конечно, туберкулез, коим страдала М. Исаева, о красоте же её говорят снимки той поры, а про ее «фантастичность» Достоевский не раз сообщал в письмах.⁴⁶

Версиров

Конечно, можно обнаружить и другие параллели. Взять хотя бы образ Версирова - он сильно напоминает в чем-то первого мужа М.Д. Исаевой, злосчастного Александра Ивановича: «Это был титулярный советник, лет уже сорока, очень рябой, очень бедный, обремененный больной в чахотке женой и больным ребенком; характера чрезвычайно сообщительного и смиренного, впрочем, довольно и деликатный».

Чахоточная жена? Бедность? Ребенок? Всё это – как бы «один к одному», про А.И. Исаева. Других знакомых Достоевского, так близко соответствующих всем подмеченным характеристикам, пожалуй, не сыскать...⁴⁷

В своих письмах к А.Е. Врангелю Ф.М. именно так определяет покойного Александра Ивановича – натура деликатная, довольно хорошо образован, но слаб характером, отчего и алкоголизм, и социальное падение.

Чахоточные

Впрочем, было бы натяжкой видеть во всех «чахоточных» персонажах романов Достоевского Исаеву. Хотя симптомы этого недуга, иногда довольно подробно описываемые им, он, конечно, имел возможность изучить более всего на примере своей первой жены, так что «автобиографичность», или некоторая степень её, в таких случаях присутствует. В том же «Подростке» поминается, например, «чахоточная чиновница, может быть, и добрая, но, как все чахоточные, чрезвычайно капризная». А о «капризах» М.Д. Исаевой, особенно в последней стадии её болезни, Достоевский не знать не мог и, более того, рассказывал о них А.Г. Достоевской...⁴⁸

Фотография

Ныне известны два фотоснимка М.Д. Исаевой. Красивое и гордое лицо с трагическим взглядом, величественная стать. Достоевский хранил ее портреты как память, очевидно, они были ему дороги, так что упоминания о фотографиях в его романах, наверное, могли заинтересовать и насторожить исследователей.

В «Подростке» находим соответствующее место. Речь идет о фото больной девушки, - её расположения добивались сразу два претендента. Она умерла от чахотки и аттестуется писателем как сумасшедшая и идиотка, не достойная ревности, поскольку - «не женщина». Как это напоминает, однако, аналогичную характеристику, примененную Достоевским в «Бесах» к Марье Лебядкиной, - она

тоже обозначается не иначе, как «помешанная идиотка», и как объект нежной привязанности для соперников.

Такое явно демонстрируемое «словесное» неуважение к «чахоточной идиотке», кочующее из романа в роман, не может не удивить. Вероятно, Достоевский всячески пытается обуздать ревность второй жены к памяти первой и поэтому выставляет М.Д. Исаеву в самом невыгодном для неё свете. И так, - вот упомянутая «щекотливость» из «Подростка»:

«Он взял со стола и мне подал. Это тоже была фотография, несравненно меньшего размера, в тоненьком, овальном, деревянном ободочке – лицо девушки, худое и чахоточное, и, при всем том, прекрасное; задумчивое и в то же время до странности лишенное мысли. Черты правильные, выхоленного поколениями типа, но оставляющие болезненное впечатление: похоже было на то, что существом этим вдруг овладела какая-то неподвижная мысль, мучительная именно тем, что была ему не под силу.

- Это... это – та девушка, на которой вы хотели там жениться и которая умерла в чахотке... её падчерица? – проговорил я несколько робко.

- Да, хотел жениться, умерла в чахотке, её падчерица. Я знал, что ты знаешь... все эти сплетни. Впрочем, кроме сплетен, ты тут ничего и не мог бы узнать. Оставь портрет, мой друг, это бедная сумасшедшая и ничего больше.

- Совсем сумасшедшая?

- Или идиотка; впрочем, я думаю, что и сумасшедшая. У неё был ребенок от князя Сергея Петровича (по сумасшествию, а не по любви; это – один из

подлейших поступков князя Сергея Петровича); ребенок теперь здесь, в той комнате, и я давно хотел тебе показать его. Князь Сергей Петрович не смел сюда приходить и смотреть на ребенка; это был мой с ним уговор еще за границей. Я взял его к себе, с позволения твоей мамы. С позволения твоей мамы хотел тогда и жениться на этой... несчастной...

- Разве такое позволение возможно? – промолвил я с горячностью.

- О да! она мне позволила: ревнует к женищинам, а это была не женищина»⁴⁹

Итак, на «сумасшедшую» имеют виды два претендента. У чахоточной от одного из них сын. Воспитывает его не истинный родитель. Но ведь сказанное повторяет «один к одному» жизнь Исаевой и её сына Павла, который тоже – при приемном отце, то есть – при Достоевском. Что ж, ревность А.Г. Достоевской должна быть удовлетворена. Соперница повержена, причем посмертно, обозвана «не женщиной» и «сумасшедшей»...

«Бедная идиотка»

Но если персонаж, производный от Исаевой - «бедная идиотка», и герой о том догадывался накануне венчания, то в чем, собственно, причины столь странной свадьбы? В романе приводится объяснение: была любовь к другой женщине. Сильное чувство переросло в ненависть. И дабы увериться, что на самом деле ненавидит, - внезапно женится на чахоточной «бедной идиотке».

Читаем соответствующее место из «Подростка»: «... В самой полной уверенности, что он не только уже не любит её (то есть Катерину Николаевну! – авт.), но

даже в высшей степени ненавидит... он до того повел своей к ней ненависти, что даже вдруг задумал влюбиться и жениться на её падчерице, обманутой князем, совершенно уверил себя в своей новой любви и неотразимо влюбил в себя бедную идиотку, доставив ей эту любовь в последние месяцы её жизни совершенное счастье».

Возможно, правда, и иное толкование «кузнецкого венца», если только именно он отражен в «Подростке». Не исключено, что под «Князем» Достоевский подразумевает самого себя (ведь он не раз ассоциировался с «Князем», - у него это как бы «сквозная» линия во многих произведениях, - например, задуманных и написанных еще в сибирскую пору). Коварный же соблазнитель, «осчастлививший» чахоточную – Вергунов. Однако в любом случае выбор в качестве прототипа несчастной М.Д. со столь незавидными аттестациями уже после её смерти вызывает сожаление и потому хочется подчеркнуть сугубую предположительность подобных версий...⁵⁰

«Братья Карамазовы»

И, наконец, в «Братьях Карамазовых» тоже подмечаем отдаленные следы коллизии Ф.М. и М.Д. Г.М. Фридлиндер в примечаниях к роману указывает «на возможное отражение» в характере персонажа повести Ракитина психологических черт «воспитателя пасынка Достоевского П.А. Исаева», и полагает, что «В Катерине Ивановне можно усмотреть некоторые черты сходства с первой женой писателя – М.Д. Исаевой», и, таким образом, мостик к «кузнецкому периоду» становится очевиден.⁵¹

В нашей книге «Загадки провинции: «кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов» (1996) отдельная глава посвящена также доказательствам существования еще одного «мостика» с венчанием Достоевского. М.Д. Исаева несколько лет провела в захолустном городе, где и обвенчалась с Достоевским. А поблизости от него около четверти века в лесу проживал монах Зосима, который является одним из возможных прототипов одноименного героя в «Братьях Карамазовых». О подвигах Зосимы могла поведать Достоевскому именно М.Д. Исаева (см. ниже), поскольку в пору её пребывания в Кузнецке живы были люди, близко знавшие отшельника и даже писавшие о нем (И.С. Конюхов, например)...⁵²

Юродивая

В «реальном комментарии» к «Братьям Карамазовым» Е.И. Кийко сообщает об истории юродивой по прозвищу «дурочка Аграфена» – возможном прототипе Лизаветы Смердящей в «Братьях Карамазовых». В своих воспоминаниях А.М. Достоевский писал: «В деревне у нас была дурочка, не принадлежавшая ни к какой семье; она всё время проводила, шляясь по полям... Говорила она мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминает постоянно о ребенке, похороненном на кладбище. Она, кажется, была дурочка от рождения и, несмотря на подобное обстоятельство, претерпела над собою насилие и сделалась матерью ребенка, который вскоре и умер».

Трудно сказать, была ли «дурочка Аграфена» прообразом Лизаветы Смердящей. Но с более ранними произведениями Достоевского, в коих поминается чахоточная «восторженная идиотка», подобный образ не связан. Хотя и М.Д. Исаева, и «дурочка Аграфена» имели по ребенку, - на этом их сходство заканчивается.

Конечно, нелестные эпитеты в адрес упомянутой выше героини «Подростка», или Марьи Лебядкиной из «Бесов», относились не к Аграфене, а к М.Д. Исаевой. «Смердящая Аграфена» никак не могла быть объектом привязанности достаточно «утонченного», хотя и «испорченного» Князя.⁵³

«Маша лежит на столе»

Итак, мы попытались контурно очертить круг версий, связывающих сочинения Достоевского со знаменательным пиком его биографии. «Кузнецкий венец» – это частная жизнь писателя. Поэтому, с одной стороны, он должен быть крайне осмотрительным, вводя в свои произведения «сколки с реальности», с другой – напротив: литературная форма – прекрасный камуфляж, и то, что нельзя сказать в письмах к близким знакомым, смело отражается в творчестве – ибо любой сюжет легко объявить выдумкой. Понятно, что записные книжки и переписка Достоевского – куда «осторожнее» его же романов, адресованных широкой публике. Что не означает, конечно, будто как источник они менее ценны.

Напротив – по прочтении эпистолярного и «дневникового» наследия Достоевского загадка венчальных

коллизий становится еще более интригующей. Так, запись от 16 апреля 1864г. начинается словами: «Маша лежит на столе». Исаева скончалась, и Достоевский старается подытожить содеянное им и ею на том жизненном витке, который их соединил.

Читаем: «Женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от всех (мало остается для всех). Семейство, то есть закон природы, но всё-таки ненормальное, эгоистичное в полном смысле состояние от человека». Что означает такая пометка в день смерти жены? Что жить надо не ради семьи, а для Общества? М.Д. Исаева, надо думать, с подобным подходом вряд ли бы согласилась. И тогда – конфликт интересов? Несовпадение взглядов? Возможно...⁵⁴

Любовь-жертва, любовь-идеал

В той же книжке – еще одно прелюбопытное место, помеченное той же «роковой» датой: «Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил любовь в жертву своего Я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. Итак, человек непрерывно должен чувствовать страдание, которое уравнивается райским наслаждением исполнения закона, то есть жертвой».

Что это? Своего рода признание, что ни М.Д. Исаева, ни Ф.М. Достоевский не приносили себя в жертву «закону», т. е. воздержанию, а предавались любви, и что их связь была грешной, и не приводила к усладительному раскаянию после испытанных терзаний?

Могла ли М.Д. Исаева согласиться с подобным тезисом?

Ведь если верно то, о чем писал Достоевский в день смерти М.Д., как бы обвиняя ее, что она не способна была на «жертву», после того как заставила страдать любимого человека, - то когда «Маша лежит на столе» и Ф.М. сожалеет о своих винах, в том числе и о преданном «грозном чувстве», он что - счастлив?⁵⁵

«Философские размышления о личном бессмертии...»

Т.И. Орнатская и К.А. Кумпан так прокомментировали размышления о кончине М.Д. Исаевой в записных книжках Достоевского: «Эти записи связаны со смертью М.Д. Достоевской (она умерла от туберкулеза 15 апреля 1864г.). В последние годы жизни жены отношение Достоевского к ней изменилось: прежнее страстное чувство уступило место заботливости и состраданию. Любовь к А.П. Суловой, пережитая Достоевским в эти годы, не вытеснила из его сердца глубокой привязанности к «самой честнейшей, самой благороднейшей и великодушной женщине». После её смерти в жизни его «стало больно и пусто...» (см. письмо к А.Е.Врангелю от 31 марта 1865г.). Раздумья о смерти жены переросли у Достоевского в философские размышления о личном бессмертии, о противоборстве в душе человеческой эгоизма и самопожертвования, о возможности будущей мировой гармонии и о непрерывной связи человека с теми, кто жил до него, и кто придет ему на смену» (далее следуют ссылки на работы Л.М.

Розенблум). Из написанного однозначно следует, что «в последние годы» Достоевский Исаеву если и любит, то не «страстно», не так, как раньше, и это чувство в его сердце совмещается с «любовью к А.П. Сусловой».

Чуть утрируя, получается, что «двоемужество» М.Д. Исаевой соседствует с «двоеженством» Ф.М. Достоевского. Сначала Исаева «мучила» Достоевского, а потом – он её. А поскольку страдание и мучительство, по мысли Достоевского, приводят в любви к наслаждению раскаяния, нельзя не задаться вопросом: кто именно «наслаждался» – Исаева, испытывавшая муки ревности, или Достоевский, получивший отказ А.П. Сусловой и ощущавший неуют души в общении с М.Д...⁵⁶

Тверь не забыта

По распространенной версии, Вергунов сопровождал Исаеву по дороге из Семипалатинска в Тверь и тайком встречался с нею по ночам на станциях, и Исаева перед смертью рассказала о том Достоевскому. Неудивительно поэтому, что злосчастная Тверь весьма двусмысленно обыгрывается в его сочинениях, но самое интересное – поминается она и в записной книжке, в словах, навеянных кончиной Исаевой. Читаем – наполовину по-французски: «Станция Тверь, profession de foi» (исполнение обета поступать согласно вере, убеждению), что переводится: «Это больше чем преступление, это ошибка».

Т.И. Орнатская и К.А. Кумпан комментируют эту запись так: «Возможно, что заметка эта связана по смыслу с размышлениями Достоевского по поводу смерти М.Д. Достоевской», с чем не согласиться нельзя, ибо она датирована следующим днем после конца Исаевой.

Тверь же ассоциируется, несомненно, с Вергуновым. И не отсюда ли «охлаждение в последние годы» между Достоевским и Исаевой, о котором говорят Т.И. Орнатская и К.А. Кумпан? Поскольку Исаева уличена в неверности – Достоевский считает себя свободным, поэтому возникает роман с А.П. Сусловой. Однако как же понимать написанное – что содеянное Исаевой «больше чем преступление»? В чем Исаева «ошиблась» – в том, что предпочла Вергунова Достоевскому?

Но разве не права она как женщина, предвидя, возможно, будущие «вспышки чувств» Достоевского? Да и когда узнал Достоевский об изменах Исаевой – перед уходом её из жизни! Но тогда страсть к Сусловой – отнюдь не ответ на признание в неверности. И если Исаева призналась в «тверском пассаже» в момент, когда она больна и раздражена, и желает наказать Достоевского за его собственные увлечения «на стороне», то не могла ли быть «тверская» история всего лишь выдумкой, призванной заставить Достоевского остепениться и не порочить еще живую жену в глазах часто меняющихся его возлюбленных?⁵⁷

Загадочное «увы»

Таким образом, понятие «грозное чувство» приобретает какой-то особо мрачный оттенок. Неприятный осадок, возникающий по прочтении многих «автобиографических» документов, еще в большей степени ощущается после скрупулезных разысканий уже упомянутого выше достоевскооведа Т.И. Орнатской.

Изучая записи личного характера, принадлежащие перу Достоевского, она сделала примечательное открытие, в частности, касающееся и «кузнецкого венца».

Она первая возвестила о расшифровке отдельных мест из «Сибирской тетради» Достоевского, предваряемых таинственным словом “Еheu”, которое на латыни означает “увы!”. Иные исследователи до Т.И. Орнатской читали его как “Елен”, “Елеи” и даже как “Елец”, однако трудно было понять, какая связь между “Елей” или “Елец” и Марией Дмитриевной Исаевой.

Точный и правильный перевод придал пометкам Достоевского роковой смысл: означенным выражением он пользовался, только когда его отношения с Исаевой претерпевали кризис. Оно, пожалуй, стало знаковым для их романа в целом. Судя по всему – фатально неудавшегося романа, коли он так усиленно перечеркивался стараниями А.Г., да и Ф.М. Достоевского (а позже и Л.Ф. Достоевской), несмотря на то, что писатель всячески стремится достичь “нравственного начала”, и не забывал отзываться о М.Д. Исаевой после её кончины если не восторженно, то – уважительно.

Но это – «для публики», в личных письмах.

Ибо, что значит «добиться» нравственного начала? Прежде всего, преодолеть некие не нравственные препоны, то есть претерпевать внутреннюю борьбу (он весь – борьба, – считал Л.Н. Толстой) с самим собой.

Итак, Ф.М. стремился к раскаянию. И, значит, вполне сознавал свои прегрешения перед М.Д.; а теперь, когда ее уже нет, не искал ли он «наслаждения в раскаянии»? Так что подспудно, как уже сказано, в душе его и сознании шла война с памятью умершей Исаевой, и роковое “увы!” не было, наверное, забыто и после её смерти...⁵⁸

Примечания к первой главе

¹ (с. 28) – *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. – Т. 2. – Л.: Наука, 1972. – С. 510.

² (с. 28) – Там же. – С.511, 513.

³ (с. 29) – *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т.: 1821-1881 / Сост. И. Д. Якубович и Т. И. Орнатская; Под ред. Н.Ф. Будановой, Г.М. Фридлендера. – Спб.: Гуманитарное агентство “Академпроект”, 1993. – Т. 1: 1821-1864. – С. 238.*

⁴ (с. 30) – *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. – Т. 28. – Кн. 1. – Л.: Наука, 1985. – С. 280-281.

⁵ (с. 30) – Там же. – С. 319.

⁶ (с. 32) – Там же.

⁷ (с. 33) – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. – Т. 2. – Л.: Наука, 1972. – С. 510.

⁸ (с. 34) – *Кулиникова М., Тогулев В.* Загадки провинции: “кузнецкая орбита” Федора Достоевского в документах сибирских архивов. – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996. – С. 68.

⁹ (с. 35) – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. – Т. 2. – Л.: Наука, 1972. – С. 514.

¹⁰ (с. 35) – Там же. – Т. 29. – Кн. 1. – Л.: Наука, 1986. – С. 303-304; Т. 2. – Л.: Наука, 1972. – С. 515.

¹¹ (с. 36) – Там же. – Т. 29. – Кн. 1. – Л.: Наука, 1986. – С. 303-304.

¹² (с. 36) – Там же. – Т. 3. – Л.: Наука, 1972. – С. 490.

¹³ (с. 37) – Там же.

¹⁴ (с. 38) – Там же. – С. 492.

¹⁵ (с. 39) – Там же.

¹⁶ (с. 40) – Там же.

¹⁷ (с. 41) – Там же. – С. 493.

¹⁸ (с. 42) – Там же. – С. 494-495.

¹⁹ (с. 42) – Там же. – С. 522.

²⁰ (с. 43) – Там же.

²¹ (с. 44) – Там же. – С. 523.

²² (с. 45) – *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. В 3 т.: 1821- 1881 / Сост. И. Д. Якубович и Т. И. Орнатская; Под ред. Н. Ф. Будановой, Г. М. Фридлендера. – Спб.: Гуманитарное агентство “Академпроект”, 1993. – Т. 1: 1821-1864. – С. 336.*

²³ (с. 46) – *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. – Т.5. – Л.: Наука, 1973. – С. 375.

²⁴ (с. 47) – Там же. – С. 350.

²⁵ (с. 48) – Там же. – Т. 7. – Л.: Наука, 1973. – С. 334.

²⁶ (с. 49) – Там же. – С. 364.

- 27 (с. 50) - Там же. - С. 386.
 28 (с. 50) - Там же. - С. 393.
 29 (с. 51) - Там же. - Т. 9. - Л.: Наука, 1974. - С. 246.
 30 (с. 52) - Там же. - С. 365.
 31 (с. 53) - Там же. - С. 241.
 32 (с. 55) - Там же. - С. 471.
 33 (с. 55) - Там же. - С. 472.
 34 (с. 56) - Там же. - С. 474.
 35 (с. 57) - Там же. - С. 476.
 36 (с. 58) - Там же.
 37 (с. 59) - Там же. - С. 477-478.
 38 (с. 61) - Там же. - С. 479.
 39 (с. 62) - Там же. - С. 480-481.
 40 (с. 64) - Там же. - Т. 11. - Л.: Наука, 1974. - С. 20.
 41 (с. 65) - Там же. - Т. 10. - Л.: Наука, 1974. - С. 296.
 42 (с. 67) - Там же. - С. 296-297.
 43 (с. 67) - Там же. - С. 435.
 44 (с. 68) - Там же. - С. 440.
 45 (с. 68) - Там же. - С. 453.
 46 (с. 69) - Там же. - Т. 13. - Л.: Наука, 1975. - С. 56.
 47 (с. 69) - Там же. - С. 164.
 48 (с. 70) - Там же. - С. 226.
 49 (с. 72) - Там же. - С. 370-371.
 50 (с. 73) - Там же. - С. 385.
 51 (с. 73) - Там же. - Т. 15. - Л.: Наука, 1976. - С. 457. В указатель имён в ПСС (Т. 29. - С. 207) вкралась опечатка: имя М. Д. Достоевской фигурирует не на 451-й, а на 457-й странице 15-го тома. Эта же опечатка воспроизведена на странице 7-й в издании: Кузнецк в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. Аннотированный указатель литературы. - Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996.
 52 (с. 74) - Подробнее: Кулиникова М., Тогулев В. Загадки провинции: "кузнецкая орбита" Федора Достоевского в документах сибирских архивов. - Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996. - С. 101-121.
 53 (с. 75) - *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. - Т. 15. - Л.: Наука, 1976. - С. 541.
 54 (с. 76) - Там же. - Т. 20. - Л.: Наука, 1980. - С. 173.
 55 (с. 77) - Там же. - С. 175.
 56 (с. 78) - Там же. - С. 363.
 57 (с. 79) - Там же. - С. 366.
 58 (с. 80) - Там же. - Т. 27. - Л.: Наука, 1984. - С. 355; *Орнатская Т.И.* Уточнения и дополнения к Комментарию Полного собрания сочинений Достоевского: "Сибирская тетрадь" // Достоевский: Материалы и исследования. - Л.: Наука, 1983. - Т. 5. - С. 222-225.

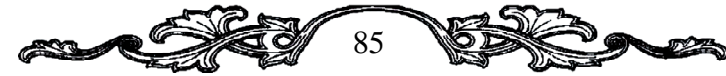
Глава вторая

ПИСЬМА

Исключительный человек инстинктивно ищет исключительной судьбы. В природе его необычайного характера – потребность жить героически, или, как говорил Ницше, «опасно»; такой человек в силу присущих ему огромных притязаний насильственно вызывает мир на их удовлетворение. Таков гениальный характер, в конечном счете невиноватый в своих страданиях, ибо ниспослание ему этих испытаний огнем мистически требует полной отдачи всех внутренних сил: словно буря – чайку, могучая судьба поднимает его все выше и выше...

Стефан Цвейг

«Будь я слезлив, я бы плакал...»

Особо подчеркивая мучительность романа Достоевский-Исаева-Вергунов, мы, возможно, ошибаемся. Потому что вся жизнь писателя до момента, когда он стал благопристойным мужем своей молодой второй супруги, состояла из аналогичных «треугольников»: отношения Достоевский-Сулова-Исаева, Достоевский-Шуберт-Исаева, или Достоевский-Исаева-Корвин-Круковская были не менее мучительны. А до Вергунова был еще треугольник Исаева-Исаев-Достоевский. И пусть все они – «второстепенны» и менее «скандалезны», чем с Вергуновым, но всё равно – они были. Связь Исаева-Исаев-Достоевский (возникшая еще в Семипалатинске) – для нас особо примечательна, ибо показывает, что и «вергуновский» пассаж возник не на пустом месте, а был лишь отражением подсознательного желания Ф.М. стать участником некоей групповой связи. Уже первое сохранившееся письмо Достоевского к Исаевой (а в равной мере и к А.И. Исаеву) доказывает это со всей очевидностью.

Читаем: «Надеюсь, что Вы и Александр Иванович позволите мне называть вас обоих именем друзей. Ведь друзьями же мы были здесь, надеюсь, ими и останемся. Неужели разлука нас переменит? Нет, судя по тому, как мне тяжело без вас, моих милых друзей, я сужу и по силе моей привязанности... Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить своё сердце. Вы же приняли меня как родного. Я припоминаю, что я у Вас был как у себя дома. Александр

Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставил я Вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня. Ведь я это понимаю и чувствую, ведь не без сердца ж я... Одним словом, я не мог не привязаться к Вашему дому всею душою, как к родному месту. Я вас обоих никогда не забуду, и вечно вам буду благодарен. Потому что я уверен, что вы оба не понимаете, что вы для меня сделали и до какой степени такие люди, как вы, были мне необходимы. Это надо испытать и только тогда поймешь. Если б вас не было, я бы, может быть, одеревенел окончательно, а теперь я опять человек... Письмо уже потому проклятое, что напоминает разлуку, а мне всё её напоминает. По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправлюсь к вам, находит такая тоска, что, будь я слезлив, я бы плакал... Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. Надеюсь, что он напишет мне в скорости. Обнимаю его от всего сердца и как друг, как брат желаю ему лучшей компании... Прощайте, прощайте! Неужели не увидимся».¹

Таким образом, Достоевский страдает из-за распавшегося «уклада», и его любвеобильное сердце мечтает о восстановлении разрушенного. Если учесть, что подобных ситуаций в жизни Достоевского было немало, рискнем предположить: окажись М.Д. Исаева в Кузнецке одна, без супруга, может, она и не представила бы для будущего писателя столь жгучий интерес, как вкуче с мужем. Овдовев, М.Д. вновь «встраивается» в затребованный душой Достоевского тройственный союз, приблизив к себе Вергунова. И тут – история почти повторяется: жгучая

ревность к нему уживается с попытками объясниться, и даже сдружиться («он плакал у меня»), что, по сути, все то же братание. Не отсюда ли много позже – братание Рогожина и Князя Мышкина, врагов, связанных, тем не менее, страстью к «общему» объекту...

«Я весь растерзан...»

Упомянутое выше письмо Достоевский послал в Кузнецк 4 июня 1855г., а 4 августа А.И. Исаев скончался. Треугольник распался окончательно, навсегда. По-видимому, для Достоевского это был действительно удар, ибо к «тройственным» союзам он испытывает истинно фатальное влечение.

На десятый день после смерти Исаева Ф.М. сообщает своему другу Врангелю: «Голова у меня болит, спать хочется и к тому же я весь расстроен. Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь растерзан. Может быть, я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть, у кого бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства!... Боюсь, не виноват ли я перед ним... Он умер в нетерпимых страданиях, но прекрасно, как дай бог умереть и нам с Вами. И смерть красна на человеке. Он умер твердо, благословляя жену и детей и только томясь об их участи. Несчастливая Марья Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях. Она пишет, что вспоминать эти подробности – единственная отрада её. В самых

сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал её, обнимал и беспрерывно повторял: «Что будет с тобою, что будет с тобою!». В мучениях о ней он забывал свои боли. Бедный!»²

А ведь самым первым соперником Достоевского был именно Исаев. Как уже сказано, - другом-соперником. Или, еще точнее – собратом по любви к М.Д. Исаевой. Впрочем, если судить по письмам, Марию Дмитриевну также можно назвать «партнершей» Достоевского по привязанности к А.И. Исаеву. И как тут снова не вспомнить, что и Вергунов «плакал у Достоевского на плече», - таким образом, «партнерские» отношения появятся уже в новом варианте, просто-таки «один к одному»...

«Я давно уже люблю эту женщину...»

Брату он пишет 13-18 января 1856г., что Исаеву любит уже давно. Судя по его душевным письмам в Кузнецк – со времени, когда первый треугольник еще существовал. При темпераменте Достоевского, можно не сомневаться, что он бы-таки попытался «отбить» Исаеву у мужа – возможно, по близкому сценарию, как позднее в случае с Вергуновым. Но – не пришлось. Соперник «самоустранился», вполне буквально – он умер. И Исаева стала как бы «доступна».

Однако мы уже знаем: Достоевский – «человек пути» и его возбуждает сама борьба за женщину, и чем тернистее дорога, тем желаннее «объект». Достигнутая цель уже так не волнует, как восхождение к ней. Именно поэтому, думается, излюбленным сюжетом в его романах был треугольник. Как только «конструкция» рушится, игра в любовь теряет остроту.

Обвенчавшись с Исаевой, Достоевский как бы сравнивает прежнее восторженное чувство, сродни творческому подъему, с унылой прозой, и от игры устаёт, или вовсе отказывается от нее.

Но всё это – позже. Пока же – Исаев умер. И цель, как будто, достигнута. Однако любовь без препон для Достоевского слишком пресна. Со смертью мужа, тем не менее, «завоевывание» Исаевой не прекратилось, а неожиданно вошло в новую фазу. Потому что появилось препятствие: из-за безденежья она с сыном должна покинуть Сибирь и вернуться к родным в Астрахань. И, значит, не добившись Марии Дмитриевны, он может ее потерять. Поэтому борьба за нее перешла в следующий виток: Достоевскому во что бы то ни стало нужно удержать Исаеву в Сибири.

На этот раз средством могут стать деньги, которые достать негде, кроме как попросить у брата. Достоевский пишет: «Я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без неё я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут её к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Моё решение принято, и, хотя бы земля развалилась подо мною, я его исполню. Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого благороднейшего существа и теперь склонить её к этому браку».³

Таким образом, способ завоевания объекта страсти у Достоевского определен: в случае с Вергуновым - это открытый «поединок» из слов и писем. А немногим ранее – деньги, позаимствованные у брата. Любовная интрига превращается в сложную многоходовую комбинацию, - под стать тем, что описаны в последующих романах. Какой бесценный материал собирал в «битвах» за Исаеву сочинитель Достоевский!

«Там есть женихи...»

Пока Достоевский обдумывает, как облегчить путь к сердцу Марии Дмитриевны, возлагая большие надежды на помощь брата, от которого ждет денег, в Кузнецке мало-помалу укрепляется связь Исаевой с Вергуновым. Треугольник возобновился, но только в новом составе!

23 марта 1856г. Достоевский пишет Врангелю: Исаева, де, «грустит, отчаивается, больна поминутно, теряет веру в надежды мои, в устройство судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке (она еще не переехала в Барнаул) людьми, которые смастерят что-нибудь очень недоброе: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить её выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого еще я не знаю. В ожидании шпионят над ней, разведывают, от кого она получает письма? Она же всё ждёт до сих пор известия от родных, которые там у себя, на краю света, должны решить здешнюю судьбу её, - то есть возвратиться ли в Россию или переезжать в Барнаул».⁴

«Она что-то скрывает от меня...»

Итак, соперник объявился. Но имени его Достоевский еще не знает. Исаева пишет с каждой почтой, но о самом главном – ни слова. Достоевский называет это скрытностью. Надо полагать, Исаева умела таиться – жизнь научила. Вспомним: согласно бытующей версии, о контактах с Вергуновым уже после венчания она поведала Достоевскому только накануне смерти. Стало быть, во все годы брака о своей тайне умалчивала. Не верила в великодушные Достоевского? Возможно.

Из того же письма к Врангелю: «Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня. (Увы! я этого Вам никогда не говорил: но еще в бытность Вашу здесь *par ta jalousie incomparable* я доводил её до отчаяния, и вот потому-то она теперь скрывает от меня). И что ж? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как громом. В отчаянии я не знал, что делать, начал писать к ней, но в воскресенье получил и от неё письмо, письмо приветливое, милое, как всегда, но скрытное еще более, чем всегда. Меньше прежнего задушевных слов, как будто остерегается их писать. Нет и помину о будущих надеждах наших, как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Какое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и наконец громовое известие: она решила прервать скрытность и робко спрашивает меня: «Что если б нашелся человек, пожилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный, и если б этот человек сделал ей предложение – что ей ответить?»⁵

Употребленные Достоевским французские слова редакторы Полного Собрания Сочинений переводят так: «моей исключительно ревностью». То есть буквально получается: Исаева скрытна именно из-за ревности Достоевского. Она в ней уверена. И тогда понятно, отчего так долго, до конца дней своих, не сознавалась, что длила связь с Вергуновым, уже будущи замужем...

«Я был поражен, как громом...»

Однако вот что странно. Исаева пишет, что ей, возможно, сделает предложение пожилой, добрый и обеспеченный служащий. Но ведь Вергунов не был ни обеспеченным, ни пожилым. И, значит, - возможен еще один треугольник! Исаева мечется меж тремя претендентами: Вергуновым, Достоевским и таинственным состоятельным служащим, причем, как видно, предпочтение отдает последнему, да притом еще спрашивает у своего ревнивого друга, как он относится к появлению соперника!

Терзательница сердец хладнокровно выбирает, потому что на карте – её жизнь и будущее сына, которое еще надо обустроить. И, похоже, пока что чувства Достоевского для неё третьестепенны, - если этот мифический второй соискатель руки существует на самом деле. Как выяснится чуть позже, Исаева простодушно лукавит: пытается разведать свои шансы. А Достоевский тем временем впадает в глубокое уныние, о чем сообщает Врангелю: «Она спрашивает моего совета. Она пишет, что у неё голова кружится от мысли, что она одна, на краю света, с ребенком, что отец стар, может умереть, - тогда что

с ней будет? Просит обсудить дело хладнокровно, как следует другу, и ответить немедленно. Protestation d' amour были, впрочем, еще в предыдущих письмах... (Исаева) прибавляет, что она любит меня, что это еще одно предположение и расчет. Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя... Неподвижная идея у меня в голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь Вам, что я пришел в отчаяние».⁶

«Я растерзал ее...»

Однако как совместить «уверения в любви», которыми Исаева делится с Достоевским (французское словосочетание, приведенное в письме, можно перевести и так), с ухаживаниями (небезответными) Вергунова и загадочным романом со старым и добрым «обеспеченным служащим»? Да ведь и память о первом муже покоя не дает, его она тоже – любила.

И тут в мыслях возникает слово «расчет», которое так не хотелось бы ассоциировать с Исаевой. Однако – приходится. Даже если мнимого обеспеченного претендента не существует, - грустно! – но она всё равно «рассчитывает», насколько к чувствам Достоевского прилагается способность содержать её с сыном, тогда как он впадает в отчаяние.

Но «человек жив надеждой» и Достоевский всё же полагает, что она испытывает к нему нежные чувства, и этой уверенностью заражает Врангеля: «Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное.

Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал её! Я, может быть, убил её этим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь её. Тут были и угрозы, и ласки и униженные просьбы, не знаю что. Вы поймите меня, Вы мой ангел, моя надежда! Но рассудите: что же делать было ей, бедной, брошенной, болезненно мнительной и, наконец, потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей. Но я перечел все её письма последние за эту неделю. Господь знает, может быть, она еще не дала слово и кажется так; она только поколебалась. Mais – elle m`aime, elle m`aime (пер. с фр.: «Но – она любит меня, любит меня», - *авт.*), это я знаю, я вижу – по её грусти, тоске, по её неоднократным порывам в письмах и еще по многому, чего не напишу Вам».⁷

«Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния...»

Однако что же было такого в «довенчальных» отношениях с Исаевой, о чем Достоевский стесняется сообщить другу и поверенному его чувств, Врангелю? Что мог он привести в подкрепление вывода, что Исаева его любит? Что это за доказательство любви, о котором нельзя ни писать, ни говорить, потому что в игре – честь дамы?

У мужчины могло быть только одно свидетельство такого рода – близость. Но ведь Исаева – в Кузнецке, а Достоевский – в Семипалатинске. И, значит, если близость была, то – еще в бытность мужа, в Семипалатинске? И можно ли в этом сомневаться, если несколько лет спустя всё повторится – роман Исаевой и Вергунова ведь тоже будет «при живом

муже», но уже – при Достоевском. Между тем, Достоевский в письме к Врангелю продолжает «убиваться»: «Друг мой! я никогда не был с Вами вполне откровенным на этот счет. Теперь что мне делать! Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сосет тоска смертельная, ночью сны, вскрикивания, горловые спазмы душат меня, слезы то запрутся упорно, то хлынут ручьем. Посудите же и моё положение. Я человек честный. Я знаю, что она меня любит. Но что если я противлюсь её счастью? С другой стороны, не верю я в жениха кузнецкого! Не ей, больной, раздражительной, развитой сердцем, образованной, умной отдаться бог знает кому, который, может быть, про себя и побои считает законным делом в браке. Она добра и доверчива. Я её отлично знаю. Её можно уверить в чем угодно. К тому же сбивают с толку кумушки (проклятые) и безнадежность положения».⁸

«Я погибну, если потеряю своего ангела...»

Итак, Исаеву можно «уверить в чем угодно». И, значит, в любви до гроба – тоже. И сразу три претендента этим пользуются и наперебой её «добиваются»? И Достоевский – едва ли не более всех иных-прочих. Убеждать он умел: впадая в экстаз, красноречивым мог быть безмерно. В письме к Врангелю: «Отказаться мне от неё невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, два года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости. Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш! Само собой разумеется,

что если б уладились дела мои (насчет манифеста), то я был бы предпочтен всем и каждому; ибо она меня любит, в этом я уверен. Скажу же Вам, что у нас, на нашем языке (у меня с ней), называется устройством судьбы моей: переход из военной службы в статскую, место при некотором жалованье, класс (хоть 14-й) или близкая надежда на это и какая-нибудь возможность достать денег, чтобы прожить, по крайней мере, до устройства окончательного дел моих».⁹

«Чтоб отбить ее от женихов...»

Однако вот что странно. Сразу после столь патетических ноток («Или с ума сойду, или в Иртыш!») тут же следуют намеки на необходимость в деньгах, чине, жалованье. Такой резкий переход от чувствительных признаний к суровой прозе озадачивает. Потому что стремление к браку с Исаевой как-то незаметно, понемногу превращается в повод к настойчивым просьбам «устроить мою судьбу». И, судя по письмам, любовь и «устройство судьбы» для Достоевского в ту пору – равнозначны.

Но для Исаевой, похоже, - тоже. Потому что она, несмотря на всю «восторженность», приписываемую ей Достоевским, вряд ли была только мечтательницей, которая без оглядки бросается с головой в омут. Как же еще толковать слова Достоевского, что он не будет предпочтен каждому, если изменится его положение. Значит, чувства были, так сказать, с оговорками? И Достоевский уверен, что Исаева не просто любит его самого, но также ценит и сопутствующие чину и жалованью (а их еще

надобно добиться!) преимущества. И зная эту «оговоренность» – Достоевский всё равно продолжает свой «путь к Исаевой» - поскольку он, как уже сказано, «человек пути» и, если решил добиться Исаевой, то ни перед чем не остановится.

Но – разве смятение Ф.М. не схоже с тем, что испытывает и сама М.Д.? Ведь и он, то и дело, ссылается на её «безвыходное положение» – возможно, даже бессознательно! – чтобы подтолкнуть Врангеля к содействию, ожидая от него денежного пособия и, главное, - протекции у важных лиц. Таким образом, роман Достоевского с Исаевой – это не только любовь-мучительство, но во многом, похоже, - любовь-расчет, причем с обеих сторон. Потому что Достоевский постоянно вынужден сочетать полезное с милым сердцу: рассчитывая завоевать любимую женщину, он должен обеспечить себя «положением» и деньгами.

Читаем его письмо к Врангелю: «Я же с своей стороны объявляю Вам мои надежды; чего мне надобно наверно, чтоб отбить её от женихов и остаться перед ней честным человеком, а потом уже спрошу Вас, чего мне ожидать из того, что мне надобно, что может сбыться, что не сбыться? – так как Вы в Петербурге и многое знаете, чего я не знаю...»¹⁰

«Умоляет меня не сомневаться в любви ее...»

Разжалобить друга столь чувствительным «романом въяве» было нетрудно. Врангель, возможно, даже прослезится и, конечно, поможет. Ведь связи в Петербурге (где, как известно, «чины раздают») у

Врангеля имеются. И тут Исаева, в буквальном смысле, оказывается для Достоевского бесценной.

Из письма к А.Е.: «... В последнем и в предпоследнем письмах она пишет, что любит меня глубоко, что жених только расчет, что умоляет меня не сомневаться в любви её и верить, что это только одно предположение, последнему я верю; может быть, ей предлагали и её уговаривают, но она еще не дала слова; я справлялся о слухах, отыскивал их источник, и оказывается, много сплетен. К тому же, если б дала слово, она бы мне написала. Следовательно, это еще далеко не решено. Ко 2-му апрелю жду от неё письма. Я требовал полной откровенности и тогда узнаю всю подноготную. О друг мой! Мне ли оставить её или другому отдать. Ведь я на неё имею права, слышите, права! Итак: переход мой в статскую службу будет считаться большою надеждою и одобрением... Долго ли я буду без чина? Как Вы думаете? Неужели будет заперта моя карьера?... Теперь самое важнейшее – деньги...».¹¹

«Она же погибнет без меня!...»

Таким образом, выстраивается цепочка: карьера и деньги нужны, чтобы обеспечить брак с любимой женщиной. Но из каких побуждений Врангель помогает Достоевскому, пуская в ход везде, где только необходимо, своё влияние?

Молодой чиновник действительно стремится поддержать Достоевского, ибо роман, переживаемый Достоевским «въяве» (точнее, в письмах) – захватывающий и интригующий, содержит множество трогательных подробностей, а Врангель сам влюблен, у

него сложные отношения с Е. Гернгросс в Барнауле, и понятно, что ему непременно хочется стать участником столь же нелегкой романтической связи, хотя бы на правах «устроителя судеб».

Но попробуем обернуть ситуацию в наш «железный век». Нельзя исключить, что покровительство уже ставшему известным писателю сулит в будущем моральные дивиденды подающему надежды чиновнику, и он, наверное, это осознает. Поддержать Достоевского – беспроигрышно. И притом обстоятельства самим Достоевским представлены в таком чувствительном аспекте, что Врангелю, как уже сказано, весьма лестно принять участие в его злоключениях.

Однако продолжим чтение начатого письма. Денежные мотивы в нем постоянно переплетаются с сердечными, так что – роман получается как бы на тему «любовь и золото»: «А мне что надобно: 2-3 тысячи в год ассигнациями. Итак, честно ли я поступлю с ней или нет? Что ж, этого мало, что ли, для содержания нашего? Года через два возвратимся в Россию, она будет жить хорошо, и, может быть, даже наживем что-нибудь. Ну неужели, имев столько мужества и энергии в продолжение 6-ти лет для борьбы с неслыханными страданиями, я не способен буду достать столько денег, чтобы прокормить себя и жену. Вздор! Ведь, главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то, главное, я и надеюсь. Наконец, последний случай: ну, положим, что еще год не позволят печатать? Но я, при первой перемене судьбы напишу к дяде, попрошу у него 1000 руб. серебром для начала на новом поприще, не говоря о браке; я уверен, что даст... Нет, я не подлец

перед ней! А так как она сама упоминает, что рада без сожаленья бросить всех женихов ради меня, если б только у нас уладились дела, то, значит, я еще её избавлю от беды. Но что я говорю! Это решено, что я её не оставлю! Она же погибнет без меня! Александр Егорович, душа моя! Если б Вы знали, как жду письма Вашего! Может быть, в нем есть положительные известия, тогда пошлю его ей в оригинале, а если нельзя, вырву строки о надеждах на устройство судьбы моей и пошлю».¹²

«Не доводите меня до отчаяния!...»

Показательно место в письме Достоевского, где говорится про дядюшку. Способ разжалобить и получить деньги на спасение несчастной и больной Марии Дмитриевны (через устройство собственной судьбы) опробован на Врангеле. И теперь Достоевский решил применить его и к близкому родичу - пусть вышлет столь насущно необходимую тысячу рублей. Значимость Исаевой в глазах Достоевского, уже помимо любви, всё более поднимается по мере того, как родственники и друзья активнейше пытаются помочь влюбленным и пускают в ход своё влияние и связи, чтобы «ввести в свет» бывшего каторжника. Притом Достоевский сам подсказывает Врангелю, к кому именно обратиться за подмогой, и называет, в частности, имя графа, генерал-адъютанта Тотлебена.

Создается впечатление, что весь свет задействован в устройстве судьбы Достоевского, и только на том основании, что Исаева пока еще в нерешительности: за кого выйти замуж. И для того, чтобы убедить безвестную вдову в неописуемо далеком

Кузнецке, необходимо вмешательство графов, баронов и генералов.

Между тем, Достоевский именно так дело и обставляет, тщательно Врангеля наставляя и инструктируя, как вести себя с высокопоставленным Тотлебеном: «Он (то есть Тотлебен, - *авт.*) человек очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит Вас очень вежливо, если даже и ничего не скажет удовлетворительного. Если же Вы по лицу его увидите, что он займется мною и выкажет много участия и доброты, о, тогда будьте с ним совершенно откровенны; прямо, от сердца войдите в дело; расскажите ему обо мне и скажите ему, что его слово теперь много значит, что он мог бы попросить за меня у монарха, поручиться (как знающий меня) за то, что я буду вперед хорошим гражданином, и, верно, ему не откажут. Несколько раз по просьбе Паскевича государь прощал преступников-поляков. Тотлебен теперь в такой милости, в такой любви, что, право, его просьба будет стоить Паскевичевой. Вообще же я во многом надеюсь на Вас. Вы скажете горячее слово, я уверен. Ради бога, не откажите мне в этом... Не встретите ли как-нибудь младшего брата Тотлебена, Адольфа? Тот мне друг. Скажите ему обо мне, и тот бросится на шею к брату и будет умолять его хлопотать за меня. Само собою разумеется, Вы моё письмо к Тотлебену запечатайте в конверт и так подайте. Мне же как можно скорее пришлите уведомление обо всем этом, хорошо ли, худо ли будет... Не обескуражены ли Вы, и, может быть, нехотя пойдете к Тотлебену. Ангел мой! Не оставляйте меня, не доводите меня до отчаяния!».¹³

«Вы знаете, как я нуждался...»

Итак, Врангель должен обратиться к Тотлебену, а Тотлебен – к царю. И всё для убоготворения бедной вдовы из далекого и мало кому известного Кузнецка. Потому что, - сидит она без денег и не знает, какого жениха предпочесть.

Это не преувеличение: по логике письма Ф.М. так и выходит - вмешаться должен лично монарх и сделать послабление Достоевскому, чтобы Исаева снизошла до замужества. Всё как-то странно смахивает на водевиль, в котором – и любовь, и сильные мира сего, и ожидание особых милостей от них.

Возможно, иные умилятся: как сильно было чувство Достоевского, если ради него он просит друга прийти до самодержца! Сегодняшние циники, напротив, пожмут плечами и скажут: да, но вероятно и другое, куда более кощунственное прочтение; чтобы Достоевскому додуматься потревожить царя, Исаеву следовало бы выдумать, но, к счастью, судьба поместила её на пути бывшего каторжника, и вот Достоевский в ожидании – не посыплются ли всяческие блага аж из Петербурга! И как тут не вспомнить об излюбленном персонаже Достоевского, обозначенном в романах как «чахоточная восторженная» героиня, - мечущаяся меж двух соперников.

Так каковы, каковы же действительные мотивы поступков Достоевского? Какая тайна кроется за его венчанием? Конечно же, не просто страстное желание во что бы то ни стало обеспечить себя хоть каким-то чином и средствами. Ведь вот и у брата своего, Михаила, Достоевский просит денег, объясняя

при этом Врангелю, что они нужны для поездки к Исаевой. Причем – их требуется как можно больше. Видно, в понимании Достоевского, брак с Исаевой, что походил бы на «рай в шалаше», невозможен.

Читаем: «Никогда не забуду, что он, - пишет Достоевский Врангелю о брате Михаиле, - сказал Хоментовскому, передавшему ему мою просьбу похлопотать за меня, что мне лучше оставаться в Сибири. В декабре мы писали (помните, через Вашего брата), я просил денег, прося их выслать на Ламота. Вы знаете, как я нуждался! Что ж, ни слуху, ни духу! Я понимаю, что он может их не иметь, ибо он торгует, но в крайних случаях спасают человека. Притом же недолго я буду у них на шее и всё отдам. Притом же и прошу-то его об деньгах, помня его же слова при прощании со мною. В письме к нему, здесь приложенном, прошу его кроме тех 100 выслать мне еще, сколько может больше. Мне нужно это на всякий случай (если б я получил свободу, то тотчас же полетел бы в Кузнецк, а без денег этого сделать нельзя). Кроме того, если уедет она в Барнаул, уговорю её принять от меня; я ведь Вам не могу написать, но мне нужны, нужны деньги до зарезу; один раз в жизни они только так бывают нужны. 300 руб. серебром спасли бы меня. Но даже 200 и то хорошо, включая сюда те 100, которые уже я просил в декабре. Разумеется, я это Вам пишу как другу, а Вы не вздумайте сами чем-нибудь помочь! Я и то перед Вами подлецом, должен Вам пропасть!»¹⁴

«Я буду есть один хлеб...»

Фабула построена таким образом, что любовь к Исаевой действительно требует неких благ для самого

Достоевского. Разумеется, роман разворачивается более чем деликатно. Врангелю намекают на крайнюю нужду, но тут же предупреждают, чтобы не смел еще раз помогать, - и так ему много должны.

Но ведь именно как друг, на правах задушевного поверенного чувств, Врангель просто обязан субсидировать Достоевского, поскольку тот ни о чем другом в письме и не пишет, кроме как о деньгах, причем Исаева по-прежнему – ведущий мотив и беспокойства, и просьб. Так и слышим хихиканье сегодняшнего циника: ну да, она - тот ключик, с помощью коего раскрываются кошельки – у Врангеля и у родни.

Кстати, тут же Достоевский сообщает, что сядет на хлеб и воду и в конце концов погибнет вместе с Исаевой от голода, отказываясь принимать подачки. Прекрасно зная, что Врангель – друг, и до «хлеба с водой» дело не дойдет. При подробном анализе писем выявляется - просьбы о помощи подкрепляются убедительнейшими «крайними» заверениями: ситуация – запредельная, критическая, которая случается один раз в жизни...

Заметим, «запредельность» затягивается – на годы. С подобными же просьбами Достоевский будет многолетне обращаться к родне и знакомым. Причем поводом будет, конечно, уже не Исаева.

«Что если он, - говорится далее в письме Достоевского к Врангелю, причем «он» – это брат Михаил, - подобно всевозможным дядюшкам и родным в романах, сердится на любовь мою к ней и отговаривает Вас помогать мне! Но ведь мне 35 лет. Что он думает? Что я его люблю из-за денег, которые он мне

присылает. Вздор! У меня гордость есть. Я буду есть один хлеб и погибнем я и она, но не надобно мне от него денег, посланных с таким чувством. Не хочу подаяния! Мне нужно брата, а не денег! Мы с ним когда-то и вздорили, но горячо любили друг друга, и, клянусь Вам, я бы голову за него отдал. У меня дурной характер, но когда дойдет до дела, тогда я стою за друзей... Неужели он забыл всё старое и рассердится на то, что я прошу много денег, и когда? Когда для меня самый критический момент всей жизни».¹⁵

«Я готов жизнь мою за неё отдать...»

Достоевский признается, что отношения с Исаевой разворачиваются у него «как в романе»: родственники восстают против возлюбленной и лишают Ф.М. содержания. Читая письма Достоевского, не раз ловишь себя на том, что перед нами – некая литературная схема. Многоактная пьеса с любовными треугольниками, невеста и жених в бедности, а «злато» у тех, от кого зависит их судьба. И - патетика: «грозное чувство» и «самый критический момент всей жизни».

А как поглядишь, цена вопроса - добиться надлежащего обеспечения, вырваться на жительство в столицу и заслужить всемилостивейшее «прощение», чему, конечно, поспособствуют слухи о спокойной семейности. Но для этого нужно суметь передать в посланиях столь необходимый «накал», постоянно поминая - «я готов жизнь за неё мою отдать» (что в устах раскаявшегося каторжника должно выглядеть особенно умирительно для «сильных мира сего» и, конечно же, произвести ожидаемый эффект).

Из письма к А.Е.: «Ради бога, поймите меня, помогите мне, не думая, что я чем-нибудь могу повредить своей карьере своею любовью к ней, и... не подумайте, чтоб я поступил с нею нечестно, отвлекая её от выгодного брака с другим, имея ввиду только одну мою эгоистическую пользу. Нет ни выгоды ей в её браке с другим, ни малодушного эгоизма во мне, и потому этого нельзя думать. В противном случае, клянусь, я готов жизнь мою за неё отдать и отказался бы от всех надежд моих в её пользу. Рассудите, она в каждом письме своём и даже в последнем пишет, что любит меня более всего на свете, пишет, что сватающийся человек только расчет с её стороны, и особенно умоляет меня верить, что это только еще одно предположение. Поймите же и её положение. Она с жадностью ждет перемены в судьбе моей, и всё нет да нет ничего! Она приходит в отчаяние и, понимая, что она мать, что у ней есть ребенок, поколебалась на возможность, если мои дела не устроятся, выйти замуж. Еще две почты назад она писала мне, успокаивая мою ревность, что ни один из кузнецких не стоит моего пальца, что она хотела бы мне сказать что-то, но боится меня, что кругом неё интригуют всякие гады, что всё это так грубо делается, без малейшего знания приличий, уверяет в том же письме, что она более чем когда-нибудь чувствует, что я необходим ей, а она мне и пишет: «Приезжайте скорее, вместе посмеемся».¹⁶

«Для нее смерть и гибель выйти там замуж...»

Итак, Исаева «приходит в отчаяние» от того, что «перемены в судьбе» Достоевского так и не происходят. То

есть буквально – нет ни чина, ни денег. От каких, однако, «мелочей» зависело, глядишь, счастье двух любящих! А как же «жертвы», кои долженствует принести во имя любви, - о чем Достоевский так проникновенно писал!

Жертвы – жертвами, но не могут же они касаться содержания или финансовых обстоятельств! – иронизирует сегодняшний прагматик. И тогда остается одна трактовка: на алтарь любви приносятся только страдания...

Но страдания проистекают всего лишь из отсутствия приличного положения у потенциального жениха. Неромантично? Но – не у Достоевского.

Даже самые прозаичные и «скользкие» мотивы и помыслы он облекает в трогательные и надрывные личины. Читаем далее: «Конечно, посмеемся над проделками кумушек, давших себе слово выдать её замуж. Но ведь она, бедная, слабая, всего боится. Ведь, наконец, собьют её с толку, а главное, загрызут, если увидят, что она не поддается на их проделки, и она будет жить одна среди врагов. Поймите же, что это для неё смерть и гибель выйти там замуж! Я знаю, что если б малейшая надежда в судьбе моей – и она бы воскресла, укрепились духом и, получив письмо от отца (с разрешением), уехала бы в Барнаул или в Астрахань. Что же касается до меня, то, конечно, мы были бы с ней счастливы. В браке со мной она была бы всю жизнь окружена хорошими людьми и хорошим, большим уважением, чем с тем чиновником. Я сам ведь буду чиновник и скоро, может быть. Я уверен, что могу прокормить семью. Я буду работать, писать».¹⁷

«Бедненькая! Она измучается...»

Из написанного следует, что в отличие от брака с неким претендентом из Кузнецка, где Исаеву «загрызут» и окружают врагами, с Достоевским она будет счастлива. Известно, Ф.М. – незаурядный душевед. Его романы – шедевры психологического анализа. Но как же он мог так ошибиться в собственном случае - его прогнозы не оправдались: ни Исаева, ни он счастливы вместе не были. Похоже, сам Достоевский это поймет уже через несколько недель после кузнецкого венчания, когда бывший его соперник, Вергунов, нежданно-негаданно обоснуется в Семипалатинске, приехав вслед за М.Д.

Но всё это - потом. Пока же Достоевский сообщает Врангелю следующее: «Знаете, что я ей отвечал и чего прошу у неё? Вот что: что так как раньше окончания траура, раньше сентября, то есть, она не может выйти замуж, то чтоб подождала и не давала тому решительного слова. Если же до сентября моё дело не уладится, то тогда, пожалуй, пусть объявит согласие. Согласитесь, что если б я бесчестно и эгоистически действовал с ней, то повредить бы ей не мог просьбой подождать до сентября. К тому же она любит меня. Бедненькая! Она измучается. Ей ли с её сердцем, с её умом прожить всю жизнь в Кузнецке бог знает с кем. Она в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!). Голубчик мой! Пишу Вам всё это для того, чтоб Вы действовали всем сердцем и всей душой в мою пользу. Как на брата надеюсь на Вас! Иначе я дойду до отчаяния! К чему мне жить тогда!

Клянусь Вам, что я сделаю тогда что-нибудь решительное! Умоляю Вас, ангел мой! А если Вам когда-нибудь понадобится человек, которого надо будет послать за Вас в огонь и в воду, то этот человек готов, это я, а я не покидаю тех, кого люблю, ни в счастье, ни в беде, и доказал это!»¹⁸

«Она быстро перейдет от отчаяния к уверенности...»

Примечательно утверждение Достоевского, что роман с Исаевой как бы списан с «Бедных людей», то есть с собственной повести. Но он и был – списан. Потому что «по жизни» Ф.М., вольно или невольно, скорее интуитивно, искал ситуаций, схожих с его «литературными» представлениями о любовных коллизиях.

И пусть в действительности не всё выглядело вполне возвышенно, и сердечные связи сопровождалась изменами и разбивались, порой, о неожиданные рифы. Но ведь и в творчестве Достоевского сходные «анalogии» отнюдь не безоблачны, а иногда вызывают отторжение, и прежде всего у самого автора (доказательства приводились выше).

Письмо Врангелю продолжается: «Ради бога, не теряя времени, напишите ей в Кузнецк письмо и напишите ей яснее и точнее все надежды мои. Особенно, если есть что-нибудь положительное в перемене судьбы моей, то напишите это ей во всех подробностях, и она быстро перейдет от отчаяния к уверенности и воскреснет от надежды, напишите всю правду и только правду. Главное подробнее. Это очень легко. Вот так: «Мне передал Ф.М. Ваш поклон (он Вам кланяется и желает счастья) – так как,

я знаю, Вы принимаете большое участие в судьбе Ф.М., то спешу порадовать Вас, есть такие-то известия и надежды для него...» и т.д. Наконец: «Я много думал о Вас. Поезжайте в Барнаул, там Вас примут хорошо» и т.д. Вот так и напишите, да еще: она писала мне, что Вы, уезжая, ей написали. Очень рада и благодарна, что Вы её не забыли, но пишет, что ничего не видно из письма Вашего, что ей хорошо будет в Барнауле, что Вы даже не пишете, согласен ли Барнаул принять меня, и что она не знает поэтому: не примут ли её с досадою, как попрошайку, когда она явится туда. Верно, Вы были в хлопотах и расстройстве сами, когда так неполно и вскользь ей написали. Понимаю это и не ропщу на Вас. Но, ради бога, поправьте теперь дело. Для меня, для меня это сделайте, мой ангел, брат мой, друг мой! Спасите меня от отчаяния! Ведь Вы больше чем кто другой могли бы понять меня!».¹⁹

Как это случилось у Достоевского, - он, как опытный сценарист, диктует адресату ту линию поведения, которая должна наиболее впечатлить Исаеву.

«Я только осчастливию себя браком с нею...»

Из приведенного письма явствует: ожидаемых «перемен в судьбе» семипалатинского солдата еще нет. Есть только надежды на них. Однако, если Исаевой сообщит не кто-нибудь, а барон Врангель, что и деньги, и чин почти гарантированы, то тогда она сможет явиться в высший свет уже «не как попрошайка», чего она более всего опасается.

Возможно, невеста многим покажется слишком разборчивой. Ведь по поводу Вергунова, его служебного

статуса и жалованья никакие авторитетные лица «гарантийных писем» ей не слали. И всё же, видно, любовь к красавцу Вергунову перевесила в душе Исаевой её стремление соединиться с Достоевским, даже при получении чина, и при скромном достатке и покровительстве такого верного друга, как барон Врангель.

Впрочем, создается впечатление, что Исаева и сама еще не знала, чего именно хотела. Или – слишком знала и умело разжигала страсть Достоевского, чтобы тот «взбодрил» механизмы своих связей и она не выглядела бы жалкой, а могла предстать «музой» писателя, который теперь – человек уважаемый.

Так или иначе, Врангель находится под сильным психологическим воздействием. Концовка письма: «Наконец: ради Христа, уведомьте меня обо всем ходе дел моих, как можно подробнее и поскорее; в этом полагаюсь совершенно на Вас. Уговаривайте брата помогать мне, действуйте перед ним как ходатай за меня. Внушите ему, что я только осчастливию себя браком с нею, что нам немного надо, чтоб жить, и что у меня останется энергии и силы, чтоб прокормить семью. Что если позволят писать и печатать, тогда я спасен, что я не буду им никому в тягость, не буду просить их помогать себе, и главное: не сейчас же я женюсь, а выжду чего-нибудь обеспеченного. Она же с радостью подождет, только бы имела надежду на верное устройство судьбы моей... Прощайте, дорогой мой, голубчик мой! Да! забыл! Ради Христа, поговорите с братом о денежных делах моих. Уговорите его помочь мне последний раз. Поймите – в каком я положении. Не оставляйте меня! Ведь

такие обстоятельства как мои только раз в жизни бывают. Когда же и выручать друзей, как не в такое время. Обнимаю, целую Вас... С сожалением кончаю письмо; теперь опять я один с моими слезами, сомнением и отчаянием... Похлопочите о моих... делах у Гернгроссов. Прощайте; обнимаю и целую Вас еще раз! Вы надежда моя, Вы спаситель мой!».²⁰

Кто бы устоял перед такой концовкой? Врангель устоять не мог...

«Дышу только ею...»

В то же самое время, в марте 1856г., Достоевский через Врангеля же отправляет письмо брату Михаилу. В нем он сообщает, что Исаева не только его любит, но и «доказала это». Рискую повториться, еще раз зададимся вопросом: как может женщина доказать свою любовь – неосторожным обещанием или рискованным свиданием? Но все это легко «перекрыть» новой связью с очередным претендентом на руку и сердце – а ведь подобный в Кузнецке уже сыскался.

Стало быть, совсем о другом «свидетельстве» идет речь. Достоевский изъясняется загадками. Впрочем, – не всегда. В одном из посланий Врангелю сказано ведь: «Я права на нее имею, слышите, права!». Куда уж прозрачней. И, очевидно, эти намеки вполне понятны и Врангелю, и брату. И не подобны ли упомянутые «доказательства» тем, что получил Вергунов от самой Исаевой, уже повенчанной с Достоевским?

Читаем: «... Никогда столько грусти, тоски и отчаяния не было в жизни моей, как теперь! Тебя, – обращается Достоевский к брату, – прошу о помощи: не оставляй хоть ты меня в эту минуту. Александр

Егорович многое расскажет тебе. В письме с ним я писал уже тебе об одной даме, с которой был знаком в Семипалатинске, которая переехала с мужем в Кузнецк, где муж её и умер. Писал тоже тебе о надеждах моих, о любви нашей. Друг мой милый! Эта привязанность, это чувство к ней для меня теперь всё на свете! Я живу, дышу только ею и для неё. В разлуке с ней мы обменялись клятвами, обетами. Она дала мне слово быть женой моей. Она меня любит и доказала это. Но теперь она одна и без помощи. Родители её далеко (они ей помогают, присылают денег). Видя, что так долго не разрешается судьба моя, нет ничего, чего мы вместе с ней ожидали, что облегчение судьбы моей еще сомнительно (хотя я уверен в нём), она впала в отчаяние, тоскует, грустит, больна».²¹

«Осаждают просьбами выйти замуж...»

Далее Достоевский утверждает, что Исаеву «осаждают просьбами выйти замуж». В чем, собственно, – ничего странного. В Кузнецке – люди простые, непросвещенные, не светские. А Исаева – дама видная, говорит по-французски, у неё изысканные манеры.

И – неожиданный поворот. Достоевский считает, что «если она не даст слова», то есть отвергнет домогательства заявивших о себе женихов, «все сделаются её врагами». Так что отказать тамошним притязаниям бедной одинокой вдове никак нельзя. И получается тупик. В письмах Достоевского – странная логика: за него самого Исаева выйти замуж не может, поскольку у него – ни денег, ни положения, кузнецких же претендентов не оттолкнешь: местное общество «загрызет».

И, само собой, «враги», готовые посягнуть на Исаеву, превращаются теперь в очередной повод просить у брата помощи – надо же вывести женщину из столь затруднительной ситуации. Поводы и мотивы убедительны: «В маленьком этом городишке интригуют. Её осаждают просьбами выйти замуж, все вдруг сделались Кочкаревыми. Если она не даст слова, все сделаются её врагами. Её сбивают, указывают на беспомощность её положения, и вот она, наконец, долго таившись от меня, написала мне об этом. Пишет, что любит меня больше всего на свете, что возможность выйти замуж за другого еще одно предположение, но спрашивает: «что ей делать?» – и молит меня, чтоб я не оставил её в эту критическую минуту советом. Это известие меня поразило, как громом. Я истерзан мучениями. Что если её собьют с толку, что если она погубит себя, она, с чувством, с сердцем, выйдя за какого-нибудь мужика, олуха, чиновника, для куска хлеба себе и сыну, она только могла бы это сделать! Но каково же продать себя, имея другую любовь в сердце. Каково же и мне? Может быть, накануне переворота в судьбе моей и её устройства по новому. Потому что я слишком обнадежен, чтоб потерять надежду. Если не теперь, то когда-нибудь я достигну полного устройства дел моих, а теперь если не всё, то не многое могло бы спасти нас обоих! А это немногое так возможно и скоро! Я здесь даже нашел людей, которые готовы дать мне место... Я получу место, жалование... Если б переменилась судьба моя, хоть как-нибудь, то я имею намерение обратиться к дяде и попросить его (не говоря о браке) помочь мне для начала новой

жизни. Даст! Я уверен в этом».²²

«Я умру с тоски, если потеряю ее...»

Приведенный в отчаяние тупиковым положением, Достоевский не останавливается ни перед чем – ипохондрия одолела: «умру с тоски, если потеряю её».

Покошунствуем: со стороны это выглядело недвусмысленно – если не поможете, моя смерть – на вашей совести. Притом, чувство к Исаевой описано так ангельски чисто, а возможности довести себя до кончины так драматичны и все же завуалированы, что тут поневоле – как не помочь.

«Её, - пишет далее Достоевский брату, - надо обнадежить, уверить, спасти; я далеко от неё; на письмах дело ладится плохо. Пойми же моё отчаяние! Пойми и то, брат (ради Христа, будь мне братом и пойми, что это не 20-летняя страсть, что мне 35 лет скоро, что я умру с тоски, если потеряю её!), что всю жизнь мою хотел я посвятить на то, чтоб сделать её счастливою. Я не могу тебе написать ни моих надежд, ни моего отчаяния. Мы более 6 лет не видались. Поймем ли мы друг друга так, как надо, как брат понимает брата? Любишь ли ты меня по-прежнему, не изменился ли ты, - не знаю этого ничего! Друг мой, ангел мой! Есть у меня надежда, уверенность, что ты всё-таки брат мне! Спаси меня! Помогите мне!».²³

Сердце брата не может не дрогнуть...

«Она, бедная, была в такой тоске...»

Как толковать утверждение Достоевского, что он хотел «всю жизнь мою посвятить на то, чтоб сделать

её счастливою»? Исаеву он счастливой не сделал. Их совместное бытование – непрерывная цепь страданий. Несравненный психолог Достоевский ошибся, «читая» характер Исаевой, и выбрал не тот путь к её счастью? Не оценил по достоинству её твердость духа и считал, что наилучшую долю ей принесет полное растворение в нем?

Однако продолжим чтение письма: «У ней есть сын, мальчик, которому едва только минуло 8 лет. Когда умер муж, она, как мать, как заброшенная на край света, и наконец, как слабая женщина, пришла в страшное отчаяние о судьбе ребенка. Я её обнадеживал. Старик-отец писал ей, что он не оставит внука, отдаст его в гимназию и потом в университет. Но что будет, думает она, если умрет старик, тогда кто будет содержать сына? И потому она думает, что лучше будет отдать его в корпус, где нынче так прекрасно воспитывают и где правительство не оставляет своих воспитанников уже всю жизнь, даже во время службы, раз уже взяв их на своё попечение. По чину мужа его нельзя иначе отдать, как в Павловский корпус. Я вполне согласился с нею и сказал ей, что Голенковский, мой родственник, занимает в этом корпусе значительное место, что он имел бы особое попечение за ребенком и его нравственностью и что, наконец, ты, как родной брат мне, не отказал бы исполнить мою усердную просьбу, хоть иногда брать ребенка по воскресеньям к себе. Таким образом не остался бы он совершенным сироткой, посещал бы хороший дом, где видел бы хорошие примеры, и таким образом ей можно было быть спокойною и за развитие его характера и нравственности. Когда же

она дала мне слово быть моею женою, я подтвердил ей, что буду хлопотать у родных моих о её сыне, и в случае, если она достигнет поместить его в Павловский корпус (что она сделает и сама, не утруждая никого просьбами), то родные мои, некоторым образом уже как родные и её сыну, примут в нем и участие более горячее, более родственное. Это ей было очень приятно. Она, бедная, была в такой тоске. Скажу тебе, милый мой, что я действительно надеялся крепко на тебя. Что бы стоило тебе в самом деле иногда взять его к себе в воскресенье. Не объел же бы тебя бедненький сиротка».²⁴

«А за сиротку тебе бог подаст...»

Так наметился еще один оттенок «устройства судьбы». Жалость к будущему пасынку – не могла не затронуть чувствительность брата. И если уж на нищих не жалели – на «бедненького сиротку» из семейства приметного писателя и подавно.

И все бы, казалось, правильно, но – ведь Паша новую семейную пару явно стеснял бы, и потому самое время озаботиться его отправкой в Павловский корпус, на попечение брата, который, конечно же, каждое воскресенье станет его обласкивать и приобщать к хорошим манерам.

Достоевский – брату: «А за сиротку тебе бог еще больше подаст. К тому же, когда-то твоего брата, который был в изгнании, в несчастье, заброшенный на край света, оставленный всеми, отец и мать этого ребенка приняли у себя как брата родного, кормили, поили, ласкали и сделали его судьбу счастливее. К тому же самое поступление мальчика еще не скоро

будет, ему еще только 8 лет. Теперь пойми меня: я хочу просить тебя, чтоб ты написал ей в этом смысле. Именно так: М(илостивая) г(осударыня) Марья Дмитриевна! Брат мой, Ф(едор) М(ихайлович) Д(остоевский) много раз писал мне, как радушно, с каким родственным участием был он принят Вами и Вашим покойным мужем в Семипалатинске. Нет слов, чтобы изъяснить Вам всю благодарность за то, что Вы сделали бедному изгнаннику. Я его брат и потому могу это чувствовать. Давно уже хотел я благодарить Вас. Брат уведомил меня, что Вы намерены поместить Вашего сына, когда выйдут ему лета, в Павловский корпус. Если когда-нибудь он там будет и если я хоть чем-нибудь могу облегчить одиночество ребенка на случай, если бы он не имел в Петербурге ни родных, ни знакомых, то, поверьте, я почту себя счастливейшим человеком, тем более, что хоть этим могу выказать Вам живейшую благодарность за радушный прием моего брата в Вашем доме. Поверьте мне, что всё, что писал мне брат о Вас и знакомстве с Вашим домом, было мне чрезвычайно приятно и наполнило сердце моё радостью за моего бедного брата. Нет слов, чтобы выразить Вам моё уважение. Позвольте пребыть и т.д.». На эту тему прошу тебя написать покороче и получше. Пойми, что ты для меня можешь сделать, тем более, что это тебе ничего не стоит. Ты вольешь в неё надежду. Она увидит, что она не оставлена, а главное, страшно поможешь мне в делах моих. Ибо расположение родных моих к ней для неё теперь чрезвычайно важно; ибо я уведомил её, что писал тебе о возможности нашего брака. Само собою разумеется, об этом браке ни

слова. Адресовать: Её высок(облагородию) М(арии) Д(митриевне) Исаевой, в город Кузнецк, Томской губернии. Ради Христа, сделай это для меня, брат. Ты мне сделаешь, повторяю, благодеяние. На коленях прошу тебя об этом. Не убей меня отказом!». ²⁵

Искусный режиссер и на этот раз, Достоевский подсказывает и диктует, как писать Исаевой, тем самым завязывая еще один узелок в отношениях: при таких радужных надеждах на будущее сына, как отказать Достоевскому?...

«Я убит теперь, истерзан...»

И вот, казалось бы, все доводы, предназначенные для воздействия на Врангеля и брата Михаила, изложены. Безмерная любовь и бедность, «сиротка», и готовность расстаться с жизнью. Талант сочинителя Достоевского разворачивается во всю силу и свойственный ему дар убеждения приговора автору писем как никогда. Причем запас аргументов, оказывается, неисчерпаем: неожиданно всплывает еще один. Достоевский припоминает, что во время женитьбы Михаила, «поделился я с тобой последним тогда».

Похоже, собственных благодеяний Достоевский не забывает - они превращаются в повод для настойчивой просьбы: «Мне нужно кроме тех 100 руб., которые я просил у тебя, еще 200 руб. Послушай, брат! Помнишь ты то время, когда ты женился? Не поделился ли я с тобой последним тогда? Знаю, не упрекай меня в неблагодарности! Ты мне столько предавал за всю жизнь мою денег, что моё ничего против твоего. Но всё хорошо вовремя. К тому же, неужели бы ты мог быть способен отказать в помощи

брату в таком несчастье. Теперь пойми, что никогда еще в жизни моей не было такой ужасной минуты! Эти деньги могли бы помочь мне в самом критическом обстоятельстве. Если нельзя 300, то пришли 200. Но, ради бога, пришли! Более не буду тебя беспокоить. Я надеюсь на перемену моей судьбы... Брат, неужели ты ко мне изменился! Как ты холоден, не хочешь писать, в 7 месяцев раз пришлешь денег и 3 строчки письма. Точно подаяние! Не хочу я подаяния без брата! Не оскорбляй меня! Друг мой! Я так несчастлив! Так несчастлив! Я убит теперь, истерзан! Душа болит до смерти. Я долго страдал, 7 лет всего, всего горького, что только выдумать можно, но наконец есть же мера страданию! Не камень же я! Теперь всё это переполнилось... Не сердись на меня, мне ведь так тяжело! Не будь ко мне так небрежен! Помоги, услышь меня!... Ради Христа, никому ни слова о моих намерениях насчет женитьбы. Напиши письмо к М(арье) Д(митриевне) как можно скорее, не задерживая, и как можно почтительнее. Эта женщина стоит того!».²⁶

«Счастье всей моей жизни...»

С Врангелем, как уже было сказано, Достоевский отправил письмо не только брату, но и графу, генерал-адъютанту Э.И. Тотлебену. «Личные обстоятельства» Достоевский изложил ему коротко: «Не скрою от Вас, что кроме теперешнего желания моего переменить свою участь на другую, более соответствующую моим силам, одно обстоятельство, от которого, может быть, зависит счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное), побудило меня

попробовать осмелиться напомнить Вам о себе. Не всего разом прошу я, но только возможности выйти из военной службы и права поступить в статскую».

«Одно обстоятельство, от которого, может быть, зависит счастье моей жизни» – это роман с Исаевой, конечно. Однако удивляет, что в письме Тотлебену, также, впрочем, как и к брату, и Врангелю, она опять выступает как «опора» респектабельности бывшего каторжника (женится – остепенится, и окончательно забудет об увлечениях «идеями») - напоминания о ней Достоевский использует для продвижения собственных дел, «устройства судьбы»: оставаться солдатом и горестно и стыдно! Достоевский-психолог не ошибся. Его доводы настолько убедительны, что желаемые результаты последуют, причем недолге...²⁷

«Идет наш царь принять корону...»

Исаева, конечно, лишь один из множества мотивов, могущих помочь в достижении спасительных милостей. Причем, её собственное значение для Достоевского ничуть не преувеличивалось, она была тогда главной доминантой его жизни. Всем сердцем он точно знал, что испытывает «грозное чувство», но - поставлена некая цель, ей же, Марии Дмитриевне, во благо, - и все пути хороши, если ведут к страстно желаемому. А, кроме того, стремление – самое глубокое, подспудное, подсознательно лелеянная сверхзадача – выбиться в люди, переехать поближе к столице и, главное, вновь печататься, дабы оказаться среди себе подобных, в литературной гуще. Для достижения этого сверх-чаянья Достоевский не только жалобит сильных мира сего и «бедной вдовой» и

«несчастным сироткой», и своей фатальной любовью, но и пишет, - кто бы мог подумать! – настоящую оду, приуроченную к коронации царя. В ней есть строки:

*Царю вослед вся Русь с любовью
И с теплой верою пойдет...
Идет наш царь принять корону...
Молитеву чистую творя,
Взывают русских миллионы:
Благослови, господь, царя!*

... Попраны идеалы, забыто участие в кружке Петрашевского? Но что поделаешь – сверхзадача определена, и Достоевский к ней стремится любыми способами – даже заискивающими письмами, даже одой царю!...²⁸

«Я невольно охладела к Вам...»

Из писем Достоевского следует, что он крайне удручен, думает о смерти, пребывает в отчаянии, а единственное его стремление – воссоединение разлученных сердец, но вот забота – какими путями такого единения достичь. Отсюда – «бедного сиротку» поскорее определить, для его же пользы, на учебу в столицу, дабы мальчик лишней раз не расстраивался, наблюдая терзания несчастливых влюбленных.

А между тем, многоходовая изошренно срежиссированная Достоевским интрига, уже зажила своей жизнью и развивается вполне удачно, так что, в сущности, Достоевскому было не до грусти. Стихотворение, приуроченное к коронации царя, уже написано,

Врангель хлопочет в столицах, унывать – недосуг, «действие» надо постоянно «подживлять», и теперь мысли и рассуждения о готовности расстаться с жизнью будут мелькать сугубо в письмах к чувствительному и тоже влюбленному Врангелю.

Так, вскоре мы узнаем, что пока Исаева терзалась в неопределенности, Достоевский посещал семипалатинский бомонд «и даже пускался танцевать», а потом об этом своей возлюбленной писал. 13 апреля 1856г. Врангелю сообщается: «Просил и Вас, и брата написать к Марье Дмитриевне и если возможно – поскорее. Повторяю мою просьбу; ради бога, сделайте это. Вы пишете, что готовится что-то из милостей для нас, но что именно – это держат в секрете. Сделайте милость, друг мой бесценный, нельзя ли хоть что-нибудь узнать заранее относительно меня. Это мне нужно, нужно! Если что узнаете, сообщите немедленно... Впрочем, согласен с Вами совершенно, что надобно ждать коронации. Господь знает, может быть, и больше будет, чем даже и мы ожидаем... На масленице я был кое-где на блинах, на вечерах, даже танцевал. Тут был Слуцкий, и я часто с ним виделся (мы знакомы). Обо всем этом, о том, что я даже пускался танцевать, и о некоторых здешних дамах я написал Марье Дмитриевне. Она и вообрази, что начинаю забывать её и увлекаюсь другими. Потом, когда настало объяснение, писала мне, что она была замучена мыслью, что я, последний и верный друг её, уже её забываю. Пишет, что мучилась и терзалась, но что ни за что не выдала бы мне свою тоску, сомнения, «умерла бы, а не сказала ни слова». Я это понимаю; у ней гордое, благородное

сердце. И потому пишет она: «Я невольно охладела к Вам в моих письмах, почти уверенная, что не тому человеку пишу, который еще недавно меня только одну любил». Я заметил эту холодность писем и был убит ею».²⁹

«Я истерзался в мучениях...»

Достоевский «убит холодностью» Исаевой? Неудивительно - его поведение более чем странно. То он изнывает от любви к ней, то танцует с семипалатинскими дамами, и рассказывает о них предмету своих терзаний. Исаева тут же наказывает Федора Михайловича, ибо ему докладывают, что «она выходит замуж». Но ведь М.Д. – решающий аргумент Достоевского при решении главной подспудной сверхзадачи и необходимых для того столь долгожданных милостей!

Итак, Достоевский пишет Врангелю: «Вдруг мне говорят, что она выходит замуж. Если б Вы знали, что со мной тогда случилось! Я истерзался в мучениях, перечитал её последние письма, а по холодности их поневоле пришел в сомнение, а затем в отчаяние. Я еще не успел ей ничего написать об этом, как получаю от неё письмо, о котором писал Вам в прошлый раз, где она, говоря о своем беспомощном, неопределенном положении, спрашивает совета: «что ей отвечать, если человек с какими-нибудь достоинствами посвятился к ней?». После этого прямого подтверждения всех сомнений моих я уже и сомневаться не мог более. Всё было ясно, и слухи о замужестве её были верны, и она скрывала их от меня, чтоб не огорчать меня. Две недели я пробыл в

таких муках, в таком аде, в таком волнении мыслей, крови, что и теперь даже припомнить не могу от ужаса. Ей-богу, я хотел бежать туда, чтоб хоть час быть с ней, а там пропадай моя судьба! Но тень надежды меня остановила».³⁰

«В муках ревности и грусти...»

Исаева, как женщина незаурядного интеллекта (говорят ее современники), не могла не усвоить предпринятый Достоевским «путь решения сверхзадачи».

Не очень четко представляется, правда, увидел ли бы Достоевский истинное исполнение всех желаний лишь в обладании М.Д., или – только вкупе с ожидаемыми от царя послаблениями, необходимыми для достижения своей заветной цели: положение, столица, известность. Впрочем, всё так переплелось в затеянном им романе «въяве», что ответить однозначно на такой вопрос, наверное, невозможно.

Но - поволноваться Исаева Достоевского заставила. Читаем далее: «Я ждал её ответа, и эта надежда спасла меня. Теперь вот что было: в муках ревности и грусти о потерянном для неё друге, одна, окруженная гадами и дрянью, больная и мнительная, далекая от своих и от всякой помощи, она решила выведать наверно: в каких я к ней отношениях, забываю ли её, тот ли я, что прежде, или нет? Для этого она, основываясь кой на чем, случившемся в действительности, и написала мне: «что ей отвечать, если кто-нибудь ей сделает предложение?». Если б я отвечал равнодушно, то это бы доказало ей, что я действительно забыл её. Получив это письмо, я написал письмо отчаянное, ужасное, которым растерзал её,

и еще другое в следующую почту».³¹

«Ей отраднa была тоска моя...»

Достоевский не раз отзывался о Кузнецке (месте его венчания!) в самых нелестных выражениях. Исаева «окружена гадами и дрянью». Но кто они? Вергунов? Супруги Катанаевы - исправник и исправница, принимавшие в её судьбе большое участие? Священник Тюменцев, который позже обвенчает новобрачных?

Ныне принято, особенно в местной краеведческой литературе, представлять «кузнецкое окружение» Достоевского и Кузнецк в целом, как таковой, в сусальных тонах. В какой-то мере это оправдано.

Кузнецк не хуже и не лучше любого другого уездного города. И жили в нём люди очень разные. Благотворители и распутники, просвещенные и богобоязненные, чудаки и даже преступники. Но, тем не менее, это был городок, проникнутый своеобразным уютом микроклимата провинции, где все перероднились, перекумились и превращались, так что отношения – как плотно сбита корневая система. И всё же Исаеву приняли, и даже поддерживали её.

А как же «гады и дрянь»? Почему так жестки характеристики, данные этому провинциальному городишке самим Достоевским? С ним, в основном, у Достоевского связаны впечатления малоприятные. Читаем: «Она была всё последнее время больна, письмо моё её измучило. Но, кажется, ей отраднa была тоска моя, хоть она и мучилась за меня. Главное, она уверилась по письму моему, что я её попрежнему, беспредельно люблю. После этого она уже

решилась мне всё объяснить: и сомнения свои и ревность и мнительность, и, наконец, объяснила, что мысль о замужестве выдумана ею в намерении узнать и испытать моё сердце. Тем не менее, это замужество имело основание. Кто-то в Томске нуждается в жене и, узнав, что в Кузнецке есть вдова, еще довольно молодая и, по отзывам, интересная, через кузнецких кумушек (гадин, которые её обижают беспрестанно) предложил ей свою руку. Она расхохоталась и ответила кузнецкой даме-свахе, что она ни за кого не выйдет здесь и чтоб её больше не беспокоили. Те не унялись: начались сплетни, намеки, выпрашиванья: с кем это она так часто переписывается?».³²

Вспоминаются, читатель, мордасовские страсти на почве предполагаемого замужества Зины за старым Князем («Дядюшкин сон»)?

«Уверен, ... что все для меня кончилось...»

Исаевой предлагалось замужество с кем-то из Томска. Но ведь Вергунов – «корнями» именно оттуда. Он появился в Кузнецке только в 1854г., то есть за два года до описываемых событий, практически в одно и то же время с Исаевой – это ли не веление рока! И Вергунов, и Исаева были одиноки в чужом для них городе: они считались «приезжими», и уже поэтому – «не своими».

Так, может, под «томским» женихом подразумевался Вергунов? Сказать же напрямую Достоевскому, что «претендент» сейчас чуть не рядом с ней, Исаева боялась. Потому что сомневалась – насколько гладко пройдет получение милостей, ожидаемых Достоевским, а уж если не гладко – то замена найдена: вполне

житейская ситуация. А Вергунов за неё – в огонь и в воду.

Интрига, меж тем, завязывалась всё туже: «У ней есть там одно простое, но доброе семейство чиновников, которое она любит. Она и сказала чиновнице, что если выходить замуж, то уже есть человек, которого она уважает и который почти делал ей предложение. (Намекала на меня, но не сказала кто). Объявила же она это, зная, что и хоть хорошие люди, а не утерпят и разгласят всюду, а таким образом, коли узнают, что уже есть жених, то перестанут сватать других и оставят её в покое. Не знаю, верен ли был расчет, но сын Пешехонова, там служащий, написал отцу, что Марья Дмитриевна выходит замуж, а тот и насплетничал в Семипалатинске, таким образом, я и уверен был некоторое время, что всё для меня кончилось».³³

О, мордасовский салон «доброго семейства» - очевидно, Катанаевых (кстати – вот ведь не все «гадины»!), - о, комический роман «Дядюшкин сон»...

«Я ревную ее ко всякому имени...»

Таким образом, Достоевский уверился, что ревновал сам к себе. Но поражает другое: неистощимая его способность подбирать аргументы, дабы «подживить» ход событий в «устройстве судьбы».

«Гадость кузнецкая её замучает!» – восклицает он в письме к Врангелю, и тот, видимо, должен это понимать так: если не ускорить царского прощения, то будет уже поздно, местные обыватели окончательно Исаеву «загрызут». Тем более торопит и такая причина: спасаясь от «гадов кузнецких», Исаева может

ринуться в Астрахань к отцу, и тогда всё пропало, роман будет перечеркнут навеки, а Достоевскому - либо в Иртыш, либо «с ума сойти».

В общем, все, - в том числе и царь! - просто-таки обязаны спасти Достоевского от гибели, и с захоленной трясинной не могут совладать ни бароны, ни генералы...

Концовка письма: «Но друг мой милый! Если б Вы знали, в каком грустном я положении теперь. Во-первых, она больна: гадость кузнецкая её замучает, всего-то она боится, мнительна, я ревную её ко всякому имени, которое упомянет она в своем письме. В Барнаул ехать боится: что если там примут её как просительницу, неохотно и гордо. Я разуверю её в противном. Говорит, что поездка дорого стоит, что в Барнауле надо новое обзаведение. Это правда. Я пишу ей, что употреблю все средства, чтоб с ней поделиться, она же умоляет меня всем, что есть свято, не делать этого. Ждет ответа из Астрахани, где отец решит, что ей делать: оставаться ли в Барнауле или ехать в Астрахань? Говорит, что если отец потребует, чтоб она приехала к нему, то надо ехать, и тут же пишет: не написать ли отцу, что я делаю ей предложение, и только скрыть от отца настоящие мои обстоятельства? Для меня всё это тоска, ад. Если б поскорее коронация и что-нибудь верное и скорое в судьбе моей, тогда бы она успокоилась. Понимаете ли теперь моё положение, добрый друг мой. Если б хоть Гернгросс принял участие. Право, я думаю иногда, что с ума сойду!».³⁴

Итак, вдруг приоткрывается: Исаева, несмотря на всю ее романтичность – весьма трезвомыслящая

женщина. Если она напишет отцу о будущем браке с Достоевским, поездка в Астрахань её минет. Так не думает ли он сообщить старику Констант о своем намерении как о факте? Что остаётся Достоевскому, как не гнать события во весь опор. Ведь, того и гляди, прослывешь подлецом в глазах отца Исаевой...

«Я один с своей безвыходной тоской...»

Проходит месяц. 23 мая 1856г. - очередное письмо Врангелю. Врангель, Тотлебен и Гасфорт, весьма влиятельные и близкие ко двору, о Достоевском хлопочут, царь внемлет просьбам, и Достоевский удовлетворенно восклицает: «Дело, я сам понимаю, на хорошей дороге. Дай бог счастья великодушному монарху! Итак, всё справедливо, что рассказывали постоянно о горячей к нему любви всех! Как это меня радует!».

Стихи на коронацию царю посланы.

Но чем лучше идут дела, тем большего хочет Достоевский. Он через Врангеля пытается влиять на «верхи» и по своему обычаю подсказывает ему, что и в какой форме сказать Тотлебену и Гасфорту, чтобы монаршие послабления получить сполна: «Будете ли Вы в Петербурге при приезде Гасфорта? Встретитесь ли с ним? Если б встретились, то прошу Вас не говорить ему о Тотлебене. Он горячее примется, если успех дела отнесут лично к нему. Но превосходно было бы, если б Тотлебен, встретив его где-нибудь или даже (но на такую милость от Тотлебена я и надеяться не смею) сделав сам визит Гасфорту (что Гасфорту страшно польстит), попросил бы его

представить моё стихотворение царю с просьбой печатать и замолвить за меня доброе слово, если его будут обо мне спрашивать, то есть достоин к производству. Не правда ли, что тогда дело обделалось бы хорошо!».

Однако вот что удивительно. Ведь мы уже знаем, что милостей высшей власти Достоевский просил для себя через посредников, чтобы облегчить положение бедной вдовы в Кузнецке.

Но почему-то, по мере того, как все оборачивается к лучшему, он описывает свои отношения с Исаевой как бы в некоем «подвесе», - не иначе, дабы «подстегнуть» романтического Врангеля в его рвении помочь.

Достоевский заверяет его, что история с Исаевой - в тупике: союз вот-вот распадется, поскольку ожидание затянулось: «Дела мои ужасно плохи, и я почти в отчаянии. Трудно перестрадать, сколько я выстрадал! Но не буду утомлять Вас, тем более, что всего передать не могу, и таким образом я один совершенно со своей безвыходной тоской. О! Кабы Вы были здесь, без Вас того не было бы! Дело в том, что она отказалась теперь формально ехать в Барнаул; но это бы ничего! Но во всех последних письмах, где всё-таки мелькает нежность, привязанность и даже более, она мне намекает, что она не составит моего счастья, что мы оба слишком несчастны...».³⁵

«Уверьте ее, успокойте ее!...»

В цитируемом письме одна страница утеряна. Комментаторы и редакторы собрания сочинений

поясняют: «Текст переходил на следующую страницу, оторванную, вероятно, А.Г. Достоевской».

Случайно ли Анна Григорьевна «оторвала» утраченное, где, возможно, – о первой жене? Ведь к памяти М.Д. Исаевой она ревновала, и любые упоминания о «темпераментной африканке» её больно ранили. К счастью, концовка на полях сохранившегося листа, уцелела: «О Паше она просит меня хлопотать в Сибирский корпус, просит и Вас похлопотать у Гасфорта, не примет ли даже в этом году в малолетнее отделение (Паше девятый год)? Я обещался хлопотать бескорыстно и потому – умоляю, - что можете – сделайте. Но умоляю тоже, ради бога, уговорите брата, чтоб он справился подробно и прилежно, нельзя ли Пашу поместить в Павловский корпус, хоть не теперь, так в будущем году? Если можно, то чтоб брат написал Марье Дмитриевне, в возможно скором времени, все подробности, обнадежил бы её совершенно, а Вы, Александр Егорович, ради Христа и для меня, обнадежьте её, что может быть хороший случай доставки Паши в Петербург, что ей не надо и с места сдвигаться, чтобы отправлять сына в Петербург, что другие доvezут, а в Петербурге Паша найдет друзей. Уверьте её, успокойте её! Особенно умоляю в том брата...».³⁶

«Только бы с ней видеться...»

Далее – Достоевский предпринимает тайную «вылазку» в Кузнецк. Возможно, хочет проверить – что таится за слухами о «кузнецком женихе». Однако переход к предполагающейся поездке в письме слишком резкий. Создается впечатление, что на упомянутой

утраченной странице о посещении Кузнецка говорится подробнее, а «под занавес», как это часто и бывало в посланиях Достоевского, он возвращается к самому для него главному.

И поскольку это - *первая* побывка Достоевского у Исаевой после смерти её мужа, то есть как бы предвечальная, она более всего должна была раздражать вторую супругу писателя. Не в этом ли секрет и причина исчезновения целого фрагмента из послания Врангелю?

Читаем: «Что я еду в Кузнецк, я не сказал Белихову, но я проеду туда хоть на несколько часов. Не сказал потому, что Белихов в последнюю минуту как-то стал почесываться. Однако отпускает. Еду почти наверно, если завтра Белихов не переменится. Всё на свой счет. Не обвиняйте меня, что я трачу без пути; но я готов под суд идти, только бы с ней видеться. Моё положение критическое. Надобно переговорить и всё решить разом! Не беспокойтесь; в дороге со мной ничего не случится; я осторожен. Вернусь через 10 дней, но увижу её. Что я поеду в Кузнецк, я держу в тайне. Ради Христа, и Вы не говорите никому, кроме брата. Друг мой! Я в ужасном волнении. Вы пишете, что хлопчете о переводе моем в барнаульский батальон. Ради всего, что для Вас свято, не переводите меня раньше офицерства (если бог пошлет его). Это будет смерть моя. Во-первых, elle ne sera pas la (пер. с фр. комментаторов собрания сочинений: «её там не будет», - *авт.*). Во-вторых, какво привыкать к другим лицам, к новому начальству. Здесь я от караулов избавлен, там нет. Начальство батальонное – плохо. И зачем? Для чего? Чтоб жить

вместе? А она будет, может быть, в Омске. Ради бога, оставьте эту идею. Она меня приводит в отчаянье... Прощайте, друг мой, храни Вас бог, жду Вас, как ангела божия. Вы мне более чем друг и брат. Вы мне богом посланы».³⁷

«Она плакала, целовала мои руки...»

Таким образом, Врангель проявляет завидное усердие, помогая Достоевскому, и даже решается предпринимать шаги по облегчению его участи, которые заранее с ним не согласованы. Врангель попал под гипноз опытного душеведа. Увы, провидческое воздействие великого писателя не «обволокло» Исаеву. А потому все подозрения оправдались: М.Д. полюбила другого, хотя клялась в верности Достоевскому. Она разрывалась меж двумя претендентами точно также, как много позже – Достоевский между Исаевой и Шуберт.

Из письма Врангелю 14 июля 1856г.: «Спешу Вам отвечать с первою же почтой, добрейший, бесценный мой Александр Егорович... Вы всегда мне брат были; я это чувствую и знаю. Но если б Вы знали, как мне нужно было Ваше дружеское участие, Ваша память обо мне во всё это время... Благодарю Вас еще в 100-й раз за все Ваши старанья обо мне. Поблагодарите обоих Тотлебенев. Вы не можете представить себе, с каким восторгом я гляжу на поведение таких душ, как Вы и они оба, относительно меня! Что я Вам сделал, что Вы меня так любите? Что я им сделал, благородным душам! Благослови вас всех господь! Итак, теперь я могу надеяться крепко, но... уже поздно! Я был там, добрый друг мой, я видел

её! Как это случилось, до сих пор понять не могу! У меня был вид до Барнаула, а в Кузнецк я рискнул, но был! Но что я Вам напишу? Очень повторяю, можно ли что-нибудь уписать на клочке бумаги! Я увидел её! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого».³⁸

«Ее сердце опять обратилось ко мне...»

Странное совпадение! Как только стало ясно, что послабления, которых Достоевский домогался, его не минут, - наметился разрыв с Исаевой. Но ведь именно она была важным стимулом для получения «милостей» свыше. План осуществлен – и теперь нужно осторожно и по-прежнему романтично повернуть ситуацию сугубо в русло «грозного чувства».

Возможно, режиссирующий события Ф.М. и самому себе не смел признаться в такой «игре», но это – как оговорки у Фрейда. Подсознание вдруг вспыхивает и толкает под локоть: скажи так, сделай этак. Заметим, внимание молодого соперника к Исаевой неизбежно заново распаляет Достоевского (о, треугольники!). А, попав в Кузнецк, он понял: она не перестала быть досягаема, плод созрел, протяни руку...

Притом то же всеведающее подсознание подсказывает: для «бывшего каторжника», чтобы стереть клеймо, лучшей пары не сыскать, - будущему писателю необходимо выглядеть респектабельно. И вот они: жена, семейство – краеугольный камень, фундамент положения в обществе... Он продолжает: «Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и её сердце опять обратилось ко мне. Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала:

«Не плачь, не грусти, не всё ещё решено; ты и я и более никто!». Эти слова её положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и я опять вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! Я не скажу, бог с ней! Я не знаю еще, что будет со мной без неё. Я пропал, но и она тоже».³⁹

Треугольник восстановлен. Нет-нет! От Исаевой «бывший каторжник» не откажется...

«Страдавшая, мучившаяся, больная...»

«Пропал» бы Достоевский без Марии Дмитриевны? Но ведь обходился же он без неё во время романа с Суловой? И многими другими. Да и после ее гибели он, скорее, «расцвел»...

А Исаева? «Пропала» ли бы она без Достоевского? Да, она мечется между ним и Вергуновым, который рядом с ней вплоть до лета 1859г. Но худо ей именно без Вергунова. Не случайно же она встречается с ним тайком по дороге в Тверь – если верить Л.Ф. Достоевской и документам, «играющим» на эту версию.

И, значит, великий психолог всё же не сумел «просчитать» наперед вехи собственной любовной коллизии.

Длитель роман на расстоянии можно долго и аффектировано, а прожить бок о бок бывает трудно, не то что годы, а порою один день... Далее в письме сказано: «Можете ли Вы себе представить, бесценный и последний друг мой, что она делает и на что

решается, с её необыкновенным, безграничным здравым смыслом! Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет её жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, она готова выйти замуж теперь за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видавшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль, без значенья, без дела на свете, без ничего, учителя в уездной школе, имеющего ввиду (очень скоро) 900 руб. ассигнациями жалованья. Скажите, Александр Егорович, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями?».⁴⁰

«Ее счастье я люблю более моего собственного...»

У Исаевой с Вергуновым «разные взгляды на жизнь»? А с Достоевским – общие? Коли душой она всегда тянулась к Вергунову – настолько, что их прощание при отъезде из Семипалатинска переросло в тайные от мужа свидания. Так кто же в «треугольнике» был лишним?... Достоевский – Врангелю: «И не оставит ли он её впоследствии, через несколько лет, ...не позовет ли он её смерти! Что будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распря, которую я неминуемо предвижу в будущем; ибо будь он хоть разыдеальный юноша, но он всё-таки еще не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Всё может быть впоследствии. Что, если он

оскорбит её подлым упрёком, когда поверит, что она рассчитывала на его молодость, что она хотела сладострастно заесть век, и ей, ей! чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать! Что же? Неужели это не может случиться? Что-нибудь подобное да случится непременно; а Кузнецк? Подлость! Бог мой, - разрывается моё сердце. Её счастье я люблю более моего собственного. Я говорил с ней обо всем этом, то есть всего нельзя сказать, но о десятой доле. Она слушала и была поражена. Но у женщин чувство берет верх даже над очевидностью здравого смысла». ⁴¹

«Она плакала и мучилась...»

Какие дурные мысли и поступки приписывает Достоевский сопернику, о котором, по сути, ничего не знает! Почему он решил, что с Вергуновым у Исаевой будут распри, что тот станет оскорблять её и «позовёт её смерти»? А намёки, будто Вергунов когда-нибудь даже попрекнет Исаеву, что «она рассчитывала на его молодость»? Приёмы, кажется, - не вовсе корректны.

Но действительно ли так считал писатель, или в подсознании его уже намечались контуры предсмертного диалога учителя Васи и героиней «Дядюшкиного сна» Зины, и будущий «комический роман» уже «проклевывается» из переживаемого вьяве...

Так или иначе, именно как попытки очернить Вергунова расценила их и сама Исаева: «Резоны упали перед мыслию, что я на него нападаю, подыскиваюсь (бог с ней); и защищая его (что, дескать, он не может быть таким), я ни в чем не убедил её, но оставил

сомнение: она плакала и мучилась. Мне жаль стало, и тогда она вся обратилась ко мне – меня жаль! Если б Вы знали, что это за ангел, друг мой! Вы никогда её не знали; что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное – у неё сердце рыцарское: стубит она себя. Не знает она себя, а я её знаю! По её же вызову я решил написать ему всё, весь взгляд на вещи; ибо, прощаясь, она совершенно обратилась опять ко мне всем сердцем. С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Я знал своё ложное положение; ибо начни отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут: для себя стараются, нарочно изобретает ужасы в будущем. Притом же он с ней, а я далеко. Так и случилось. Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил всё, что может произойти от неравного брака. Со мной то же случилось, что с Gil-Blas'ом и archeveque de Grenade (пер. с фр. комментаторов собрания сочинений: «С Жиль Блазом и архиепископом Гренадским», - авт.), когда он сказал ему правду». ⁴²

Поистине, Достоевский умел «напророчивать».

Это через пять лет, когда «Дядюшкин сон» уже давно написан и напечатан, и первая волна озлобления «осела», учитель Вася «умерщвлен», а Мозгляков морально изничтожен, возможно, сам себе не признаваясь, сам писатель «позовёт её смерти», и нет-нет, а подумает: хотела сладострастно заесть свой век с молодым Вергуновым.

И, поскольку Федор Михайлович так безошибочно «предрекал» в том общем письме, стало быть, и мысли, и слова, приписанные Вергунову, уже врезались в его памяти (о, мудрый старый Фрейд!), точно

также, как навязчивая идея «любовных треугольников»...

«Опять нежна..., опять ласкова...»

Как известно, «ужасы в будущем» сулила Исаевой именно связь с Достоевским. Не он ли сам определил свои отношения с ней как «любовь-мучительство»? Теперь уж и не скажешь насчет безмерности «любви», а вот «мучительства» действительно было предостаточно.

Любопытно и то, что Ф.М., называя Вергунова в письмах чуть не подлецом и уверившись, что «дурное сердце у него», одновременно умело располагает его к себе, настолько, что – «он сошелся со мной, он плакал у меня».

И раз «плакал» – значит, и думать не смел о тщательно скрываемых подозрениях Достоевского по поводу его, Вергунова, предположительно нетактичного отношения к Исаевой, причем в отдаленной перспективе. И это не двуличие и не лицемерие. Это расчет жениха, который пытается устранить соперника.

Читаем далее: «Она отвечала горячо, его защищая, как будто я на него нападаю. А он истинно по-кузнецки и глупо принял себя за личность и за оскорбление – дружескую, братскую просьбу мою (ибо сам просил у меня дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья; ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущем и вечный Кузнецк. Представьте себе, что он всем этим обиделся; сверх того вооружил её против меня, прочтя наизнанку одну мою мысль и уверив её, что она ей оскорбительна. Мне написал

ответ ругательный. Дурное сердце у него, я так думаю! Она же после первых вспышек уже хочет мириться, сама пишет мне, опять нежна... опять ласкова, тогда как я еще не успел оправдаться перед нею».⁴³

«Не заживает душа и не заживет никогда...»

Так нелестно аттестовав Вергунова в письме к Врангелю, Достоевский чувствует, очевидно, необходимость скомпенсировать свои обвинения против соперника – ведь он дорожит мнением романтично настроенного друга и никак не хочет выглядеть в его глазах не только несправедливым, но и невеликодушным.

И тут – следующий ход, который уж вовсе озадачивает.

Достоевский хлопчет о Вергунове, прося Врангеля изыскать кузнецкому учителю место и жалование получше. Читаем: «Чем это кончится, не знаю, но она погубит себя, и сердце моё замирает. Верьте мне, не верьте, Александр Егорович, говорю Вам как богу, но её счастье мне дороже собственного. Я как помешанный в полном смысле слова всё это время. Смотры у нас были, и я, измученный и душевно, и телесно, брожу как тень. Не заживает душа и не заживет никогда... Напишите Марье Дмитриевне, что хотите. Если б Вы знали, с каким чувством и уважением она говорит о Вас. Но Вы её никогда не знали!... Еще одна крайняя просьба до Вас. Ради бога, ради света небесного, не откажите. Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хотя бы деньги были. А для того ему надо место, перетащить его куда-нибудь. Он теперь получает 400 руб. ассигнациями и хлопчет держать экзамен на учителя

выше, в Кузнецке же. Тогда у него будет 900 руб. Я еще не знаю, что можно для него сделать, я напишу об этом. Но теперь поговорите о нем с Гасфортом (как о молодом человеке достойном, прекрасном, со способностями; хвалите его на чем свет стоит, что Вы знали его; что ему не худо бы дать место выше. У него, кажется, есть класс. Если Вы будете в милости у Гасфорта, ради бога, скажите, что Вам это стоит. Гернгроссу тоже о нем напишите что-нибудь. Я Вам напишу еще, скажу, что именно: а теперь только слово закиньте Гасфорту при случае. Его зовут: Николай Борисович Вергунов. Он из Томска. Это всё для неё, для неё одной. Хоть бы в бедности-то она не была, вот что!)».⁴⁴

«Может быть, еще есть надежда...»

Показав себя не в самом выгодном свете в Кузнецке, Достоевский пытается «выправить» оплошность хлопотами о Вергунове, о которых, конечно же, Исаевой сообщает тут же. («А как же иначе» - хихикает сегодняшний скептик). И на фоне «ругательного ответа» соперника, поминаемого в письме, благородный и широкий жест Ф.М. должен произвести на возлюбленную особенно сильное впечатление. А чтобы она в этом впечатлении не разуверилась, Достоевский продолжает беспокоиться о её сыне: «О Паше просил Слуцкого и других хлопотать в Омске, да еще о пособии (отец же её не забывает и помогает). Пособие двинулось вперед. Слуцкий так обязателен, отвечал мне до невероятности вежливо. Сделал всё, что мог. Но о Паше пишет, что нет вакансии и что только один государь может утверждать сверхкомплектного, а в кандидаты запишут.

Похлопочите у Гасфорта, ради бога, может быть, еще есть надежда принять его на нынешний год... Есть еще к Вам одна самая экстренная просьба... Друг мой, ... мне нужны деньги, очень, крайне, хоть зарежесья».⁴⁵

Трудно, трудно быть закадычным другом Достоевского. Вот уже кто не стесняется условностями, - так это он. Просьбы так и сыплются на Врангеля, притом кто же отважится отказать, особенно в деньгах, если тебя просят «как бога», «как брата!»...

«Если Вы всё еще продолжаете любить меня...»

Первая поездка и свидание с Исаевой, а особенно встреча с Вергуновым несколько омрачили облик Достоевского в его романтической игре. Но, выказывая особое внимание к судьбе кузнецких влюбленных и задействовав влиятельные знакомства, Достоевский положение выправляет. Вергунов же, - пусть и подле Исаевой – беспомощен. Федор Михайлович уже точно психологически выверил и просчитал, что М.Д. неизбежно выйдет замуж именно за него, - хотя бы ради сына, за которого он так хлопочет...

Очередное письмо Врангелю – через неделю, 21 июля 1856г.: «Я Вам писал, что просил Слуцкого похлопотать за Пашу и Ждан-Пушкина тоже просил и что от обоих получил ответы. На этот год надежда плохая. Я просил Вас сказать об этом Гасфорту. Но теперь получил еще письмо от Слуцкого, которого я тоже просил подвинуть вперед дело Марьи Дмитриевны о назначении ей единовременного пособия, так как она имеет право на него по закону по смерти мужа, именно в 285 руб. серебром. Слуцкий действительно подвинул дело, совсем залежавшееся. На ту

беду уехал Гасфорт. Главное управление, за отсутствием его, представило это дело министру внутренних дел (от 7-го июля 1856, за №972). Теперь: это представление о назначении ей пособия может засесть в Петербурге, особенно при нынешних обстоятельствах, и бог знает сколько может пройти времени, прежде, чем решат его. Да, кроме того, еще решат ли в её пользу? Ну как откажут? Друг мой, добрый мой ангел! Если Вы всё еще продолжаете любить меня, непрерывно осаждающего Вас самыми разнообразными просьбами, то помогите, если можно, и в этом деле. Ради бога, справьтесь об участи этого представления; верно, у Вас найдутся знакомые, которые Вам помогут в этом, и люди с влиянием, с весом».⁴⁶

Врангель, как всегда, терпелив и безотказен. Такой, как он, – не подведет...

«За что же она, бедная, будет страдать...»

Хлопоты за Марью Дмитриевну лихорадочны. Так явственно доказывать своё великодушие к женщине, нарушившей все клятвы и связавшейся с молодым и красивым учителем, мог только Достоевский! А уж просьбы за Вергунова наверняка вызвали у Врангеля не только изумление, но и восхищение.

Не подумал ли он: «бедный обманутый друг мой, – какое, право, большое и доброе сердце, и за что выпало ему столько испытаний: то каторга, то «отбивание» невесты чуть не из-под венца; и какова же коварная Исаева, – после измены еще смеет пользоваться и без того незавидным положением Федора Михайловича себе во благо!».

Оплошность Достоевского заглажена. И в глазах Исаевой (которой ведь тоже мечтаются блага, гарантированные участием к Достоевскому, а, стало быть, и к ней весьма именитых особ), и в глазах Врангеля – он в очередной раз убедился в необыкновенности и чистоте помыслов своего «душевного друга». Да и как не прослезиться, читая такие строки: «Нельзя ли так подшевелить это дело, чтоб оно не залежалось и разрешилось в пользу (коварной! бесчестной! расчетливой! – так, возможно, в тайне души мог аттестовать Исаеву Врангель, – *авт.*) Марьи Дмитриевны. Ангел мой! Не поленитесь, сделайте это, ради Христа. подумайте: в её положении такая сумма целый капитал, а в теперешнем положении её – спасенье, единственный выход. Я трепещу, чтоб она, не дождавшись этих денег, не вышла замуж. Тогда, пожалуй (как я полагаю) ей еще откажут в нём. У него ничего нет, у ней тоже. Брак потребует издержек, от которых они оба года два не поправятся! И вот опять для неё бедность, опять страдание. К отцу ей тогда уже обращаться нельзя с просьбами о помощи, ибо она будет замужем. За что же она, бедная, будет страдать и вечно страдать? И потому, ради бога, исполните мою просьбу: исполните тоже (хоть по возможности) и те просьбы, которые я Вам настрочил в прошлом письме. Вы не знаете, до какой степени Вы меня осчастливите!... Не забудьте про Вергунова, ради бога, поговорите Гасфорту и Гернгроссу...».⁴⁷

Покошунствуем: ну, как дело обернется в пользу Достоевского, а пособие не подоспеет до брака? Ведь деньги и чете Достоевских тоже не лишни, так что спешите подстегивать события, – так сказали бы мы,

теперешние...

«Я ни о чем не думаю, кроме как об ней...»

На просьбы Достоевского Врангель долго не отвечал. Такая реакция естественна со стороны нормального человека, которому могли показаться странными хлопоты потенциального жениха за неверную невесту и её обожателя.

Обращенные через Врангеля ко многим известным лицам, ходатайства были чересчур горячи, однако поневоле возникал вопрос: а действительно ли помогаешь Достоевскому, обустривая жизнь Исаевой через поддержку ее любовника?

И какое дело генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту до вдовы, обуреваемой противоречивыми чувствами одновременно к двум претендентам? Ситуация выглядела достаточно анекдотично. Возможно, хотелось Достоевскому в просьбах даже отказать.

Врангель, конечно, так не поступит, но в переписке с Достоевским – пауза. Следующее письмо Врангелю помечено только 9 ноября 1856г.: «... Вы спрашиваете о моих отношениях с Марией Дмитриевной. Если б Вы хотели узнать что-нибудь обо мне, то именно задав мне этот вопрос, потому что она по-прежнему всё в моей жизни. Я бросил всё, я ни об чем не думаю, кроме как об ней. Производство в офицеры если обрадовало меня, так именно потому, что, может быть, удастся поскорее увидеть её. Денег не было, и я еще не поехал. Брат обнадеживает. Жду на следующей неделе и тотчас отправлюсь... Тоска моя о ней свела бы меня в гроб и буквально довела

бы меня до самоубийства, если б я не видел её... Не качайте головой, не осуждайте меня; я знаю, что я действую неблагоприятно во многом в моих отношениях с ней, почти не имея надежды, - но есть ли надежда, нет ли, мне всё равно».⁴⁸

«Любовь в таком виде есть болезнь...»

В предыдущих письмах Достоевский не единожды просил Врангеля о деньгах. Более того – Врангелю поручалось сообщить о трудных финансовых обстоятельствах и брату Михаилу. Но денег, как мы видели только что, Достоевский еще не получил. Не потому ли, что Ф.М. неоднократно сообщал о намерении помочь Исаевой, либо совершить поездку в Кузнецк, что тоже стоило недешево.

И, - если перейти на современные категории, - оберегая его от «ужасной женщины, той самой, знаете, что спуталась с молодым учителем», Врангель и брат Михаил, возможно, помощи и не шлют?

А посему – новые настойчивые просьбы: «Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть её, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь. Я это чувствую. Я задолжал от поездки (я пытался в другой раз ехать, но доехал только до Змиева, не удалось). Теперь опять поеду, разорю себя, но что мне до этого! Ради Христа, не показывайте этого письма брату. Я перед ним виноват до бесконечности. Он, бедный, помогает мне из последних сил, а я куда трачу деньги! Я и у Вас просил – или топиться или удовлетворить себя. Отношения у нас с нею те же. Каждую неделю письма, длинные, полные самой искренней, самой крайней

привязанности. Но она часто в своих письмах называет меня братом. Но она меня любит». ⁴⁹

«О, не желайте мне оставить эту женщину и эту любовь...»

Отчего Достоевский, будучи еще солдатом, так добивался Исаевой и почему она так долго не соглашалась на брак с ним? В недавно вышедшей книжке директора Омского музея Ф.М. Достоевского, Виктора Вайнермана, читаем о любопытной истории, когда будущему великому писателю семипалатинский фельдфебель «закатывает оплеуху» за недостаточно усердное выполнение приказа. А посему – выгладеть в глазах окружающих (не только в своих собственных и барона Врангеля) «на уровне» Достоевскому чрезвычайно важно. Оплеуху он не забыл. Серая шинель жжет спину. Статус солдата, да еще человека неженатого, то есть – неостепенившегося, мешает жить.

Исаева к нему, как ни странно, возможно, относится двояко: с одной стороны как Врангель – восхищается им самим, несмотря на его «низкое» положение, - (мало ли какие причуды могут быть у баронов, вот тянет их к обиженным и оскорбленным!) – с другой же стороны отношение ее к Ф.М. как у фельдфебеля: в конце концов, что такое Достоевский – не более чем солдат!

Она, конечно, никогда даже самой себе не признается в такой двоякости, но ее долгие колебания, - кого выбрать: Достоевского или Вергунова, разве же не говорят о ее подсознательном раздвоении...

Читаем: «Одно появление моё в Кузнецке сделало, что она почти возвратилась ко мне опять. О, не

желайте мне оставить эту женщину и эту любовь. Она была свет моей жизни. Она явилась ко мне в самую грустную пору моей судьбы и воскресила мою душу. Она воскресила во мне всё существование, потому что я встретил её. Но если б Вы знали, что это за ангел, что это за душа! Что за сердце! Бедная, она терпит лютую долю! Жить в Кузнецке ужасно». ⁵⁰

«Она чрезвычайно Вас любит...»

В упомянутой книжке В. Вайнермана «Поручаю себя Вашей доброй памяти» (Омск, 1996) читаем, что в Семипалатинске Достоевский увлекся Елизаветой Михайловной Неворотовой, торговавшей булками на рынке. Будучи сиротой, она выручкой от выпеченного ею хлеба зарабатывала на пропитание. Ф.М. написал ей немало писем. Неворотова была красива, и сердце бывшего каторжника в первые месяцы пребывания в этом городе принадлежало бедной «сиротке».

Однако он в тайне души лелеял далеко идущие планы по возвращении в Россию вновь приобщиться к литературному поприщу. Булочница ему была явно не пара, сердце его рвалось к более возвышенному, но и к более «светскому», идеалу.

Исаева оказалась ему впору – но не хотела выходить за солдата. За прапорщика – еще куда ни шло... Так что в романе с Исаевой помогающей стороной был Достоевский. Исаева же раздумывала. И вела себя соответственно.

Из письма Врангелю: «За сына она хлопочет в корпус (я просил Слуцкого о нем, письменно, и он обещался сделать всё, что может), хлопочет о получении

вспоможения и живет крохами, которые присылает ей отец, тихо, скромно, кротко, заставив уважать себя весь этот городишко. Это твердый, сильный характер. Брак её с тем (другим), по-видимому, совсем невозможен, материально невозможен (у него 300 руб. жалованья), а она не захочет обременять его... Мария Дмитриевна 1000 раз об Вас спрашивала. Она очень беспокоится о Вас по моим письмам. Она чрезвычайно Вас любит и почти с благоговением говорит о Вас. Уважает Вас до бесконечности».⁵¹

«Это ангел божий, который встретился мне на пути...»

Итак, Вергунов, если судить по сообщению Достоевского, получил отказ. Что по времени совпало именно с производством Ф.М. в прапорщики (о чем ему стало известно 30 октября). Исаева смягчилась, но догадывался ли Достоевский об истинной причине ее «потепления»? Конечно. Более того, - знал о ней наверняка.

Поэтому, прекрасно отдавая себе отчет, что дела пошли в гору, в письме к брату от 9 ноября 1856г. для вида «сомневается»: хоть и любит, де, Исаева, но, кажется, замуж за него никогда не выйдет. При том, что очередной турнир с Вергуновым, похоже, уже выигран... Читаем: «Ту, которую я любил, я обожаю до сих пор. Чем это кончится, не знаю. Я сошел бы с ума или хуже, если б не видал её. Всё это расстроило мои дела (не думай, что я с ней делюсь, ей отдаю; не такая женщина, она будет жить грошем, а не примет). Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас страдание. Без неё я бы

давно упал духом. Что будет, то будет! Ты очень беспокоился о возможности моего брака с нею. Друг милый, кажется, этого никогда не случится, хоть она и любит меня. Это я знаю. Но что будет, то будет! Она умоляет тебя простить её за то, что она тебе не ответила. Она была в страшно худых обстоятельствах в это время. А после долгого промедления ей показалось совестно отвечать. Письмо твоё восхитило её. Но довольно об этом».⁵²

«Эту превосходную женщину Вы когда-нибудь увидите...»

26-30 ноября 1856г. состоялась вторая поездка Достоевского в Кузнецк. Теперь его статус повысился, и Исаева отвечает: «Да!». Как просто: чин решил всё! Достоевский доволен, ибо к тому же получил деньги от родни. Это прибодряет особо и хоть немного возвращает былую самоуверенность. Теперь ему, «уже не солдату», как нельзя лучше подходит respectable вдова, умеющая внушить к себе уважение (сплетни о связи с Вергуновым не в счет!). 14 декабря 1856г. в письме Ч.Ч. Валиханову: «В Кузнецке... я много говорил о Вас одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил ей о Вас так много, что она полюбила Вас, никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину Вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе друзей её, чего Вам желаю. Потому и пишу Вам об этом. Я почти не был в Барнауле. Впрочем, был на бале и успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Кузнецке (5 дней)».⁵³

«Там есть женщина, которую я люблю...»

Более или менее полный отчет о второй поездке Ф.М. к Исаевой в Кузнецк содержится в письме Врангелю от 21 декабря 1856г. Теперь Достоевский уже уверен: свадьбе быть. Забавно – но прапорщицкий чин тому порукой. С Вергуновым покончено, но... не вовсе. О чем ниже.

Читаем: «В Барнауле я пробыл сутки и отправился один в Кузнецк. Там пробыл 5 дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле... Друг мой, Вы, кажется, были очень откровенны с Х. в Петербурге и показывали ей мои письма? Так ли это? По крайней мере, когда я ездил в Кузнецк, она сказала Семёнову (с которым я превосходно сошелся), что я поехал в Кузнецк жениться, что там есть женщина, которую я люблю, и что она знает это от Вас?... Теперь, друг мой, хочу объявить Вам об одном важном для меня деле. Вам, как другу моему, это должно быть открыто. Коротко и ясно: если не помешает одно обстоятельство, то я до масленицы женюсь – Вы знаете, на ком».⁵⁴

«Никто, кроме этой женщины, не составит моего счастья...»

Далее – восторги по адресу Исаевой, и несколько самонадеянное утверждение, что «она никогда не имела тайн от меня». Столь глубокому человековеду, как Достоевский, похоже, так и не удалось вникнуть в психологию достаточно интеллектуальной, но всё же обычной провинциалки. О многих сокровенных сторонах ее жизни он так и не узнает до конца её дней.

Более того – «не имеющая тайн» Исаева до сих пор задает такие загадки достоевскооведам, как ни одна другая женщина в судьбе Достоевского... Читаем: «Никто, кроме этой женщины, не составит моего счастья. Она же любит меня до сих пор, и я выполнял её желание. Она сама мне сказала: «Да». То, что я писал Вам об ней летом, слишком мало имело влияния на её привязанность ко мне. Она меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал Вам летом письмо моё. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом по письмам её я знал это. Мне было всё открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если б Вы знали, что такое эта женщина! Я Вам пишу наверно, что я женюсь, между прочим, может быть одно обстоятельство, о котором долго рассказывать, но которое может отдалить брак наш на неопределенное время. Это обстоятельство совершенно постороннее. Но мне, по всем видимостям, кажется, что оно не случится. А если его не будет, то следующее письмо Вы получите от меня, когда уже всё будет кончено. Денег у меня нет ни копейки».⁵⁵

Что касается денег, если бы не было этого постоянного мотива, можно было бы усомниться, Достоевский ли пишет, и Врангелю ли...

«Об ней прошу Вас на коленях...»

Но ведь мы читали «летние» письма Достоевского, в которых он выражал полную уверенность, что свадьбы не будет и Исаева выйдет за другого. Он страстно убеждал в этом и Врангеля, и брата. А теперь оказывается, Достоевский уже тогда точно знал,

что в поединке с «конкурентом» победил он. Так зачем хлопотал о «хорошем месте» для Вергунова, - чтоб М.Д. не бедствовала, де, если станет его женой?

И вот новое письмо к Врангелю, - мы его цитируем, - где опять просьбы за Вергунова же. То есть – за поверженного соперника: «Но прежде чем прощусь с Вами в этом письме – еще просьба: об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом про Вергунова. Я просил Вас ходатайствовать за него у Гасфорта. Теперь он мне дороже брата родного. Слишком долго рассказывать мои отношения к нему. Но вот в чем дело. Ему последняя надежда устроить судьбу свою – это держать экзамен в Томске, чтоб получить право на чин и место в 1000 руб. ассигнациями жалованья. Всё дадут, если он выдержит экзамен. Но без протекции ничего не будет. Всё зависит от директора гимназии Томской статского советника Федора Семеновича Мещерина. – Если б кто-нибудь из лиц влиятельных написал о Вергунове Мещерину, уведомляя, что когда он будет держать экзамен, то обратить на него внимание, то конечно, Мещерин всё сделает. О Вергунове не грешно просить: он того стоит. И потому прошу Вас, если у Вас есть кто-нибудь из родных или знакомых по Министерству просвещения, имеющих важную должность, то нельзя ли написать Мещерину письмо о Вергунове? Видите ли Апполона Майкова? Он знаком с Вяземским. Что, если б это написал Вяземский! Ради бога, сделайте хоть что-нибудь, подумайте и будьте мне родным братом».⁵⁶

**«Любовь моя к ней была скрытная и
безнадежная...»**

За обездоленного кузнецкого учителя через Врангеля должны просить такие приметные фигуры российской культуры, как Апполон Майков и Вяземский. Причем просьба исходит от бывшего каторжника.

Воистину, услуга, которую собирается оказать Достоевский Вергунову, бесценна. Зачем поддерживать уже поверженного противника, причем цена вопроса – 1000 рублей (вместо 300, получаемых Вергуновым) и хорошее место. Не походит ли, однако, на некий «торг»?

Конечно же, побывав в Кузнецке, Достоевский не мог не похвалиться перед Исаевой и Вергуновым (ведь он теперь «дороже брата родного») своими возможностями и связями. Все это подтверждалось не только хлопотами о пристройстве Паши в престижный воинский корпус, но и производством самого Достоевского в прапорщики.

Какова же могла быть предполагаемая «сделка», неужели все так просто - я ходатайствую о тебе перед бароном, а ты – отступишь от Исаевой: со мной она будет более обеспечена и счастлива! И нищий Вергунов, хотя бы во благо Исаевой и её сына, соглашается. И становится Достоевскому «роднее родного».

Но можно ли удивляться? Потому что сейчас, когда дела будущего великого писателя пошли в гору, скандал недопустим: невеста, о которой уже знает вся Сибирь, того и гляди, сбежит из-под венца с красавцем-учителем! И дабы упредить такой пагубный сценарий, – Вергунову выдается сагисфакция, - весьма

видные люди хлопочут об его благополучии...

Очевидно, Достоевский - не только изрядный психолог, но и удивительно интуитивен. «Пагубный сценарий» с уводом М.Д. из-под венца, что называется, «вital в воздухе», - он его чувствовал. Или – просчитал. Потому именно не «хлопотать» было нельзя. И это свое смятенное состояние Ф.М. запомнит навсегда.

Так, много лет спустя узнаем от А.Г. Достоевской, что в церкви перед венчанием жених так крепко схватил её за руку, будто боялся, что её сейчас отнимут. Такова еще одна «болючая» точка, застрявшая в подсознании Достоевского: могут увести!

Разумеется, не Анну Григорьевну, а Исаеву.

Кто? Конечно, Вергунов, тогда, в Кузнецке...

И не опасение ли именно такого оборота кроется в том загадочном «обстоятельстве», которое, если не помешает, то брак состоится непременно (см. письма к брату и Врангелю).

... Итак, о свадьбе объявлено. Врангелю сообщено, что бракосочетание может быть отложено на некоторое время только из-за денежных дел. Они, как всегда, не блестящи, но родня должна прислать.

С высылкой не торопится, правда, брат Михаил, и Достоевский вновь идет «на приступ», чтобы подвигнуть его на оплату хоть части свадебных расходов – то есть опять во всех подробностях описывает нюансы «романа въяве», чтобы брат не подумал, что связь – какая-нибудь мимолетная и несерьезная.

Из письма от 22 декабря 1856г.: «Может быть, из прежних писем за последние 2 года и неоднократно намёков моих ты мог видеть, что я любил одну

женщину. Имя её Марья Дмитриевна Исаева. Она была жена моего лучшего друга, которого я любил как брата. Конечно, любовь моя к ней была скрытая и безнадежная. Муж её был без места; наконец, после долгих ожиданий, он получил место, в городе Кузнецке, Томской губернии. Приехав туда, он через 2 месяца умер. Я был в отчаянии, разлучившись с нею. Можешь себе представить, как увеличилось моё отчаяние, когда я узнал о смерти её мужа. Одна с малолетним сыном, в отдаленном захолустье Сибири, без призора и без помощи!».⁵⁷

«Я терял голову...»

Что должен был подумать брат, узнав, что Исаева то была замужем за «человеком без места», то готова выйти за «бывшего каторжника»? И как мог расценивать желание Достоевского жениться во что бы то ни стало, когда у него самого – ни положения, ни денег, и, значит, теперь придется поддерживать и всё будущее его семейство? Причины сдержанности Михаила Михайловича понятны.

Достоевский же продолжает «наступление». Чтобы получить достаточную сумму, чередует в письмах романтические подробности с жалобами на нужду: «Я терял голову. Я занял и послал ей денег. Я был столько счастлив, что она приняла от меня. О том, что я сам входил в долги, я не рассуждал. Наконец, она списалась с своими родными, с отцом своим в Астрахани. С тех пор он помогал ей, и она жила кое-как. Отец звал её к себе. Она бы поехала, но ей хотелось пристроить прежде сына в Сибирский кадетский корпус. В Астрахани ей бы не на что было

воспитать его; надо было платить за него деньги. Она боялась обременить отца и боялась упреков сестер, у которых она была бы нахлебницей. В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитание прекрасное и выходящие только три года обязаны прослужить в Сибири. Переписка наша тянулась. Я уверен был, что и она по крайней мере поняла, что я люблю её. Но я, быв солдатом, не мог ей предложить быть моей женой. Ибо чем бы мы жили? Какую бы судьбу она со мной разделила. Но теперь, тотчас же после производства, я спросил её: хочет ли она быть моей женой, и честно, откровенно объяснил ей мои обстоятельства. Она согласилась и отвечала мне: «Да». И потому брак наш совершится непременно».⁵⁸

«Почти наверно я женюсь на ней...»

Известно, что брат Михаил просил Достоевского не торопиться с венчанием. Но Ф.М. нельзя было медлить: каторга «съела» лучшие годы жизни, и времени «на разбег» не оставалось. А зарабатывать общественный статус нелегко, притом нужно поспешать, пока творческие и душевные силы еще не на исходе. Далее Достоевский сообщает: «Есть только одно обстоятельство, которое может расстроить или по крайней мере отдалить наш брак на неопределенное время. Но 90 вероятностей на 100, что этого обстоятельства не будет, хотя надо всё предвидеть. (Об этом обстоятельстве я не пишу, долго рассказывать, после всё узнаешь). Могу только сказать, что почти наверно я женюсь на ней. Если я женюсь, то свадьба будет сделана до 1/2 февраля, то есть до масленицы. Так уж у нас решено, если всё уладится и кончится

благополучно. И потому, друг бесценный, друг милый, прошу и молю тебя, не тоскуй обо мне, не сомневайся, а главное, не пробуй меня отговаривать. Всё это уже будет поздно. Решение моё неизменно, да и ответ твой придет, может быть, когда уже всё будет кончено. Я знаю смысл всех твоих возражений, представлений и советов, они все превосходны, я уверен в твоём добром, любящем сердце; но при всём здравом смысле твоих советов, они будут бесполезны. Я уверен, ты скажешь, что в 36 лет тело просит уже покоя, а тяжело навязывать себе обузу. На что я ничего отвечать не буду. Ты скажешь: «Чем я буду жить?». Вопрос резонный, ибо, конечно, мне стыдно, да и нельзя рассчитывать женатому на то, что ты, например, будешь содержать меня с женой. Но знай, мой бесценный друг, что мне надо немного, очень немного, чтоб жить вдвоем с женой».⁵⁹

Вот оно, вновь всплывает загадочное «одно обстоятельство», которое может браку помешать, и потому – «женюсь почти наверно»...

«Я честный человек и составлю её счастье...»

На вопрос «чем я буду жить?» Достоевский отвечает косвенно и своеобразно: просит у брата Михаила денег («мне надо немного, очень немного»), и, кроме того, ряд вещей, особенно из одежды, чтобы приодеть невесту. Таким образом, ясно, что на него Достоевский преимущественно и рассчитывает в будущем.

Читаем: «Я тебе ничего не пишу о Марье Дмитриевне. Это такая женщина, которой, по характеру,

по уму и сердцу из 1000 не найдешь подобной. Она знает, что я немного могу предложить ей, но знает тоже, что мы очень нуждаться никогда не будем; знает, что я честный человек и составлю её счастье. Мне нужно только 600 руб. в год. Чтоб получать эти деньги ежегодно, я надеюсь на одно, именно на милость царя, на милость обожаемого существа, правящего нами... Ты скажешь, может быть, заботы мелкие изнуряют меня. Но что же за подлец я буду, представь себе, что из-за того только, чтоб прожить как в хлопках, лениво и без забот, - отказаться от счастья иметь своей женой существо, которое мне дороже всего в мире, отказаться от надежды составить её счастье и пройти мимо её бедствий, страданий, волнений, беспомощности, забыть её, бросить её – для того только, что, может быть, некоторые заботы когда-нибудь потревожат моё драгоценнейшее существование».⁶⁰

«Ангел мой, помоги мне последний раз...»

И вот, наконец, «бывший каторжник» устраивает свадьбу. Да не какую-нибудь: расходы на неё – около тысячи рублей, что составляет почти трехгодичное жалованье Вергунова! После всех унижений так хочется вздохнуть свободно, и чтобы все видели, что жених не беден и Исаева сделала правильный выбор!

В маленьком Кузнецке, конечно, подобная «роскошь» была событием. В этом городе самые большие заявленные купеческие капиталы не превышали бы тысяч рублей. Но Достоевский явно желает, вопреки здравому смыслу и в угоду минутному тщеславию,

произвести впечатление на жителей городка, в котором ни Исаева, ни он никогда более в жизни не появятся...

Из письма брату: «Денег у меня нет ни копейки, а деньги 1-е дело, и потому я решаюсь занять... Надобно сделать хоть какие-нибудь приготовления, нанять квартиру хоть в три комнаты, иметь хоть необходимейшую мебель. Надобно одеться, надобно и ей помочь... Надобно послать за ней закрытую повозку, которую повезут три лошади туда и сюда 1500 верст – сотни прогоны. Надобно заплатить за свадьбу... Жалованье моё достаточно, чтоб жить. Но завести всё, сразу, тяжело... У дяди я прошу 600 руб. серебром... Брат, ангел мой, помоги мне последний раз. Я знаю, что у тебя нет денег, но мне надобны некоторые вещи, именно для неё. Мне хочется подарить их ей; покупать здесь невозможно, стоит вдвое дороже».⁶¹

Откроем скобку: судя по известной статье Валентина Фёдоровича Булгакова, семейство Катанаевых якобы устроило свадьбу на свой счёт.

Мантильи, чепчики и шляпки

А далее – список тех вещей, что Достоевский просит приобрести для Марьи Дмитриевны. Трудная просьба – как найти брату точно описанные предметы дамского туалета? И – на какие деньги: взять в лавке в кредит? Да и как угадать, подойдет ли шляпка Исаевой?

И, кстати, наверняка Михаил Михайлович задается множеством вопросов: странная невеста, у которой не имеется даже чепцов? Неужели же она так

бедна, что не может позволить себе полдюжины носовых платков? Или так привередлива, что ей необходимы особые носовые платки, столичные?

И сколько толков пойдет в семье: жена «бывшего каторжника», а детали гардероба выписывает из Петербурга!... Читаем: «Вот вещи, которые я желаю иметь; они почти необходимы. 1) К пасхе шляпку (здесь нет никаких), конечно, весеннюю. 2) (Теперь же) шелковой материи на платье (какой-нибудь, кроме glase) - цветом, какой носят (она блондинка, росту высокого среднего, с прекрасной тальей, похожа на Эмилию Федоровну станом, как я её помню). Мантилью (бархатную или какую-нибудь) – на твой вкус. Полдюжины тонких голландских носовых платков, дамских. 2 чепчика (с лентами по возможности голубыми) не дорогих, но хорошеньких. Косынку шерстяного кружева (если недорого)... Если требования эти покажутся тебе требованиями, если тебе сделается смешно, читая этот реестр оттого, что я прошу чуть ли не на 100 руб. серебром – то засмейся и откажи. Если ж ты поймешь всё желание моё сделать ей этот подарок и то, что я не удержался и написал тебе об этом, то ты не засмеешься надо мной, а извинишь меня».⁶²

«История несколько длинная...»

Чтобы получить от дядюшки необходимую сумму, нужно было его предварительно к неожиданной просьбе подготовить. Через кого? Посредника Достоевский уже наметил – сестру В.М. Карепину. Правда, пришлось заново, во всех подробностях, описывать ей

историю своей любви – впрочем, наверное, давно ей известную по рассказам брата Михаила.

Из письма к В.М. Карепиной от 22 декабря 1856г.: «Вот в чем дело: история несколько длинная и потому нужно начать сначала за два года назад. Приехав в 54-м году из Омска в Семипалатинск, я познакомился с одним здешним чиновником Исаевым и его женой. Он был из России, человек умный, образованный, добрый. Я полубил его как родного брата. Он был без места, но ожидал скорого помещения своего вновь на службу. У него были жена и сын. Жена его, Мария Дмитриевна Исаева, женщина еще молодая, и они приняли меня у себя как родного. Наконец, после долгих хлопот он получил место в городе Кузнецке, в Томской губернии, от Семипалатинска 700 верст. Я простился с ними и расставаться – мне было тяжелее чем с жизнью. Это было в мае 55 года. Я не преувеличиваю. Приехав в Кузнецк, он, Исаев, вдруг заболел и умер, оставив жену и сына без копейки денег, одну на чужой стороне, без помощи, в положении ужасном. Узнав о том (ибо мы переписывались), я занял и послал ей на первый случай денег. Я был так счастлив, что она приняла от меня! Наконец, она успела списаться с своими родными, с отцом своим. Отец её живет в Астрахани, занимает там значительную должность (директор карантина), в значительном чине и получает большое жалованье. Но у него на руках еще три дочери, девушки, и сыновья, в гвардии. Фамилия отца – Констан. Он внук французского эмигранта, в 1-ю революцию, дворянина, приехавшего в Россию и оставшегося жить в ней. Но дети

его, по матери, русские. Мария Дмитриевна старшая дочь, и её отец любит больше всех. Но, кроме жалованья, у него ничего нет, и более 300 руб. серебром он ей не мог выслать».⁶³

«Она осталась бы нахлебницей...»

Итак, Достоевскому опять нужны деньги. Классический прием повторяется. Когда помощь ожидалась от брата, ему тоже пространно излагалась «длинная история». Теперь - очередь сестры, точнее – дядюшки, на которого она должна повлиять. В этом варианте романтическая сага звучит так: «По крайней мере, она уже ни в чем не нуждалась с тех пор, как написала родным о том, что лишилась мужа. Отец звал её в Россию. Но ей не хотелось ехать прежде помещения своего 8-летнего сына в Сибирский кадетский корпус. Приехав же с сыном в Астрахань, ей не на что было бы воспитать сына. Там надо платить, а денег у неё не было. Отец бы не оставил, но он очень стар и, кроме жалованья, ничего не имеет. Если бы он умер, то она осталась бы нахлебницей у сестер. В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитанье превосходное, выпускают лучших учеников в артиллерию, с обязанностью прослужить в Сибири только три года. Короче, она решила остаться. Я имею здесь много знакомых. В Омске были люди, занимавшие довольно значительные должности, меня знавшие и готовые от всей души сделать для меня что можно. Я просил об сыне Марьи Дмитриевны; мне обещали, и, кажется, наверно, он будет помещен на будущий год в корпус».⁶⁴

«Я видел её в несчастье...»

Чувствительную женщину детали «романа въяве», конечно, должны были взволновать. Дядюшка – человек черствый, однако не считаться с мнением родни (брата Михаила и сестры Варвары) он не может. Психологическое воздействие, оказываемое Достоевским, впечатляет настолько, что отказ субсидировать кузнецкую свадьбу расценивался бы как поступок бездушный. Похоже, Достоевский это предвидит...

Итак – «Друг мой милый, я пишу тебе подробно, а не написал главное. Я давно уже люблю эту женщину, до безумия, больше жизни моей. Если бы ты знала её, этого ангела, то не удивилась бы. В ней столько превосходных прекрасных качеств. Умна, мила, образованна, как редко бывают образованные женщины, с характером кротким, понимающая свои обязанности, религиозная. Я видел её в несчастье, когда муж был без места. Не хочу описывать тебе их бывшую нужду. Но если бы ты видела, с каким самоотвержением, с какой твердостью она переносила несчастье, которое вполне можно назвать несчастьем. Судьба её теперь ужасна: одна, в Кузнецке, где умер муж её, бог знает кем окруженная, вдова и сирота в полном смысле слова. Конечно, любовь моя к ней была скрытная и невысказанная. Я же любил Александра Ивановича, её мужа, как брата. Но она, с её умом и сердцем, не могла не понять моей любви к ней, не догадаться об этом. Теперь, когда она свободна (по смерти мужа уже прошло 1½ года) и когда я был произведен в офицеры, первым делом моим было предложить ей выйти за меня замуж».⁶⁵

Версия для сестры, как видим, наиболее романтическая, - долголетне скрываемые чувства, о которых объект мог лишь догадываться...

«Она знает меня, любит и уважает...»

Достоевский осторожно подводит сестру к финалу, и предельно точно объясняет, почему именно ему необходимо жениться.

Хотя звучит странно: разве здесь уместны рассуждения - почему? Если женитьба нужна «зачем-то», значит, любовь не первостатейная причина - любви не может сопутствовать расчет.

Однако в случае с Достоевским всё оказалось сложнее, в этом он сам признается сестре, о чем – ниже. Пока же – самые душевные подробности: «Она знает меня, любит и уважает. С тех пор как мы расстались, мы переписывались каждую почту. Она согласилась и отвечала мне да. И если не случится одного обстоятельства (о котором не пишу, долго рассказывать), которое может если не расстроить, то отдалить дело надолго, - то свадьба наша будет уже сделана, до 15 февраля, то есть до масленицы. Друг мой, милая сестра! Не возражай, не тоскуй, не заботься обо мне. Я ничего не мог лучше сделать. Она вполне мне пара. Мы одинакового образования, по крайней мере, понимаем друг друга, одних наклонностей, правил. Мы друзья издавна. Мы уважаем друг друга, я люблю её. Мне 35 лет, а ей двадцать девятый, фамилии она превосходной, хотя и небогатой (она не имеет почти ничего. Впрочем, после матери у неё есть недвижимое имение, дом в Таганроге, но он в ожидании совершеннолетия младшей

сестры, только что вышедшей из института, еще не продан и не разделен). Давно уже я писал брату об этом, прося не говорить никому из вас. Но тогда я не имел ни малейших надежд. Теперь, когда я произведен, мне позволительно иметь надежды на дальнейшее устройство судьбы моей; а милость монарха неисчислима».⁶⁶

«Она со взглядом здоровым на жизнь...»

И, наконец, о главном. На что жить им с М.Д. - если надежды на будущее призрачны, зачем же сочетаться браком? И тут Достоевский раскрывает свои соображения. Он пишет, что женитьба ему нужна, потому что семейному – веры больше, «чем свободному как ветер». Остепенившийся Достоевский легче и быстрее достигнет заветной цели – печататься.

Невольно всплывает подспудная, постоянно томлящая сверхзадача. И, стало быть, мы не очень кощунствуем, предполагая, что Исаева для него не только объект поклонения.

Роман с ней всё чаще играет роль спасительного аргумента: венчание с Марией Дмитриевной поможет «снискать доверие правительства», а отсюда - вернуться в свет, добиться признания и славы.

Итак – судя по письму к сестре, чувства отнюдь не второстепенны, но в основе – трезвый расклад. Читаем еще одно доказательство сказанному: «Знаю, Варенька, что первый вопрос твой, как доброй сестры, любящей и заботящейся о судьбе брата, будет: «Чем же будешь ты жить?» – ибо, конечно, жалованья недостаточно для двух. Но, во-1-х, моя жена многого не потребует; она со взглядом здоровым на

жизнь; она была в несчастьи, она переносила его гордо и терпеливо; по крайней мере, она не мотовка, будь уверена, а, напротив, хозяйка превосходная, а во-2-х, если не жить в Петербурге и в Москве, то мне вполне достаточно 600 руб. серебром в год... Пойми, друг мой! Я до сих пор еще, да и вечно, буду под надзором, под недоверчивостью правительства. Я заслужил это моими заблуждениями. Поверь мне, что человеку остепенившемуся, женившемуся, следовательно, изменившему своё направление в жизни, поверят более, чем свободному как ветер. Возьмут в соображение, что женатый человек не захочет жертвовать судьбою семейства и не увлечется пагубными идеями так же скоро, как и молодой человек (каким был я), зависящий только от себя. А я ищу снискать доверия правительства, мне это надобно. В этом вся судьба моя, и я уже конечно скорее достигну цели моей... Знай, что я уже давно решил эту женитьбу, что это думано и передумано 1½ года, хотя я не имел положительных надежд до производства, и что теперь я ни за что не отстану от моего намерения».⁶⁷

«Согласилась быть моею женою...»

Последнее известное предвенчальное письмо Достоевского – Врангелю от 25 января 1857г. Достоевский помыслил уже в феврале, когда и должно произойти столь важное для него событие. Он настолько забылся, что написанное в январе ошибочно пометил февралем.

Если поиронизировать, - мы, теперешние, сказали бы: дело ответственное - от венчания с Исаевой

зависело «снискать доверие правительства» в будущем. Что особенно необходимо бывшему каторжнику.

В преддверии этого решительного шага Достоевский, естественно, возбужден.

К Врангелю: «Писать я Вам буду очень скоро, именно 10-го февраля, а если удастся, то и раньше, 3-го февраля. Да, друг мой незабвенный, судьба моя приходит к концу. Я Вам писал последний раз, что Марья Дмитриевна согласилась быть моею женою. Всё это время я был в ужаснейших хлопотах, как не потерял голову. Надо было устроить возможность свадьбы. Надо было занять денег... Только 3 дня тому, как я получил деньги, и в воскресенье 27-го еду в Кузнецк на 15 дней».⁶⁸

«По крайней мере, жил, хоть страдал, да жил!...»

Перед венчанием Достоевский – в ажиотаже. Понадобилось покупать даже стулья – а то в Семипалатинске будущей жене и сидеть-то не на чем. А она для него теперь – важнее важного: увенчалось «грозное чувство» - Марию Дмитриевну ему «добыть» удалось!

Но не только – присутствуя в его жизни, Исаева станет помогать ему «снискать доверие правительства» и, самое главное, наконец, ему будет дозволено печататься. С расходами придется смириться.

Потому что Исаева – не из тех, для которых «с милым рай и в шалаше». Она – светская женщина, ей нужны нарядные шляпки, чепцы, домашний уют. Читаем: «Не знаю, успею ли в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу. Она может быть больна,

она может быть не готова или, например, не станут венчать в такой короткий срок (ибо нужно много обрядов) – одним словом, я рискую донельзя, но никак не могу не рисковать, то есть отложить до после святой. Нет никакой возможности откладывать по некоторым обстоятельствам, и потому надо сделать одно из решительных дел. Как-то, надеюсь, что удастся. Во всех моих решительных случаях мне сходило с рук и удавалось. Но тысячи хлопот в виду. Уж одно то, что из 600 руб. у меня почти ничего не остается по возвращении в Семипалатинск: так много и так дорого всё это стоит! А между тем я едва мог купить несколько стульев для мебели – так всё бедно. Обмундировка, долги, плата и необходимые обряды и 1500 верст езды, наконец, всё, что мог стоить её подъём с места, – вот куда ушли все деньги. Ведь нам обоим пришлось начинать чуть не с рубашек – ничего-то не было, всё надо было завести... Вы пишете, что я ленюсь писать; нет, друг мой, но отношения с Марией Дмитриевной занимали всего меня в последние два года. По крайней мере, жил, хоть страдал, да жил!».⁶⁹

«Жена больна от чрезмерной усталости...»

И вот – свершилось. Достоевский женился. Первое его «послевенчальное» письмо – В.М. Карепиной, сестре, от 23 февраля 1857г.: подводя итог такому судьбоносному шагу, он сообщает, что брак накладывает на него обязанности, но и приносит преимущества «для меня самого беспримерные». О чем идет речь – можно лишь догадываться. «Выгоды» должно предоставить правительством разрешением

печататься и прочими милостями (об этом вполне недвусмысленно Достоевский писал сестре в предыдущий раз).

О своей долгожданной женитьбе: «... Я ездил в Кузнецк на 15 дней, женился (6-го февраля), привез обратно жену, дорогой был очень болен (заболел в Барнауле тем припадком, который имею постоянно и о котором писал тебе), несмотря на болезнь, продолжал путь и приехал домой в Семипалатинск 20-го числа февраля, больной и измученный от всей этой тревоги, от болезни и от дурных дорог. Жена больна от чрезмерной усталости, хоть и не опасно... Жена, несмотря на всё своё желание, тоже не в состоянии писать тебе, тем более, что несмотря на хворость, хлопочет хоть как-нибудь устроиться на новом месте. И потому пишу тебе всего несколько только строк; но в самом скором времени напишу тебе еще письмо, вместе с женой, подробное и длинное. Теперь же жена обвиняет, целует тебя и просит, чтоб ты её полюбила. А она тебя любит давным-давно. Всех вас она уже знает от меня с самого 54-го года. Все письма твои я читал ей, и она, женщина с душой и сердцем, была всегда в восхищении от них».⁷⁰

«Все в руках божиих...»

Так что за «беспримерные» преимущества сулил брак с Исаевой? Причем о том, что для него женитьба – выход из положения и достижение «выгод», Достоевский пишет только В.М. Карепиной. О столь неромантических помыслах он не поминает ни Врангелю, ни брату Михаилу.

Очевидно, сестра, как наиболее близкая к «дядюшке» и «тетушке», то есть – к тем, кто реально может поддержать деньгами, должна убедиться воочию, что средства, потраченные на венчание с Исаевой, обернутся когда-либо большой пользой, в том числе и материальной. Прагматичная оценка чувства Достоевского к Исаевой была характерна для всей его родни, и он это знает... Читаем: «Ты пишешь, что тётушка сначала рассердилась на меня. Я приписываю это её же любви родственной и христианской ко мне; ибо как не озаботиться, как не покачать головой, как не сказать того, что она говорила: «Сам только что вышел из несчастья беспримерного, не обеспечен и тянет в своё горе другое существо, да и себя связывает вдвое, втрое». То же самое сказала и ты, мой ангел, в письме ко мне... Но ответчу тебе: всё в руках божиих, а я, надеясь на бога, не задремлю и сам. Правда, хлопот в жизни больше. Есть обязанности строгие, и, может быть, тяжелые. Но есть и выгоды для меня самого беспримерные...».⁷¹

«Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно...»

Странно, что в письме к Карепиной на любовь к Исаевой нет и намека – никакой романтики. Даже на процитированные гневные слова тётушки, когда, казалось бы, самое время было приняться за описание ангельских качеств своей избранницы, последовали совершенно прозаические рассуждения о выгодах женитьбы.

Похоже, чувство к жене начало тускнеть уже через две недели после венчания. Письмо к Врангелю

от 9 марта 1857г., правда, выдержано если не в прежней тональности, то и не проникнуто излишним прагматизмом: «Вот уже две недели слишком, как я дома, дорогой мой друг и брат, Александр Егорович, и только теперь насилу собрался написать к Вам. Если б Вы знали, сколько выдалось мне хлопот, суеты и занятий, самых непредвиденных, при новом порядке вещей, то верно простите меня за то, что тотчас по прибытии не написал Вам. Во-1-х, свадьба моя, которая совершилась в Кузнецке (6 февраля), и обратный путь до Семипалатинска взяли гораздо более времени, чем я рассчитывал. В Барнауле со мной случился припадок, и я лишние 4 дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия, и предсказал, что если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка)».⁷²

«Ваш портрет стоит в её комнате...»

На послевенчальное послание письмо Достоевского все-таки мало походит. В нём он говорит куда больше о собственной «горловой спазме» (а немного ниже – еще пространнее, о делах самого Врангеля), чем о молодой жене, которой в медовый месяц должен бы, казалось, хотя бы для виду восхищаться. Но восхищений нет. И лишь под конец находим сообщение, что Исаева перенесла портрет Врангеля в

свою комнату, и что они с Достоевским вместе его очень любят, так что опять наличествует некий «чувствительный треугольник». Но с Врангелем, в отличие от Вергунова, обмен «сердечностями» происходит на расстоянии...

Читаем: «Приехав в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры; потом заболела жена, потом приехал бригадный командир и делал смотр, так что я и Вам, и брату принужден был отложить писать до сегодня... Жена Вам кланяется; она Вас особенно любит; она не может забыть Вас и с наслаждением вспоминает Ваше короткое, но памятное для неё знакомство с Вами. Всё, что до Вас относится, интересует её до крайности. Ваш портрет стоит в её комнате, она выпросила его у меня. Сойдемся ли мы когда-нибудь, друг мой? И я и жена были бы полезны Вам. Вы бы в нас нашли брата и сестру, Вас любящих и понимающих. Не забывайте нас, а мы Вас никогда не забудем...».⁷³

«Буду надеяться на милость божию...»

Следующее послание – брату Михаилу, от 9 марта 1857г. И опять – то же впечатление, что Исаева Достоевского заботит куда меньше, чем произошедший припадок в Барнауле. Достоевский – в тревоге, что он умрёт во время приступа эпилепсии, и тут уж, конечно, не до молодой жены.

Венчание состоялось, обзаведение семьей и хозяйством произошло, средство для «снискания доверия правительства» обретено, - словом, полное исполнение желаний. Так, очень может быть, что почву для возобновления романа Исаевой с Вергуновым

Достоевский сам же и взрыхлял...

Из письма к брату: «Вот уже две недели, бесценный, дорогой брат, как я воротился с женою из Кузнецка, а только теперь нашел минутку, чтоб написать тебе... Но конечно ты, зная жизнь, поверишь мне, что у меня с новым порядком вещей завелось столько хлопот, забот и дел, что и не знаю, как голова не треснет. Однако я всё-таки успел написать дяде и сестре (по её же просьбе немедленно). Дядя помог мне, и на время я обеспечен, а там буду надеяться на милость божию... Сборы в дорогу, экипировка моя и её (ибо у ней было насчет всего необходимого не очень богато) – но самая необходимая экипировка, можно сказать бедная, путешествие в 1500 верст, в закрытом экипаже (она слабого здоровья, - морозы и дурные дороги – иначе нельзя) – где я платил круглым счетом за четыре лошади, свадьба в Кузнецке, хотя и самая скромная, наём квартиры, обзаведенье, хоть какая-нибудь мебель, посуда в доме и на кухне – всё это взяло столько, что и понять нельзя. В Кузнецке я почти никого не знал. Но там она сама меня познакомила с теми, кто получше и которые все её уважали».⁷⁴

«У меня настоящая падучая...»

Описание венчания отсутствует. Создается впечатление, что Достоевского побывка в Кузнецке мало чем порадовала. Может, оттого, что там - Вергунов. Но ведь он теперь ему «брат родной»! Так что же печалит Федора Михайловича? Очевидно, не столь присутствие соперника, сколь опять же нехватка денег, и особенно - собственное здоровье. Между тем, тревогу должно бы вызывать состояние Исаевой – у

неё чахотка, ей оставалось жить всего 7 лет. У Достоевского же впереди – второй удачный брак и жизнь до старости... Однако вернемся к свадебным торжествам, которые Достоевского, похоже, не очень впечатлили, в отличие от некоторых очевидцев, о чем ниже.

... «Посаженным отцом был у меня тамошний исправник с исправницей, шаферами тоже порядочные довольно люди, простые и добрые, и если включить священника да еще два семейства её знакомых, то вот и все гости на её свадьбе. В обратный путь (через Барнаул) я остановился в Барнауле у одного моего доброго знакомого. Тут меня посетило несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор (ученый и дельный) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня настоящая падучая и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого. Я сам выпросил подробную откровенность у доктора, заклиная его именем честного человека. Вообще он мне советовал остерегаться новолуний. (Теперь подходит новолуние и я жду припадка)».⁷⁵

«Если б я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился...»

Для венчания, как мы попытались предположить, у Достоевского было множество причин. Одна из них – предстать пред очами правительства солидным женатым человеком.

Конечно, конечно же главным было «грозное чувство»! Чувство, - но не чувственность. Редкие,

случайные моменты близости до брака мало что доказывают; не может ли стать, что сверхтемпературный (по признаниям Анны Григорьевны) Достоевский нашел в лице Исаевой женщину болезненную, скорее склонную к мягкой нежности, чем к пылкой страсти. Впрочем, было ли столь уж «грозыным» чувство Достоевского к его избраннице, если он уверяет брата, что если б знал, что болен эпилепсией – то не женился бы. Не слишком ли много оговорок выявляется, которые влияли на желание или нежелание жениться?

Увы, чем далее вникаешь в особенности странной связи Достоевского с Исаевой, тем более находишь поводов для разочарования. Читаем: «Теперь пойми, друг мой, какие отчаянные мысли бродят у меня в голове. Но что об этом говорить! Еще, может быть, и неверно, что у меня настоящая падучая. Женись, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные припадки, которые могут пройти с переменою образа жизни. Если б я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился. Для спокойствия моего и для того, чтобы посоветоваться с настоящими докторами и принять меры, мне необходимо выйти как можно скорее в отставку и переехать в Россию, но как это сделать?... В Семипалатинск я привёз жену захворавшую. Хотя я, уезжая, заготовил всё по возможности, но по неопытности моей и половины не было сделано из того, что нужно, и потому у нас было две недели постоянных хлопот. На этот случай приехал бригадный командир. Смотр, служба – одним словом, я совсем заматался – и потому прости, что не написал сейчас

же по прибытии. Жена моя теперь оправилась».⁷⁶

«Это доброе и нежное создание...»

Как мы видели, для Достоевского вообще характерно ссылаться на свои нелегкие обстоятельства и прямодушно просить помощи. Аргумент «грозного чувства» исчерпан, Исаева – его жена.

Но падучая – разве же не повод ходатайствовать о скорейшем переводе поближе к столицам и к докторам, чего уже давно добивается Достоевский? И по письму к брату выходит, что припадок случился как нельзя невовремя – уже после женитьбы, и все-таки вовремя: появился новый серьезный повод напомнить друзьям, – как бы ускорить отъезд из Сибири.

Что до любви... Читаем: «Она просит тебя простить её, что не пишет тебе теперь ничего. Она напишет и скоро. Она уверяет меня, что не приготовилась. Всех вас она бесконечно любит. Она вас всех любила и прежде, когда я (в 54-м году) читал ей всякое письмо ваше, и знала о вас все подробности. По рассказам моим, она тебя чрезвычайно уважает и всё мне ставит тебя в пример. Это доброе и нежное создание, немного быстрая, скорая, сильно впечатлительная; прошлая жизнь её оставила на её душе болезненные следы. Переходы в её ощущениях быстры до невозможности; но никогда она не перестаёт быть доброю и благородною. Я её очень люблю, она меня, и покамест всё идёт порядочно... Письмо твоё я получил, благодарю за твои посылки, они ещё не пришли, но, друг мой, мне так тяжело было, читая о тягости твоих обязательств, что ты на нас истратился! Благодарю тебя 1000 раз, а жена не знает как и

благодарить тебя».⁷⁷

После венчания прошло так недолго, а Достоевский уже подмечает, что Исаева «немного быстрая, скорая» (читай – суматошная), да и невзгоды сделали её раздражительной. Но, впрочем, – «она не перестаёт быть доброю и благородною» – снисходительно прощает Достоевский жене суматошность. Так что, несмотря на быстрые «до невозможности» переходы настроений, «покамест всё идёт порядочно».

Какое озадачивающее «покамест»...

«Она правдива и не любит говорить против сердца своего...»

С момента венчания проходит месяц. У Достоевского – обычные будни. Как будто сосуществуют не молодожены, а престарелый вдовец нашел себе соответствующую по летам пару. Жизнь у новобрачных, похоже, монотонная. Достоевский говееет. Ходит в церковь, а перед тем постится.

Не знаем, постилась ли Исаева, но замкнутое, проходящее в молчании бытование вряд ли её устраивает.

А притом – молодой учитель Вергунов уже собирается из Кузнецка в Семипалатинск (подробнее см. «Загадки провинции», 1996).

Из письма Достоевского сестре, В.М. Карепиной, от 15 марта 1857г.: «Вот и еще тебе письмо, дорогая Варенька. Уведомляю тебя, что я и жена (которая вместе со мной пишет к вам) хотя кое-как устраиваемся и начинаем новую жизнь, но всё-таки завалены такими разнообразными хлопотами, что поневоле манкировали прошлую почту и не писали к тебе, хотя

я и обещался. К тому же жена что-то часто хворает, а я на этой неделе говел, сегодня исповедывался, устал ужасно, да и сам не могу похвалиться здоровьем. И потому ты наверняка извинишь меня. Жена просит вас в письме своём полюбить её. Пожалуй-ста, прими её слова – не за слова, а за дело. Она правдива и не любит говорить против сердца своего. Полюбите её, и я вам за это буду чрезвычайно благодарен, бесконечно. Живём кое-как, больших знакомств не делаем, деньги бережем (хотя они идут ужасно) и надеемся на будущее, которое, если угодно богу и монарху, устроится... Я просил Мишу помочь мне, именно выслать кое-каких вещей, из которых некоторые совершенно необходимы, чтоб устроиться и подарить будущую жену мою. Он пишет мне теперь, что немедленно исполнит просьбу мою. Он еще ничего не выслал, но совесть упрекает меня, что я потревожил его расходами...».⁷⁸

«Осмеливаюсь рекомендовать себя... как родственника»

Достоевский решил представиться родственникам своей жены только через два с половиной месяца (!) после венчания. Он написал отцу Исаевой вежливое, формально-чувствительное, как и полагается, послание, скорее – ради соблюдения приличий.

Об истинных чувствах его по этому письму, датированному 20 апреля 1857г., судить трудно: «Многоуважаемый Дмитрий Степанович. С чувством глубочайшего уваженья и искренней, настоящей преданности к Вам и всему семейству Вашему, осмеливаюсь рекомендовать себя Вам как родственника. Бог

исполнил наконец самое горячее желанье моё, и я, два месяца назад, стал мужем Вашей дочери. Еще давно, еще при жизни Александра Ивановича, она так много и так часто говорила мне о Вас, с таким чувством и нередко со слезами, вспоминала свою прежнюю жизнь в Астрахани, что я еще тогда научился Вас любить и уважать. Она всегда упоминала о Вас с искреннюю любовью, и я не мог не сочувствовать ей. Я познакомился с Марьей Дмитриевной в 54 году, когда, по прибытии моём в Семипалатинск, был здесь еще всем чужой. Покойный Александр Иванович, о котором я не могу вспоминать до сих пор без особого чувства, принял меня в свой дом как родного брата. Это была прекрасная, благородная душа. Несчастья по службе несколько расстроили его характер и здоровье. Получив место в Кузнецке, он заболел и скончался, так неожиданно для всех любивших его, что никто не мог подумать о его судьбе хладнокровно».⁷⁹

«Во мне твёрдое, непоколебимое желанье составить счастье жены моей...»

Отношение к родственникам жены можно бы назвать даже несколько высокомерным – как мало нужно было считаться с ними, чтобы не попытаться завязать хотя бы письменного знакомства с отцом невесты еще накануне венчания? Ведь по обычаям той поры руку ее следовало просить прежде всего именно у него.

Старик Констант не подозревает, конечно, что, судя по брачной метрической записи, его самого в природе как бы не существует – но об этом ниже...

Так или иначе, - о родичах жены новобрачные вспомнили только на третьем месяце после свадьбы; приличия явно нарушены, и Достоевского извиняет разве что искусно-вежливый «светский» стиль изложения, всяческие (и даже весьма горячие) заверения в уважении и поклоны «сестрицам» Марии Дмитриевны: «Я же не мог представить себе, что станется с бедной Марьей Дмитриевной, одной, в глуши, без опоры, с малолетним сыном? Но бог устроил всё. Не знаю, в состоянье ли я буду исполнить то, что положил в своём сердце; но уверяю Вас, что во мне твёрдое, непоколебимое желанье составить счастье жены моей и устроить судьбу бедного Паши. Я люблю его как родного; я так любил его отца, что не могу не быть другом и сыну. Вас буду просить я, многоуважаемый Дмитрий Степанович, - рекомендуйте меня семейству Вашему и передайте мой поклон и моё искреннее уважение сестрицам Марьи Дмитриевны. Может быть, Вы когда-нибудь узнаете меня лично. Во всяком случае, поверьте мне, я надеюсь заслужить доброе мнение Ваше и оказаться достойным иметь честь быть близким к Вашей фамилии. А теперь примите еще раз уверенье в чувствах наиглубочайшего уваженья и позвольте мне пребыть искренно любящим Вас и преданнейшим Вашим слугою».⁸⁰

**«Я принялась нацарапать тебе, Варя,
несколько строк...»**

На письме Достоевского к отцу Исаевой имеется и её собственная приписка, стиль которой озадачивает. Ибо выдает неумение Исаевой общаться в светской манере.

«Дама», привычная к правилам эпистолярного общения, не позволила бы себе изложение в духе: «Я принялась нацарапать тебе несколько строк...», или: «Остальное стало для меня трын-травой...», или: «Хотелось бы много написать и так о чем поболтать...». Образованные женщины того времени так не изъяснялись.

В нескольких строках столько стиливых погрешностей, что поневоле чувствуешь облегчение, - может, это и хорошо, что писем Исаевой к Достоевскому не сохранилось. Разочаровываться – тяжело.

Итак, - читаем: «Чтоб не потерять случай, а тем более, что мы так давно не писали одна другой (приписка адресована сестре, - *авт.*), я принялась нацарапать тебе, Варя, несколько строк. Я думаю, Вы уже надавали мне несколько эпитетов за моё молчание, но, право, и мне пришлось ожидать от вас весточки немалое число недель. Муж мой посылает вам всем поклон и просит полюбить его также братски, как когда-то любила ты искренно доброго Александра Ивановича. Хотелось бы многое написать и так о чем поболтать, да подходит время отправки писем. Скажу тебе, Варя, откровенно – если б я не была так счастлива и за себя, и за судьбу Паши, то, право, нужно было поссориться с тобою, как с недоброю сестрою, но в счастье мы всё прощаем. Я не только люблю и балуюема своим умным, добрым, влюбленным в меня мужем, - даже уважаема и его родными. Письма их так милы и приветливы, что, право, остальное стало для меня трын-травой. Столько я получила подарков, и все один другого лучше, что теперь будь покойна, придется мало тебя беспокоить своими

поручениями. Поцелуй за меня Соню, Лиду, и поклонись всем, кто захочет меня вспомнить. Если ты не поленишься и будешь писать мне, то я всегда с удовольствием буду отвечать тебе. Паша кланяется тебе и Лиде, он очень любим и умно балуем Федором Михайловичем».⁸¹

«Я писал к Вам о его сиротке-сыне...»

Нельзя не заметить, что многие обороты речи Исаевой напоминают подстрочный перевод с французского, вплоть до «он балуем», «я уважаема», «вы надавали мне несколько эпитетов» – скорее всего, М.Д. читает больше не русские, а французские романы...

Удивляет также, что упомянутая приписка адресована сестре, тогда как само письмо – отцу. Читая его, старик Константин, конечно, приписку увидел, а в ней – ни слова, ни даже привет, обращенного к нему!

Впрочем, что удивляться – отца Марии Дмитриевны уже «нет в живых», как мы с удивлением узнаем из документов, касающихся венчания Исаевой, о чем – ниже.

Что до Пашеньки, который Достоевским «умно балуем», то первое, чем озаботился новый муж М.Д., – отправил его в Сибирский корпус на учебу, притом, что Паша еще слишком мал, и ему требовались, скорее, не казенные, а семейные условия воспитания. Можно предположить, что и Исаевой, и Достоевскому в период их первичной «притирки» мальчик в тягость. И его отсылают без колебаний. 29 июля 1857г. Достоевский пишет генералу Ждан-Пушкину, чтобы тот поспособствовал определению пасынка в воинское заведение: «Получив чин, я женился на

вдове моего покойного друга, которого я любил и уважал, Александра Ивановича Исаева. Я застал его в 54-м году в Семипалатинске; он тогда был без места. Но через год получил место в Томской губернии, отправился на службу в город Кузнецк и через 2 месяца умер, оставив жену и малолетнего сына. Покойный Александр Иванович Исаев часто, с величайшим уважением говаривал мне о Вас. Он знал Вас лично; не знаю, помните ли Вы его? Я помню, что я писал к Вам о его сиротке-сыне, придумывая, как бы поместить его в Сибирский корпус, что очень хотелось бедной вдове, его матери, по смерти своего мужа пришедшей почти в отчаяние. Она подавала просьбы, писала письма – и вот решение вышло (благодаря заботливости доброго и благородного Якова Александровича Слуцкого) уже в то время, когда она, уже шесть месяцев, как сделалась моею женой. И хоть мне грустно и тяжело отпустить такого маленького мальчика, о котором я дал себе слово заботиться, из уважения к памяти его отца, но отказаться от такого случая невозможно, тем более, что корпусный командир сделал для него почти исключение, велел принять его в малых летах».⁸²

«Я рассчитывал иначе...»

Итак, Пашу отдали в Сибирский кадетский корпус, несмотря на то, что он «не вышел летами». Что Достоевский не пытается дольше задержать Пашу в семье, – хотя в любви к нему заверяет Ждан-Пушкина, – объяснимо. Но Исаева! Разве не она писала во все концы еще до замужества, желая поскорее пристроить сына хоть где-нибудь. И вот всё уладилось.

Тужила ли М.Д. по поводу разлуки с мальчиком, которая могла бы произойти и на год позже? Оказывается, не очень. Как следует из письма Достоевского сестре Исаевой, В.Д. Констант, от 31 августа 1857г., Пашина мать такому обстоятельству чрезвычайно обрадовалась.

«Я знаю, - пишет Достоевский – как Вы любите Пашу, и потому считаю себя обязанным сообщить Вам о нем подробнее. Признаюсь Вам, что помещение его в корпус мне было сначала не по душе. Я рассчитывал иначе и всё уговаривал Марью Дмитриевну подождать. Я уверен в своём (очень близком) возвращении в Россию... Там же, в России, я имею много способов и очень много преданных мне и сильных людей, которые помогли бы мне пристроить Пашу наилучшим образом, у меня на глазах. К тому же в Павловском кадетском корпусе командиром батальона кадет мой родственник, муж моей младшей сестры. Я думал, что в этом корпусе он был бы как в доме родных. Имея всё это в виду, я надеялся, что на прежнюю просьбу Марьи Дмитриевны (еще до замужества) о помещении Паши в корпус не последует скорого ответа за малолетством Паши. Но люди, которых я же просил прежде, так преданы нам, что выхлопотали, несмотря на малолетство Паши, в виде исключения из общего правила, принятие его в корпус. Нечего делать, мы с ним расстались. Марья Дмитриевна рассуждала как мать и обрадовалась решительному и верному».⁸³

Итак – виноваты слишком усердные покровители. Это они преждевременно «вырвали» восьмилетнего мальчика из родительского дома, причем

Достоевский уговаривал М.Д. повременить и приводил тому веские доводы. Но друзья так поспешили помочь, что отказываться неудобно...

«Неприменно хотелось написать Вам...»

Марья Дмитриевна «рассуждала как мать». И потому ускорила расставание с сыном на целый год, да к тому же еще и обрадовалась, как сказано выше.

Странно, но в письме Достоевского к В.Д. Констант явно сквозит неодобрение Исаевой. Что не очень тактично - размолвки меж супругами не принято выставлять на обсуждение посторонних, даже почти незнакомых лиц! Впрочем, отцу М.Д. Исаевой о разногласиях по поводу Паши – ни слова. Очевидно, сестра – человек доверенный, и ей многое сообщается...

Из письма отцу: «Марье Дмитриевне непременно хотелось написать Вам окончательное и решительное известие о милом нашем Пашечке. Совершенно неожиданно решила давнишняя просьба Марьи Дмитриевны о помещении Паши в Сибирский кадетский корпус, и решила по особенному вниманию и участию генерал-губернатора. Пашу приняли...».⁸⁴

«С ним горе мыкать...»

Но как должны были окружающие относиться к такой спешке определить в учение «бедного сиротку»? Достоевский не мог не понимать, что в глазах «общества», с коим не считаться нельзя, одобрения это не вызовет. А посему возникли хлопоты, чтобы Пашу из Сибирского кадетского корпуса вернуть в лоно семьи.

Из письма Достоевского И.В. Ждан-Пушкину от 17 мая 1858г.: «Жена моя оставалась вдовою и без больших надежд в будущем. Лучше уже было пристроить сына поскорее, чем с ним горе мыкать и оставить его без образования... Вы пишете, что довольно прислать только письмо к директору и просить его и он отпустит. Я так и сделаю... Я знаю, что Вы берете истинное участие в нашем сиротке. Да наградит Вас за это бог!».

Таким образом, Достоевский как бы оправдывается в своем «неотеческом» отношении к Паше и пытается нейтрализовать неблагоприятное мнение, которое, несомненно, уже распространилось достаточно широко и могло повредить его будущим планам – ведь в «устройстве судьбы» Ф.М. было задействовано столько высокопоставленных лиц...

С бомондом той поры дворянину и литератору приходилось вести себя «аккуратно»...⁸⁵

«У жены нет никакой шляпки...»

В течение двух последующих лет, в 1858 и 1859гг., о Марии Дмитриевне Достоевский в письмах почти не вспоминал. Лишь где-нибудь в конце обычно появлялась приписка: жена, мол, «посылает Вам поклон». Из семейных историй Достоевского волновала пока только ситуация с Пашей, - и не потому ли, что могла вызвать кривотолки среди «сильных мира сего». Отношения с супругой на романтические не походят.

Впрочем, мы знаем, что в Семипалатинске с весны 1857г. проживает бывший соперник Достоевского – Николай Борисович Вергунов, которому злая

молва, судя по книге Л.Ф. Достоевской, приписывает связи с уже замужней Исаевой. Но вот летом 1859г. Достоевские Сибирь покидают и направляются в Тверь. По дороге, как уже было сказано (см. Л.Ф. Достоевскую), Исаеву преследует Вергунов и свидания якобы происходят чуть ли не на каждой станции.

В переписке из Твери, Достоевский, после длительного двухгодичного семипалатинского перерыва, наконец-то начинает Исаеву упоминать. В письме к брату от 24 августа 1859г. он просит купить для неё шляпку: «Вот что: у жены нет никакой шляпки (при отъезде мы шляпки продали. Не тащить же их было 4000 верст!). Хоть жена, видя наше безденежье, и не хочет никакой шляпки, но посуди сам: неужели ей целый месяц сидеть взаперти, в комнате? Не пользоваться воздухом, желтеть и худеть?».⁸⁶

«Шляпка должна быть серенькая или сиреневая...»

Почему шляпки проданы в Семипалатинске? Но ведь Достоевский уже сообщал, что там – всё чуть не в два раза дороже. Значит, что-либо из вещей продавать надо по семипалатинским ценам - тем более, впоследствии в пополнении проданного, вполне вероятно, поможет брат Михаил. О любви в упомянутом письме ни строчки. Читаем: «Моцион нужен для здоровья и потому я непременно желаю купить ей шляпку. В здешних магазинах нет ничего, шляпки есть летние, гадкие, а жена хочет осеннюю, расхожую и как можно дешевле. И потому вот такая моя убедительнейшая к тебе просьба. Пошли или сам зайти к m-me Вихман и, если есть готовая, купи, а нет, закажи. Шляпка должна быть

серенькая или сиреневая, безо всяких украшений и цап, без цветов, одним словом, как можно проще, дешевле и изящнее (отнюдь не белая) – расхожая в полном смысле слова. Другую хорошенькую зимнюю шляпку мы сделаем после. А теперь только что-нибудь надеть на голову, не простоволосой же ей ходить? Если m-me Вихман скажет, что шляпки летние, а осенних фасонов еще нет, то закажи осеннюю и пусть она сама сделает какой угодно осенний фасон, хоть прошлогодний. Без украшений, дешевле, как можно изящнее».⁸⁷

Несколько удивляет это «мы продали шляпки», «хорошенькую зимнюю шляпку мы сделаем после» – как отдаленный звук мелодии «грозного чувства», когда Достоевский и Исаева были – «мы», несмотря даже на обоюдные подсознательные мотивы, которые этому чувству сопутствовали и все же мешали. Значит, в пору шляпок они всё ещё – «мы», по крайней мере это «мы» всё ещё в Достоевском подспудно теплится...

«Если можно – привези шляпку с собою...»

Головные уборы для Исаевой интересуют Достоевского прежде всего – с утилитарной точки зрения, «не ходить же ей простоволосой». Но «мы» присутствует...

А что же Исаева? Возможно, она счастлива после романтических тайных встреч с Вергуновым по дороге в Тверь: значит, она не изменилась, она может ещё нравиться, ей хочется обновок.

И как не сочетаются с таким её настроением заботы экономного супруга о шляпке, которая должна

одновременно быть и изящной, и дешевой. Да, он расчётлив, мы в этом уже убедились. И даже в мелочах. Ведь посчитал же он некоторые детали туалета собственной жены лишними и продал их в Семипалатинске – «не таскать же их за 4000 вёрст!».

Желая сделать ей подарок, Достоевский, тем не менее, печется о дешевизне точно также, как Карандышев, герой известной киноленты, снятой по «Бесприданнице» Островского, покупая нарядный туалет для невесты! Он даёт наставления брату: «У нас в Семипалатинске была расхожая шляпка в 9 целковых (то есть здесь в 5), но до того изящная, что годилась графине (шляпка, стало быть, была «у нас». Впечатляет. Притом «годились и графине» - но ведь продали же! – *авт.*). Ради бога, брат, не откажи. Продам тарантас – деньги отдам тотчас. Есть у Вихман ленты (мы здесь видели образцы от Вихман же) с продольными мелкими полосками серенькими и беленькими. Вот таких бы лент к шляпке. Жаль, что не могу прислать образчика. Если можно – привези шляпку с собою. Если же нет – закажи, и, когда будет готова, пусть отправят по железной. Но чтоб она тебя не задерживала в Петербурге. Голубчик мой! Не досадуй на меня за мои просьбы! У меня у самого голова кругом идёт... Жена тебе кланяется».⁸⁸

«Вчера писал тебе об шляпке...»

На следующий же день – еще письмо брату. В нём – напоминание: «Вчера писал тебе об шляпке, не забудь, ради бога, друг мой. Образчик лент для уборки шляпки. Ленты эти от Вихман из Петербурга (сказала здешняя магазинщица). Цвет же шляпки как серенькая

полоска на лентах».

Такая настойчивость удивительна: шляпка нужна и скоро, притом определенного фасона и цвета, и оговаривается даже тип ленты, да еще – чтобы непременно дешевая. Что это - пожелания Исаевой, или представления самого Достоевского об изяществе женщины и её нарядах?

Но много ли мужчина смыслит в лентах - и можно ли такую деликатную миссию поручить опять же – мужчине, который в дамских туалетах мало что понимает? Сомнительно, что два брата Достоевских могли выбрать для Исаевой шляпку лучше, чем она сама в тверских магазинах. Похоже, она в самом деле была непритязательна и покладиста и даже в некотором подчинении у мужа.

С момента отъезда из Семипалатинска минуло два месяца и столько еще пройдет, пока из Петербурга вышлют заказанные обновки, а она всё ходит «простоволосая», а то и вовсе не выходит из дома, что для неё, склонной к чахотке, - самоубийственно.

И что должен думать о Достоевском «свет», узнав, что он держит жену взаперти, без «карманных денег» и настолько поработил её индивидуальность, что даже «шляпки и ленты» заказывает для неё сам, когда он решит и какие выберет...⁸⁹

«Она... всё хворает»

Меж тем, Исаева больна. Смертельно. Туберкулез еще излечивать не умели, да и болезнь запущена. Ей осталось жить четыре с половиной года. Намёки на её нездоровье в переписке Достоевского встречаются, но – места занимают совсем немного.

Из письма А.Е. Врангелю от 22 сентября 1859г. из Твери: «Мы с Марьей Дмитриевной все три года Вас так часто вспоминали и с каким удовольствием. Она очень желала бы Вас видеть. Всё хворает. Прощайте же, обнимаю Вас».

Но Достоевского более всего заботит всё же не здоровье жены (о нём – две строчки, причем только в одном письме, и то в контексте «приветов»), а – своё собственное. У Достоевского падушая, о которой он всем сообщает. Детально, во всех нюансах, рассказывает об эпилепсии и брату Михаилу, и даже графу Тотлебену.

Однако этот недуг не помешает Достоевскому прожить до старости, скончается он в 1881 году. Силы же Исаевой уже на исходе, хотя она и моложе супруга на пять лет...⁹⁰

«Марья Дмитриевна даже иногда плачет...»

Тверь аттестуется Достоевским как город скучный. Достоевский недоволен и плохой библиотекой, и «ничтожным» театром, и дороговизной, и отсутствием удобств. Быть может, также считала и Исаева. Хотя трудно поверить, что в Семипалатинске, а уж тем более в Кузнецке было интереснее и комфортнее.

Возможно, Исаеву гнетёт не Тверь, а муж, который бережет деньги настолько, что отказывается принимать гостей и «поддерживать всяческие знакомства». Впрочем, выйти «в свет» для нее, надо полагать, - проблема: нет ведь никаких нарядных безделиц и даже нужных шляпок (экономит же!), а без всего этого какая уж элегантность. Да и Ф.М. всё время - за работой, и на «светский»

лад не настроен. Эмоциональная и «легкого характера» женщина ощущает все тяготы одиночества...

Из письма Достоевского А.И. Гейбовичу от 23 октября 1859г.: «А Марья Дмитриевна даже иногда плачет, вспоминая о Вас. Ей-богу. Она Вам, кажется, и письмо приготовила... Мы тоже в ожидании живем довольно скучно. Покамест не переехали в Петербург, не покупаем даже самых необходимых вещей. Знакомство веду я один. Марья Дмитриевна не хочет, потому что принимать у нас негде. Да и знакомых-то три-четыре дома. Знаком со многими, а хожу к немногим, к тем, к кому приятно ходить. Тверь как город до невероятности скучный. Удобств мало. Дороговизна ужасная. Обстроен очень хорошо, но скучно. Театр ничтожный. Тарантас мой не могу до сих пор продать...»⁹¹

Значит, Достоевский бывает в театре, и общается лишь с теми, кто ему приятен, хотя знакомств много. А Исаева – как бы в заточении...

«Марья Дмитриевна убивается...»

Сила таланта Достоевского ощущалась отнюдь не только в романах, но и в повседневной жизни. По письмам мы уже знаем его необыкновенную способность убеждать. И поскольку в Твери самым главным для него, помимо готовящегося переезда, была, пожалуй, забота о собственном здоровье («хворь» Исаевой, у которой, что называется, смерть за плечами, он почти не замечает), то он не только всех близких и знакомых переполошил своей болезнью (эпилепсией), но и Исаевой внушает, что ему осталось жить недолго, а та, естественно, начала беспокоиться:

сына-то из Сибирского кадетского корпуса забрали, а если муж скончается – кто возьмёт на себя заботы о воспитании и образовании Паши?

Исаева опасается кончины Ф.М., и, конечно, скорбит заранее, вспоминая неожиданный конец первого супруга. И если Достоевский в своё время написал «Вечного мужа», то ей впору бы сочинять «Вечную вдову»...

Из письма Достоевского Врангелю от 2 ноября 1859г. из Твери: «К тому же в письме моём к государю я прошу о помещении моего пасынка, Паши, в гимназию. Марья Дмитриевна убивается, за судьбу сына. Ей всё кажется, что если я умру, то она останется с подрастающим сыном опять в таком же горе, как и после первого вдовства. Она напугана, и хоть сама не говорит мне всего, но я вижу её беспокойство. А так как жизнь в Твери я еще не знаю когда кончится, а Паша не пристроен и только теряет дорогое время, то я в решительную минуту пустился на крайнюю меру и написал к государю, надеясь на его милосердие...»⁹²

«Жена моя остаётся в Петербурге...»

Далее – переезд в Петербург. Завуалированный от самого себя, но тем не менее весьма чувственный «роман» с А.И. Шуберт. Творчество. Достоевскому не до Исаевой. В письмах своих он её не поминает вовсе. И лишь когда покидает столицу чуть не на три месяца для лечения за границей, как бы между прочим, сообщает брату А.М. Достоевскому 6 июня 1862г.: «Еду я один. Жена моя остаётся в Петербурге. Денег нет, чтоб ехать вместе, да и нельзя ей своего

сына (моего пасынка) оставить, который готовится к экзамену в гимназию».

Теперь муж М.Д. называет Пашу не сыном, а пасынком. Сыном Паша так и не станет, хотя в орбите Достоевского пребудет до самой кончины писателя – нечто вроде живого укора – к величайшему раздражению его второй жены Анны Григорьевны.

Более всего изумляет, что Достоевский едет в Европу лечиться. Но в лечении-то больше всего нуждается не он, а Исаева, - ей осталось жить всего полтора года. Для её легких «сырой» Петербург – убийственное место, - хуже не придумаешь! - так что об отдыхе где-нибудь в Италии подумать бы ей, а не мнительному супругу, который беспокоится о собственной кончине за двадцать лет до таковой.

Но для Исаевой Достоевский денег не находит. Они ему понадобятся на другие цели. В Европе он приохотится к рулетке. «Игрок» «проиграет», в конечном счете, не только бывшее «грозное чувство», но и жизнь «прекраснейшей из женщин». Как видим, игра шла, в самом буквальном смысле, – на жизнь...⁹³

Летом 1862г. намерения Достоевского и его жены разительно отличались. Достоевский спешил на лечение. Исаева, в то же время, собиралась ехать в Тверь, где климат более мягкий, и неизлечимо больная М.Д. могла бы хоть немного оттянуть свою гибель.

Но, конечно, её поездка не состоялась.

Планы великого писателя встали на ее пути – ему требовались иные впечатления и иные стимулы для творчества. Лечение же – пристойный предлог. В конце концов, в праве же он был беречь свое здоровье.

Играя в рулетку в самых разных городах Европы, он переполнен переживаниями и всем увиденным, что использует в будущем романе «Игрок».

Исаевой в этом романе «роли» не найдется, его будут вдохновлять иные музы...⁹⁴

«Жена его очень добрая особа, но жаль, что очень больная женщина...»

Но, может, симптомы болезни Исаевой не столь явственны, и именно поэтому свою эпилепсию Достоевский считает куда более опасной и лечится за границей, отказываясь везти с собой Марию Дмитриевну – хотя живительный для чахоточных климат Италии, конечно, мог продлить её дни.

Предлог серьезен: денег нет. Денег, которые одновременно сжигаются в игорных домах.

Ответ на вопрос о состоянии Исаевой находим в письме Н.М. Достоевского к А.М. Достоевскому от 18 ноября 1862г.: «Про брата Федора я и писать не берусь... Жена его очень добрая особа, но жаль, что очень больная женщина. У ней чахотка, и только тридцатилетний возраст не дает скоро развиться этой болезни». Стало быть, серьезность недуга Исаевой за полтора года до смерти для всех очевидна. Но не для Достоевского. Он лечится сам, хотя положение М.Д. куда более опасно. Он развлекается, набирается впечатлений, что писателю, бесспорно, необходимо, но вот только Исаевой всё хуже и хуже...⁹⁵

«То есть не умерев в Петербурге...»

По мере того, как Исаева близилась к концу, снедаемая смертельной болезнью, Достоевский в апогее

бурного романа с Апполиinarieй Суловой. Связь их – опять же любовь-ненависть. Восторги всё чаще перемежаются с отчаянием.

Но Достоевский о Марье Дмитриевне помнит. Он даже пытается облегчить её положение, и везет ее не в Италию, нет, - а во Владимир, где климат для чахоточных более благоприятный. Неблаговидность своего отношения к жене он, видимо, и сам чувствует. В письме к И.С. Тургеневу 17 июня 1863г. Достоевский поминает «болезнь жены (чахотка), расставание моё с нею (потому что она, пережив весну /то есть не умерев в Петербурге/, оставила Петербург на лето, а может быть и долее, причем я сам сопровождал её из Петербурга, в котором она не могла переносить более климата)»

Примечательно это «я сам сопровождал её из Петербурга» – как будто при её болезни могло быть иначе!

Спеша на свидание с Суловой в Париж, но желая «выглядеть пристойно» в приличном кругу, Достоевский как бы бряцает фальшивой монетой о мраморную стойку: смотрите, она – настоящая, самая настоящая!

Итак, Исаева – из Петербурга, а муж - в Европу.

Опять без Исаевой. К чему умирающей лечиться?

«Не умерев в Петербурге», можно «доживать» во Владимире.

В Европе же его ожидает очередной всплеск романа с Суловой, рулетка и польза для собственного здоровья: он ни на минуту не забывает об эпилепсии, которая будет маять его еще два десятка лет...⁹⁶

А пока она «выручает» его – если бы не нужда в лечении, разве оставил бы он угасающую Марию

Дмитриевну.

Может быть, и так разворачивался в ту пору поединок Достоевского с Достоевским – ему было в чем каяться перед Исаевой, а раскаяние – разве не есть наслаждение...

«Что услышишь об мамаше, тотчас же мне сообщи...»

В Европе Достоевскому отдыхалось хорошо. О чуть было не умершей в Петербурге Исаевой Достоевский не вспоминал. Впрочем, мы не совсем точны. 16 августа он отправил пасынку письмо, в котором сообщал, что намеревается посетить теплую Италию. Что итальянский климат – самое лучшее лекарство от чахотки, Достоевский совершенно упустил из виду!

Паше он рассказывает много интересного, но для Исаевой – ни одной строчки. И лишь в небольшом «постскриптуме» Паша получил наказ: «Что услышишь об мамаше, тотчас же мне сообщи».

Щемительно: страстный эпизод с Суловой затмил образ умирающей Исаевой настолько, что отныне для Достоевского – она всего лишь «мамаша».⁹⁷

«Лучше всего здесь фрукты и вино...»

Для пониманий «подполий души» сочинителя Достоевского, необходимо вникнуть в обстоятельства его «рулеточной» поездки в Европу, когда он, бросив умирающую жену во Владимире и обозначив её в письме к Паше «мамашей», принялся развлекаться.

Как известно, 20 августа он пишет В.Д. Констант. И тут без двусмысленных мест – не обошлось. Достоевский, живописуя прелести Парижа, сообщает:

«лучше всего здесь фрукты и вино; это не надоедает. О своих интимных делах я Вам ничего не пишу...».

О каких «интимных делах» говорит Достоевский? А интимные дела, заметим, были – роман с Сусловой в разгаре. Но неужели же об «интиме» на стороне стоит писать сестре собственной жены? В смысле: частная жизнь, вид занятий, забавы и в том же роде. Очень странно, - но сестра умирающей М.Д. ставится в известность, что муж поглощен в Париже выбором фруктов и вин и особенно – рулеткой. Причем про рулетку Достоевский пишет подробно.

Сюжет известен: сначала Достоевский выигрывает 10 тысяч 400 франков, потом проигрывает 5 тысяч 400 фр., в итоге у него оказалось «прибыли» 5000. Из этой суммы он отправляет Исаевой (через В.Д. Констант) 25 дублонов (то есть чуть более 1000 франков), и оставляет у нее до поры еще 5 дублонов (то есть немногим больше 200 франков). Через какое-то время Достоевский вновь проиграет и попросит часть посланных денег назад (опять же через сестру Марии Дмитриевны).

О самой Исаевой, которая на пороге смерти, Достоевский не упоминает, за исключением одной строки: «Беспокоюсь я ужасно и сердечно за её здоровье». Всё остальное, если Исаевой и касалось, то только в контексте рулетки и отсылки денег, то ей, то от неё – чтобы ему покрыть проигрыш. Любопытна и сама пропорция распределения средств. Исаевой посылается всего пятая часть выигрыша. Такая арифметика – тоже своего рода показатель. Пятая часть – семье, всё остальное – для удовольствия...⁹⁸

«Не будет ли в претензии на Вас Марья Дмитриевна...»

Проигравшись в пух и прах, Достоевский просит сестру Исаевой взять у нее присланные ей деньги. Деньги, на которые Исаева рассчитывала, ибо ей надо платить за лечение. Жить ей осталось всего-ничего.

В письме 8 сентября 1863г. Достоевский спохватывается - жена «ему дорога», он - чувствует вину, но обставляет всю эту некрасивую историю таким образом, что Исаева, якобы, может оказаться «в претензии» к собственной сестре. Уезжая за границу, он не оставил М.Д. нужной суммы, чтобы той хватило на врача. Так что посланное из Европы именно на это было ею предназначено. Во Владимире перед Исаевой возникла дилемма: доживать, ожидая конца, или попытаться лечиться. И если деньги пришлось вернуть, тем самым ускорена была ее гибель...

Из письма Ф.М. к сестре Исаевой: «Слава богу, вышел из беды. Боюсь, однако, что Вам доставил много хлопот и вот чего, главное, боюсь: не будет ли в претензии на Вас Марья Дмитриевна за Ваше самовольное распоряжение её деньгами? А я ей, как нарочно, из Турина еще написал и просил отнюдь более 100 р. от себя мне не посылать, потому (писал я ей), что мне приятнее знать, что она хоть на некоторое время обеспечена».⁹⁹

Значит, когда Достоевскому понадобились средства, он нашел-таки время написать Исаевой, «мамаше», и просить помощи, не только у Варвары

Дмитриевны, но и у неё, у которой – платить врачу нечем...

«Ей надо дать доктору...»

Хроника «убиения» Исаевой продолжается, - мы не кощунствуем, пороча память гения, мы просто называем вещи своими именами, как называли бы их сегодня наши современники. История заграничных вояжей 1862-го и 1863-го годов – как бы некая иллюстрация на темы морали.

Все «преступления» Исаевой в отношении Достоевского, красочно расписанные его дочерью, меркнут перед документально доказанными его поступками, которые буквально приблизили к могиле Марию Дмитриевну... Читаем дальше: «Видите: хоть я ей и выдал до октября денег достаточно, но я Вам рассказывал, возвратясь из Владимира, что она лечится и что в случае излечения ей надо дать доктору по крайней мере 100 р. Она говорила мне, что 100 р. для неё страшно много и что она не может. И вот теперь, получив моё письмо, где уведомляю её, что посылаю ей деньги, она, может быть, по щедрости своей (а она щедрая и благородная) и решила дать эти 100 р.. надеясь на мои деньги. Да кто знает, может, еще что-нибудь и купила себе. Так что теперь почти трепещу, что ей неостанет до октября. А это мне вдвое хуже, чем если б мне неостало. Вы знаете сами, что брата она смерть не любит. Рассердится, пожалуй, оттого, что деньгами её воспользовались, потому что у брата не было мне выслать».¹⁰⁰

«Не отвечайте ей жестко...»

Итак, деньги, на которые Исаева рассчитывала, приходится вернуть. А ведь они – её последняя надежда хоть ненадолго продлить жизнь. Л.Ф. Достоевская, обвиняя ее во множестве прегрешений, пользовалась лишь устными, мало проверенными и неподкрепленными источниками. «Прелюбодейная» связь М.Д., которую так ненавидят вторая жена и дочь писателя, во всяком случае, не была столь публичной, как роман Достоевского с Сусловой. Если – вообще таковое «прелюбодейство» на самом деле имело место.

А если – нет? Тогда перед нами – образец терпения: М.Д. сносит измены Достоевского, и его пренебрежение, и поездки в тёплые края, куда следовало бы ехать ей, и даже то, что он требует обратно посланные крохи из большого выигрыша, зная, что лишает её лечения...

Далее Достоевский к её сестре пишет следующее: «Наизусть знаю, что она обвинит брата. А следовательно, пожалуй, и Вам что-нибудь напишет. Добрый, милый друг мой, не рассердитесь, не отвечайте ей жестко, если она Вам что жесткое напишет. Напишите ей так: что во всяком случае я бы был без денег и погиб бы. А следовательно, надо было помочь. Время очевидно, не терпело. Писать ей было некогда. Вот и распорядились её деньгами. Но главное: что если ей неостанет до моего возвращения? Боюсь, потому что она дорога мне. Тётянька, милая, если у Вас будут лишние деньги до моего приезда, то нельзя ли послать ей рублей 75 в виде того, что

брат начал уплачивать, но не говоря, что от Вас. Спасли бы Вы меня. Разумеется, если Вас это ни капельки не стеснит, то есть если деньги у Вас просто лежат, как это часто у Вас бывало. Если ж нет, то, разумеется, и думать нечего... Пишите хоть что-нибудь о Марье Дмитриевне и о настоящей истории с деньгами...».¹⁰¹

О настоящей истории с деньгами? Выходит, М.Д. те несчастные 100 р. обратно не послала, Достоевский их берёт у её сестры, а Варвару Дмитриевну просит помочь Исаевой «от себя». Причем, похоже, он озабочен: куда же девала Исаева ту сотню, что он ей послал...

«Я мамаше больше всех писал...»

Во время развлекательной поездки по Европе связь Достоевского с Исаевой либо не поддерживается, либо она – односторонняя. Об этом Достоевский пишет пасынку Паше 18 сентября 1863г. из Рима.

Исаева утверждала, что Федор Михайлович ей не послал ни одного письма. И он это горячо оспаривает: писал, де, ей «поминутно». Но, странно, - все, с кем он переписывался, его послания получали, только она почему-то -- нет! Но мы верим Исаевой.

Потому что у Достоевского роковой момент в романе с Суловой. Да и хочет ли сама М.Д. с ним общаться, хотя бы письменно? Ведь он ее бросил больную. А мог бы увезти в Рим, где климат для неё – лучшее лекарство. Хватает же ему денег на рулетку. И, стало быть, не в деньгах дело.

Щемительно выглядит контраст между положением Достоевского, который сообщает о себе пасынку,

что здоров и развлекается (причем – «припадков у меня не бывает») и гибнущей Исаевой, которой жить - всего несколько месяцев...

Из письма П.А. Исаеву: «От неё я ещё ни одного письма не получил. И как я всё это время мучился; думал, что она так больна, что уже и писать не может, и бог знает что еще думал. Но вдруг Варвара Дмитриевна мне пишет недавно, что мамаша ей писала, будто она ни одного письма от меня еще не получила. Ужасно мне это было странно слышать. Я мамаше больше всех писал, поминутно писал. Как же она ничего не получила, тогда как к другим все мои письма дошли?... Я здоров, припадков у меня не бывает,... тут много развлечения, есть что видеть и осматривать...».¹⁰²

Сопоставлял ли уже порядком повзрослевший Паша эти две судьбы? И если сопоставлял, мог ли иначе относиться к Достоевскому, став взрослым, кроме как к источнику денежных пособий. Разве не от него же, Достоевского, получал первые уроки: нет денег – можно попросить у кого-нибудь, кто помягче...

«Здоровье Марьи Дмитриевны очень нехорошо...»

И всё же, почему, если Достоевский писал Исаевой «поминутно», ни одного его письма из Европы, адресованного ей, не сохранилось? Загадка. А в том, что Ф.М. иногда намеренно о многом даже не то, что умалчивал, а – случалось, лгал, мы уже знаем. Так что – веры Исаевой больше.

Пожалуй, её неприятие психологии и нравственности Достоевского в последние годы её жизни было оправдано. С чем, конечно же, вторая жена писателя

не согласилась бы.

Злосчастную рулетку Анна Григорьевна оправдывала рассуждениями об эмоциональном всплеске, который непроизвольно захватывал писателя в момент игры, так что после очередного «рулеточного угара» наступал творческий подъём!

И, наконец, приходится считаться с тем, что если бы не было «игровых страстей» – не родился бы замечательный роман «Игрок».

Однако реальная «стоимость» этих «всплесков» определена: смерть Исаевой и вполне доказанное отсутствие помощи в её критическом состоянии – цена «игорного морока» и «творческих подъёмов». Достоевский выбирал между фатальной страстью и смертью уже нелюбимого, несмотря на его заверения, существа. Страсть победила. Исаева погибла.

Возможна и иная трактовка гибели Исаевой, но она столь же нелицеприятна. Достоевский уезжает за границу, когда ей совсем худо, она изнурена, её лихорадит. Оставляя её в таком положении – немилосердно... Из письма Достоевского сестре Исаевой от 10 ноября 1863г.: «Любезнейшая Варвара Дмитриевна, по некоторым крайним обстоятельствам, о которых рассказывать долго, мы, то есть я и Марья Дмитриевна, решились переехать совсем в Москву... Здоровье Марьи Дмитриевны очень нехорошо. Вот уже два месяца она ужасно больна. Её залечил прежний доктор; теперь новый. Наиболее изнурила её двухмесячная изнурительная лихорадка. Конечно, в таком состоянии переезжать всем домом в Москву не совсем удобно. Но что ж делать? Другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя».¹⁰³

«У Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме...»

Какие могут быть еще «причины» для переезда умирающей женщины, кроме как укрепление её здоровья? Любой шаг, кажется, должен диктоваться стремлением улучшить её состояние. Всё остальное – от лукавого.

Притом, сам Достоевский сообщает: для больной Исаевой такое перемещение – не лучшее, что можно придумать. По отношению к ней – всякое оправдание вынужденного отъезда из Владимира – обставленный красивыми словами почти садизм.

«Причины» – конечно, планы Достоевского по изданию собственного журнала под названием «Правда». Так Исаева в очередной раз «пожертвована» ради литературной карьеры супруга (впрочем, как и следовало ожидать, никакой будущности у «Правды» не оказалось).

«Доживание» Исаевой проходит мучительно и длится долго. Болезнь прогрессирует, она принимает лекарства и кумыс. В январе 1864г., за три месяца до смерти, М.Д. уже наверняка знает, что умрёт. Об этом читаем в письме Достоевского её сестре от 10 января: «Любезнейший друг Варвара Дмитриевна, спешу Вам написать несколько строк с Пашей... Случилось то, что я предвидел и ему предсказывал, а именно: он был довольно несносен Марье Дмитриевне. Легкомыслен он чрезвычайно, и, разумеется, неуменье вести себя с очень больною Марьей Дмитриевной (при всех его стараниях) тому причиною. Впрочем, Марья Дмитриевна от болезни стала раздражительна до последней степени. Ей несравненно хуже, чем как было

в ноябре, так что я серьезно опасуюсь за весну. Жалко её мне ужасно, и вообще, жизнь моя здесь не красна. Но, кажется, я необходим для неё и потому остаюсь... У Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме: грустит и приходит в отчаяние. Такие минуты очень тяжелы для неё. Нервы у ней раздражены в высшей степени. Грудь плоха, и иссохла она как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть».¹⁰⁴

Так зачем же было увозить её из Владимира? Настоятельные причины...

А что, если, умирая, Исаева позвала Вергунова проститься и он во Владимир приехал? И пошли слухи...

Попробуем поверить дочери Достоевского, ведь всё, что она писала, - знала от матери, а с той делился Достоевский. Разве не мог он рассказать А.Г. о некоем «владимирском пассаже», из-за которого пришлось увозить М.Д. в Москву, хотя и вопреки её болезни...

«Не то будет худо, Паша...»

В приведенном выше письме и Паша, и Исаева выставлены в невыгодном свете. Исаева страдает – можно, хотя бы из сочувствия, не сообщать о раздражительности безнадежно больной женщины. Впрочем, ведь она уже не жена. После развлекательной поездки в Европу (в момент, когда Исаева проживала во Владимире) для Достоевского важна была только Сулова. Все помыслы его обращены к ней.

Умиравшую же, чахоточную, шадить он не находит в себе сил: она уже нелюбима. А про Пашу и говорить нечего. 28 января 1864г. Достоевский пишет мальчику, и называет его глупцом, дурным сыном «со

скверным, ехидным сердцем». В этом послании не содержится ни «здравствуй», ни «до свидания».

На какую же привязанность пасынка мог рассчитывать Достоевский, коли считает, что тот «кругом виноват», но не замечает собственной вины – большой и страшной.

Мы смеем сказать, ничуть не умаляя гениальности писателя, - это он, Достоевский, толкает к гибели Исаеву, пренебрегая её чувствами и погрязнув в путанной и тёмной страсти к Суловой.

Из упомянутого письма к Паше: «Скажи, пожалуйста, что с тобой делается, Паша? Или ты болен, так что не можешь двух слов написать, или ты окончательно глуп... Ты не только дурной сын, с скверным, ехидным сердцем (о здоровье матери хоть бы осведомился, по крайней мере) – но ты просто глуп. Воображаю, как ты ведешь себя в Петербурге... Письма пиши аккуратно каждую неделю. Не то будет худо, Паша... Реши теперь сам, когда улика на лицо, - можно ли обходиться с тобой как с порядочным человеком? Что ты не болен и доехал благополучно, это я знаю из письма брата. Следовательно, ты кругом виноват».¹⁰⁵

«Мамаша была очень слаба, до крайности...»

Мысли о смерти, - мы знаем, - Исаеву преследуют. Неудивительно поэтому, что кончину дочери М.М. Достоевского, Вари, она восприняла близко к сердцу и плакала: «Марья Дмитриевна очень плакала, и даже хотела было написать Эмилии Федоровне, но раздумала. Тем не менее ей очень, очень её жалко, и это вполне искренно» (Из письма брату 29 февраля 1864г.).

Достоевский же и сейчас покидает иногда Исаеву для отлучек в Петербург. Дела не терпят отлагательств, тем более что от «кузнецкого венца» мало что осталось – Исаева уже не любимая женщина.

Как и прежде, Достоевского преувеличенно беспокоит собственное здоровье. Когда пишет к брату и пасынку, сообщает прежде всего не о состоянии Исаевой, которой жить всего – полтора месяца, а о своих «болях». Он мнителен - вспомним, что вояжи в Европу тоже свершались «из-за нездоровья»...

Из письма пасынку 29 февраля 1864г.: «Мамаша была очень слаба, до крайности. Нет никакой возможности поговорить о твоём приезде в Москву. Впрочем, здоровье её еще не на последней степени расстройства. И, кто знает, может быть, переживёт весну, а если переживёт весну, то переживёт и лето и даже поправится. Из этого, впрочем, не суди, что ей много лучше. Она очень слаба».¹⁰⁶

«Марья Дмитриевна очень слаба...»

Собственный недуг в глазах Достоевского заслонил на время состояние Исаевой: воспалилась «простатическая (предстательная) железа» и он опасался, как бы не образовался нарыв. Он тут же перешел на постельный режим, ему ставили пиявки и делали клистиры, поили микстурами. Его мучили судороги, и все это тяготило его, очевидно, гораздо более, чем трагическое умирание Исаевой.

О ней в письме брату от 5 марта – всего одна строчка в самом конце послания, в котором о себе Достоевский сообщает весьма подробно. Более того, та самая упомянутая одна строчка про Исаеву все-таки

наполовину касалась его самого: «Я болен, Марья Дмитриевна страшно больна». Исаевой оставалось жить один месяц.

Но почему о своей болезни Достоевский пишет так взволнованно?

Можно предположить, оттого, что без излечения предстательной железы он – не мужчина, и, стало быть, страстный роман с Суловой, - отнюдь не романтического, а скорее физиологического свойства, - невозможен, и будущности в нём нет.

И тут позволим себе еще одно предположение: а были ли вообще так уж серьезны хвори Достоевского. Не настолько ли он мнителен, что даже сравнительно лёгкое ухудшение болезни принимал за едва ли не смертельное состояние? Отсюда – желание лечиться не где-нибудь, а за границей (у известных врачей).

В подтверждение - простатический припадок, о котором он так подробно рассказывал брату и пасынку, миновал через несколько дней. Никакого «нарыва» не было.

А Исаева доживала последние дни.

И Достоевский об этом знал, и сам писал, что она до Пасхи не протянет... Из письма брату от 20 марта 1864г.: «Марья Дмитриевна очень слаба: вряд ли проживёт до пасхи. Александр Павлович прямо сказал мне, что ни за один день не ручается. У нас теперь живёт Варвара Дмитриевна. Если б не она, то не знаю, что и было с нами. Она слишком помогла всем нам своим присутствием и уходом за Марьей Дмитриевной. Вот всё, что могу сообщить о себе».¹⁰⁷

«Она может умереть нынче вечером...»

Когда Достоевский узнаёт, что больше двух недель Исаева не протянет, он просит брата заранее купить Паше черное платье для похорон. Иными словами – похоронные атрибуты предусмотрительно закупаются еще при живой жене – может быть, это и рачительно, но почти как загодя купить гроб.

Отношение к наступающей смерти Исаевой настолько прагматично, что поневоле задаешься вопросом: а было ли «грозное чувство»? Был ли «кузнецкий венец»? Не предстает ли и венчание во многом высчитанным шагом (доказательства сему уже приводились)?

Страстные слова о любви, наверное, немного стоят в устах писателя, чей профессиональный долг – изъясняться красиво... Из письма брату 26 марта 1864г.: «Марья Дмитриевна до того слаба, что Александр Павлович не отвечает уже ни за один день. Долее 2-х недель она ни за что не проживёт. Постараюсь кончить повесть скорее... Не слышал ли чего о Паше?... он, пожалуй, будет еще потом меня упрекать за то, что я его не выписал в Москву, чтоб проститься с матерью. Но Марья Дмитриевна положительно не хочет его видеть и сама тогда прогнала из Москвы. Её мысли не изменились и теперь. Она не хочет его видеть. Чохоточную и обвинять нельзя в её расположении духа. Она сказала, что позовёт его, когда почувствует, что умирает, чтоб благословить. Но она может умереть нынче вечером, а между тем сегодня же утром рассчитывала, как будет летом жить на даче и как через три года переедет в Таганрог или в Астрахань.

Напомнить же ей о Паше невозможно. Она ужасно мнительна, сейчас испугается и скажет: «Значит, я очень слаба и умираю». Чего же мучить её в последние, может быть, часы её жизни? И потому я не могу напомнить о Паше... Еще одна важная очень просьба: как умрёт Марья Дмитриевна, я тотчас же пришлю телеграмму к тебе, чтоб ты немедленно отправил Пашу, непременно в тот же день, в Москву. Невозможно, чтоб он и на похоронах не присутствовал. Платье у него всё цветное, и потому очень надо, перед отправлением, успеть ему, где-нибудь в магазине готовых платьев (купить) черное – сюртук: штаны, жилет (за) дешевлешую цену».¹⁰⁸

Вспомним: в «Вечном муже» эпизод с умирающей от чахотки женой, которая строит планы, как летом поедет в Тверь, приведен чуть не слово в слово. И как не верить, что образ Марьи Дмитриевны, кочующий у Достоевского из романа в роман, был не только её загробной мезью, но и его пожизненной попыткой покаяния...

«Каждый день... ждем её смерти...»

Удивляет, что Достоевский ждёт кончины М.Д. со дня на день, и – работает. Пишет. И даже сетует на перерыв в занятиях, если жена скончается - досадная помеха. И не будь ее, этой помехи, Достоевский точно знает – повесть окончить успел бы к сроку. В общем, Исаева как бы в очередной раз неудобна для него.

Покошунствуем: не вовремя умирает. Повременила бы – супруг спокойно закончил бы очередное произведение...

До смерти М.Д. – двенадцать дней.

Из письма брату от 2 апреля 1864г.: «Друг мой, большую часть месяца я был болен, потом поправлялся (речь идёт о простатите, - *авт.*)... Жена умирает, буквально. Каждый день бывает момент, что ждём её смерти. Страдания её ужасны и отзываются на мне... Повесть растягивается... Вот что еще: боюсь, что смерть жены будет скоро, а тут необходим будет перерыв в работе. Если б не было этого перерыва, то, кажется, кончил бы (имеется в виду работа над повестью, - *авт.*).»¹⁰⁹

«Жена умирает совсем...»

До смерти М.Д. десять дней.

В письме к брату 5 апреля 1864г. Достоевский сообщает о «совсем умирающей жене», однако это послание, скорее, – о самом себе. Единственная строчка об Исаевой – и та полна сетований на его нездоровье и раздраженные нервы. «Умирание» как бы слишком затянулось: «Жизнь угрюмая, здоровье (имеется ввиду недолеченная простата! – *авт.*) еще слабое, жена умирает совсем, по ночам, от всего дня, у меня раздражены нервы»¹¹⁰.

Удивительно, но даже в последние дни жизни Исаевой Достоевский постоянно чередует сведения о критическом состоянии жены с жалобами на его недомогание!

Потому что оба эти факта, - смертельная болезнь М.Д. и собственное воспаление – для него равнозначны.

Вернее же, свой недуг – важнее: Исаевой – все равно умирать, а ему еще жить и жить.

Что греха таить, наверное, мы все так думаем, доведись оказаться в подобном положении...

Или – не все?

Что до Достоевского - почему бы в тайне души не теплиться надежде на обзаведение семейством, детьми, - «всё, как у людей»? Ведь когда-нибудь и, вероятно, очень скоро, - Марии Дмитриевны не станет...

«Подполья души» и есть самая сокровенная тайна. Да что, – именно оно, «подполье души», столь хорошо знакомое Достоевскому, хотя бы по собственной участи и переживаниям, и заставит его написать: «Человек есть тайна». А сидящее в подсознании жгучее желание подскажет оговорку: «Каждый день бывает момент, что ждём её смерти». Именно – ждем...

«Марья Дмитриевна почти при последнем издыхании...»

Шесть дней до смерти.

Мысли Достоевского заняты отнюдь не Исаевой. В подробнейшем письме к брату Михаилу 9 апреля 1864г. он сам рассказывает, что его волнует более всего: деньги, отношения с тёткой, подписка на журнал – похоже, всё это для него куда «событийнее», чем предстоящий уход Исаевой.

О ней – всего одна строчка, перед подписью. И - на этот раз известие о ней не перемежается со сведениями о собственном самочувствии. Зато есть другое: Достоевский *заранее* приглашает брата на похороны.

Её, живую, - в какой уже раз! – как бы опять хоронит загодя. Читаем: «Марья Дмитриевна почти при

последнем дыхании. Предупеждаю: ты, может быть, приедешь ко мне на похороны. Прощай, обнимаю тебя и всем кланяюсь».¹¹¹

«Мамаша тебя любит...»

Пять дней до смерти.

Письмо к пасынку Паше. В котором – двусмысленности. Например, уверения, что «мамаша тебя любит»: но как же – «любит», если немногим ранее Достоевский говорил как раз обратное?

Есть и иная странность. Он пытается убедить, что «все мы надеялись», будто Исаева весной поправится. Но ведь из других корреспонденций известно, что Достоевский был как нельзя лучше осведомлен о возможных сроках ее близкой кончины... К Паше 10 апреля 1864г.: «О здоровье мамаша скажу тебе, что оно слишком плохо. Мы всё до сих пор надеялись, что авось - либо она с весной поправится, но ей всё хуже и хуже, и бог знает, к чему придёт это. Я бы желал, Паша, чтоб ты думал об ней почаще... Мамаша тебя любит... Мамаше сегодня вечером слишком, слишком худо. Доктор ни за что не отвечает. Молись, Паша».¹¹²

«Она потребовала священника...»

До смерти один день.

В письме брату от 13-14 апреля 1864г. Достоевский сообщает о разных литературных планах.

Между тем Исаева зовёт священника исповедываться. Достоевский же занят не ею. Творчество и околоторческие интриги, вот что в центре внимания. Сведения об исповеди Исаевой – в самом конце

послания. Впрочем, не совсем - есть ещё приписка, касающаяся Апполинии Суловой: повесть ее Достоевский пристраивает в журнал «Эпоха». Таким образом, даже в считанные часы до ухода М.Д. его помыслы направлены к женщине, с которой он переживал столь бурный роман за границей.

И выходит, что последний день умирающей оказался осквернен отблеском измены.

Из письма брату: «Вторник. 14 апреля. Вчера, в 2 часа ночи, кончил это письмо. Потом Марье Дмитриевне стало очень худо. Она потребовала священника. Я пошел к Александру Павловичу и послал за священником. Всю ночь сидели, в 4 часа причащали. В 8 часов утра я лёг отдохнуть, в 10 меня разбудили, Марье Дмитриевне в эту минуту легче... Повесть Апполинии посылаю отдельно...».¹¹³

«Хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить...»

День смерти.

Письмо к брату. Первые строки - о черном сюртуке и черных штанах для Паши, в коих следовало появиться на похоронах; потом следуют записки о последних часах Исаевой.

Остальные две трети письма – литературные планы Достоевского и рассказ об его склоке с Боборыкиным из-за денег.

Возвышенным это послание никак не назовешь. Рассуждения о денежных претензиях, никоим образом Исаевой не касающихся, в таинственный момент ее перехода в мир иной, - да простит нам гениальный

писатель, - выглядят, не побоимся сказать, – кощунственно...

Из названного письма от 15 апреля 1864г.: «Сейчас через Александра Павловича послана тебе от меня телеграфическая депеша. Я просил выслать Пашу. Может быть, у него есть хоть какой-нибудь черный сюртук. Штаны бы только разве купить. Боюсь, что он тебя втянул в расходы. Хорошо, если бы он отправился хоть завтра, 16-го апреля, с 12-часовым поездом. Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить. Мы все ждали кончины. Все мы были около неё. Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась. Передает всему твоему семейству поклон с желанием долго жить. Эмилии Федоровне особенно. С тобой изъявила желание помириться. (Ты знаешь. друг мой, она всю жизнь была убеждена, что ты её тайный враг). Ночь провела дурно. Сегодня же, сейчас Александр Павлович сказал решительно, что нынче умрёт. И это несомненно. Поеду к тётке просить денег».¹¹⁴

«Помяните её добрым словом...»

Смерть.

Письмо брату.

Просьба помянуть Исаеву.

Но это только половина текста. Вторая – о займе, столь необходимом для будущих планов Достоевского, о коих он не удержался – а всё-таки написал в ту минуту, когда, казалось бы, ни о чем другом и думать нельзя, как о смерти женщины, отношение к

которой он сам когда-то определил как «грозное чувство».

Не об Исаевой ли он писал несколько лет назад, что либо с ней – либо в Иртыш, «или с ума сойду»? Невелика, однако, цена «грозному чувству», если в день ухода Исаевой оно разбавляется рассуждениями о процентах и о деловых перспективах...

Из письма брату от 15 апреля 1864г.: «Милый брат Миша. Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем нам приказала долго и счастливо жить (её слова). Помяните её добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней».¹¹⁵

«Эти два существа... составляли всё в моей жизни...»

Итак, - «кто бы мог не примириться с ней».

Но «не примирится» именно он.

Ибо не кто иной, как Достоевский, расскажет второй жене, А.Г. Достоевской, а та – дочери Л.Ф. Достоевской, немало нелестных подробностей про Исаеву, так что те её возненавидят - тому свидетельство их книги.

Причем ещё неизвестно, правду ли они услышали о свиданиях Исаевой с Вергуновым, и – не выдумка ли это, по типу тех «уходов от истины», коим мы удивлялись не раз на основании писем самого Достоевского.

После смерти Марии Дмитриевны у Достоевского наступило как бы раздвоение личности.

С одной стороны, он убеждает вторую жену, что Исаева – изменница, с другой – всячески превозносит

ту же Исаеву, обращаясь к знакомым. Какому же Достоевскому верить? В 1864г., например, он пишет А.М. Достоевскому, что покойный брат Михаил и М.Д. «составляли всё в моей жизни». Но - составляла ли она «всё в моей жизни» при игре в рулетку в Висбадене и во время отдыха в солнечном Риме, столь благотворно влияющем на чахоточных, в момент связи с Апполинарией Суловой, когда Исаева так нуждалась в лечении и человеческом участии?

Из письма брату Андрею от 29 июля 1864г.: «Вероятно, тебе уже от кого-нибудь известно, что в апреле этого же года я схоронил мою жену, в Москве, где она умерла в чахотке. В один год моя жизнь как бы надломилась. Эти два существа долгое время составляли всё в моей жизни».¹¹⁶

Но как же тогда откровения Анны Григорьевны об Исаевой, почерпнутые не иначе, как из признаний самого Достоевского?

«Она любила меня беспредельно, я любил её тоже без меры...»

Проходит год.

И вот - письмо Врангелю. Узнаем прежнюю задушевленную тональность: Мария Дмитриевна любила Достоевского «беспредельно», а тот отвечал ей столь же «безмерным» чувством. Но ведь Врангель – «сердечный поверенный» Достоевского в сибирский период их бытования. Не может же Ф.М. противоречить самому себе в посланиях, адресованных, хотя бы и в разное время, одному и тому же лицу!

И если он убеждал молодого романтического барона, что из-за Исаевой, которая подумывает о браке с

другим, сойдет с ума или кинется в Иртыш, то сейчас как же признаться: М.Д. стала ему настолько безразлична, что он в погоне за мучительницей Суловой оставлял ее в одиночестве, подталкивая к смерти...

Врангелю 31 марта 1865г.: «Я был в Москве, подле умиравшей жены моей. Да, Александр Егорович, да, мой бесценный друг, Вы пишете и соболезнаете о моей роковой потере, о смерти моего ангела брата Миши, а не знаете, до какой степени судьба меня задавила! Другое существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя, умерла в Москве, куда переехала за год до смерти своей от чахотки. Я переехал вслед за нею, не отходил от её постели всю зиму 64-го года, и 16-е апреля прошлого года она скончалась, в полной памяти, и, прощаясь, вспоминая всех, кому хотела в последний раз от себя поклониться, вспоминала и об Вас. Передаю Вам её поклон, старый, добрый друг мой. Помяните её хорошим, добрым воспоминанием. О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил её тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Всё расскажу Вам при свидании, - теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по её странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), - мы не могли перестать любить друг друга, даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу».¹¹⁷

Вот оно, сокровенное: страданье с наслаждением – всегда рука об руку. Не согрешишь – не покаешься - кредо Достоевского. Заставляя мучиться любимое существо, неизбежно испытываешь раскаяние. А верх блаженства – именно в нем, в самотерзании и самобичевании...

«Когда её засыпали землёю...»

Итак, виной всем несчастьям – «странный, мнительный, и болезненно фантастический характер» Исаевой? Но неужели у Достоевского нрав «удобнее»? Разве не то же самое можно сказать о нём самом? Присовокупив к такой характеристике еще «мучительство» близких, как это было с Исаевой. По сути, «убитой» Достоевским – как позволим себе думать мы, сегодняшние...

«Терзания» совести продолжались, однако, недолго. На пороге – вторая женитьба Достоевского и дружное, совместное с новой женой, вымарывание имени М.Д. из его жизни, завершённое затем грязнейшими подробностями в книжке их дочери Любови Федоровны...

Далее в письме к Врангелю: «Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал за всю жизнь. Когда она умерла – я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с ней, – но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда её засыпали землёю. И вот уж год, а чувство всё то же, не уменьшается... И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было всё, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, всё чуждое, всё внове и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально – мне не для чего оставалось жить».¹¹⁸

Вовсе, вовсе по другому станет он успокаивать ревнивую юную Нюточку Сниткину-Достоевскую, нелюбезно описывая совместную жизнь с Исаевой.

И – самое страшное: диктуя стенографистке-жене свои произведения, где постоянно, как роковое напоминание, мелькает десятки раз трансформированный образ Исаевой, он, не смея перечеркнуть до конца «грозное чувство», к словам «восторженная, сгорающая в пылу идеала» понемногу станет добавлять «дурочка», а потом и просто «идиотка». Так А.Г. спокойнее...

«Не может быть, чтоб ты забыл... о своей матери...»

Если судить по письму к Врангелю, то Достоевский безутешен после смерти Марьи Дмитриевны. Но из других писем её имя исчезает вовсе.

Нюточка Сниткина – новое увлечение Достоевского. В ухаживаниях и «притираниях» проходит много лет. Исаева забыта. И лишь обращаясь к пасынку Паше 10 октября уже 1867г. Достоевский предостерегает его от неприличных компаний, от всякой распущенности, и требует, чтобы он помнил отца и мать: «А на то, что ты не погрязнешь в скверных пороках, позволь мне на тебя надеяться. Не может быть, чтоб ты забыл о своем покойном отце и о своей матери!».

Стало быть, предполагается, что Исаева была все-таки непорочным образцом для подражания. Однако – смогла ли она стать для сына авторитетом (вспомним, что Исаева незадолго до кончины Пашу из дома выгнала)? И как примирить рассказы насчет

связи Исаевой с красавцем Вергуновым, во что вторая жена Достоевского и её дочь свято верили, со стремлением самого Достоевского поставить Исаеву в пример сыну именно как возвышенное создание, далёкое от скверны и разврата?

Какому Достоевскому верить? Тому, что создаёт перед пасынком образ своего идеала, светлый образ матери, память о коей он не смеет оскорбить дурным поведением, или тому, кто делится с А.Г. Достоевской подозрениями насчет измен уже ушедшей из жизни Исаевой, которая не может за себя постоять?¹¹⁹

Но Исаева за себя постоять умела. Из загробия является она Достоевскому всякий раз, как он задумывает новое произведение.

Наверное, лишь теперь наступил час истинно «грозного чувства». Оно ведет руку Достоевского, когда он постоянно, навязчиво выводит образы чахоточных женщин с «фантастическим характером».

Но – если Настасья Филипповна («Идиот»), Грушенька («Преступление и наказание») завораживают читателя – обаяние Исаевой настаивает нас из того таинственного далека, что поглотило её – то со временем, в угоду юной Нюточке, появится Марья Лебядкина, кстати, всё в том же «треугольнике» из «Бесов», - и Достоевский аттестует её «восторженной идиоткой».

Похоже, память о Марье Дмитриевне не только гнездилась в подсознании писателя, но царила в нём, требуя материализации, и он повиновался ей вновь и вновь, только что пытался для спасения

семейного лада добавлять к некогда любимому образу хоть капельку одиозности...

«Как больной человек...»

Подводя итоги поры 1860-1868гг., достоевсковед Т.И. Орнатская верно подмечает, что в письмах Ф.М. «жена упоминается... только как больной человек, требующий ухода и забот». В то же время тем же автором подчеркивается, как некий контраст отношению Достоевского к Исаевой, - его «период страстного увлечения А.П. Сусловой», равно и «эпизод знакомства с А.В. Корвин-Круковской».

Спустя годы Достоевский пытается «подправить» в глазах знакомых своё тогдашнее пренебрежение к Исаевой. Врангеля ему, несомненно, убедить удастся. Однако как быть с более близкими ему людьми, со второй женой, например? От неё-то не утаишь, что Исаева была много раз оскорблена им ради иных походов за границу?

И появляется новая концепция взаимоотношений Исаевой с Достоевским, придуманная им самим.

Исаева, де, была неверной супругой. Отсюда – измены ей и нежелание делить с ней кров. Вторая жена поверила. Образ «правильного» мужа восстановлен, а на Исаеву брошена тень неприязни и даже брезгливости. Причем уже посмертно.

Всё та же «запредельная логика»: ей, мёртвой, всё равно – а Достоевскому ещё жить да жить.

В письмах, впрочем, ради пристойности – о Марье Дмитриевне только хорошее. «Плохое» вспомнят после смерти Федора Михайловича его жена и дочь. С его же подачи...¹²⁰

Примечания ко второй главе

- ¹ (с. 86) - *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. - Т. 28. - Кн. 1. - Л.: Наука, 1985. - С. 186-189.
- ² (с. 88) - Там же. - С. 190.
- ³ (с. 89) - Там же. - С. 202.
- ⁴ (с. 90) - Там же. - С. 211.
- ⁵ (с. 91) - Там же. - С. 212.
- ⁶ (с. 93) - Там же.
- ⁷ (с. 94) - Там же.
- ⁸ (с. 95) - Там же. - С. 212-213.
- ⁹ (с. 96) - Там же. - С. 213.
- ¹⁰ (с. 97) - Там же.
- ¹¹ (с. 98) - Там же. - С. 214.
- ¹² (с. 100) - Там же.
- ¹³ (с. 101) - Там же. - С. 215.
- ¹⁴ (с. 103) - Там же. - С. 216.
- ¹⁵ (с. 105) - Там же. - С. 216-217.
- ¹⁶ (с. 106) - Там же. - С. 217.
- ¹⁷ (с. 107) - Там же.
- ¹⁸ (с. 109) - Там же. - С. 218.
- ¹⁹ (с. 110) - Там же.
- ²⁰ (с. 112) - Там же. - С. 218-219.
- ²¹ (с. 113) - Там же. - С. 219.
- ²² (с. 115) - Там же. - С. 220.
- ²³ (с. 115) - Там же. - С. 220-221.
- ²⁴ (с. 117) - Там же. - С. 221.
- ²⁵ (с. 119) - Там же. - С. 221-222.
- ²⁶ (с. 120) - Там же. - С. 222-223.
- ²⁷ (с. 121) - Там же. - С. 225-226.
- ²⁸ (с. 122) - Там же. - Т. 2. - Л.: Наука, 1972. - С. 409.
- ²⁹ (с. 124) - Там же. - Т. 28. - Кн. 1. - Л.: Наука, 1985. - С. 228-230.
- ³⁰ (с. 125) - Там же. - С. 230.
- ³¹ (с. 126) - Там же. - С. 230-231.
- ³² (с. 127) - Там же. - С. 231.
- ³³ (с. 128) - Там же.
- ³⁴ (с. 129) - Там же. - С. 231-232.
- ³⁵ (с. 131) - Там же. - С. 232-233.
- ³⁶ (с. 132) - Там же. - С. 233.
- ³⁷ (с. 134) - Там же. - С. 233-234.
- ³⁸ (с. 135) - Там же. - С. 234-235.
- ³⁹ (с. 136) - Там же. - С. 235.

- ⁴⁰ (с. 137) - Там же.
- ⁴¹ (с. 138) - Там же.
- ⁴² (с. 139) - Там же. - С. 236.
- ⁴³ (с. 141) - Там же.
- ⁴⁴ (с. 142) - Там же. - С. 237.
- ⁴⁵ (с. 143) - Там же. - С. 237-238.
- ⁴⁶ (с. 144) - Там же. - С. 238-239.
- ⁴⁷ (с. 145) - Там же. - С. 239-240.
- ⁴⁸ (с. 147) - Там же. - С. 242.
- ⁴⁹ (с. 148) - Там же. - С. 242-243.
- ⁵⁰ (с. 149) - Там же. - С. 243.
- ⁵¹ (с. 150) - Там же. - С. 243-244.
- ⁵² (с. 151) - Там же. - С. 245.
- ⁵³ (с. 151) - Там же. - С. 248.
- ⁵⁴ (с. 152) - Там же. - С. 252.
- ⁵⁵ (с. 153) - Там же. - С. 252-253.
- ⁵⁶ (с. 154) - Там же. - С. 254.
- ⁵⁷ (с. 157) - Там же. - С. 256.
- ⁵⁸ (с. 158) - Там же. - С. 256-257.
- ⁵⁹ (с. 159) - Там же. - С. 257.
- ⁶⁰ (с. 160) - Там же. - С. 257-258.
- ⁶¹ (с. 161) - Там же. - С. 258-259.
- ⁶² (с. 162) - Там же. - С. 259-260.
- ⁶³ (с. 164) - Там же. - С. 260-261.
- ⁶⁴ (с. 164) - Там же. - С. 261.
- ⁶⁵ (с. 165) - Там же.
- ⁶⁶ (с. 167) - Там же.
- ⁶⁷ (с. 168) - Там же. - С. 262-263.
- ⁶⁸ (с. 169) - Там же. - С. 266.
- ⁶⁹ (с. 170) - Там же. - С. 266-268.
- ⁷⁰ (с. 171) - Там же. - С. 268.
- ⁷¹ (с. 172) - Там же. - С. 269.
- ⁷² (с. 173) - Там же. - С. 269-270.
- ⁷³ (с. 174) - Там же. - С. 270-273.
- ⁷⁴ (с. 175) - Там же. - С. 274.
- ⁷⁵ (с. 176) - Там же. - С. 274-275.
- ⁷⁶ (с. 178) - Там же. - С. 275.
- ⁷⁷ (с. 179) - Там же. - С. 275-276.
- ⁷⁸ (с. 180) - Там же. - С. 277-278.
- ⁷⁹ (с. 181) - Там же. - С. 279.
- ⁸⁰ (с. 182) - Там же.
- ⁸¹ (с. 184) - Там же. - С. 484.
- ⁸² (с. 185) - Там же. - С. 282.

- 83 (с. 186) - Там же. - С. 284.
 84 (с. 187) - Там же. - С. 285.
 85 (с. 188) - Там же. - С. 310.
 86 (с. 189) - Там же. - С. 332.
 87 (с. 190) - Там же. - С. 332-333.
 88 (с. 191) - Там же. - С. 333.
 89 (с. 192) - Там же. - С. 335.
 90 (с. 193) - Там же. - С. 338.
 91 (с. 194) - Там же. - С. 367.
 92 (с. 195) - Там же. - С. 373-374.
 93 (с. 196) - Там же. - Т. 28. - Кн. 2.- Л.: Наука, 1985.- С. 25.
 94 (с. 197) - Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского:
 В 3 т.: 1821-1881 / Сост. И.Д. Якубович и Т.И. Орнатская; Под ред.
 Н.Ф. Будановой, Г.М. Фридлендера. - Спб.: Гуманитарное агентство
 «Академпроект», 1993. - Т. 1: 1821-1864. - С. 363-364.
 95 (с. 197) - Там же. - С. 383.
 96 (с. 198) - *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. -
 Т. 28. - Кн. 2.- Л.: Наука, 1985. - С. 33.
 97 (с. 199) - Там же. - С. 39.
 98 (с. 200) - Там же. - С. 39-43.
 99 (с. 201) - Там же. - С. 46.
 100 (с. 202) - Там же. - С. 46-47.
 101 (с. 204) - Там же. - С. 47.
 102 (с. 205) - Там же. - С. 48-49.
 103 (с. 206) - Там же. - С. 54-55.
 104 (с. 208) - Там же. - С. 62.
 105 (с. 209) - Там же. - С. 63.
 106 (с. 210) - Там же. - С. 67.
 107 (с. 211) - Там же. - С. 70.
 108 (с. 213) - Там же. - С. 73-74.
 109 (с. 214) - Там же. - С. 75.
 110 (с. 214) - Там же. - С. 77.
 111 (с. 216) - Там же. - С. 82.
 112 (с. 216) - Там же. - С. 84.
 113 (с. 217) - Там же. - С. 88.
 114 (с. 218) - Там же. - С. 90-91.
 115 (с. 219) - Там же. - С. 92.
 116 (с. 220) - Там же. - С. 96.
 117 (с. 221) - Там же. - С. 116.
 118 (с. 222) - Там же.
 119 (с. 224) - Там же. - С. 230.
 120 (с. 225) - Там же. - С. 367.

Глава третья

ВТОРАЯ ЖЕНА И ДОЧЬ

«Мария Дмитриевна ругала его...
каторжником»

Не преувеличиваем ли мы силу и значение неприязни А.Г. и Л.Ф. Достоевских к памяти М.Д. Исаевой? Впрочем, неприязнь - опосредованная: обе они Исаеву не знали, и могли быть наслышаны о ее характере разве что от самого Достоевского. Не случайно же, осыпая оскорблениями М.Д., Любовь Федоровна в своей книге ссылается на слова отца? А Ф.М. Достоевский, - как и любой человек, - очень и очень разный. С одной стороны - клятвенно многих уверял, что любил Исаеву всю жизнь, с другой - сумел убедить вторую жену и дочь в обратном. Так что об истинном положении вещей А.Г. Достоевская, возможно, и вовсе не ведала.

Тем не менее, её дневник 1867 года - источник ценнейший и помогает, хоть отчасти, но разобраться в нюансах загадочного и почти детективного «кузнецкого венца». Первая запись в нем, касающаяся Исаевой, относится к 18 августа, и выглядит невинно: «День сегодня превосходный... Меня начало рвать желчью... Утром, вскоре после чаю, когда Федя переодевался, разговор у нас как-то коснулся до деликатности, и вдруг Федя вздумал сказать мне, что я вчера была неделикатная. Мне, разумеется, это было очень больно слышать... Вот она, благодарность за то, что я не ругаюсь! Право, не стоит сдерживаться. Ведь вот Марья Дмитриевна ругала его каторжником, подлецом, колодником, и ей всё сходило с рук».¹

Не располагай мы ничем более, как одними документами истории, какой нищей, скудной и неполной была бы она! Однозначное, очевидное - это область науки, многозначное, обязательно подлежащее толкованию, объяснению - сфера, присущая духовному видению...

Стефан Цвейг

«Разве я могу быть уверена, что Федя мне не изменяет...»

Выслушивать упрёки больно – ведь А.Г. Достоевская нездорова. Вероятно, она беременна. Однако удивительно звучит из уст «бывшего каторжника», привычного за сибирский период ко многим «неделикатностям», недовольство манерами осторожной в выражениях и вполне интеллигентной А.Г. В подобном контексте М.Д. Исаева, с подачи А.Г. Сниткиной, выглядит весьма невыгодно: грубая женщина, которая скверно ругает мужа, и Анна Григорьевна как бы попрекает Достоевского связью с такой «несветской» особой...

Но в иных ситуациях Анна Григорьевна была бы рада взять первую жену Достоевского в союзницы: она не обманывалась насчет его романа с А.П. Суловой, и прекрасно знала, что с ней он Исаевой изменял. И более всего боялась, как бы та же inferнальная Апполинария не встала на ее пути.

О чем – запись от 30 августа: «Случилась у нас ссора... Разве я могу быть уверена, что Федя мне не изменяет? Чем я в этом могу увериться? Ведь изменил же он этой женщине (то есть Исаевой! – *авт.*), так отчего же ему не изменить и мне?... Потому-то я дала себе слово всегда наблюдать за ним и никогда не доверяться слишком его словам... Мне представилось, что он вместо того, чтобы ходить в кофейню читать газеты, ходит к ней, что вот она дала ему свой адрес... Одна мысль об этой подлой особе, которая меня, вероятно, не любит, что она способна нарочно ему отдаться для того, чтобы только насолить

мне, зная, что это будет для меня горько, и вот теперь, должно быть, это действительно и случилось, и вот они оба считают, что могут обманывать меня, как прежде обманывал Марию Дмитриевну... Неужели она здесь, неужели всё моё счастье рушилось. Господи, я, кажется, умру, если это так будет».²

«Ей непременно следует поставить памятник...»

Итак, А.Г. Достоевская знает, что её муж первую жену *обманывал*. И боится, как бы и с ней не произошло того же, потому что словам Достоевского доверяться нельзя. Любовь же Федоровна, наслышанная от матери об «изменах» Марьи Дмитриевны, о романе с Апполинарией Суловой могла лишь догадываться. Потому что вряд ли А.Г. посвятила дочь в то, что есть, де, такая «подлая особа», которая покушается на семейное благополучие Достоевских. К тому же – положение обязывает – имя великого писателя нельзя компрометировать «случайными связями», он должен быть вне подозрений.

Но, похоже, не попечение о добром имени супруга первостатейно, – создается впечатление, что его внебрачные былые и предположительно нынешние увлечения для Анны Григорьевны – прежде всего предмет для ревности. Доброжелательных отзывов об Исаевой в ее дневнике мы почти не встречали. Запись от 1 октября: «Сегодня мы говорили о его прежней жизни и Марии Дмитриевне, и он толковал, что ей непременно следует поставить памятник. Не знаю, за что только?».³

Нет яростнее ревности посмертной...

«Я должна признаться в одном очень дурном чувстве...»

В неприязни к Исаевой Анна Григорьевна признавалась в черновых набросках к «Воспоминаниям». Правда, она оговаривалась, что с годами подобное чувство у неё «исчезло». Однако есть все основания усомниться. С возрастом, действительно, Достоевский перестал беспокоить Анну Григорьевну возможностью связей «на стороне», что для пожилого человека вполне естественно. Но это вовсе не означает, будто А.Г. забыла и особенно – простила тех, кто были близки с Достоевским в пору его молодости и зрелости. Её ревность обратилась к прошлому.

Из черновых набросков «Воспоминаний»: «Я должна признаться в одном очень дурном чувстве, которое у меня тогда было, именно в ревности к Марии Дмитриевне. Я так любила Ф.М., что мне было обидно подумать о том, что другая женщина когда-нибудь была ему дорога и много значила в его жизни... Это было чисто детское чувство, которое с возрастом исчезло...».⁴

«Федя мне рассказывал про свою прежнюю жизнь...»

А.Г. Достоевская описывает смерть Исаевой со слов Ф.М. Повторимся: она сообщает, что в последние три года Исаевой то и дело виделись черти или просто «то, чего не было». Если принять на веру сказанное Анной Григорьевной, понятно, почему Федор Михайлович не брал Исаеву в заграничные поездки. С умалишенной, – а такой он представил М.Д.

второй жене, – кто же не будет чувствовать себя стеснённым?

Но не может ли статься, что всё обстояло по иному. Ведь Достоевскому очень важно оправдать перед Анной Григорьевной свой роман с А.П. Сусловой в пору брака с Исаевой (об этом Анна Григорьевна наслышана).

И не самый ли верный путь – объявить Исаеву сумасшедшей. Какого же мужа отважатся осудить за измену душевнобольной супруге? Читаем запись А.Г. Достоевской от 8 октября 1867г.: «Вечером я несколько спала, потом после чаю, когда я лежала в постели, Федя мне рассказывал про свою прежнюю жизнь, про Марию Дмитриевну, про её смерть. Она умерла в 6 часов вечера; он всё сидел у неё, потом вдруг ему сделалось скучно (!!! - авт.) и он пошел на минуту к Ивановым, пробыл у них не более 5 минут и когда пошёл домой, то к нему прибежали и сказали, что она кончается. Когда он подошёл к дому, дворник сказал, что она уже умерла. Перед смертью она причастилась, спросила, подали ли Фёдору Михайловичу кушать и доволен ли он был, потом упала на постель и умерла. Потом он рассказывал про её последнее время, что ей уж года 3 до смерти представлялись разные вещи, виделось то, чего вовсе и не было. Например, представлялся какой-нибудь человек и она уверяла, что такой человек был, между тем, решительно никого не было. (Не найдём ли здесь «ключик» к неразгаданной до сих пор загадке, будто незадолго до смерти Марии Дмитриевны Вергунов приезжал к ней и она в том Достоевскому

призналась?... - *авт.*) Перед его отъездом в Петербург она выгоняла чертей из комнаты, для этого велела отворить окна и двери и стала выгонять чертей. (А, может, укоряя Достоевского, что покидает её чуть ли не на смертном одре, называла его «дьяволом» и гнала вон: ступай, де, двери открыты... - *авт.*). Послали за Александром Павловичем, который уговаривал её улечься в постель. Она послушалась, потому что его чрезвычайно как слушалась во всём». ⁵

Ну как ещё более убедительно можно было доказать А.Г. оправданность обмана Достоевского по отношению к умирающей жене, нежели подобными рассказами...

«Она была в связи с её первым мужем...»

Согласно распространенной версии, Исаева перед кончиной созналась Достоевскому в измене с Вергуновым. Однако вот что странно. А.Г. Достоевская сообщает также, будто чуть ли не на смертном одре Исаева рассказывала о связи собственной сестры Варвары с первым мужем Исаевой – Александром Ивановичем. А.Г. Достоевская (со слов Ф.М., конечно) считала, что этого «вовсе никогда не было», но несколько злоупотребила в интересующей нас записи местоимением «она». Трудно сразу понять, о ком шла речь – об Исаевой или о Варваре Дмитриевне.

Возможно и иное прочтение: имели место близкие отношения Исаевой с супругом Варвары. М.Д. повинулась, де, в том Достоевскому, но он впоследствии такой «факт» начисто отрицал.

И тогда допустимы две версии: либо Исаева - аморальное создание (во что Любовь Федоровна верила свято), либо - человек больной, способный о собственных и чужих «грешках» много чего придумывать. А раз так, прелюбодеяния с Вергуновым – не из того же ли ряда «придуманных» историй?

Есть, впрочем, и третий вариант: предположим, Достоевский вкладывает в уста умершей Исаевой слова, коих она никогда не произносила, чтобы показать её «блудливый» нрав. Правда, тут же оговариваясь, что в рассказах Исаевой - сомневается. Но для ревнивой и подозрительной А.Г. подобные оговорки большого значения не имели.

Вывод, к которому Достоевский подталкивал Анну Григорьевну, придумывая за Исаеву «нужные» признания, напрашивался сам собой: роман с Суловой вполне объясним и достоин прощения...

Из дневника А.Г. Достоевской: «Говорил мне, что она (то есть Исаева, - *авт.*) ужасно не любила свою сестру Варвару, говорила, что она (кто «она» – Исаева или Варвара? – *авт.*) была в связи с её первым мужем (с чьим «первым мужем»? – *авт.*), чего вовсе никогда не было. Говорил, что она ужасно дурно жила с своим первым мужем, что тот её выносить не мог...». ⁶

«Она была страшная ревнивица...»

Стоп! Анна Григорьевна окончательно нас запутала. Кого имела ввиду под словом «она»? Варвару или Исаеву? Кто дурно жил «с первым мужем»? Осмелился бы Достоевский утверждать, что А.И. Исаев Марию

Дмитриевну «выносить не мог»? Ведь он восторженно отзывался об этой паре, будучи их другом, и всем представляясь таковым, - так чего же стоило прекраснотушие, приписываемое в давнюю пору А.И. Исаеву? Нет, в подобную версию решительно не хочется верить.

Но, может, А.Г. Достоевской было важно подчеркнуть, будто Исаева обладала столь несносным характером, - даже Александр Иванович её не терпел! - и только покладистый Ф.М., хотя и оказался в браке очень несчастлив, смиренно нес свой крест до конца ее дней? Таким образом, ревнивая Анна Григорьевна с памятью М.Д. Исаевой обходится на диво «круто». Но разве не то же самое делает и Достоевский?

А.Г. Достоевская – человек недоверчивый. Она считала, что Федор Михайлович её иногда вводил в заблуждение. Причем приводит вовсе неубедительный пример: он представлял ей за «удивительно нежную и добрую особу» родственницу Елену Павловну, тогда как, по мнению А.Г., - в действительности портрет её в изображении Достоевского мало сходен с оригиналом. Так что юная Анна Григорьевна на его оценки не полагалась, о чем нередко писала. Впрочем, и она тоже не отличалась особой правдивостью.

В частности, в дневнике сообщается, что Достоевский в октябре, когда А.Г. уже замужем, «в первый раз сказал, что он был женат и что жена его умерла, что она была страшная ревнивица, и показал мне ее портрет».

Но из предыдущих записей явствует, что чуть ли не при первом визите к писателю она видела фотографию М.Д. (поясную) и узнала, что это его покойная

супруга. И, значит, виною всему – неясное изложение мысли, и слово «впервые» относилось не к факту существования Исаевой в жизни Ф.М. и к её смерти, а к портрету?

Так или иначе, по прочтении свидетельств Анны Григорьевны нередко возникают двусмысленности, так что, как источник, ее дневник бесценен, но не всегда надежен.

Что касается точно подмеченной ею особенности Ф.М. порой «придумывать», то - возможно, и про Исаеву с Вергуновым он много чего «понасочинял»?

А.Г. Достоевская - 8 октября 1867г.: «Рассказал... о Елене Павловне, которую он представил за ужасную страдальцу и за удивительно нежную и добрую особу (потом, когда мне пришлось увидеть её, она мне вовсе не показалась такой, так что я решительно думаю, что он это придумал)... Тут он мне в первый раз сказал, что он был женат и что жена его умерла, что она была страшная ревнивица, и показал мне её портрет. Право, она мне очень не понравилась, какая-то старая, страшная, почти мёртвая. Правда, он говорил, что она снималась за год до своей смерти и потому такая страшная. Мне она ужасно как не понравилась, и мне по первому взгляду показалось, что, должно быть, она очень злая была и раздражительная; по его рассказам это видно тоже, хотя он и говорил, что был с нею счастлив. Но в это время говорит о своих изменах ей; если бы уж любил её, то ничего не стал бы изменять, а что это за любовь, когда при ней возможно любить и другого человека, да не только одного, а нескольких. Вечер для меня прошел удивительно как приятно...».⁷

Чем приятен был «вечер воспоминаний» для А.Г. – трудно представить, но она вновь напомнила нам о «даме в чёрном», об удивительном портрете Исаевой, о котором сказано выше...

«Ведь все знают, что она из ума выжила...»

Запись довольно странная. Сам Ф.М. не раз отмечал, что был с Исаевой несчастлив, несмотря на их обоюдную беспредельную любовь. Анне же Григорьевне заявляет об обратном. Столь же разноречиво выглядит оценка «грозного чувства» и в письмах Достоевского, например, к Врангелю уже после смерти М.Д., а, главное, в сопоставлении написанного и содеянного им.

Что касается его измен, о которых он доверительно рассказывает Анне Григорьевне, то – не для того ли и делается это сразу при показе «мёртвого» портрета Исаевой, чтобы реабилитировать самого себя в глазах новой супруги: такой, де, «страшной» женщине, как Исаева, нельзя было не изменять.

Возможно, Анна Григорьевна с ним согласилась. Ведь почему-то из всех, кем когда-то увлекался Достоевский, в описании его дочери (черпавшей сведения со слов Анны Григорьевны), больше всего не повезло Исаевой – то есть той, что была более всех обманута и еще при жизни покинута им...

Как свидетельствует А.Г. Достоевская, муж считал Исаеву в ее последние три года «выжившей из ума». Но – только ли в три последних года? В романах он не раз создавал образ «чахоточной восторженной идиотки», которая шла под венец, причем при двух претендентах, - подразумевая, что Исаева

была душевно больной еще накануне венчания?...

Или же, начав с явного «отступления от истины» в том, что Исаева перед концом своим стала умалишенной (чтобы утишить ревность А.Г. и оправдать давнишние собственные «грехи» начала 60-х гг.), Достоевский «продолжает эту тему» в романах, уже уверивши и самого себя, что Исаева всегда была «восторженной идиоткой» – долго ли превратить былую, восхищавшую его экзальтацию М.Д. в безумие, если так надо для нынешнего семейного лада!

Анна Григорьевна недоброжелательными отзывами Достоевского об Исаевой – как прямыми, так и в соответствующих образах из его произведений, в которых читался ненавистный прототип, – довольна. Она признавалась в дневнике, что рада посмертному унижению уже мёртвой «соперницы»...

Запись от 11 ноября 1867г.: «Вообще видно было, что ему (то есть Достоевскому, которому А.Г. презентовала в означенный день трехрублевую папиросницу, - *авт.*) было очень приятно, что я ему подарила. Мне вовсе не хотелось ничего не подарить ему, потому что он постоянно говорит, что ему в именины и рождения Марья Дмитриевна дарит разные вещи, ну, а почему же я-то отстану от этого обычая... Дорогой мы поссорились... Я, наконец, рассердилась и сказала, что, вероятно, ему хочется, чтобы его ругали подлецом, мерзавцем, тогда он будет доволен, потому что когда его не ругают, то вот он теперь пристаёт и напрашивается на ругательства. Он отвечал, что его никто так не ругал, я отвечала, что ведь Марья Дмитриевна его и каторжником ругала.

- Ругала она и хуже, но ведь все знают, что она из ума выжила, как говорят в народе, что она была полоумная, а в последний год и совсем ума не было, ведь она и чертей выгоняла, так что с неё спрашивать.

Должно быть, я очень зла, потому что мне было несколько приятно, что он так отозвался об этой женщине, которую он, бывало, постоянно ставил мне в пример».⁸

И тут возникает недоумение: Достоевский описывал А.Г. «ругательства» Исаевой и ее «умалишенность», и измены, и то, что был несчастлив с ней, и одновременно «бывало, постоянно ставил... в пример»?

«Из-за ее несчастного характера...»

Публикаторы полного текста дневниковых записей 1867г., подчеркивая в примечаниях, что к памяти Исаевой писатель относился «с глубоким чувством», правильно полагают, что А.Г. Достоевский о действительных отношениях её мужа с М.Д. «было известно гораздо больше», чем она хотела показать в своих позднейших «Воспоминаниях».

Они, эти «Воспоминания», выглядят неизмеримо приглаженнее, чем дневник, в котором записи ведутся «для себя», а потому - более откровенно.

Комментатор «Дневника» привёл отрывок из набросков к «Воспоминаниям», из коего ясно, что рядом с Анной Григорьевной, накануне публикации, сидит незримый «внутренний цензор», так что об М.Д. Исаевой она отзывается куда осторожнее: «И вот тут-то он (то есть Достоевский, - *авт.*) поведал о той поистине печальной и тяжелой жизни, которую

ему пришлось перенести, живя с больной женой, из-за её несчастного характера и из-за нестерпимой для него ревности. Фёдор Михайлович с мельчайшими подробностями рассказывал те, может быть, и мелкие, но обидные для него сцены, которые происходили между ними и которые легли на его душу такими тяжелыми воспоминаниями».⁹

«Портрет чрезвычайно сухощавой дамы...»

Достоевский обижался на ревность Исаевой, - но разве Анна Григорьевна не писала, что для этого были все основания? И не спешит ли она осудить Исаеву, прекрасно зная, что виновна вовсе не она, а Достоевский, который Анне Григорьевне рассказывал, не таясь, о своих изменах. И, допустив несправедливость по отношению к Марии Дмитриевне, Анна Григорьевна совершает вскоре вторую, - дезинформирует дочь Любу насчет «связи» Исаевой с красавцем-учителем Вергуновым.

Поток умолчаний и неправд заставляет сомневаться во многом сказанном и написанном Достоевским и Анной Григорьевной. Даже в изображении первого, «заочного», «посмертного» знакомства Нюточки Сниткиной с Исаевой, изложенном в «Воспоминаниях» (текст примечаний коих, изданных в 1987г., грешит некоторыми искажениями – неправильно названа, например, дата рождения Исаевой, см. с.529), сквозит неприязнь к М.Д.: «Над диваном в ореховой раме висел портрет чрезвычайно сухощавой дамы в чёрном платье и таком же чепчике. «Наверное, жена Достоевского», - подумала я, не зная его семейного положения». Чёрное платье и чёрный

чепец, о которых, конечно же, в «Воспоминаниях» можно бы и не сообщать, передают читателю тот внутренний настрой, которым была буквально обуравена Анна Григорьевна, когда речь шла об Исаевой.¹⁰

«Имела страшный, почти мёртвый вид...»

Вторая запись, касающаяся Исаевой, в воспоминаниях А.Г.Достоевской выглядит столь же немилосердно. Юная Анюта возвращается к той самой «страшной» фотографии, которую впервые увидела, посетив квартиру Достоевского в качестве стенографистки: «Сообщил (Достоевский) мне как-то, что был женат, что жена его умерла три года тому назад, и показал её портрет. Он мне не понравился: покойная Достоевская, по его словам, снималась тяжело больной, за год до смерти, и имела страшный, почти мёртвый вид. Тогда же я с удовольствием узнала, что бесцеремонный молодой человек, который мне так не понравился, не сын Фёдора Михайловича, а его пасынок, сын его жены от первого брака с Александром Ивановичем Исаевым».

Смерть человека не красит, и, наверное, не стоит судить о нём, руководствуясь предсмертными поступками, признаниями, изображениями... В другом месте означенных мемуаров А.Г. Достоевская сообщает, что писатель не любил вспоминать о первой жене, и это так контрастирует с её же собственными словами, зафиксированными в дневнике 1867 года. Ведь она уже нам поведала: Достоевский ставил ей Исаеву постоянно в пример. Тем не менее, А.Г. продолжает озадачивать читателя: «Я пробовала расспрашивать

его об умершей жене, но он не любил о ней вспоминать. Любопытно, что и в дальнейшей нашей супружеской жизни Фёдор Михайлович никогда не говорил о Марии Дмитриевне, за исключением одного случая в Женеве, о котором расскажу в своё время».¹¹

Но тогда – как же он, никогда не вспоминая о М.Д., умудрялся раздражать А.Г., ставя ей в пример первую жену?

«Он был с нею очень несчастлив...»

А.Г. Достоевская пообещала рассказать об «одном случае в Женеве», касающемся Исаевой. Однако, как справедливо отметили комментаторы «Воспоминаний», «забыла» исполнить обещанное. Очевидно, думать об Исаевой было неприятно не столько Достоевскому, сколь ей самой.

Как мы знаем, А.Г. утверждала, что Ф.М. в браке с Исаевой был несчастлив – однако, справедливости ради, нужно сказать, что сам Достоевский о М.Д. отзывался противоречиво, и слова «счастье» и «несчастье» иногда чуть ли не одновременно проскальзывали в его письмах и рассказах об их совместной жизни...

Очередной выпад против Исаевой А.Г.Достоевская допускает в главке, посвященной Женеве (возможно, именно этот «женевский пассаж», оговоренный в предыдущей цитате, имела она ввиду, но, скорее всего, лишь собиралась сообщить нечто важное об Исаевой в контексте Женевы, да запаматовала, или, вернее сказать, «умолчала»): «Говорил (Достоевский) о своих мечтах найти в браке своём с Марьей Дмитриевной столь желанное семейное счастье,

которое, увы, не осуществилось: детей от Марии Дмитриевны он не имел, а её «странный, мнительный и болезненно-фантастический характер» был причиной того, что он был с нею очень несчастлив...».¹²

Определение характера М.Д., скорее всего, успело стать для Достоевского стереотипом – мы слово в слово узнаем написанное некогда Врангелю.

«Какую ужасную женщину судьба послала моему отцу...»

От Анны Григорьевны Достоевской ненависть к первой жене писателя унаследовала их дочь Любовь Федоровна. Как известно, ее книга была опубликована не во французском «оригинале», а в изложении на немецкий, и в 1922 году - в сильно сокращенном варианте – в «перевод с перевода», то есть с немецкого на русский, под редакцией и с предисловием А.Г. Горнфельда (перевод Л.Я. Круковской), под названием «Достоевский в изображении его дочери».

Полный перевод на русский осуществлен лишь 70 лет спустя, т.е. в 1992 году, однако, что касается отношений Достоевского с Исаевой, то у Круковской они все-таки подчеркнуты эмоциональнее, поскольку отражают точку зрения переводчицы, что задавало тон восприятия коллизии Достоевский-Исаева-Вергунов на полвека вперед, поэтому мы воспользуемся цитированием по изданию 1922-го года.

Шестая глава в нём – «Первый брак Достоевского» – более походит на произведение художественное, а не просто «биографическое». «Каторжные работы, - пишет Любовь Федоровна, - которые

Достоевский должен был отбывать в остроге, были очень тяжелы, но принесли ему пользу, укрепив его организм. Он не был больше больным человеком и поздно развившемся юношей, он стал мужчиной и хотел любить. Первой же женщине, которая была несколько ловчее неуклюжих красавиц Семипалатинска, было очень легко завладеть его сердцем. И это произошло спустя лишь несколько месяцев после его освобождения из исправительного дома. Но какую ужасную женщину судьба послала моему отцу!».¹³

«Она предусмотрительно подыскивала... второго мужа...»

Следуя логике Л.Ф., выходило, что не Ф.М. добивался у Исаевой согласия на брак, а Исаева, предвосхищая близкую смерть первого супруга, заманивала Достоевского в свои «сети». Мы помним, однако, что, прежде чем выйти за Федора Михайловича, Исаева полтора года вдовствовала. Возможно – терпеливо ожидая, когда «бывшему каторжнику» выхлопочут офицерский чин, а, скорее, пытаясь справиться с любовью к Вергунову, к которому ее влекла истинная привязанность...

Дочь писателя, конечно, немало преувеличивает, полагая, что в Семипалатинске её отец был «героем на виду и слуху».

Чтобы разубедиться в этом, достаточно изучить свидетельства самого Достоевского, сохранившиеся, правда, в переложении, что ему, солдату, приходилось порой терпеть унижительное обхождение и даже получать подзатыльники за недостаточное усердие по службе.

Когда солдат Достоевский посещал семейство Исаевых, у него не было ни дворянского звания, ни достаточных средств, ни возможности публиковаться. Так что Исаева в ту пору важнее для него, чем он – для неё.

Л.Ф. Достоевская: «Среди офицеров Семипалатинского полка был некий капитан Исаев, порядочный человек, среднего ума и очень слабого здоровья – все врачи в городе отказались от него. Он относился с восторженной приветливостью к моему отцу и приглашал его часто в гости. Жена его, Мария Дмитриевна, принимала моего отца с большим радушием, старалась ему понравиться и сделать его более общительным. Она знала, что вскоре овдовеет и что её средства будут тогда ограничиваться скромной пенсией, какую русское правительство назначает офицерским вдовам и на которую она могла лишь с трудом прокормить себя и сына, семилетнего мальчика. Она предусмотрительно подыскивала уже второго мужа. Достоевский представлялся ей лучшей партией в городе: он был писателем с большим дарованием и у него была в Москве богатая тётка, снова часто посылавшая ему теперь деньги. Мария Дмитриевна разыгрывала поэтическую женщину, непонятую обществом маленького провинциального города»...¹⁴

«Его влечение... было скорее жалостью, чем любовью...»

Итак, Любовь Фёдоровна утверждала, что влечение Достоевского к Исаевой было не любовью, а жалостью. Возможно. Однако вспомним его слова:

«или с ума сойду, или в Иртыш». Можно ли считать «грозное чувство» синонимом жалости?...

Л.Ф. Достоевская: «Эта влюбленная дружба была вскоре прервана. Капитан получил приказ о переводе его в Кузнецк – маленький сибирский город, где находился другой полк этой дивизии, переведённый в Семипалатинск. Он взял с собой жену и сына и несколько месяцев спустя после прибытия в Кузнецк умер от чахотки, которою болел давно. Мария Дмитриевна сообщила Достоевскому о смерти её мужа и завязала с ним оживлённую переписку. До тех пор, пока правительство, наконец, назначило ей скудную пенсию офицерской вдовы, она жила в нужде и горько жаловалась на это моему отцу. Достоевский посылал ей почти все деньги, которые он получал от своих родственников. Он искренно жалел её, хотел оберечь её, но его влечение к Марии Дмитриевне было скорее жалостью, чем любовью. Вот почему, когда Мария Дмитриевна сообщает ему, что нашла себе в Кузнецке жениха, он, вместо того, чтобы огорчаться, радуется этому и счастлив при мысли, что у бедной женщины нашелся, наконец, покровитель».¹⁵

Как странно, - для только что перечитавших испуганные письма Достоевского к Врангелю о коллизии Исаева-Вергунов, - как жалко и странно звучит повествование Л.Ф. о поре «грозного чувства»...

«Он хлопочет... об устройстве своего соперника на службу...»

Сообщаемые Любовью Фёдоровной сведения грешат искажениями. Неверно назван род занятий А.И.

Исаева, неточно определена суть взаимоотношений с Вергуновым.

Как мы знаем, из писем Достоевского отнюдь не следует, что он «радовался» увлечением Исаевой молодым учителем Вергуновым – напротив, муки ревности повергали его в отчаянье. И лишь в момент, когда для Ф.М. якобы становится ясным: Исаева потеряна, так чтобы хоть не страдала от безденежья и отсутствия «положения» у новоявленного «мужа», читай Вергунова, – начинаются «хлопоты» за соперника.

Трактовки событий у самого Достоевского и его дочери отличаются разительно. Впрочем, будущий великий писатель был всяким, – ведь сказано: человек есть тайна...

Л.Ф. Достоевская: «Он (Достоевский, - *авт.*) хлопочет даже у своих друзей об устройстве своего соперника на службу в одном из министерств, куда тот стремится. Впрочем, Достоевский совершенно не рассматривал будущего мужа Марии Дмитриевны как своего соперника. Мой отец сомневался в те времена, может ли он жениться, и считал себя больным. Давно подготовлявшаяся в нём эпилепсия начала себя проявлять. Он подвергался странным припадкам, внезапным судорогам, которые истощали его и делали неспособным к работе. Полковые врачи, пользовавшие его, всё ещё медлили определить эти припадки. Лишь значительно позже болезнь Достоевского определили, как эпилепсию. Тем временем все – его врачи, полковые товарищи, родственники, барон Врангель, его брат Михаил – все отсоветовали ему жениться, и Достоевский с печалью примирился с судьбой остаться холостяком. И здесь он оставался

князем Мышкиным из «Идиота», любящим Настасью Филипповну, позволяющим ей, несмотря на то, уйти с Рогожиным и поддерживающим дружеские отношения со своим соперником».¹⁶

«Взбалмошная, ленивая и честолюбивая женщина...»

Л.Ф. Достоевская начисто игнорирует свидетельства собственного отца, его письма, из коих следует, что именно Ф.М., как может, домогается Исаевой, та же – в раздумье, кого ей выбрать: его ли, Вергунова, или некоего престарелого чиновника из Томска (впрочем, похоже, вымышленного). И предпочла всем – Достоевского.

Но – после скольких колебаний!

С другой стороны, если Марья Дмитриевна и была расчетлива, в чем убеждает нас Любовь Фёдоровна, то ведь и Достоевский не лишен того же свойства души, чему примеров приведено предостаточно. С получением офицерского чина, а затем и возвращением дворянства, брак с Исаевой, скорее всего, стал взаимовыгодным, строящимся на суровых жизненных реалиях, как это зачастую и бывает в немолодом уже возрасте...

Л.Ф. Достоевская: «Тем временем Мария Дмитриевна расходится со своим женихом, который покидает Кузнецк. Она получает теперь, наконец, свою вдовью пенсию, но скромная жизнь не по душе взбалмошной, ленивой и честолюбивой женщине. Она возвращается к своему первоначальному плану – выйти замуж за Достоевского, уже произведенного в то время в офицеры. В своих всё учащающихся письмах

она преувеличивает свою нужду, говорит, что устала, и грозит покончить с собой и вместе со своим маленьким сыном. Достоевский очень обеспокоен, хочет её видеть, убедить её, призвать её к благоразумию. Как бывший политический ссыльный, он не имеет права покинуть Семипалатинск, хотя часто сопровождал научные экспедиции, объезжавшие по поручению правительства Сибирь».¹⁷

«Встретила его с открытыми объятьями...»

Цепь загадок, заданных дочерью писателя, продолжается.

Л.Ф. сообщает, что семипалатинские офицеры «втайне покровительствовали» её отцу. Если иметь ввиду его непосредственного начальника Белихова – то так оно, наверное, и было. Однако она преувеличивала возможности и силу связей Достоевского, которому приходилось выполнять иногда даже роль лакея, принимая верхнюю одежду у прибывшего на вечеринку высшего чина, не говоря уже о рукоприкладстве, жертвой коего становился как недисциплинированный солдат и бывший каторжник...

Л.Ф. Достоевская: «Его товарищи-офицеры, которым он высказал своё желание отправиться в Кузнецк, нашли для этого средства и пути, чтобы послать его туда «по военным надобностям». Дивизия, расположенная в Семипалатинске, послала своему полку в Кузнецк фургон с кладью, которую по предписанию должны были сопровождать вооруженные офицеры и солдаты. Обыкновенно Достоевскому не давали подобных поручений, - офицеры всегда втайне покровительствовали ему, - но на этот

раз мой отец был счастлив, что мог воспользоваться случаем и проехать несколько сот вёрст, сидя на связках каната, которые он должен был будто бы охранять. Мария Дмитриевна встретила его с открытыми объятьями и тотчас снова приобрела своё прежнее влияние на моего отца, быть может, несколько охладевшего за время долгой разлуки. Тронутый её жалобами, её горем, её угрозами покончить с собой, Достоевский забыл советы своих друзей и сделал ей предложение, обещая оберегать её и любить маленького Павла».¹⁸

«Мария Дмитриевна поспешно приняла предложение...»

Любовь Федоровна как бы читает письма Достоевского «навыворот». То есть чувства и выражения приязни и неприязни, высказанные Достоевским, приписывает Марии Дмитриевне.

Это Марья Дмитриевна, то и дело колебавшаяся, могла позволить себе неожиданные «охлаждения» в отношениях. Л.Ф. Достоевская же представляет ситуацию с точностью до наоборот. Претенденток на «руку и сердце» её отца в Семипалатинске не сыскать: какая же порядочная женщина свяжется с «бывшим каторжником»? У Исаевой положение более завидное: дворянка, выхлопотавшая пенсию, ещё молодая, красивая, умная, образованная (по определению знакомых Ф.М., знавших её довольно хорошо), отнюдь не взбалмошная, а, напротив, наделенная опытом, по своему расчетливая.

В ту пору она была находкой для солдата Достоевского, у которого – ни чина, ни дворянства, ни кола,

ни двора: всё придёт позже... Л.Ф. Достоевская: «Мария Дмитриевна поспешно приняла предложение. Мой отец возвратился в своём фургоне в Семипалатинск и просил разрешения на женитьбу у командира полка. Оно было ему дано вместе с отпуском на несколько недель. Мой отец возвращался теперь в Кузнецк с большими удобствами, чем в первый раз, в хорошем дорожном экипаже, в котором намеревался привезти в Семипалатинск свою жену и будущего пасынка. Разрешенный моему отцу отпуск был непродолжителен: правительство боялось давать большую волю политическим ссыльным, - и Достоевский должен был жениться через несколько недель после своего прибытия в Кузнецк».¹⁹

«Провела ночь у своего возлюбленного...»

Л.Ф. Достоевская утверждала, что предбрачную ночь М.Д. Исаева провела с Вергуновым. Могло ли быть так?

Нужно учитывать и те свидетельства, которые говорили о некотором обоюдном расчете в браке Достоевского с Исаевой. И коли «выгоды» хоть сколько-нибудь примешивались к любви, то сценарий, очерченный Л.Ф. Достоевской, никак не исключается.

Она пишет: «Как счастлив был мой отец, отправляясь в церковь для венчания с Марией Дмитриевной! Наконец-то ему улыбнулось счастье, судьба хотела вознаградить его за все страдания на каторге, даровав ему нежную и любящую жену, а может быть и отцовство. Каким мыслям могла предаваться его невеста в то время, когда Достоевский тешил себя мечтами о счастии? Накануне своей свадьбы Мария

Дмитриевна провела ночь у своего возлюбленного, ничтожного домашнего учителя, красивого мужчины, которого она отыскала после прибытия в Кузнецк и которого она втайне любила давно. Вероятно, её жених в Кузнецке, имя которого мне неизвестно, отказался от женитьбы на Марии Дмитриевне именно потому, что узнал об её любви к красивому домашнему учителю. Мой отец, приезжавший в Кузнецк всего лишь два раза и никого там не знавший, не мог знать что-либо о тайных сношениях своей невесты, тем более, что Мария Дмитриевна разыгрывала в его присутствии роль глубокой и благородной женщины».²⁰

Но разве не могла М.Д. в ночь перед венчанием встретиться с Вергуновым, чтобы проститься с ним? И прощание, очевидно, было щемительным и, может, даже неокончательным, коли вскоре после отъезда Достоевских в Семипалатинск, он, делая невозможное, переводится туда вслед за ними...

«Бесстыдная женщина была дочерью наполеоновского мамелюка...»

Но откуда черпала Л.Ф. Достоевская столько подробных сведений? От матери? А Анна Григорьевна – от кого? Разве что от Достоевского.

Но если тот знал, что Исаева провела предвенчальную ночь с Вергуновым, то как это сочетается с возвышенными оценками характера М.Д., какие находим в его письмах в пору после её кончины? Не всё же объясняется рассудочностью Достоевского и желанием показать, что все у него – благопристойно, – вот, де, и «бывшие каторжники» тоже могут

быть счастливы в браке.

Или он специально пытался утишить ревность второй жены, всячески унижая перед ней память первой? Не выдумывает же, в самом деле, его дочь факты семейной биографии? И пусть в отдельных местах Л.Ф. неточна (за давностью лет некоторые детали из преданий матери трансформируются в памяти), но вряд ли она ошибалась в главном!

Л.Ф. Достоевская: «Эта бесстыдная женщина была дочерью наполеоновского мамелюка, попавшего в плен во время отступления из Москвы и впоследствии привезённого в Астрахань, где он переменил религию и имя для того, чтобы жениться на девушке из хорошей семьи, без памяти влюбившейся в него. По странной игре природы Мария Дмитриевна всецело унаследовала русский тип своей матери. Я видела её портрет: ничто не выдавало её восточного происхождения. Наоборот, сын её Павел, которого я узнала впоследствии, был почти мулатом. У него была жёлтая кожа, чёрные, лоснящиеся волосы; он закатывал глаза, как это делают негры, оживлённо жестикулировал, принимал неожиданные позы, был зол, глуп и бесстыден, плохо мылся и издавал скверный запах».²¹

«Достоевский совершенно не подозревал африканского происхождения своей жены...»

Допустим, что Л.Ф. Достоевская что-либо «придумывает» из жизни своего отца и его первой жены. Но ведь с пасынком Достоевского она прекрасно знакома. Зачем было писать, что от Павла «разило негром»? Хорошо или плохо мылся Паша Исаев,

могло занимать только человека, предвзято к нему настроенного. Однако, сводя с ним счёты, дочь великого писателя становится на мало приличный уровень – выносит на обсуждение читающей публики то, о чем в порядочном обществе принято умалчивать («скверный запах»!), что не делает чести автору книги о собственном отце.

Стоило бы заметить также столь удивительную в молодой и интеллигентной женщине ксенофобию и даже расизм – если негр, значит, дурно пахнет. С ксенофобией не рождаются, она прививается.

Не могло ли стать, что привычные в лексиконе Достоевского «полячишки», «немчура», «жиды» нашли в его дочери благодарный отклик. Не была ли Достоевскому свойственна ксенофобия? Охотно и подолгу пребывая за границей, он не только несколько высока, но, порой, даже с брезгливостью отзывается о людях, с которыми довелось встречаться.

Наиболее выраженной чертой его ксенофобии был антисемитизм. Причем даже на каторге, где, казалось бы, общая беда «выравнивает» людей, он испытывает презрение к еврею, обвиненному за убийство по оговору и в «Записках из Мертвого Дома» пишет: «Исай Фомич, наш жидок, был как две капли воды похож на общипанного цыпленка... Нашего жиденка любили... арестанты, хотя решительно все без исключения смеялись над ним...».

В еврейях Достоевского раздражало все, и что курортный Эмс переполнен ими: «Здесь все жиды». Среди отдыхающих «чуть не одна треть... разбогатевших жидов со всех концов мира» - пишет он жене, особенно жалуясь на своих соседей по гостинице –

«25-летний жиденок и его мать».

Наверное, Анну Григорьевну, которая, надо полагать, была близка по взглядам с Достоевским, очень позабавили сетования мужа: «Ведь, уж кажется, она его 25 лет как родила, могла бы наговориться за этот срок – так вот нет же, говорят день и ночь, и не как люди, а по целым страницам (по немецки или по хорватски), точно книгу читают, и все это со сквернейшей жидовской интонацией...» («Взгляд», 2003, №28).

Сам Достоевский, судя по письму священника Тюменцева (см. выше) говорил «плавно, не умолкая, обстоятельно» - но то был Достоевский, давший себе право быть самим собой, каков есть...

А что, если письма мужа Анна Григорьевна читала вслух своей дочери? Почему бы Л.Ф. не проникнуться к любому «инородчеству» настоящей ненавистью, потому что, читая ее суждения об Исаевой, начинаешь подозревать, что в несчастной М.Д. дочь Достоевского более всего раздражает, что она - «белая африканка».

А если в более зрелом возрасте ей, допустим, довелось прочесть статью отца «Еврейский вопрос»: «Мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если бы то не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев бы было 80 миллионов – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как дельвали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?».

Могла ли Л.Ф. не проникнуться злобой и ненавистью ко «всяким там прочим неграм», от которых еще и «скверный запах», как от Паши Исаева, и «сладострастным африканкам», даже если они и «белые»? Не может ли оказаться, что это тоже «ключик» к тональности почти непристойного раздражения, в которой написана ее книга об отце.

Очевидно, зная взгляды отца на «инородство», она несколько раз подчеркивает, что Мария Дмитриевна старательно скрывала «свое африканское происхождение»... Л.Ф. Достоевская: «Во время второго замужества своей матери он (то есть пасынок Достоевского, - *авт.*) был красивым, маленьким, живым и весёлым мальчиком, которого мой отец баловал для того, чтобы доставить удовольствие Марии Дмитриевне. Достоевский совершенно не подозревал африканского происхождения своей жены, которое она тщательно скрывала. Как женщина хитрая, Мария Дмитриевна сумела разыграть примерную супругу, собрать вокруг себя интеллигенцию Семипалатинска и устроить что-то вроде литературного салона. Она выдавала себя за француженку, говорила по-французски, как на родном языке, много читала и была хорошо воспитана. Семипалатинское общество считало жену Достоевского безупречной женщиной. Барон Врангель говорит о ней в своих мемуарах с большим уважением и находит её прелестной. Между тем, она в сумерки ходила тайком к своему красивому учителю, последовавшему за ней в Семипалатинск, и обманывала таким образом людей и своего бедного и мечтательного супруга».²²

«Она проявляла бурные припадки ярости...»

Удивляет трансформация в описании Исаевой. Ведь А.Г. Достоевская уверена, со слов собственного мужа, что Исаева, по крайней мере три года жизни (1861-1864) была «слабоумной дурачкой». Однако та же Любовь Федоровна (полагаясь на свидетельства А.Г.) сообщает, что Марию Дмитриевну считали воспитанной и образованной. Когда же она успела превратиться в «полоумную», как назвал её сам Достоевский в одном разговоре с Анной Григорьевной?

Пофантазируем: не исключено, что образованность и воспитанность Исаевой – миф, поддерживаемый Врангелем в угоду памяти бывшего друга и большого писателя. Создавал же Ф.М. почему-то образы женщин, которые, будучи чахоточными и полубезумными, идут под венец и выбирают меж несколькими соперниками!

Но возможно и вовсе иное: Исаева всегда находилась в здравом уме и прекрасно отдавала себе отчет в своих поступках, а мнимое «безумие» всего лишь придумано Достоевским, дабы утолить ревность А.Г. Что «чертей» выгоняла из дома? – так просто из суеверия...

Л.Ф. Достоевская: «Достоевский знал этого молодого человека (имеется ввиду Вергунов, - *авт.*), как обычно знают всякого в маленьком провинциальном городке; но красивый молодой человек был столь незначителен, что Достоевскому никогда в голову не приходила мысль, что он может быть его соперником. Он считал Марию Дмитриевну верной, вполне преданной ему женой. Но у неё был неприятный

характер, и она проявляла бурные припадки ярости. Мой отец приписывал это её слабому здоровью (Мария Дмитриевна была слабогруда) и прощал ей резкие сцены, которые она устраивала ему».²³

«Она была хорошей хозяйкой...»

При всей нелюбимости отзывов о М.Д., дочь Достоевского не пытается изобразить её сугубо чёрными красками (Анна Григорьевна, страдавшая ревностью, в своей ненависти была, пожалуй, более последовательна, но менее эмоциональна). Любовь Федоровна нет-нет, а позволяла себе надеяться Исаеву даже чем-то вроде комплиментов: отмечала воспитанность и образованность, тягу к домашнему уюту. Возможно, подчеркивая «объективность» и не желая показать односторонность трактовок. Притом, она свято верила в то, о чём рассказывала ей мать, и, наверное, восприятие якобы неприязненного чувства Достоевского к Исаевой – не её собственное.

Л.Ф. Достоевская: «Она (то есть Исаева, - *авт.*) была хорошей хозяйкой и умела придать дому уют. После ужасов острога Достоевскому его дом казался раем. Вопреки опасениям его родственников и друзей, брак оказал на Достоевского благотворное влияние. Он поправился, стал веселее и, по видимому, был доволен. Фотография, снятая в Семипалатинске, изображает человека, полного силы, жизни и энергии. Он совершенно не похож ни на князя Мышкина из «Идиота», ни на каторжника и пророка из поэмы Некрасова «Несчастные». Эпилепсия, наконец, обнаружилась у моего отца и успокоила его

нервы. Правда, он тяжело страдал от её припадков, но после них его ум становился яснее, спокойнее».²⁴

«Возила всюду за собой, как собачонку...»

Самое ошеломительное, что написала Любовь Федоровна – это о встречах Вергунова с Исаевой (тайком от Достоевского) по пути в Тверь, после отъезда из Семипалатинска. Трудно поверить, что она просто выдумала сей факт. И поскольку поездка состоялась в летнюю пору, именно во время школьных вакаций и отпусков (а Вергунов был учителем), то он, конечно, вполне мог за Достоевскими в Тверь последовать. Мы уже приводили документы, отчасти подтверждающие такую возможность, в книге «Загадки провинции» (1996). Притом, что дорога стоила недешево и на учительское жалованье нелегко было предпринять такое путешествие...

Л.Ф. Достоевская: «Он (Достоевский, - *авт.*) избрал для своего постоянного местопребывания город Тверь... Как счастлив был мой отец, проезжая теперь свободным и независимым по той же дороге, по которой ехал десять лет тому назад в сопровождении конвоя... Он представит своим родным любимую жену, которая так любит его. Тем временем, пока Достоевский предавался в своей коляске подобным мечтам, на расстоянии одной почтовой станции за ним следовал в бричке красивый учитель, которого жена Достоевского возила всюду за собой, как собачонку. На каждой станции она оставляла для него спешно написанные любовные записки, сообщала ему, где они проведут ночь, приказывала ему остановиться на следующей станции, чтобы не опередить её. Какое

удовольствие испытывала эта белая негрятенка, глядя на детски счастливое лицо своего бедного мужа-поэта... Счастливый от одной мысли иметь возможность снова, наконец, жить в литературном мире и так близко к своему брату Михаилу, Достоевский тотчас же отправился в Петербург в сопровождении своей жены и пасынка, которого определил в кадетский корпус».²⁵

**«Харкающая кровью женщина вызвала...
отвращение в молодом любовнике...»**

Если вояж Вергунова вслед за Достоевскими в Тверь еще как-то удастся подтвердить документально (тому порукой – упомянутое совпадение поездки с вакационным и отпускным временем), то следование за Исаевой далее, в столицы, маловероятно. Между тем, Любовь Фёдоровна настаивает именно на маршруте до Петербурга.

Но учитель – лицо почти подневольное, без особого командирования и без повода вряд ли отправился бы в Петербург. Да и как же начало нового учебного года? Не исключено, что здесь-то уж прямое преувеличение.

Возможно, Вергунов и провожал чету Достоевских, но, скорее всего, даже не до Твери, а, скажем, до Омска, и, вероятно, это вовсе не было тайной для Ф.М.: вспомним, ведь он некогда пытался оказать покровительство сопернику, последний же мог отблагодарить его содействием в переезде до какого-нибудь ближайшего города.

В представлениях же ревнивой Анны Григорьевны всё, очевидно, гипертрофированно исказилось,

а впоследствии усилилось благодаря эмоциональности и фантазии самой Любви Фёдоровны... Л.Ф. Достоевская: «Перемена климата плохо повлияла на Марию Дмитриевну. Сырой, болотный воздух Петербурга способствовал развитию лёгочной чахотки, угрожавшей ей давно. Мария Дмитриевна в страхе возвратилась в Тверь, климат которой здоровее. Но было поздно, болезнь подвигалась быстро вперёд, и спустя несколько месяцев Марию Дмитриевну едва можно было узнать. Кашляющая и харкающая кровью женщина вызвала вскоре отвращение в молодом любовнике, следовавшем до сих пор всюду за ней».²⁶

«Рассказала свою любовную историю...»

В рассказе Л.Ф. Достоевской о связи Исаевой с Вергуновым смущает обилие деталей. Она сообщает, например, что Вергунов покинул Исаеву в Твери, «не оставив адреса». Но ведь Вергунов – человек подневольный. Он не мог получить другого учительского места, не испросив разрешения специального учебного ведомства. Он привязан накрепко к Семипалатинску своей службой, так что оставлять Исаевой адрес нужды не было.

Скорее всего, Л.Ф. использует фигуральное выражение, как бы «исчез навсегда». На французском «не оставить адреса» это именно так и звучит, – так что не издержки ли последующего перевода?

Она пишет: «(Исаева, - *авт.*) надоела ему (Вергунову, - *авт.*) и он покинул Тверь, не оставив своего адреса. Одиночество довело Марию Дмитриевну до крайности. Во время одной из обычных сцен, которые она делала своему мужу, она призналась Достоевскому

(Достоевский, занятый печатанием своего романа, оставался в Петербурге, но ездил часто в Тверь для посещения своей жены) во всём, рассказала свою любовную историю с молодым учителем со всеми подробностями. С утонченной жестокостью она сообщила моему отцу, как они вместе смеялись и издевались над обманутым мужем, признавалась, что она никогда не любила его и вышла замуж лишь из расчета. «Женщина, хоть немного уважающая себя, не может любить человека, прошедшего четыре года на каторжных работах в обществе воров и разбойников». Бедный отец!».²⁷

«Эту мегеру он считал любящей и преданной женой...»

Действительно ли Исаева рассказала Достоевскому о своей измене? А если и так – то была ли измена, или она придумана, дабы побольнее задеть Достоевского и отомстить ему за увлечение Сусловой?

Так или иначе, а признанию Достоевский поверил, и, вероятно, поведал второй жене. Во всяком случае, Анна Григорьевна убеждена в неверности Исаевой. И если бы Достоевский пытался протестовать, объявляя выдумками признания больной женщины, то в описании Любви Фёдоровны обязательно бы появились соответствующие оговорки.

Но никаких оговорок нет, и это говорит либо об уверенности самого Достоевского в «вергуновском пассаже», либо о нечестности Анны Григорьевны или Любви Фёдоровны, намеренно искажающих «портрет» Марии Дмитриевны...

Л.Ф. Достоевская: «С растерзанной душой слушал он (то есть Достоевский, - *авт.*) безумную исповедь своей жены. Так вот какова была эта великая любовь, в которую он так наивно верил в течение целых годов. Эту мегеру он считал любящей и преданной женой. Достоевский был охвачен ужасом перед Марией Дмитриевной, покинул её и бежал в Петербург, где искал утешения у своего брата Михаила, у своих племянников и племянниц. Итак, ему было сорок лет, и он еще не был любим. Он повторял с грустью постыдные слова Марии Дмитриевны: «Ни одна женщина не могла бы полюбить бывшего преступника». Лишь дочь раба могла питать подобную мысль в своей лакейской душе; подобный взгляд никогда не мог бы возникнуть у благородной европейской женщины (А у «африканки» – мог! – *авт.*)».²⁸

Но что, если никаких откровений Исаевой не было, а Анне Григорьевне, как уже сказано, Достоевский передал все, изложенное выше, как факты, в которые он сам якобы верит, - дабы оправдать охлаждение к М.Д. и собственные измены?

«Достоевский плохо знал женщин...»

Л.Ф. Достоевская не без оснований считала, что ее отец женщин знал плохо. С этим, пожалуй, приходится согласиться. Исаеву ему действительно нелегко было понять в пору, когда она, больная и им покинутая ради других увлечений, в порыве отчаяния наговаривала на себя, изошренно унижая его мужское достоинство...

Л.Ф. Достоевская: «Но, увы, Достоевский плохо знал женщин в ту пору его жизни. Мысль, что у него

никогда не будет собственных детей и домашнего очага, делала его несчастным. Весь гнев обманутого мужа он излил в своём романе «Вечный муж», написанном им позже. Замечательно, что Достоевский изображает героя романа «Вечный муж» в виде существа презренного, некрасивого, старого, вульгарного и смешного (Горячо, горячо! Только в «Вечном муже» трусливым и жалким изображен, скорее, прототип А.И. Исаева, т.е. Трусоцкий, - *авт.*). Возможно, мой отец презирал себя самого за свою наивность и доверчивость, не позволявшие ему открыть раньше бесстыдную интригу и наказать вероломных возлюбленных. Достоевский страдал и был близок к отчаянию; несмотря на то, он продолжал посылать Марии Дмитриевне деньги, окружил её надежными слугами, писал её сестрам в Москву, прося навещать её в Твери, ездил сам туда несколько раз, чтобы убедиться, не нуждается ли его больная жена в чём-либо. Их брак был разорван, но чувство долга по отношению к той, которая носила его имя, неизменно жило в душе Достоевского. Но это не умиротворило Марию Дмитриевну. Она ненавидела моего отца тою неумолимою ненавистью, на которую способны лишь негрятянки».²⁹

Как странно звучат яростные обвинения в адрес М.Д. и уверенность дочери «в надежных слухах» и в постоянной заботе об Исаевой, для того, кто только что читал письма Достоевского к В.Д. Констант, хотя бы о неприглядной истории с посланными деньгами М.Д. и тут же затребованными обратно от зловерной «негрятянки»...

«Она проводила долгие часы... в тяжелых размышлениях...»

Любовь Фёдоровна, как видно из ее слов, расправляется с памятью первой жены писателя, не ведая милосердия. Сам же Достоевский в её описаниях никак не напоминает порочного человека. Между тем, в европейский период своего бытования Исаева вряд ли кого могла увлечь как женщина. Тому порукой – серьёзная болезнь. Чахотка. Так что отвлечение к кровохаркающей больной, которое приписывается Вергунову, скорее всего, ощущал именно Достоевский. При его мнительности нельзя исключить и боязнь заразиться...

Мы ничего не знаем о Вергунове, но что супруг покинул Исаеву, уже обреченную, ради развлечений и новых романов – хорошо известно. Теперь Исаева явно не походила на роль героини хитроумно закрученной любовной интриги.

Что до «ненависти, на которую способны лишь негритянки», то, судя по всему, патологическую ненависть к Исаевой испытывала Любовь Фёдоровна, равно и Анна Григорьевна, её мать – возможно, вследствие «привитой» ксенофобии - негритянка же!...

Л.Ф. Достоевская: «Люди, ухаживавшие за ней (то есть за Исаевой, - *авт.*), сообщали позже, что она проводила долгие часы неподвижно в своём кресле в тяжелых размышлениях. Затем она неожиданно пробегала через комнаты своей квартиры. В столовой она останавливалась перед портретом Достоевского, долго глядела на него, грозила ему кулаком и кричала: «Каторжник, бесчестный каторжник!». Она

ненавидела теперь и своего первого мужа. И говорила о нём с презрением. Она ненавидела также и своего сына Павла и не хотела его видеть. Достоевский должен был посылать своего пасынка в семью брата Михаила, чтобы он проводил там каникулярное время».³⁰

«Его душа была истерзана изменой жены...»

Можно ли, не греша против истины, назвать поведение Достоевского по отношению к первой жене бесчестным? Его измены достаточно хорошо известны Любови Фёдоровне. И если неверность самой Исаевой еще требует доказательств (ибо прямых свидетельств не сохранилось!), то романы ее мужа были на виду и на слуху чуть не половины Европы, об этом написаны целые книги. Увлечения Достоевского в пору, когда Исаева пока жива, не покоряют силой чувства, и нередко вызывают неприязнь ослепленной чувственностью.

Любовь Фёдоровна так не считала. Вот как она оправдывает связь отца с Полиной (имеется ввиду Сулова): «Достоевский был тронут письмом Полины. Это объяснение в любви явилось к нему, в тот момент, когда он больше всего нуждался в нём. Его душа была истерзана изменой жены, он презирал себя, как обманутого и смешного мужа. А тут ему предлагает любовь свежая и красивая девушка. Значит, его жена ошиблась. Его можно полюбить, его, бывшего на каторжных работах вместе с ворами и разбойниками. Достоевский жадно ухватился за утешение, ниспосланное ему судьбой. Он не догадывался о лёгких нравах Полины... Он знал, что врачи

приговорили Марию Дмитриевну, и что он может через несколько месяцев жениться на Полине. У него не хватило сил ожидать и отказаться от этой молодой любви, отдавшейся ему свободно, не считаясь с обществом и условностями. Достоевскому было сорок лет, и его еще никто не любил». ³¹

Но ведь немногим раньше Л.Ф. писала, брезгливо осуждая Исаеву, что та загодя подыскивала себе нового мужа, зная о несостоятельности большого Александра Ивановича...

«Мой отец хотел показать себе самому, что и он может обманывать свою жену...»

Достоевский не был любим? Но – может ли быть любим тот, кто готов к изменам в самую тяжелую пору, имея притом весьма нетрадиционные представления о чести (тому порукой вечные игорные неурядицы и даже то, что Сулова вынуждена была заложить часы и цепочку, чтобы его выручить, - и он принял эту помощь в разгар путанного «непрозрачного» романа).

Особа интуитивная и чувствительная, Исаева знала, что происходит в душе у «бывшего каторжника», и для чего именно он её покинул, - отсюда и «бесчестный каторжник!».

Меж тем, все течет по-прежнему, Достоевский продолжает жить своей жизнью на стороне, жена же - медленно угасает... Л.Ф. Достоевская, похоже, со всем пониманием относится к такому положению: «В двадцать лет мой отец был робким школьником, в сорок он предался тому юношескому опьянению, которое переживают почти все мужчины... В этом

переживании Достоевского проявилось возмущение благородного человека, мужа, остававшегося верным своей жене в то время, как она издевалась над ним со своим возлюбленным. Мой отец хотел показать себе самому, что и он может обманывать свою жену, вести легкомысленную жизнь других мужчин, играть в любовь и приятно проводить время с красивыми девушками. Это можно предположить на основании различных признаков. Очень странно, например, что Достоевский в романе «Идиот» изображает себя в виде учителя. Я сказала выше, что Мария Дмитриевна обманывала моего отца вместе с учителем... Несмотря на то, что Достоевский хотел отомстить Марии Дмитриевне своею связью с Полиной, он употреблял все предосторожности, чтобы его больная жена не узнала об этом. Он должен был реабилитировать себя в собственных глазах, но не имел в виду оскорбить несчастную чахоточную. Его меры предосторожности были столь удачны, что эта любовная история была известна лишь родственникам и некоторым друзьям (и – половине Европы! – авт.)». ³²

«Мой отец забыл свою ненависть...»

Каким благородным, однако, был сочинитель Достоевский! – возмутимся мы, сегодняшние. Оказывается, он вовсе «не имел ввиду оскорбить несчастную чахоточную». Он её и не оскорбил. Он попросту «добил» её. Физически.

Как? Великий гуманист Достоевский?

Что же странного. Человек многолик и многосложен. И великий сочинитель в том числе.

Разве не он сказал: «человек есть тайна»...
 Во всяком случае, Любовь Фёдоровна, расписывая путешествия Достоевского по Европе с «развратницей Полиной», имевшей, де, чуть ли не одновременно множество партнеров, даже не задумывается, что европейский климат – нужен был не столь ему, сколь именно «несчастной чахоточной».

Ради романа с Полиной, однако, Достоевский, как уже сказано, подталкивает свою жену к гибели, которая и так ей предрешена. И он об этом хорошо знает. Так стоит ли винить Исаеву, что назвала мужа «бесчестным каторжником»: весь стиль его жизни в этот период – и было бесчестье, проникнутое сумрачным «подпольем души»...

Откуда же в лексиконе М.Д. Исаевой мелькает «каторжник»? Но ведь это – о строе мышления Достоевского, перенятом некогда от убийц, о чем он ей, надо полагать, немало рассказывал в разгар доверительных встреч еще до отъезда в Кузнецк.

Для них, для «каторжан», ведь «чура» нет – всё допустимо. Не такая ли психология подвигла и его отмежеваться от помощи Исаевой при её страшной болезни, да и от нее самой. Он помнил - всё дозволено, «чур» потерян. И небеса от этого не рушатся.

«Подспудный бес», засевший в подсознании со времён «Мёртвого Дома», о себе напомнил: там всё было можно, и – ничего! А почему сейчас нельзя?

И Достоевский, возможно, даже не отдавая себе отчёта, принялся «подталкивать» Исаеву к концу.

Не увёз в Италию, покидал в одиночестве, не давал денег на лечение, открыто изменял...

Потому что в подсознании своём он именно желал, чтобы Исаева поскорее умерла. Чтобы освободила его. Тем более, Полина, похоже, требовала развода, но на такую открытую акцию он не решался. И он «помогает», приближает кончину М.Д....

Л.Ф. Достоевская: «Достоевский возвратился осенью в Петербург и узнал, что болезнь его жены вступила в последнюю стадию. Охваченный жалостью к несчастной (Во время связи с Полиной Достоевский не переставал заботиться о больной жене. Путешествуя с Полиной по Италии, он часто писал брату Михаилу, прося переслать Марии Дмитриевне деньги, которые ему следуют за статьи в журнале «Время»), мой отец забыл свою ненависть, тотчас поехал в Тверь и уговорил умирающую отправиться с ним в Москву, где она могла бы лечиться у хороших врачей. Агония Марии Дмитриевны длилась целую зиму. Мой отец не отходил от неё и окружил её тщательным уходом... Когда весной Мария Дмитриевна, наконец, умерла, Достоевский написал несколько писем своим друзьям, сообщая им об её смерти и говоря о ней в этих письмах с большим уважением».³³

Заметим «фрейдовскую» оговорку Л.Ф. Достоевской: «когда весной наконец М.Д. умерла...». Какое красноречивое «наконец»...

«Он соглашался, что не был счастлив с нею...»

Достоевский забыл свою ненависть к Исаевой и не отходил от умирающей жены – утверждает его

дочь. Но – было бы странно, если бы Ф.М. даже в последние недели её жизни проводил время, как и прежде, в Европе, – он и так постоянно будто «торопил» ее кончину – не иначе, тот самый «подспудный бес» никуда не делся, толкал: пускай умирает, она тебе – помеха!

А тот, кто обуреваем «подспудным бесом», не остановится ни перед чем, и уж во всяком случае – перед спасительной ложью (лишь бы – мир во втором браке!), что, де, Исаева с Вергуновым была близка, и более того – Вергунов якобы следовал за нею не только до Твери, но и до Петербурга.

«Спасительная ложь», бывает, «въедается» в единожды солгавшего и он сам находит в ней оправдание для своих поступков...

Но Вергунов просто не мог следовать за Исаевой до Петербурга (см. выше). Ведь в бумагах училищного ведомства, по которому он проходил в Сибири, о длительных, чуть ли не полугодовых, отпусках, ему предоставленных, сведений пока не обнаружено. И поэтому в рассказе об изменах М.Д. изначально гнездилась ложь – тем более непозволительная, что задевала честь не только Исаевой, но и Вергунова.

Вряд ли вполне добропорядочные Анна Григорьевна и Любовь Фёдоровна были способны на явные подтасовки.

А вот Ф.М., издевавшему каторжные нравы, да еще и подававшемуся гласу подсознания, которое только и ждало смерти Исаевой, – лишь чуть-чуть бы помочь! – думается, солгать труда не составляло...

И Анна Григорьевна, кстати, это знала, – во всяком случае, догадывалась, – подчеркивая в своём дневнике, что словам Достоевского не верит... Л.Ф. Достоевская: «Он (то есть Достоевский, – *авт.*) соглашался, что не был счастлив с нею (то есть с Исаевой, – *авт.*), но утверждал, что, несмотря на несогласия, она любила его. Честь его имени была всегда священна для Достоевского и заставляла его скрывать неверность Марии Дмитриевны от друзей».³⁴

«Лишь родственникам была известна эта печальная история...»

Л.Ф. Достоевская сообщает, что только родственникам были известны измены Исаевой. Однако вот что странно. В сибирских источниках никаких свидетельств о лёгком поведении Исаевой, равно и Вергунова, не сохранилось, или, во всяком случае, пока не обнаружено. Ровно никаких. То же самое нужно сказать и про европейское бытование Исаевой. Никто и никогда её ни в чём не уличал. За исключением одного-единственного человека – Фёдора Михайловича Достоевского. И то – если верить воспоминаниям его второй жены.

Удивительно, что на протяжении всей жизни и Вергунов, и Исаева не были замечены в постыдных связях «на стороне», – о чем-либо подобном ни устных рассказов, ни документов не выявлено. Казалось бы: если пара влюбленных отличалась таким коварством по отношению к Достоевскому, то в каких-либо других ситуациях, с ним не связанных, это тоже должно бы проявиться. Но нет. Такие упоминания,

как уже сказано, о «романах» Вергунова или Исаевой с кем-либо на сей день в литературе отсутствуют.

Вергунов знал цену слову «честь», и когда оказывался в чём-либо несправедливо скомпрометированным, защищался до последнего, отстаивая чистоту своего имени. Тому порукой – найденные нами документы, приведенные в книге «Загадки провинции». Исаева тоже умела держать себя в весьма строгих рамках, выказывая знание хороших манер, скромность и светскость. Единственный, в кругу затронутых нами лиц, кто отличался поведением скандальным – увы... сам Достоевский.

Это он проигрывался «в пух и прах» в рулетку. Это он не оказал помощи чахоточной жене, когда был в силах так поступить, чем ускорил её гибель. Это он то и дело заводил романы даже с падшими женщинами, ибо Л.Ф. Достоевская признаёт, что Полина, с которой он путешествовал в Европе, «отдавалась всем и каждому».

Но убивал Исаеву и обманывал потомков не великий писатель, а «бывший каторжник». Тот, который нёс в себе «подспудного беса», что увязался за ним из «Мёртвого Дома»... Л.Ф. Достоевская: «Лишь родственникам его (то есть Достоевского, - *авт.*) была известна эта печальная история. Мой отец должен был также скрывать правду ради его пасынка Павла, в котором он воспитывал чувство уважения к родителям. Я помню, как позже на одном семейном обеде Павел Исаев выразился презрительно о своем отце и утверждал, что тот был «тряпкой» в руках своей жены. Мой отец рассердился, защищал память капитана Исаева и воспретил пасынку

когда-либо выражаться подобным образом о родителях».³⁵

«Мой отец намеревался... жениться на Полине...»

И, тем не менее, Л.Ф. Достоевская свидетельствует, что в пору, когда Исаева умирала, её отец мечтал о браке с Полиной Сусловой, «падшей женщиной». То есть заранее рассчитывая на кончину М.Д., подыскивал ей замену.

Как ни прискорбно, представляется, что эта самая «падшая женщина» была не худшей партией для носителя следов «каторжной» психологии. Они вели себя одинаково «нестандартно»: одна, по словам Л.Ф., продавалась, де, желающим, другой за годя «хоронил» жену и всячески, хоть и непреднамеренно, лишь повинувшись подсознательным посылам, ускорял ее гибель. В ожидании же сего трагического момента предавался игорным страстям...

Л.Ф. Достоевская: «Как я упомянула выше, мой отец намеревался после смерти Марии Дмитриевны жениться на Полине. Но после их совместного путешествия по Европе он совершенно изменил мнение о своей возлюбленной».³⁶

«Для того, чтобы возбудить в нём страсть, нужны были африканские хитрости... или бесстыдство...»

Любовь Фёдоровна Достоевская признаётся, что отец готов был жениться на её матери по расчету - как бы на «пишущей машине». Она противопоставляет отношения с Анной Григорьевной браку с Исаевой, основанном на «африканских хитростях» последней. Иными словами, Любовь

Фёдоровна считала Ф.М. падким на чувственные изыски своих избранниц. Что могло означать, будто он вовсе был чужд подлинной любви.

Впрочем, мы отмечали уже, что в немалой доле его брак с Исаевой строился на взаимной выгоде, а самогипноз о роковом влечении - необходимый флер, который создавался тем легче, что Достоевский - писатель, то есть - мастер «красивого слова», и к тому же по-сочинительски охвачен обаянием «грозного чувства».

Читаем: «Как большинство уроженцев севера, он (т.е. Достоевский, - *авт.*) был скорее холодной натурой; для того, чтобы возбудить в нём страсть, нужны были африканские хитрости какой-нибудь Марии Дмитриевны или бесстыдство какой-нибудь Полины».

В другом же месте своей книги Любовь Фёдоровна как будто сама себе противоречит, утверждая, что с некоторых пор Достоевский присматривался лишь к «молоденьким», поскольку измены Марьи Дмитриевны отвратили его от женщин её возраста.

Стало быть, причиной «вспышек» были не «африканские хитрости» или «бесстыдство», а просто молодость партнёрши? В любом случае, мотивы увлечений Достоевского в изображении его дочери выглядят разноречиво... Л.Ф. Достоевская: «Полина Н., Анна Круковская и моя мать были приблизительно одних лет, когда Достоевский просил их руки. Мне кажется, что эту особенность можно объяснить изменой Марии Дмитриевны, оставившей в душе моего отца глубокий и неизгладимый след. Достоевский не верил теперь женщинам известного возраста».³⁷

Мы, сегодняшние, привыкшие называть вещи своими именами, сказали бы: сорокалетнего и очень пылкого мужчину тянуло на свеженькие личики девиц, вдвое его моложе. Чем ничуть не оскорбили бы память великого писателя. Разве мы не знаем примеров «людей творчества», куда как помельче Достоевского, поддававшихся этому роковому влечению...

Впрочем, ничуть не умаляя величие Достоевского-сочинителя, нечестно было бы умолчать об его сексуальных патологиях. О страсти к «тройственным союзам» - мы говорили. О том, что для Ф.М. желаннее именно изменившая ему женщина, хотя к любви - даже скорее страсти? - примешивалась ненависть, написано так много...

И по сей день всплывают новые факты и даже имена. Что Ф.М., будучи в Лондоне, посещал «известные кварталы», где процветал малолетний разврат - отнесем пока на счет любопытства туриста.

Но вот недавно опубликована статья Раисы Романовой (см. «Секретные материалы», 2003, №16), в которой встречаем некую Марту Браун (Панину) - авантюристку, прокатившуюся по всей Европе и владевшую несколькими языками, побывавшую замужем за американцем, близкую к преступному миру. Вернувшись в Россию, она продолжала свой прежний образ жизни, меняя любовников и подвизаясь в околелитературных кругах.

С Мартой Браун познакомил Достоевского журналист Горский и Ф.М. тотчас проникся к ней интересом, поскольку, - увы! - более всего влекли его

«падшие женщины», в силу их эротического опыта.

Он не покупал им швейные машинки и не пытался свернуть с тернистого пути. Он, если можно так выразиться, «использовал их по назначению». Что вовсе не гасило его стремление к идеалу и к чистоте, которые он надеялся найти когда-нибудь в браке.

Марту Браун журналист Горский бросил, и Достоевский эту «даму в беде» пригласил под свой кров. Это было почти сразу после смерти Исаевой и разрыва с Апполинарией Суловой. Сколько продлилась связь – неизвестно, но это был последний его роман с профессиональной куртизанкой, хотя интерес к «жрицам любви» сохранился у него надолго.

Что не помешало ему, опять же вскоре, самозабвенно и непорочно полюбить Анну Сниткину, его будущую вторую жену. Как сказано, Достоевский, – впрочем, как и все мы, грешные – многолик...

Двулик был бог Янус. А Достоевский на писательском Олимпе – чем не Бог?

«А письмо Ваше сгорело...»

Известно, что Любовь Фёдоровна Достоевская черпала материал для своей книги из рассказов матери. Анна же Григорьевна к поиску отблесков «кузнецкого венца» уже после смерти Достоевского относилась ответственно. Особо интересовалась она подробностями бракосочетания, пытаясь разузнать о них через знакомого ей преподавателя Томской семинарии Александра Голубева. Последний же обратился за сведениями к священнику Евгению Тюменцеву, который и венчал Достоевского с Исаевой.

Но – зачем Анне Григорьевне вникать в обстоятельства совместной жизни писателя со столь не любимой ею Марией Дмитриевной? И – не хотела ли она обнаружить в далёких сибирских источниках доказательства «низости и вероломства» Исаевой, что подтвердили бы её, А.Г., нелестную оценку Марии Дмитриевны как личности? Однако «искомого» второй жене Достоевского добыть не удалось.

Евгений Тюменцев о первом браке Ф.М. писал сдержанно, не выказывая каких-либо эмоций. Ответное письмо, посланное через Голубева Анне Григорьевне, опубликовано впервые исследователем П.В. Бекединым: «Милостивейший Domine Голубев! Первее всего прошу извинения, что Ваше имя и отчество забыл, а письмо Ваше сгорело вместе с домом и прочею домашностию нашею 9-го дня мая! За тем, с величайшим удовольствием готов поделиться с Вами сведениями о приснопамятном Фёдоре Михайловиче Достоевском; только эти сведения будут очень кратки, потому что он в нашем Кузнецке не жил, а в Семипалатинске».³⁸

«Ф.М. писал..., прося её согласия на замужество...»

Анна Григорьевна обращается к Голубеву за метрической выпиской о браке Исаевой с Достоевским. Голубев же присовокупляет к сведениям об этом документе еще и воспоминания Тюменцева. О чём она, возможно, не просила. Действительно ли А.Г. интересовалась рассказами современников венчания, а то и очевидцев, которых в 1884 году в Кузнецке,

несомненно, имелось немало? Или жажда опорочить свою предшественницу в Анне Григорьевне уживается со стремлением вовсе о ней забыть, - ведь не зря вымарывала она из бумаг супруга малейшие упоминания об Исаевой...

Читаем далее: «Узнавши о смерти первого мужа Марии Дмитриевны, Ф.М. писал ей оттуда, прося её согласия на замужество с ним, согласие получено; в конце января 1857 года приезжает в Кузнецк и 6-го февраля 1857 года устраивает бракосочетание. Их брак в метрической книге Одигитриевской церкви города Кузнецка Томской епархии записан так: «1857 года 6-го февраля, №17-й, служащий в Сибирском линейном батальоне №7-й прапорщик Фёдор Михайлов Достоевский, православного вероисповедания, первым браком, 34 лет. Вдова Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя, служащего по корчемной части, коллежского секретаря Александра Исаева, православного вероисповедания, вторым браком, 29 лет». Брак их совершен мною».³⁹

«Но тут ничего не было серьёзного...»

В посланиях к Врангелю Достоевский с неудовольствием отмечал, что весь Кузнецк следил за тем, с кем именно состояла в переписке Исаева. И вот – подтверждение. Тюменцев сообщает, что о предложении Достоевского вступить в брак с М.Д. ему (а, значит, и всему городу – он мал и все друг с другом тесно связаны) было известно заранее.

Свидетельство Тюменцева примечательно еще и тем, что Любовь Фёдоровна Достоевская в часто

упоминаемой нами книге не раз ошибочно определяла Александра Ивановича Исаева как некоего капитана. Отец Евгений же вносит уточнения. Значит, Анна Григорьевна хотя бы от Тюменцева прекрасно знала настоящий общественный статус покойного А.И. Исаева. И все же «капитан» мелькает в книге Л.Ф. Не может ли оказаться, что А.Г. не вовсе «до доньшка» вводила дочь в курс дела, когда речь заходила о первой жене писателя?...

Продолжаем чтение: «Через неделю, после венчания, уехали они в Семипалатинск, а оттуда в СПбург, откуда я получил от них два письма, на которые и я отвечал, *но тут ничего не было серьёзного*. В Кузнецке были им знакомы только две семьи – нашего бывшего исправника Ивана Мироновича Катанаева, который был у них и посаженным отцом. Свадьбу праздновали просто, но оживлённо. Ф.М. бывал у нас в доме раз десятков, пивали чай, кофе и русскую..., но в самом умеренном виде; беседы его, хоть и непродолжительные, были самые откровенные, душевные; говорил неумолкаемо, плавно, основательно; о каждом предмете или расскажет, или расспросит до мельчайших подробностей; наблюдательность его во всём высказывалась в высшей степени. В то время литературная деятельность Ф.М. только ещё начиналась и я в это время был знаком только с его «Бедными людьми», затем вскоре с «Записками из Мёртвого дома». Прочие его произведения в Кузнецкой училищной библиотеке были почти все и нашей интеллигенцией читались с большой охотой».⁴⁰

Заметим эти выделенные нами слова. Не ждала ли А.Г. серьезных улик, почерпнутых в некоей «автобиографии», которую Достоевский якобы послал Тюменцеву – даже сам Ф.М. мог ей поведать об этом, во всяком случае в статье Валентина Булгакова (о чем – ниже) это сказано однозначно. Возможно, отсюда в ответе Тюменцева «но тут ничего не было серьезного» - то есть в каком-либо другом послании могло быть?

«Богослужение... Ф.М. посещал всякий раз...»

П.В. Бекедин считает, что обнаруженное им письмо использовалось известным достоевсковедом Л.П. Гроссманом в исследовании «Жизнь и труды Достоевского». На этот вывод его натолкнуло то, что Гроссман упоминает в своей работе исправника Катанаева. Правда, о Катанаеве автор мог узнать и из иных источников – например, из статьи последнего секретаря Льва Толстого Валентина Булгакова, посвященной как раз кузнецкому окружению Достоевского. Валентин Булгаков – имя достаточно громкое, особенно в пору, когда Гроссман публиковался. Однако закончим чтение письма Тюменцева: «Богослужение в воскресные и праздничные дни Ф.М. посещал всякий раз. Вот и всё, что мог сказать Вам достоверного о Фёдоре Михайловиче! У Марии Дмитриевны был сынок Паша, лет девяти; об нём, кажется, упоминалось при похоронах Ф. Мих., между прочими детьми Анны Гавриловны (явная описка, правильно: «Анны Григорьевны», - *авт.*). Этот Паша, помню, - отличный резвушка, способный; его какова судьба? Вероятно,

Вы будете писать Анне Гавриловне, - потрудитесь засвидетельствовать ей от меня глубочайшее почтение, благожелание и благословение вместе со всеми её детьми. Примите и Вы от меня искреннее почтение и благожелание, готового к услугам Вашим протоиерея Евгения – Тюменцева. 30-го мая 1884 года. г.Кузнецк – Том. губ.»⁴¹

«Совершавший таинство брака...»

Почему Достоевский аккуратно посещал богослужения в Кузнецке? Боялся, что венчание растянется на длительное время, и свадьба окажется ему не по карману? Тюменцев же – то лицо, от которого и зависело ускорить «действие». И поскольку Тюменцев – священник, завоевать его благорасположение можно было, если не истовым, то примерным следованием принятым в церкви порядкам.

Однако вернёмся к Анне Григорьевне. П.В. Бекедин считает, что «ей потребовалась выписка из метрической книги Одигитриевской церкви, где проходил обряд венчания».

Мнение это, на наш взгляд, подано не очень осторожно. Во-первых, Анна Григорьевна не могла в точности знать, где совершалось таинство брака – заметим, что о том не ведаёт даже куда более приближенный к месту события Голубев, который ищет Тюменцева в Кузнецком соборе, тогда как бракосочетание происходило в Одигитриевской церкви – то есть в другом храме Кузнецка.

Во-вторых, ничто не подтверждает, что Анна Григорьевна запрашивала именно метрическую выпись. Она получила то, что ей было выслано, но какой

конкретно документ она разыскивала - неизвестно.

Впрочем, все эти оговорки никак не принижают значения сделанного П.В. Бекединым открытия.

Вот найденное им письмо Голубева к А.Г. Достоевской: «Достоуважаемая Анна Григорьевна! Счастливый случай доставил мне возможность добыть метрическую выписку о бракосочетании Фёдора Михайловича с Марией Дмитриевной Исаевой. Священник Кузнецкого собора Евгений Тюменцев, совершавший таинство брака, был настолько любезен, что написал мне целое письмо о Фёдоре Михайловиче, каковое и препровождаю Вам к собираемым биографическим материалам. Вместе с тем беру на себя смелость покорнейше просить Вас, если примите это сообщение, поблагодарить священника Тюменцева или письмом, или высылкою какого-либо тома сочинений Фёдора Михайловича. Несмотря на то, что ему было не до писем в последнее время, вследствие страшного пожара, истребившего и его дом даже во время его отсутствия, он тем не менее, сколько мог, добросовестно ответил на мой вопрос. За сим, пожелав Вам и детям Вашим доброго здоровья, прошу принять от меня уверение в искреннем и глубоком к Вам уважении».⁴²

Загадка брачных метрик

Предположив, что Анна Григорьевна интересовалась не сведениями о сибирском бытовании Достоевского, в целом, а всего лишь метрической выписью или, скажем, «обыском брачным», нельзя не задаться вопросом – а что могло содержаться в венчальных свидетельствах, что побудило вторую жену

Достоевского окольными путями их разыскивать?

И тут обнаруживается важный нюанс: имеется в «Обыске брачном» существенная деталь, которая, будь она известна в своё время, вообще поставила бы под сомнение законность венчания. Так, в нём сказано, что «как жених, так и невеста родителей в живых не имеют». Тогда как на самом деле отец Исаевой, Дмитрий Констант, здравствует. Стало быть, она его как бы «хоронит». Но зачем? Не потому ли, что не уверена в его благословении на брак с бывшим каторжником? Но если отсутствует согласие отца, или просто о нём, живом, сказано, что его нет, то в документе отражена преднамеренная ложь, - и тогда законен ли он?

А если Анна Григорьевна о подлоге знала, и нарочито искала именно доказательств оного? Читаем «Обыск брачный №17»:

«1857 года февраля 6-го дня. По указу его императорского величества города Кузнецка Одигитриевской церкви священнослужители производили обыск о желающих вступить в брак и оказалось следующее.

1) Жених. Служащий в линейном батальоне №7 прапорщик Фёдор Михайлович Достоевский, православного вероисповедания, жительствует в городе Семипалатинске в приходе Богородской церкви.

2) Невеста Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя, служащего по корчемной части, коллежского секретаря Александра Исаева, православного вероисповедания, жительствовала донныне в городе Кузнецке в приходе сей Одигитриевской церкви.

3) Возраст к супружеству имеют совершенный, и именно жених тридцати четырех лет, невеста двадцати девяти лет, и оба находятся в здравом уме.

4) Родства между ними духовного или плотского и свойства, возбраняющего по установлению св.церкви брак, никакого нет.

5) Жених холост, а невеста вдова после первого брака.

6) К бракосочетанию приступают они по своему взаимному согласию и желанию, а не по принуждению, как жених, так и невеста родителей в живых не имеют (подчеркнуто нами, - авт.).

7) По трехкратному оглашению, сделанному в означенной церкви, препятствий к сему браку никакого никем не объявлено.

8) Для удостоверения беспрепятственности сего брака предоставляются письменные документы: дозволение жениху от командира Сибирского линейного батальона №7 от 1 февраля сего года за №167-м.

9) Посему бракосочетание означенных лиц предположено совершить в вышеупомянутой Одигитриевской церкви сего месяца февраля 6-го дня в законное время, при посторонних свидетелях.

10) Что всё показано здесь о женихе и невесте справедливо, в том удостоверяют свою подписью, как они сами, так и по каждом поручатель, с тем, что если что окажется ложным, то подписавшиеся повинны за то по суду по правилам церкви и по законам гражданским (выделено нами, - авт.). Жених, служащий в Сибирском линейном №7

батальоне, прапорщик Фёдор Михайлович Достоевский. Невеста вдова коллежская секретарша Мария Дмитриевна Исаева. Поручатель по невесте коллежский асессор Иван Миронов Катанаев. Поручатель по женихе чиновник таможенного ведомства Пётр Сапожников. Поручатель по женихе чиновник кузнецкого училища учитель Николай Вергунов. По невесте поручатель волости Нелюбинской государственный крестьянин Михаил Дмитриевич Дмитриев же. Обыск производили сей же церкви священник Евгений Тюменцев, диакон Петр Лошков, дьячок Пётр Углянский, пономарь Иван Слободский». ⁴³

Подлог

Итак, невеста и жених умолчали о живом отце М.Д. Исаевой. Поручатели скрепили ложные сведения подписями. На подлог пошёл и священник Тюменцев. Несмотря на то, что текстом самого обыска ложность показаний, отраженных в нём, преследуется церковными и гражданскими законами.

Возможно, конечно, что все участники церемонии ничего об искажении истины не ведали. Но Вергунов-то, с которым Исаева собиралась связать свою жизнь – мог ли не знать, что Исаева «лукавит»? И разве утаишь «шило в мешке» в маленьком городе, где все про всех все знают – ведь Исаева нередко получает деньги от отца. Хотя «упущение» для брачующихся мало что значило: они великовозрастны и не нуждаются в родительском благословении.

Так не оттого ли Анна Григорьевна спешит заставить доказательством незаконности «кузнецкого венца», что в порыве откровенности Достоевский рассказал жене о подлоге – ничего, де, страшного, пустая формальность, чтобы ускорить процедуру бракосочетания.

Есть, однако, и другое соображение. Совершенно отменяя условности как гражданские, так и церковные, – как отмежеваться от того, что совместная жизнь Исаевой с Достоевским началась с обмана. Он как бы преследовал новобрачных по жизни. Ибо измены друг другу разве не были ложью, причём Исаева, по распространенной и приведенной выше версии, созналась в неверности только перед кончиной, так что весь период сожителства оказался опутанным сетью кривды.

Другое дело – не было ли ее признание – просто мезью умирающей?

Так или иначе, истина этому браку не сопутствовала...

«Единожды солгав...»

Итак, «кузнецкий венец», если рассматривать его без романтических покровов, представляется как некий зловещий «остов» рокового «грозного чувства».

Бывший каторжник ведёт к алтарю невесту, которая во время свадьбы отказывается от собственного отца. Того самого, что незадолго до венчания посылал ей деньги и предлагал срочно переехать в Астрахань к нему поближе, чтобы спасти её от нищеты. Она как бы отрывается от живого

благодетеля, точно также, как и её, перед смертью, многожды «хоронил» Достоевский (вспомним похоронные «одежки», что очень заранее велено заказать Паше, да и сам Ф.М. очень, очень заранее прикидывает, не жениться ли на Сусловой после кончины Исаевой)...

Загадочно выглядит и священник Тюменцев. Мы уже встречались с документами, которые рисуют его весьма неоднозначно. Они приведены нами в книге «Загадки провинции» (1996).

В одном консисторском разбирательстве иерей Тюменцев утаивает от следствия важные свидетельские показания. Это было в 1880-е годы. Стало быть, история с утаиванием повторилась. А также ряд недосказанностей и умолчаний сопутствовали его служебной карьере, что, впрочем, ещё ни о чём не говорит, кроме как об отсутствии ханжеской лжещепетильности в обстоятельствах, в которых она часто бывает излишней, а, порой, – вредоносной.

Ибо всякий раз священник Тюменцев отступал от истины из человеколюбия или желания помочь в деле, искусственно тормозившемся мало значимыми формальностями.

Пропажа подлинников

Таким образом, «Обыску брачному №17» как бы не везет. Мало того, что он противозаконный, – его история сама по себе весьма загадочна. Борис Герасимов, священник и известный сибирский краевед, сообщал, что этот документ по поручению Географического Общества был в копиях из Кузнецка изъят:

«В архиве Кузнецкой Одигитриевской церкви сохранились следующие документы об этом браке: 1) разрешение командира 7 Сибирского линейного батальона, - где Ф.М. Достоевский служил рядовым, унтер-офицером и прапорщиком, - подполковника Белихова, от 1 февраля 1857г. за №167, на вступление в брак прапорщика Достоевского с вдовой Исаевой и 2) брачный обыск от 6 февраля 1857г. за №17, произведенный причтом Кузнецкой Одигитриевской церкви. Эти документы, с разрешения епархиального начальства, Семипалатинским Подотделом Западно-Сибирского Отдела И.Р.Г.О. недавно извлечены в копиях из архива Кузнецкой церкви и хранятся в музее Подотдела. Ввиду того, что эти документы до сих пор нигде не были опубликованы, печатаем их на страницах Сибирской Летописи».⁴⁴

Значит, документы были извлечены в копиях? И, стало быть, подлинники в Кузнецке? Но ведь в 1904 году подлинников там уже нет – о чем сообщает Валентин Булгаков, который знакомится лишь с «выписями». Об этом подробно рассказано в книге «Загадки провинции», с присовокуплением некоторых удивительных подробностей, - повторяться не будем. Скажем лишь, что дата исчезновения оригинала «обыска брачного» вычислена нами достаточно точно: 1904 год.

«Достоевский отнесся подозрительно к его приезду...»

Кто и почему изъясил «обыск» из церковного архива? Любители документальных раритетов? Или

те, кто хотел скрыть именно подлинник? Ведь после публикации становилась очевидной его незаконность.

Рядовой читатель еще не вникает, возможно, в значимость этого факта. Но в Кузнецке о нём могли знать. Хотя бы родственники всё того же отца Евгения Тюменцева. Его уже нет в живых. Однако муж дочери Тюменцева, Виссарион Минераллов, настоятельствует в одном из кузнецких храмов.

Имя Достоевского у всех на слуху. Тюменцев, во всяком случае, о писателе не забывал, и даже переписывался с ним. Их явно сближало, кроме созвучия характеров, также и должностное «попустительство» отца Евгения. А скрыть его можно, лишь уничтожив подлинник. И хоть копия уже подвергнута огласке – теперь нужно доказать, что документ вообще существовал в оригинале в момент, когда его и след простыл...

Но доказать необходимо и другое: было ли хоть что-нибудь достоверно известно в начале XX века о браке Достоевского с Исаевой и о треугольнике Исаева-Достоевский-Вергунов. Если, конечно, слово «достоверность» применимо к такой запутанной интимной истории!

Стараниями священника Герасимова, интересовавшегося обстоятельствами венчания, «растемнить» её явно не удалось. В 1916 году он писал: «Поручатель по женихе Вергунов состоял учителем Кузнецкого уездного училища. Он часто бывал в семье Исаевых, где занимался их детьми, а Мария Дмитриевна учила его французскому языку. Общество Вергунова было приятно для Исаевой. В письмах

её к Ф.М. Достоевскому в Семипалатинск всё чаще и чаще стала поминаться фамилия Вергунова. Это обстоятельство внесло большую тревогу в жизнь Достоевского. Наконец, Фёдор Михайлович выехал в Кузнецк и все тревоги кончились браком его с Исавой. Вергунов потом приезжал в Семипалатинск, но Достоевский отнесся подозрительно к его приезду...».⁴⁵

Загадки и толкования

Цитируя приведенный выше отрывок из публикации Герасимова, П.В. Бекедин относится к нему без большого доверия и противопоставляет мнению этого автора ходатайства самого Достоевского за Вергунова и известные слова писателя о нем: «Теперь он мне дороже брата родного». О возможных мотивах, подвигнувших Достоевского к перемене чувств к Вергунову, мы уже писали. Но более удивительна неинформированность Герасимова в совсем иных местах цитаты. Так, он сообщает, что соперник Ф.М. «приезжал» в Семипалатинск из Кузнецка, тогда как в действительности после возвращения туда обвенчавшихся Достоевских, воследовал стремительный переезд Вергунова следом за ними и пребывание там с 1857 по 1864гг. (о подробностях см. книгу «Загадки Провинции»).

Судя по всему, Герасимову мало что известно о продолжительном бытовании Вергунова в Семипалатинске. Между тем, Вергунов вернулся сюда же, после пятилетнего проживания в Барнауле, и учительствовал здесь с 1869г. до самой кончины.

Говорим мы это лишь для того, чтобы подчеркнуть малоизученность «кузнецкого венца» и его отблесков в начале XX века, непосредственно перед революцией.

Вряд ли кто-либо из дотошных исследователей заметил упомянутую нами незаконность брачного обыска. Скорее всего, если истребление подлинников и потребовалось во избежание возможной компрометации Тюменцева или других свидетелей кузнецкого венца, то никак не в силу чрезмерной осведомленности «достоевсковедов» той поры, а из-за беспокойства участников противозаконного действия или их родни. Впрочем, сейчас, по прошествии стольких лет, допустимы, конечно, и иные толкования...

«Попов, особенно сибирских, не любил...»

П.В. Бекедин выдвигает интересную версию. Он полагает (оговаривая при этом предположительность утверждения), что «бывая в доме Е. Тюменцева, И.М. Катанаева, Достоевский, когда заходила речь о продолжении его литературной деятельности, делился своими творческими планами и что-нибудь говорил о «Записках из Мёртвого Дома», которые были прочитаны кузнецким священником вскоре после их появления в печати».

Примечателен, в контексте сказанного, кусок из воспоминаний А.Е. Врангеля, также приведенный П.В. Бекединым в его статье: «О религии с Достоевским мы мало беседовали... Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил».⁴⁶

Так выявляются противоречия во взглядах и поведении Достоевского. «Попов, особенно сибирских» Достоевский не любит – а с Тюменцевым ведет переписку, и, будучи в Кузнецке, «пьёт чай, кофе и русскую» в его доме, и, хотя обычно в церковь не ходит, – тут богослужения посещает исправно.

Достоевский ли изменил самому себе - или с Тюменцевым как-то сошелся до того, что, по мнению П.В. Бекедина, возможно, делился со священником литературными планами. Но - близость возникает не от обсуждения литературы и не от неукоснительного следования ритуалам.

Думается, обладавший редкой интуицией Достоевский почувствовал свойственную и ему самому «многослойность» характера, - а потому «потянулся» к Тюменцеву душой.

Слишком просто и примитивно было бы объяснить их сближение «подлогом» в обыске брачном, хотя и это могло быть одним из мотивов близости, тем более искажение в документе опять же стало возможно как последствие «многослойности» характеров обоих...

Хотя мы не исключаем и того, что «действие» надо было еще и подготовить. А чтобы убедить и успокоить Тюменцева – пришлось несколько дней и в церковь походить, и пообщаться с представителем нелюбимого «сибирского поповства» за чашкой чаю.

Тюменцев же соглашается на должностное «попустительство», поскольку Достоевский – человек известный и при деньгах (ибо - какая свадьба без

денег?). Да и сам Тюменцев много позже окажется в положении, некоторым образом сходном. Дочь его, прижив дитя от человека преступного, дорвавшегося до богатства далеко неправедным путём (по распространённой тогда версии, отраженной в местных краеведческих источниках), пристраивает «плод порока» на житие в чужой дом, и отказывается дать ему своё имя.

Так не схожи ли ситуации: Исаева отрекается от отца в «обыске брачном», а Тюменцев – от собственного внука! Воистину – Тюменцев с Достоевским легко могли сойтись сперва на «деловой почве», а потом сердечно; оба «душеведа», священник и писатель, поняли друг друга вполне и тем самым загадали загадку исследователям – таким ли уж таинством считать брак, которому изначально сопутствовали обман, подлог, измены, и даже отказ от отца...

Примечания к третьей главе

¹ (с.231) - *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года / Изд. Подгот. С.В. Житомирская. - М.: Наука, 1993. – С. 209-210.

² (с.233) - Там же. - С. 249-251.

³ (с.233) - Там же. - С. 275.

⁴ (с.234) - Там же. - С. 439.

⁵ (с.236) - Там же. - С. 286-287.

⁶ (с.237) - Там же. - С. 287.

⁷ (с.239) - Там же. - С. 318-319.

⁸ (с.242) - Там же. - С. 360-362.

⁹ (с.243) - Там же. - С. 434.

¹⁰ (с.244) - *Достоевская А.Г.* Воспоминания / Вступ. ст. и прим. С.В. Белова и В.А. Туниманова. - М.: Правда, 1987. - С. 67.

¹¹ (с.245) - Там же. - С. 79, 107, 445.

¹² (с.246) - Там же. - С. 201.

¹³ (с.247) - Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / Пер. с нем. *Л.Я. Круковской*; Под ред. и с предисл. А.Г. Горнфельда. - М. - Пг.: Гос. изд., 1922.- С. 25.

¹⁴ (с.248) - Там же. - С. 26.

¹⁵ (с.249) - Там же.

¹⁶ (с.251) - Там же. - С. 26-27.

¹⁷ (с.252) - Там же. - С. 27.

¹⁸ (с.253) - Там же. - С. 27-28.

¹⁹ (с.254) - Там же. - С. 28.

²⁰ (с.255) - Там же.

²¹ (с.256) - Там же. - С. 28-29.

²² (с.259) - Там же. - С. 29.

²³ (с.261) - Там же.

²⁴ (с.262) - Там же. - С. 29-30.

²⁵ (с.263) - Там же. - С. 30-31.

²⁶ (с.264) - Там же. - С. 31-32.

²⁷ (с.265) - Там же. - С. 32.

²⁸ (с.266) - Там же.

²⁹ (с.267) - Там же. - С. 32-33.

³⁰ (с.269) - Там же. - С. 33.

³¹ (с.270) - Там же. - С. 34-35.

³² (с.271) - Там же. - С. 37-38.

³³ (с.273) - Там же. - С. 38.

³⁴ (с.275) - Там же.

³⁵ (с.277) - Там же. - С. 38-39.

³⁶ (с.277) - Там же. - С. 39.

³⁷ (с.278) - Там же. - С. 55, 57.

³⁸ (с.281) - *Бекедин П.В.* Малоизвестные материалы о пребывании Достоевского в Кузнецке // Достоевский: Материалы и исследования. - Л.: Наука, 1987. - Т. 7. - С. 229.

³⁹ (с.282) - Там же. - С. 232.

⁴⁰ (с.283) - Там же. - С. 236.

⁴¹ (с.285) - Там же. - С. 238.

⁴² (с.286) - Там же. - С. 228.

⁴³ (с.289) - Там же. - С. 232-233.

⁴⁴ (с.292) - Там же. - С. 232.

⁴⁵ (с.294) - Там же. - С. 233.

⁴⁶ (с.295) - Там же. - С. 236-237.

Глава четвертая

СОВРЕМЕННОИКИ

Там, где для документальных доказательств недостаточно материала, остаются беспредельные возможности для психологов. Чувство всегда скажет о человеке больше, чем все, вместе взятые, документы о нем...

Стефан Цвейг

Воспоминания А. Е. Врангеля

К сожалению, при взгляде «под лупу», кузнецкий венец уже не представляется ни сугубо романтическим, ни исключительно «чувствительным», как это казалось в пору написания «Загадок провинции». Сколь бы неблагодарна была задача как бы «оппонировать» самим себе, однако такое впечатление лишь усугубляется по прочтении свидетельств ближайших Достоевскому лиц – Анны Григорьевны и Любови Фёдоровны. Разумеется, при жизни писателя свое отношение к Исаевой они преимущественно скрывали – не от Ф.М., конечно, а от круга знакомых.

Возможно, именно поэтому воспоминания большинства современников выглядят традиционно позитивно: о покойном Достоевском либо хорошо, либо – ничего.

Притом раздраженное восприятие первого брака Достоевского его женой и дочерью как бы нейтрализуется «показаниями» других очевидцев – например, одного из самых близких – барона А.Е. Врангеля. А в том, что касается «кузнецкого венца», оценки Врангеля в глазах потомков должны иметь куда больший вес, чем мнение Анны Григорьевны, поскольку он – непосредственный свидетель семипалатинских событий, о которых А.Г. Достоевская знает только понаслышке. Со страниц воспоминаний Врангеля роман Достоевского предстаёт как удивительная по накалу чувств красивая любовная история с захватывающими подробностями. Начинается она так: «Однажды Фёдор Михайлович является

домой хмурый, расстроенный и объявляет мне с отчаянием, что Исаев переводится в Кузнецк, вёрст за 500 от Семипалатинска. «И ведь она согласна, не противоречит, вот что возмутительно!» - горько твердил он».¹

Загадка: впоследствии Достоевский не раз помянет: «я права на нее имею, права!» и что она в Семипалатинске дала ему доказательства своей любви. Стало быть, еще тогда они были близки, и, коли так, Ф.М. не беспочвенно возмущается – кто знает, какие клятвы и заверения звучали в ту пору, а тут – М.Д. беспрекословно готова следовать за нелюбимым мужем...

«Отчаяние Достоевского было беспредельно...»

Как уже сказано, именно так начинается тот самый «отрывочек» воспоминаний Врангеля, который является как бы завязкой всей любовной интриги. Читая его, испытываешь некоторую неловкость. Например, как понимать возмущение Достоевского, что Исаева «не противоречит» переезду супруга в Кузнецк, - разве же она могла «противоречить»? - но если были даны доказательства любви...

И все равно - она мужняя жена.

К тому же с должностными назначениями не шутят, да и устройство на службу А.И. Исаева она должна воспринимать не иначе, как благодеяние: наконец-то появилась надежда выбраться из нищеты.

С другой стороны, все-таки не верится, что уже в 1855 году Достоевский настолько уверен в чувствах Исаевой к нему, что смеет гневно её осуждать за то, что она следует за мужем. Каковы бы ни были их отношения, она вряд ли в ту пору серьезно думала о прочной связи с солдатом Достоевским,

причём бывшим каторжником. Мимолетная «слабость» - возможно, но не настолько же, чтобы расстаться с А.И. Исаевым!

Её метания ещё впереди: кому вверить свою судьбу после его смерти. И опять же - Достоевский всего лишь один из претендентов...

А.Е. Врангель: «Действительно, вскоре состоялся перевод Исаева в Кузнецк. Отчаяние Достоевского было беспредельно; он ходил как помешанный при мысли о разлуке с Марией Дмитриевной; ему казалось, что всё для него в жизни пропало. А тут у Исаевых оказались долги, пришлось всё распродать – и двинуться в путь всё же было не на что. Выручил их я, и собрались они наконец в путь-дорогу (смотри письмо Достоевского ко мне по этому поводу)».²

«Рыдал навзрыд, как ребенок...»

Роман с Исаевой Врангелем рисуется в типичных для своего времени «душещипательных» тонах с «рыданиями навзрыд» и заверениями в «беспредельном отчаянии».

Между тем, и Достоевский, и М.Д. не были чужды прагматизма и расчета (о чем мы уже писали), которые как бы принижали «идеальность» их связи, но всё это обозначится позднее, и никак не подлежит осуждению, а всего лишь констатации.

Миновав возраст Ромео и Джульетты, люди делаются куда более осмотрительны. Сказанное Врангелем поэтично и трогательно, но восторженная настроенность тогда ещё молодого и впечатлительного человека неизбежно мешает ему отражать жизненные реалии Достоевского и его избранницы...

А.Е. Врангель: «Сцену разлуки я никогда не забуду. Достоевский рыдал навзрыд, как ребёнок. Много лет спустя он напоминает мне об этом в своём письме от 31 марта 1865 года. Да! Памятный это был день. Мы поехали с Фёдором Михайловичем провожать Исаевых, выехали поздно вечером, чудною майскою ночью я взял Достоевского в свою линейку. Исаевы поместилась в открытую перекладную телегу – купить кибитку у них не было средств. Перед отъездом они заехали ко мне, на дорожку мы выпили шампанского. Желая доставить Достоевскому возможность на прощание поворковать с Марией Дмитриевной, я ещё у себя здорово накатал шампанским её муженька. Дорогою, по сибирскому обычаю, повторил; тут уж он был в полном моём распоряжении; немедленно я его забрал в свой экипаж, где он скоро и заснул как убитый. Федор Михайлович пересел к Марии Дмитриевне. Дорога была как укатанная, вокруг густой сосновый бор, мягкий лунный свет, воздух был какой-то сладкий и томный. Ехали, ехали... Но пришла пора и расстаться. Обнялись мои голубки, оба утирали глаза, а я перетаскивал пьяного, сонного Исаева и усаживал его в повозку; он немедленно же захрапел, по видимому, не сознавая ни времени, ни места. Паша тоже спал».³

«Слёзы катятся по щекам...»

А.Е. Врангель выступает, скорее, не в роли биографа, а как опытный беллетрист. Романтичный пейзаж, сладкий и томный воздух и «влюблённые голубки» - с одной стороны, а с другой – храпящий

пьяный муж, которому и дела нет до прелестной лунной ночи. Дабы создать нужное впечатление, Врангель не зря привлекает в свидетели даже красоты природы. Воспитанные на французских романах чувствительные дамские сердца, для коих и описал, возможно, свои сибирские впечатления барон Врангель, конечно же, были покорены...

А.Е. Врангель: «Дёрнули лошади, тронулся экипаж, поднялись клубы дорожной пыли, вот уже еле виднеется повозка и её седоки, затихает почтовый колокольчик... а Достоевский всё стоит как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слёзы катятся по щекам. Я подошёл, взял его руку – он как бы очнулся после долгого сна и, не говоря ни слова, сел со мною в экипаж. Мы вернулись к себе на рассвете. Достоевский не прилёг – всё шагал и шагал по комнате и что-то говорил сам с собою. Измученный душевной тревогой и бессонной ночью, он отправился в близлежащий лагерь на ученье. Вернувшись, лежал весь день, не ел, не пил и только нервно курил одну трубку за другой... Время взяло своё, и это болезненное отчаяние начало улегаться. С Кузнецком началась усиленная переписка, которая, однако, не всегда радовала Фёдора Михайловича. Он чуял что-то недоброе. К тому же в письмах были вечные жалобы на лишения, на свою болезнь, на неизлечимую болезнь мужа, на безотрадное будущее – всё это не могло не угнетать Фёдора Михайловича. Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень. Он даже бросил свои «Записки из Мёртвого дома», над которыми работал так недавно с таким увлечением».⁴

«Все письма её были переполнены жалобами...»

Итак, - романтический сюжет с душевными муками, метаниями и перепиской влюбленных. Тем не менее, Врангель называет связь Ф.М. с Исаевой злосчастной. «Злосчастность» определяется В. Далем как «злополучие». Но в чем – причина? Только ли в том, что влюбленность в М.Д. причиняла Достоевскому постоянные страдания – Врангель судит по добрым письмам последнего, - или имелось в виду, что счастье в браке с Исаевой оказалось недостижимым, о чем в пору воспоминаний Врангель уже знает?...

А.Е. Врангель: «После всего вышеизложенного читатель поймёт, что я не мог оставаться безучастным зрителем подавленности духа, причиненного Фёдору Михайловичу злосчастливым романом... Конечно, нужда материальная изводила его, а тут ещё из Кузнецка шли безотрадные вести, одна тревожнее другой. М.Д. Исаева, уехав в глушь с мужем, пьяным и вечно больным, томилась и скучала. Все письма её были переполнены жалобами на своё полное одиночество, на страшную потребность обменяться живым словом, отвести душу. В последующих письмах всё чаще и чаще ею стало упоминаться имя нового знакомого в Кузнецке, товарища мужа Марии Дмитриевны, симпатичного молодого учителя. С каждым письмом отзывы о нём становились всё восторженнее и восторженнее, восхвалялась его доброта, его привязанность и его высокая душа. Достоевский терзался ревностью; жутко было смотреть на его мрачное настроение, отражавшееся на его здоровье. Мне страшно стало жаль его, и я решил

устроить ему свидание с Марией Дмитриевной на полпути между Кузнецком и Семипалатинском в Змиеве, куда ещё недавно нас так радушно зазывал горный генерал Гернгросс»⁵

«Эта поездка осталась тайной...»

Второе определение связи Достоевского с Исаевой – «роман несчастный», что почти синонимично уже употребленному выше – «злосчастному». Может быть, Врангель опасается прослыть человеком, чуждым общепринятым нормам приличия, и поэтому оговаривается: пытался устраивать свидания замужней Исаевой с Достоевским лишь для того, чтобы их отношения прервались навсегда.

Согласимся: странный способ - вывести Исаеву по крайней мере на два дня из-под опеки мужа, пригласив её в Змиев для встречи с любовником! И всё это - чтобы опасной связи «положить конец». Не проще ли было добиться желаемого прекращением переписки?...

А.Е. Врангель: «Очень я рассчитывал также, что эта встреча и объяснение положат конец несчастному роману Достоевского. Но вот в чём была задача: как довести Фёдора Михайловича туда, за 160 вёрст от Семипалатинска, так, чтобы эта поездка осталась тайной. Как я уже говорил выше, начальство таких дальних поездок не разрешало. Губернатор и батальонный командир Фёдора Михайловича наотрез уж два раза отказали отпустить его со мною в Змиев. Ну, думаю, была не была. Открыл мой план Достоевскому. Он радостно ухватился за него; совсем ожил мой Фёдор Михайлович, больно уж влюблён был

бедняга. Немедля я написал в Кузнецк Марии Дмитриевне, убеждая её непременно приехать к назначенному дню в Змиев. В городе же распустил слух, что после припадка Фёдор Михайлович так слаб, что лежит. Дал знать и батальонному командиру Достоевского; говорю: «болен, бедняга, лежит, и лечит его военный врач Lamotte. А Lamotte, конечно, за нас, друг наш был, чудной, благородной души человек, поляк, студент бывшего Виленского университета, выслан был сюда на службу из-за политического какого-то дела».⁶

«Благословясь, двинулись в путь...»

Достоевский, как известно, в Змиев приехал. Но Мария Дмитриевна под разными предложениями от встречи уклонилась и на таинственное свидание не явилась. Как мы уже говорили - она была человеком «строгих рамок». Очевидно, ей показалось неприглядным при живом и притом больном муже мчаться к возлюбленному, на виду у всего Кузнецка и Змиева. И в то же время обездоленной и романтической женщине не могло не польстить, что ради неё два таких приметных лица, как Достоевский и Врангель, предприняли столь рискованное путешествие, обставленное всяческими заговорщицкими обстоятельствами!...

А.Е. Врангель: «Прислуге моей было приказано всем говорить, что Достоевский болен и лежит у нас. Велено никого не принимать. На счастье наше всё высшее начальство, начиная с военного губернатора, только что выехало в степи. Словом, всё благоприветствовало. Благословясь, двинулись в путь в 10 часов вечера. Можно сказать, не ехали, а вихрем неслись,

чего, по-видимому, совсем не замечал мой бедный Фёдор Михайлович; уверяя, что мы двигаемся черепашиным шагом, он то и дело понукал ямщиков. Миновав Локтевский завод, мы наутро были в Змиеве. Каково же было разочарование и отчаяние Достоевского, когда стало известно нам, что Мария Дмитриевна не приедет; вместо же неё Фёдору Михайловичу было передано письмо, в котором Мария Дмитриевна извещала, что мужу значительно хуже, отлучаться не может, да и приехать не на что, так как денег нет. Настроение Достоевского описывать не берусь: я только ломал себе голову, каким способом я его успокою. В тот же день мы поскакали обратно, и, отмахав 300 вёрст в 28 часов «по-сибирски», счастливо добрались домой, переоделись и, как ни в чём не бывало, пошли в гости. Так никто никогда в Семипалатинске и не узнал о нашей проделке».⁷

«Хирел и завядал мой Фёдор Михайлович...»

Роман стал походить на печальный водевиль: смертельно больной и обманутый муж, неверная жена, которая с радостью бы ринулась на назначенную встречу, кабы это можно было сделать совсем незаметно, - и влюбленный Ф.М., примчавшийся во весь дух вместе с высокопоставленным покровителем этой «злосчастной» любви аж за 300 вёрст.

Впечатлительная Исаева была, очевидно, потрясена. Похоже, такая форма любовной связи могла показаться ей несколько авантюрной, однако проза жизни её угнетала, равно как и слишком сильные изъяснения страстей.

И - не напоминало ли несостоявшееся свидание в Змиеве те скачки наперегонки, что предположительно устроил Вергунов по пути в Тверь за четой Достоевских всего четыре года спустя! Наверное, и тогда тоже ночи были лунными, и воздух упоительно томным...

А.Е. Врангель: «Казалось, и жизнь семипалатинская становилась как будто сноснее; но настроение это также внезапно, к сожалению, падало в те времена, как и приходило. Достаточно было невесёлой вести из Кузнецка – и всё пропало, хирел и завядал мой Фёдор Михайлович... После долгих просьб мне удалось, наконец, при посредстве военного губернатора, получить согласие батальонного командира на поездку Достоевского со мною в Змеиногорск, куда нас приглашал генерал Гернгросс. Это было недалеко от Кузнецка, и Фёдор Михайлович мечтал о возможности повидать Марию Дмитриевну, да и побывать в кругу образованных людей в Змеиногорске немало прельщало нас... Мы прогостили в Змиеве пять дней; согласно обычаю, нам отвели квартиру у богатого купца. Радушно встретило нас горное начальство; не знали уж, как нас и развлечь, - и обеды, и пикники, а вечером даже и танцы. У полковника Полетики, управляющего заводом, был хор музыкантов, организованный из служащих завода. Все были так непринуждённо веселы, просты и любезны, что и Достоевский повеселел, хотя М.Д. Исаева и на этот раз не приехала, - муж был очень плох в то время, но, впрочем, и письма даже Достоевскому она не прислала в Змиев. А Фёдор Михайлович был на этот раз франт хоть куда».⁸

«Письмо дышит самой трогательной заботливостью...»

Таким образом, Исаева от встречи с Достоевским опять уклонилась и даже не объяснила причины. Тайные контакты в романтическом духе – это, скорее, в характере Достоевского, нежели Исаевой. Выше мы приводили параллель между попытками Ф.М. «свидеться» с нею в Змиеве и укромными «стыковками» Исаевой и Вергунова по пути в Тверь – если таковые были.

Но странно, что Исаева, как уже сказано, от «подпольных» сношений с Достоевским отказалась наотрез, причем дважды, - то ли храня верность мужу, то ли подчиняясь условностям. Её поственчальные отношения с Вергуновым тоже ничем не доказаны, кроме как свидетельствами Любви Фёдоровны, пересказанными, очевидно, со слов Ф.М.

И тогда – не выдумал ли сам Достоевский встречи Исаевой с Вергуновым по типу планируемых некогда свиданий в Змиеве? Много позже, пытаясь обвинить ее в неверности, он мог приписывать ей поступки, которые были куда более свойственны ему, чем достаточно благоразумной Исаевой (вспомним её отказы от поездки в Змиев!). Не придумывались ли легенды о послесвадебных связях Вергунова с Исаевой лишь для того, чтобы оправдать перед Анной Григорьевной мотивы своих собственных измен «разлюбленной» М.Д...

Но вернёмся к воспоминаниям Врангеля. Он пишет: «Ещё в половине августа, находясь по делам службы в Бийске, я неожиданно получил

очень возбуждённое письмо от Достоевского. Он извещал меня о смерти Исаева. Всё письмо дышит самой трогательной заботливостью о Марии Дмитриевне».⁹

«Личность, как говорили, совершенно бесцветная...»

Нельзя не отметить, что не вовсе благовидные любовные истории (ухаживания за Исаевой у мужа на глазах, «нескромные приглашения» - в Змиев, в Змиев! – а много позже измены ей же) у Достоевского разворачиваются на виду у широкой публики. Свидетелей - предостаточно.

Исаева же, если и была ему неверна, то – блюла осторожность настолько, что прямых улик против нее никто, кроме Л.Ф., привести не может, так что в бесчестности и даже бесчестии куда легче обвинить самого Достоевского (вспомним, что Исаева, по его же рассказам Анне Григорьевне, ругала его «бесчестным каторжником»).

Потому что представления о «дозволенности» и «недозволенности» у Достоевского должны претерпеть хотя бы некоторые изменения в каторжную пору. Отсюда – подспудная готовность к рискованным поступкам (ведь там, там всё было можно и небеса не обрушивались!), но овеянным утонченным и романтичным флером.

В Достоевском боролись два человека: писатель-творец и сотоварищ преступных изгоев, - среди них он провел долгие годы, со всеми вытекающими отсюда ломками его нравственного мира. Назовем этого второго Ф.М. условно «каторжник».

Но все, что за этим таилось, - «подполья души», которые благонравный и мечтательный Врангель вряд ли мог заметить...

А.Е. Врангель: «Привязанность Достоевского к Исаевой всегда была велика, но теперь, когда она осталась одинока, Фёдор Михайлович считает прямо целью своей жизни попечение о ней и её сироте Паше... Ему хорошо было известно в то время, что Марии Дмитриевне нравится в Кузнецке молодой учитель Вергунов, товарищ её покойного мужа, личность, как говорили, совершенно бесцветная. Я его не знал и никогда не видал».¹⁰

Каков был Вергунов, как личность, мы писали подробно в «Загадках провинции» (1996)...

«Забывая о себе, он отдавал себя всецело заботам о счастье и спокойствии Исаевой...»

Итак, Врангель считает, что Достоевский только о том и думал, чтобы Исаевой было как можно «счастливее» и спокойнее. Но странны эти «заботы» - чего стоили попытки «заманить» её на свидание в Змиев при живом еще Исаеве (чреватые для М.Д. потерей честного имени)! Что до писем Достоевского к ней уже во время вдовства, то они лишь бередили её раны. Воистину, Врангель противоречит сам себе.

Он пишет: «Не чуждо, конечно, было Достоевскому и чувство ревности, а потому тем более нельзя не преклоняться перед благородством его души: забывая о себе, он отдавал себя всецело заботам о счастье и спокойствии Исаевой. А как тягостно было его состояние духа, удручённое желанием устроить Марию Дмитриевну, видно из его писем; например,

вот несколько строк из письма Достоевского к Майкову от 18 января 1856 года: «Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго медливший в моей жизни и наконец посетивший меня, увлѣк и поглотил меня совершенно. Я был счастлив, я не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня». Да и все письма ко мне Достоевского, после моего отъезда из Семипалатинска, в этот период его жизни переполнены тревогой о Марии Дмитриевне (письма эти помещаются ниже). Он доходил до полного отчаяния. 13 апреля 1856 года он пишет мне, в каком грустном, ужасном положении он находится; что если не получит от брата нужные для поездки в Кузнецк сто рублей, то это доведѣт его до «отчаяния». «Как знать, что случится». Надо полагать, он намекает на нечто трагическое, а что он допускал исход в подобных случаях трагический – возможно предполагать: не раз на эту тему бывали у нас с ним беседы, и в письме ко мне от 9 ноября 1856 года он говорит: «Тоска моя в последнее время о Вас возросла донельзя (я в последнее время сверх того был часто болен). Я и вообразил, что с Вами случилось что-нибудь трагическое, вроде того, о чём мы с Вами когда-то говорили». В письме ко мне от 13 апреля 1856 года он пишет: «Дела мои ужасно плохи, и я почти в отчаянии. Трудно перестрадать, сколько я выстрадал». В письме от 14 июля 1856 года: «Я как помешанный... теперь уже поздно». В письме от 21 июля: «Я трепещу, чтоб она не вышла замуж... Ей-богу – хоть в воду, хоть вино начать пить». «Если бы Вы знали, как я теперь нуждаюсь в Вашем сердце. Так бы и обнял Вас, и, может быть, легче бы мне

стало. Так невыносимо грустно. Я хоть и знаю, что если Вы не приедете в Сибирь, то конечно потому, что Вам гораздо выгоднее будет остаться в России, но поистине мой эгоизм: и сплю и вижу, чтоб поскорее увидеть Вас здесь. Вы мне нужны, так нужны!...». Какая высокая душа, незлобивая, чуждая всякой зависти была у Фёдора Михайловича, судите сами, читая его заботливые хлопоты о своём сопернике – учителе Вергунове». ¹¹

«На коленях готов за него просить...»

Врангель считает, будто у Достоевского «высокая и незлобивая душа» - и это закономерно: они близкие друзья. Во всяком случае, просьбы помочь Вергунову барон относит именно к самым чистым сторонам характера Достоевского.

Однако нельзя не учитывать иные вероятные мотивы подобных хлопот - о них мы писали выше. Ходатайства о более пристойном жалованье и чине для соперника можно ведь рассматривать и как «отступное»: сойдешь с моего пути - все получишь. Да и как забыть, что «высокая и незлобивая душа» много позже омрачит имя Вергунова на десятилетия вперёд, поскольку обвинит в тайных сношениях с Марией Дмитриевной после её замужества, - а по меркам той поры вот уж что было далеко не к чести обоим! И в этом поклепе некого больше подозревать, - как уже сказано, «тайная связь» никем и ничем не подкрепляется, кроме утверждений Л.Ф., а она могла слышать о том только от матери, а А.Г. – непосредственно от Достоевского, что и отразилось в книге его дочери.

Но Врангель, похоже, на всю жизнь останется под гипнозом возвышенности духа своего друга и старательно подбирает аргументы в пользу далеко не очевидного вывода: «В одном письме ко мне, о котором упоминает Орест Миллер в своём сборнике и которое затеряно, Достоевский пишет: «на коленях» готов за него (за учителя Вергунова) просить. Теперь он мне дороже брата родного, не грешно просить, он того стоит... Ради Бога, сделайте хоть что-нибудь – подумайте, и будьте мне братом родным». Много ли найдётся таких самоотверженных натур, забывающих себя для счастья другого»...¹²

«Она никогда не имела тайн от меня...»

Итак, Достоевский назван «самоотверженной натурой» из-за желания помочь Вергунову (впрочем, в тех условиях это означало, скорее, – «устранить соперника», или – рискнём покощунствовать! – «подкупить» его упорочением служебного положения, в обмен на отказ от притязаний на Исаеву).

Возвышенная натура, которая «забывала себя для счастья другого», то есть Вергунова, «осчастливит» былого претендента на руку и сердце М.Д. посмертно. Как именно – мы уже знаем, многие произведения великого писателя тому порука...

Однако Врангель пока о сём не ведаёт: «Но вот 21 декабря 1856 года Достоевский пишет мне: «Если не помешает одно обстоятельство, то я до масленицы женюсь, - Вы знаете на ком. Она же любит меня до сих пор... Она сама мне сказала: «Да». То, что я писал Вам об ней летом, слишком мало имело влияния на её привязанность ко мне. Она меня любит.

Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал Вам летом письмо моё. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности... Ещё летом по письмам её я знал это. Мне было всё открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если бы Вы знали, что такое эта женщина!». Так благополучно, наконец, завершился роман Достоевского, который захватил его всего, стоил ему бессонных ночей, тревоги, здоровья и денег, но... едва ли дал ему настоящее счастье».¹³

Смеем утверждать – связь сочинителя Достоевского с Исаевой, уже в её «загробии», длилась до конца его жизни, и её отражения в персонажах его романов с годами не меркли. Ну, - может, порой, трансформировались, в угоду юной и ревливой Анны Григорьевны...

П.П. Семенов-Тянь-Шанский

Стало быть, в мемуарах Врангеля брак Достоевского с Исаевой выглядит весьма романтично, хоть и настораживают его определения: «злосчастный роман», «несчастный роман», «роман, который... едва ли дал ему настоящее счастье».

Врангель молод и эмоционален, в отличие от другого свидетеля «грозного чувства», П.П. Семенова-Тянь-Шанского, тоже оставившего потомкам воспоминания о Достоевском. Они кажутся нам более взвешенными – чувствуется, что П. Семёнов очень осторожен в оценках, и, конечно же, о многом умалчивает.

Листаем страницы его записей: «В Копале я пробыл только один день и распростился с дорогим мне Абакумовым, которому был обязан своей интересной

поездкой в Кульджу, и после трехдневного непрерывного переезда по почтовому тракту вернулся в Семипалатинск, где остановился по-прежнему у радужного Демчинского, и на этот раз, пробыв у него дней пять, имел отраду проводить целые дни с Ф.М.Достоевским. Тут только для меня окончательно выяснилось всё его нравственное и материальное положение. Несмотря на относительную свободу, которой он уже пользовался, положение было бы всё же безотрадным, если бы не светлый луч, который судьба послала ему в его сердечных отношениях к Марье Дмитриевне Исаевой, в доме и обществе которой он находил себе ежедневное прибежище и самое тёплое участие».¹⁴

«Скоро они поняли друг друга и сошлись...»

П. Семёнов не скупится на похвалы Марье Дмитриевне. Что вполне понятно: Достоевский – человек известный и сообщать о нём или о его жене что-либо компрометирующее не подобает – общественное мнение не велит. Впрочем, возможно, Семёнов был прав, считая Исаеву самой образованной и интеллигентной дамой Семипалатинска: «Молодая ещё женщина (ей не было и тридцати лет), Исаева была женой человека достаточно образованного, имевшего хорошее служебное положение в Семипалатинске и скоро, по водворении Ф.М. Достоевского, ставшего к нему в приятельские отношения и гостеприимно принимавшего его в своём доме. Молодая жена Исаева, на которой он женился ещё во время своей службы в Астрахани, была астраханская уроженка, окончившая свой курс учения с успехом в Астраханской женской

гимназии, вследствие чего она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества. Но независимо от того, как отзывался о ней Ф.М. Достоевский, она была «хороший человек» в самом высоком значении этого слова. Сошлись они очень скоро. В своём браке она была несчастлива. Муж её был недурной человек, но неисправимый алкоголик, с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости. Поднять его нравственное состояние ей не удалось, и только заботы о своём ребёнке, которого она должна была ежедневно охранять от невменяемости отца, поддерживали её. И вдруг явился на её горизонте человек с такими высокими качествами души и с такими тонкими чувствами, как Ф.М. Достоевский. Понятно, как скоро они поняли друг друга и сошлись, какое тёплое участие она приняла в нём и какую отраду, какую новую жизнь, какой духовный подъём она нашла в ежедневных с ним беседах и каким и она в свою очередь служила для него ресурсом во время его безотрадного пребывания в не представлявшем никаких духовных интересов городе Семипалатинске».¹⁵

«Я познакомился с ней только из рассказов Достоевского...»

О «высоких качествах души» Достоевского мы еще не раз вспомним. В отношениях с Исаевой и даже с Вергуновым он именно такие качества, бывало, и проявлял, но – воплощались ли они в адекватных поступках?

Суждениям П. Семёнова о браке Достоевского с Исаевой придавать исключительное значение не

приходится уже потому, что М.Д. он не знал лично до побывки четы Достоевских в Барнауле, по пути в Семипалатинск. Столь же неубедительны его сведения о первом муже Исаевой. Так, он сообщает, что Александра Ивановича перевели в Кузнецк за «служебную непригодность», тогда как на самом деле всё обстояло иначе: уверившись в его раскаянии, власти предоставили ему должность, - как награду за «исправление».

Говорим мы это лишь затем, чтобы подчеркнуть: если П. Семёнов неточен в частности, не мог ли он ошибиться в главном, и супружество Достоевского с М.Д. несколько идеализировать?

Читаем дальше: «Во время моего первого проезда через Семипалатинск в августе 1856 года Исаевой уже там не было, и я познакомился с ней только из рассказов Достоевского. Она переехала на жительство в Кузнецк (Томской губернии), куда перевели её мужа за непригодность к исполнению служебных обязанностей в Семипалатинске. Между нею и Ф.М. Достоевским завязалась живая переписка, очень поддерживавшая настроение обоих. Но во время моего проезда через Семипалатинск осенью обстоятельства в отношениях обоих изменились. Исаева овдовела и хотя не в состоянии была вернуться в Семипалатинск, но Ф.М. Достоевский задумал о вступлении с ней в брак. Главным препятствием к тому была полная материальная необеспеченность их обоих, близкая к нищете».¹⁶

«Не вполне уверовал в силу своего могучего таланта...»

П. Семёнов сообщает, что они с Достоевским условились: писатель приедет к нему «гостить», а если

венчание состоится, то Достоевский навестит его вместе с женой.

Возможно, и была такая договорённость, однако – не осуществилась, хотя Семёнов убеждает читателя в обратном: целых две недели, де, Достоевский готовился к свадьбе в его доме, и потом, после кузнецкого бракосочетания, еще две недели новобрачные опять-таки проводят у него в гостях.

Сказанное Семёновым не нашло подтверждения. Но если он искажает действительность в нескольких местах своих воспоминаний, можно ли вполне доверять восторженной тональности в описании романа Достоевского с незнакомой Семёнову женщиной?

Читаем: «Ф.М. Достоевский имел, конечно, перед собой свои литературные труды, но ещё далеко не вполне уверовал в силу своего могучего таланта, а она по смерти мужа была совершенно подавлена нищетой. Во всяком случае, Ф.М. Достоевский сообщил мне все свои планы. Мы условились, что в самом начале зимы, после моего водворения в Барнауле, он приедет погостить ко мне и тут же решит свою участь окончательно, а в случае если переписка с ней будет иметь желаемый результат и средства позволят, то он поедет к ней в Кузнецк, вступит с ней в брак, приедет ко мне уже с ней и её ребенком в Барнаул, и, погостив у меня, вернётся на водворение в Семипалатинск, где и пробудет до своей полной амнистии».¹⁷

«Пробыл у меня недели две...»

Как уже сказано, всё, написанное П. Семёновым относительно бытования у него Достоевского до и

после свадьбы (что в сумме составляло якобы месяц), неверно.

Но – зачем понадобилось такое искажение фактов? Конечно же, не для того, чтобы подчеркнуть особую близость с известным в будущем писателем. Самому Семёнову впоследствии «славы хватало». Возможно, ему хотелось немного «облагообразить» для потомков «непрозрачность» некоторых моментов, касающихся венчания Достоевского.

Связь Марии Дмитриевны с Вергуновым и прочими мнимыми «женихами» на слуху не только в Кузнецке. Следовательно, её браку с Достоевским сопутствовал несколько скандальный «привкус».

Смягчить же мнение провинциалов о союзе, никак не вписывающемся в понятие благопристойности, к чему вскоре добавится ещё более «неблаговидное» событие – поспешный переезд Вергунова в Семипалатинск вслед за четой Достоевских, – нейтрализовать все это, хоть некоторым образом, можно было не просто положительными, но даже восхищенными отзывами о Марии Дмитриевне и ненавязчивым подчёркиванием авторитетности и весомости круга общения не только Достоевского, но и его жены.

И если уж сам Семёнов-Тян-Шанский, имя коего знала вся Россия, предоставил кров новобрачным на целый месяц, являясь гарантом благопристойности этой четы, то сомнения насчет приличий отпадают сами собой...

Таким образом, Семёнов, возможно, служит опорой памяти Достоевского – причём, заметим, как бы жертвует собственным авторитетом. Ибо искажение

фактов в его воспоминаниях легко «вычисляется».

Читаем дальше: «Этими предположениями и закончилось моё свидание с Фёдором Михайловичем и путешествие 1856 года, и я вернулся на зимовку в Барнаул в начале ноября 1856 года. В январе 1857 года я был обрадован приездом ко мне Ф.М. Достоевского. Списавшись заранее с той, которая окончательно решила соединить навсегда свою судьбу с его судьбой, он ехал в Кузнецк с тем, чтобы устроить там свою свадьбу до наступления Великого поста. Достоевский пробыл у меня недели две в необходимых приготовлениях к своей свадьбе. По нескольку часов в день мы проводили в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время не оконченных «Записок из Мёртвого дома», дополняемых устными рассказами».¹⁸

«Он должен был готовиться на всякие лишения...»

Но факты – лишь верхушка айсберга. Ради укрепления репутации Достоевского Семёнов мог поступиться некоторыми условностями и даже собственным реноме весьма точного фиксатора событий (ведь он - известный учёный). А «подправлять» имидж Достоевского, изрядно омраченный, не только критическими отзывами многих современников о его произведениях, а также, порой, довольно сомнительным образом жизни, действительно, было нелишне...

Но, оказав дружескую услугу Достоевскому, П. Семенов, увы, лишь ещё больше запутал историю «венца», которая и без того окутана туманом...

Раздел воспоминаний, посвященных собственно Достоевскому, Семёнов заканчивает так: «Болезненность осталась у него на всю жизнь. Тяжело было видеть его в припадках падучей болезни, повторяющихся в то время не только периодически, но даже довольно часто. Да и материальное положение его было самое тяжёлое, и, вступая в семейную жизнь, он должен был готовиться на всякие лишения и, можно сказать, на тяжёлую борьбу за существование. Я был счастлив тем, что мне первому привелось путём живого слова ободрить его своим глубоким убеждением, что в «Записках из Мёртвого дома» он уже имеет такой капитал, который обеспечит его от тяжкой нужды, а что всё остальное придёт скоро само собой. Оживлённый надеждой на лучшее будущее, Достоевский поехал в Кузнецк и через неделю возвратился ко мне с молодой женой и пасынком в самом лучшем настроении духа и, прогостив у меня ещё две недели, уехал в Семипалатинск».¹⁹

Воспоминания З.А. Сытиной

Воспоминания, которые пишутся «спустя жизнь», всегда несколько подлакированы. Если же они касаются поры ранней юности – и подавно. Ныне широко известен мемуарный очерк З.А. Сытиной, которая рассказывает о чете Достоевских в Семипалатинске, основываясь именно на детских впечатлениях.

Читаем: «Известный наш писатель Фёдор Михайлович Достоевский, отбыв установленный срок в Омском крепостном остроге, был определен на службу рядовым в 7-й линейный батальон, расположенный в городе Семипалатинске. Получив вскоре

первый чин прапорщика, он женился на вдове, Марье Дмитриевне Исаевой. Я в первый раз увидела Фёдора Михайловича, когда он с молодой женой приехал с визитом к моему отцу, Артемию Ивановичу Гейбовичу, который был его ротным командиром; мне было тогда десять лет».²⁰

«Часто вели с ним задушевные беседы...»

З.А. Сытина считала, что у сибирских знакомцев Достоевского должны были остаться о нём самые приятные воспоминания. Она полагала, что он в их памяти всегда выглядел «добрейшим высококонрастным человеком, хорошим семьянином и добрым, верным другом».

Разумеется, десятилетняя девочка не могла знать «до доньшка» о перипетиях, связанных с «кузнецким венцом», а посему нарисованный ею образ получился безупречным: «Глубоко сожалею, что нет давно в живых моих отца и матери, которые были очень дружны с Фёдором Михайловичем и Марией Дмитриевной и могли бы много рассказать о нём, так как знали его коротко и часто вели с ним задушевные беседы. Знакомство их продолжалось три года, и они расстались друзьями. Печатаемое ниже письмо Достоевского, посланное из Твери к моему отцу в город Аягуз, ныне Сергиополь, достаточно выясняет их тёплые, дружеские отношения. Сибирские друзья Достоевского и его сослуживцы большею частью умерли, оставшиеся же в живых, прочтя сообщаемое мною..., наверное, вспомнят своего бывшего товарища и сослуживца, этого добрейшего высококонрастного человека, хорошего семьянина и доброго, верного

друга. По крайней мере, таким был Достоевский в Сибири и таким мы все его помним».²¹

«Очень уважал и любил всё наше семейство...»

Вероятно, З.А. Сытина не знала о будущих изменах «хорошего семьянина» с А.П. Сусловой. Да её, возможно, это и не особенно волновало бы. Ведь мемуары пишутся, исходя из разных стимулов. Скромный обыватель, конечно, может оставить след в истории, подчеркнув близость с известной личностью.

О гениях плохо не говорят. О них принято рассказывать, в основном, в «некроложном» стиле: aut bene, aut nihil, что многие и делают. Тем более, если к вашему семейству такой необыкновенный человек был добр и ласков:

«Фёдор Михайлович, - сообщает Сытина, - очень уважал и любил всё наше семейство; особенным же вниманием и расположением его пользовались я и моя сестра, Лиза. Достоевские часто нас приглашали к себе, и мы бывали у них с отцом или матерью; иногда случалось, что заедут к нам Фёдор Михайлович или Марья Дмитриевна и увезут нас к себе. Мы очень любили бывать у Достоевских потому, что они были всегда очень добры и ласковы к нам, кормили нас всевозможными сладостями и дарили нам разные вещицы».²²

«Нас одолела страшная скука...»

С годами в общественное сознание как-то «вжилось» мнение, будто Исаева творчеству Достоевского лишь мешала, и от литературного «застоя» его

спасла, наконец, Анна Григорьевна. Выходило, что Исаева произведения Достоевского не понимала, а, может, и «ревновала» к ним, чувствуя, что это мир, куда ей путь заказан.

А вот З.А. Сытина упоминает об эпизоде, из которого следовало, что М.Д., если и не ценила профессиональную высоту Достоевского, то, во всяком случае, его писательское достоинство щадила.

Сытина вспоминает, что Достоевский как-то подсунил девочкам своих «Бедных людей» для прочтения, несомненно, рассчитывая на похвалы. Тщеславием Достоевский был наделен сполна и, очевидно, лестные отзывы даже от детей были ему безразличны.

Но сестрам прочитанное не понравилось. З.А. Сытина: «Придя домой, мы тотчас раскрыли книгу, и одна из нас начала читать вслух, а другая со вниманием слушать. Первой в этой книге была повесть «Бедные люди». Мы прочли страницу, другую, и нас одолела страшная скука! Бросив скучное занятие, мы заглянули в конец книги и, о радость! Там были стихи... Через несколько дней... Фёдор Михайлович и Марья Дмитриевна приехали за нами и увезли нас за город смотреть медведя. Когда мы возвращались оттуда, в самом хорошем настроении духа, Фёдор Михайлович спросил нас:

- Читали вы книгу, которую я дал вам?
- Как же, Фёдор Михайлович. Читали.
- Понравились вам «Бедные люди»? Расскажите мне, какое произвели на вас впечатление, когда читали их?

- Мы их вовсе не читали, Фёдор Михайлович, - отвечали мы на его вопрос, - начали было, да уж очень скучно показалось, так и бросили читать...

Всё это мы рассказывали с большим увлечением, перебивая одна другую, как вдруг заметили, что лицо у него сделалось бледное, печальное...

А Марья Дмитриевна засмеялась и говорит:

- Не огорчайся, Федечка, - они ещё дети, и понятно, что им больше нравятся стихи». ²³

«Личность в высшей степени честная, светлая...»

Таким образом, вовсе не исключено, что Исаева литературным трудом Достоевского интересовалась. Но, воспитанная на французских романах, писанных лёгким изящным пером, она вряд ли могла увлечься грустной чувствительностью «Бедных людей», так что, возможно, девочек вполне понимала. Конечно, она не придавала творчеству такое же значение, как сам Ф.М., которого выводит из себя даже детский нелестный отзыв. И поскольку М.Д. не умела высказывать нарочитые восторги в его адрес и гипертрофированно превозносить каждую его строку, то, похоже, ужиться с ним ей не просто.

Но понимала она его превосходно: поскольку Достоевский весьма охоч до похвал и так расстроился отзывом подростков, - сумела сгладить недоразумение, попытавшись объяснить их откровенность непониманием его произведения по молодости лет.

Наверное, с женщиной, вроде З.А. Сытиной, Достоевскому было бы легче. Она на восхищения не скупились: «Вообще для нас, сибиряков, Достоевский

личность в высшей степени честная, светлая; таким я его помню, так я о нём слышала от моих отца и матери, и, наверно, таким же его помнят все, знавшие его в Сибири». ²⁴

«Долго содержал... слепого старика-татарина...»

Достоевский, впрочем, как и все люди, - весьма «многоякий». Но – «честная личность» как-то плохо вяжется с «бесчестным каторжником», как во время вспышек гнева называла Ф.М. Мария Дмитриевна, грозя кулаком в сторону его портрета. И это не удивительно: розовые впечатления детства окутывают события и людей той поры волшебной дымкой добра и красоты.

Но ведь девочкам Сытиным «подспудный бес» - наследие, увезённое Достоевским из «Мёртвого Дома», - никогда не являл своего чудовищного лика. Тогда как Исаевой этот, возможно, ненавистный и самому Ф.М. «жилец» «подполья души» являл себя столь зримо, что она, по словам Анны Григорьевны, даже «чертей выгоняла»...

Сытина обо всём этом и ведать не ведает. Что не лишает её воспоминания исключительной значимости. Например, она сообщает, что Достоевскому и Марии Дмитриевне свойственна благотворительность: в Семипалатинске они содержали старика-татарина и помогали семейству нищего солдата Нововойского. Заметим, однако, что их «доброта» - как бы за чужой счёт. Ибо сам Достоевский с женою во многом «на содержании», то у брата, то у дяди, и почти постоянно – у Врангеля.

Причём, как мы помним, такие «вспомоществования» Ф.М. настойчиво умел просить у близких людей. Тому доказательство его многочисленные письма к разным лицам, в коих просьбам о деньгах уделено преимущественное внимание и место...

З.А. Сытина: «Я очень хорошо знаю, что Достоевский долго содержал в Семипалатинске слепого старика татарина с семейством, и я сама несколько раз ездила с Марьей Дмитриевной, когда она отвозила месячную провизию и деньги этому бедному слепому старику... Фёдор Михайлович и Марья Дмитриевна были очень любезны к обоим Нововойским, и я слышала от моей покойной матери, что Фёдор Михайлович много помогал им в материальном отношении».²⁵

«Она произвела на меня очень приятное впечатление...»

Потребность благотворительствовать и помогать слабым и нищим, судя по сказанному З.А. Сытиной, – возможно, это-то Исаеву и Достоевского объединяло. Ведь они, каждый в своем роде – «униженные и оскорбленные». Хотя порою кажется, что общего в них меньше, чем остро разнящего.

Два сильных человека редко уживаются друг с другом. А у Исаевой, также как у Достоевского – характер активный и наступательный. Исаева в болезни тяжела, но и Достоевский, если верить Н. Страхову, сразу после приступов эпилепсии – невменяем и даже невыносим. В обоих таилось нечто роковое, что их роднило и вместе с тем отталкивало, как не может быть притяжения между

полюсами с одинаковым зарядом.

Именно поэтому, наверное, их отношения трудно поддаются (если – вообще поддаются!) расшифровке, особенно сегодня, когда у всех нас так изменилось восприятие и оценка жизненных реалий и связей между людьми...

Н. Страхов: «Наружность его (Достоевского, - авт.) я живо помню; он носил тогда одни усы и, несмотря на огромный лоб и прекрасные глаза, имел вид совершенно солдатский, то есть простонародные черты лица. Помню также, как я в первый раз увидел, почти мельком, его первую жену, Марью Дмитриевну; она произвела на меня очень приятное впечатление бледностию и нежными чертами своего лица. Хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположение к болезни, которая свела её в могилу... Когда с Фёдором Михайловичем случился припадок падучей, он, опомнившись, находился сперва в невыносимо тяжелом настроении. Всё его раздражало и пугало, и он тяготился присутствием самых близких людей. Тогда брат его или жена посылали за мной – со мной ему было легко, и он понемножку оправлялся».²⁶

«В высшей степени болезненная и нервно-расстроенная женщина...»

Думается, что первый брак Достоевского походил более всего на союз существ, исковерканных обстоятельствами, недугами и нищетой. Все это – тяжёлое нравственное испытание, чем-то сродни каторге. Оба подверглись ярко выраженному многолетнему психическому «сдвигу». Может быть, поэтому чета

Достоевских не всегда производила на окружающих благоприятное впечатление.

Из воспоминаний Н.Фон-Фохта: «Он (то есть Достоевский, - авт.) в то время жил на углу Столярного переулка и Средней Мещанской, вместе с своим пасынком П.Исаевым, на матери которого, вдове Исаевой, Фёдор Михайлович женился ещё в бытность свою в Сибири, но которая уже умерла незадолго до моего знакомства с Достоевским. Эту первую супругу нашего знаменитого писателя я видел только один раз в Москве, у Ивановых, и она на меня произвела впечатление в высшей степени болезненной и нервно-расстроенной женщины».²⁷

В довольстве и счастье некоторая экзальтированность красит любую женщину, и тогда это считается восторженностью. В болезни и беде – то же самое аттестуется как нервное расстройство...

«Женщина души самой возвышенной и восторженной...»

В отношении к памяти первой жены Достоевский как бы раздваивается. С одной стороны, передаёт Анне Григорьевне сомнительные и, возможно, никакой основы под собой не имеющие сведения об изменах Исаевой с Вергуновым. С другой – ставит Исаеву в пример как возвышенную и восторженную натуру, стремящуюся к чистоте и идеалу. Нечто более разительное и контрастное вообразить трудно.

Заметим: разноречивость суждений возникает уже после смерти М.Д. Допустима, конечно, такая трактовка: «на публике» он Исаеву хвалит, а в интимных разговорах, в семейном кругу, сообщает о

её мнимых пороках, пытаюсь утишить неприязненное чувство А.Г. к усопшей. Так что в Достоевском как бы уживались одновременно две «подноготные». Которой из них верить?

Из воспоминаний В.В. Тимофеевой черпаем рассказ, из коего явствует, что Достоевский первой женой явно гордился и восхищался. Воистину, - так изощрённо запутывать и современников, и потомков мог лишь настоящий Сочинитель, который придумывает художественные коллизии не только для книг, но и насыщает ими реальные жизненные ситуации, преображая их до неузнаваемости.

Читаем:

«- А знаете, какой я вам (то есть Достоевский – Тимофеевой, - авт.) сейчас скажу комплимент? Уж наверное вы такого ни от кого не слышали. – И, помолчав, он прибавил: - Вы мне чрезвычайно напоминаете мою первую жену. Я ведь женат вторично, и от второй жены у меня уже двое детей. А впервые я женился ещё в Сибири. И первая жена – вы и лицом, и фигурой удивительно на неё похожи, - она, бедная, умерла от чахотки.

(Об этом сходстве он уже говорил при мне как-то Страхову: «Не правда ли, она ужасно похожа на Марью Дмитриевну?». Я не поняла тогда, кто это Марья Дмитриевна, но и Страхов тогда подтвердил: «Да. Пожалуй... несколько напоминает»).

- Комплимент вам тут, конечно, не потому, что это была жена моя, - продолжал Фёдор Михайлович, - что же это за комплимент! – а потому, что

была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова – да! – и чиста, и наивна притом была совсем как ребёнок. Хотя, когда я женился на ней, у неё был уже сын. Я женился уже на вдове. Ну, что же, вы довольны моим комплиментом? – закончил он тоном шутки.

- Очень довольна, Фёдор Михайлович, только боюсь...

- Чего вы боитесь?

- Что вы во мне ошибаетесь, и я недостойна такого сравнения. Я не всегда такая.

- А вы будьте всегда, - внушительно, строго сказал он. – стремитесь всегда к самому высшему идеалу! Разжигайте это стремление в себе, как костёр! Чтобы всегда пылал душевный огонь, никогда чтобы не погасал! Никогда!»²⁸

Но разве не именно вечно пылающий «душевный огонь» в конце концов отторгает Достоевского от Исаевой и очень недолго уже аттестуется как «фантастический характер», а отсюда до «психического расстройства» - один шаг...

«Многоречивый» комплимент

Итак, по определению Достоевского, Исаева была возвышенной натурой, причём «сгорала в огне своей восторженности». И всё бы ничего, кабы это ее изумительное свойство не отразилось в его творчестве весьма жестоким для Исаевой образом. Как мы уже упоминали, Достоевский по

крайней мере в двух романах писал о «восторженной чахоточной идиотке», - её оспаривают сразу два соперника. «Идиотка» - очевидно, намёк на экзальтированность Исаевой, которой она была одержима отнюдь не только в последние годы жизни и чем некогда так восхищался Ф.М...

Но в подаче для Анны Григорьевны – экзальтация трансформируется в безумие, а отсюда – «идиотка». Причём уместно вспомнить, что «идиот» в лексиконе Достоевского отнюдь не обозначает глупца или безумную личность. Ведь Князь Мышкин, Князь Христос, - «идиот». Он – «не как все», и потому странен, но автор любит своего героя.

Не могло ли стать, что «идиотки», во многом списанные с Исаевой, на поверку – праведницы, достойные почитания. А для не обладавшей слишком утончённым складом души Нюточки Сниткиной «идиотка» - ругательное слово, и это ее вполне успокаивает.

Таким образом, перед нами – красноречивое доказательство, почерпнутое в воспоминаниях Тимофеевой, из коего следует, что «чахоточная восторженная идиотка» - это завуалированное определение, относящееся в романах Достоевского именно к Исаевой.

И тогда один из претендентов на руку «идиотки» - сам Достоевский? Похоже, что так.

О, если б знала В.В. Тимофеева, какой сумрачный контекст содержался в «комплименте», приготовленном для неё Достоевским...

Примечания к четвертой главе

¹ (с.302) - *Врангель А.Е.* Из «Воспоминаний о Ф.М. Достоевском в Сибири» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. - М.: Худож. лит., 1990. - (Сер. лит. мемуаров). - Т.1. - С. 357.

² (с.303) - Там же.

³ (с.304) - Там же.

⁴ (с.305) - Там же. - С. 357-358.

⁵ (с.307) - Там же. - С. 358-360.

⁶ (с.308) - Там же. - С. 360.

⁷ (с.309) - Там же. - С. 360-361.

⁸ (с.310) - Там же. - С. 361-364.

⁹ (с.312) - Там же. - С. 365-366.

¹⁰ (с.313) - Там же. - С. 366.

¹¹ (с.315) - Там же. - С. 366-367.

¹² (с.316) - Там же. - С. 367.

¹³ (с.317) - Там же.

¹⁴ (с.318) - Там же. - С. 308.

¹⁵ (с.319) - Там же. - С. 308-309.

¹⁶ (с.320) - Там же. - С. 309.

¹⁷ (с.321) - Там же. - С. 309-310.

¹⁸ (с.323) - Там же. - С. 310.

¹⁹ (с.324) - Там же. - С. 310-311.

²⁰ (с.325) - Там же. - С. 369.

²¹ (с.326) - Там же.

²² (с.326) - Там же. - С. 369-370.

²³ (с.328) - Там же. - С. 370-371.

²⁴ (с.329) - Там же. - С. 373.

²⁵ (с.330) - Там же. - С. 372-373.

²⁶ (с.331) - Там же. - С. 377, 423.

²⁷ (с.332) - Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. - Т.1. - М.: Худож. лит., 1990. - С. 59-60.

²⁸ (с.334) - Там же. - С. 161.

Глава пятая

ПОТОМКИ

Валентин Булгаков

Прочитанные выше воспоминания, касающиеся брака Достоевского с М.Д. Исаевой, весьма сдержанны. Оно и понятно: очевидцы и современники, хотя и знали немало «подноготного», однако считались с приличиями или руководились иными мотивами, и потому «вспоминали» с оглядкой на общественное мнение и на здравствующих родственников покойного Достоевского. Куда менее осторожны Анны Григорьевна и Любовь Фёдоровна.

Но прошли годы и десятилетия - эра свидетелей сменяется охочими до истины потомками, которые лично с Ф.М. Достоевским знакомы не были, но тоже хотели высказать своё суждение о его личности. Новые исследователи стремятся выказать беспристрастность, чего у прижизненных друзей и недругов Достоевского не наблюдается. Один из первых обратил внимание на «кузнецкий венец» именно в исследовательском, а не в мемуарном плане Валентин Фёдорович Булгаков (последний секретарь Льва Толстого). Будучи ещё очень молодым человеком, он публикует в 1904 году статью под названием «Ф.М. Достоевский в Кузнецке». Начинается она так: «В этом маленьком городке Томской губернии Ф.М. провёл всего лишь несколько недель, но здесь совершилось важное событие в его жизни, именно женитьба на Марии Дмитриевне Исаевой. Нынешним летом мне удалось собрать в Кузнецке кое-какие сведения о самом писателе, а также о его невесте. Я пользовался при этом воспоминаниями некоторых старожил и, кроме того, в архиве церкви,

Но там, где, казалось бы, кончается строгое научное исследование, начинается свободное и одухотворенное искусство духовного видения; там, где отказывает палеография, должна стать пригодной психология, логически обоснованные вероятности которой часто стоят больше, чем голая истина актов и фактов.

Стефан Цвейг

где происходило венчание, нашел интересный документ – «выпись» из так называемого «брачного обыска». Полагая, что для всех, кому дорого имя покойного Ф.М., будет не безынтересно познакомиться с лишней страничкой из его жизни, я решил собранные материалы предать печати».¹

«Без всяких средств к жизни...»

В книжке «Загадки провинции» подробно рассказано о пропаже «Обыска брачного», на который ссылался Булгаков, держа в руках лишь копию с него. Некоторые новые сведения относительно сего загадочного факта мы приводили также немногим выше. Очевидно, и сам Булгаков интересовался таинственным исчезновением документа, раз он в своей статье нарочито делает акцент на «затерявшейся неизвестно где» бумаге. Читаем дальше: «С М.Д. Исаевой Ф.М. познакомился ещё в Семипалатинске, когда, отбыв срок каторжных работ и прослужив четыре года солдатом в тамошнем Сибирском линейном №7 батальоне, он был, наконец, сделан прапорщиком. Муж Исаевой был чиновником особых поручений при каком-то важном лице. Он в то время вёл безобразную жизнь, злоупотребляя спиртными напитками. Переведённый вскоре в Кузнецк корчемным заседателем, Исаев скончался здесь в мучениях, оставив жену и двух малолетних детей без всяких средств к жизни».²

Нельзя не напомнить читателю, что в ряде публикаций ошибочно упоминалось о двух детях Исаевой – на самом деле на руках у неё был один Паша...

«Он, говорят, был равнодушен к М.Д.»

Булгаков в своей статье ссылается на текст «выписи» брачного обыска и на свидетельства Т.М. Темезевой и Д. Окорокова. Полагаем, однако, что он был также знаком и с некоторыми письмами Ф.М., или воспоминаниями о нём, «некузнецкого» происхождения. Обилие точных фактов, изложенных у Булгакова, наталкивает на мысль, что он знал куда больше, чем решился опубликовать в печати. Впрочем, уже то, что Булгаков рискнул в маленьком очерке несколько раз упомянуть имя Вергунова, замечательно... Булгаков: «Ф.М., извещённый о смерти Исаева, немедленно выслал Марье Дмитриевне значительную сумму денег, которую, говорят, сам достал с трудом. Тогда же он начал хлопотать о приёме её старшего сына (другого вообще не было, - авт.) на казённый счёт в учебное заведение. Много помогала Исаевой жена местного исправника, богача и хлебосола, Анна Николаевна Катанаева. Она ценила в М.Д. её воспитанность, ум и высокую образованность. Большой поддержкой являлись для семейства Исаевых деньги, которые М.Д. зарабатывала частными уроками. Между прочим, она преподавала французский язык учителю местного приходского училища Вергунову. Он, говорят, был равнодушен к М.Д. и, так же как и Достоевский, всеми средствами старался облегчить её тяжёлое положение. Известно даже, что Ф.М. ревновал М.Д. к Вергунову, но потом вполне убедившись, что она его любит, взял отпуск и поехал из Семипалатинска в Кузнецк. Здесь он остановился у Исаевых,

которые в то время квартировали в небольшом домике портного Дмитриева. Домик этот, изображённый на прилагаемом рисунке, помещается на Полицейской улице, три года тому назад переименованной, впрочем, в улицу Достоевского. Он состоит из двух маленьких комнат, коридорчика, передней и кухни. Недавно обшили его тёсом».³

«Дамы были все разнаряжены...»

Булгаков, по понятным причинам, в оценках сдержан. Вернее – у него мы не найдем их вовсе: ни одобрительных, ни хулильных. К пристрастным выводам склонны лишь родственники, знакомые, либо исследователи более поздней поры, сопоставляющие множество источников «постфактум». Когда же память о писателе ещё, что называется, «не остыла», приходится быть очень осторожным... Булгаков: «Брак был решен. Но требовались издержки, а между тем средства как жениха, так и невесты были крайне ограничены. Начались соображения, откуда достать денег. Тут явилась на помощь опять А.Н. Катанаева; она упростила бракосочетающихся все труды и хлопоты по устройству свадьбы предоставить ей. Весть о том, что на Исаевой женится какой-то приезжий офицер-писатель и что свадьбу эту устраивает Катанаева, быстро облетела весь город, так что 6 февраля 1857 года, в день, назначенный для бракосочетания, Одигитриевская церковь оказалась наполненной народом. В самом деле, благодаря участию Катанаевой, свадьба вышла весьма пышная. Вот что рассказывает Т.М. Темезева, которая присутствовала в церкви. «За народом едва можно было протолкаться вперёд... Конечно,

присутствовало в церкви и всё лучшее кузнецкое общество – Анна Николаевна всех пригласила. Дамы были все разнаряжены... В церкви – полное освещение. Сначала, как водится, приехал жених. Конечно, внимание всех на него обратилось. И я смотрю с любопытством, хоть мне и было только лет 16, но я слышала, что он не простой человек – писатель... Он, помню, был уже не молодой, лет тридцати восьми, довольно высокий, выше, пожалуй, среднего роста... Лицо имел серьезное. Одет он был в военную форму, хорошо, и вообще был мужчина видный. Жениха сопровождали два шафера: учитель Вергунов и чиновник таможенного ведомства Сапожников. Скоро прибыла и невеста, также с двумя шаферами, один из них был сам исправник Иван Миронович Катанаев. Худенькая, стройная и высокая, Марья Дмитриевна одета была очень нарядно и красиво, - хотя и вдовушка... Венчал священник о. Евгений Тюменцев в сослужении с дьяконом (по «брачному обыску» - о. Петром Углянским). Были и певчие. После совершения таинства молодые и гости отправились на вечер в дом, кажется, Катанаевых. Я не была там...». Почти то же сообщил о свадьбе другой очевидец, Д.И. Окорочков».⁴

«Он всегда бывал в очень весёлом расположении духа...»

Булгаков просто описывает некое красочное действие, каким свадьба всегда слыла в народе. Он не ведает ни о «грозном чувстве», ни о баталиях Достоевского во завоевание Исаевой, не знает и о позднейших признаниях его, что брак был несчастным. А уж увидеть Исаеву в прототипах героинь, описанных,

порой, с нескрываемым раздражением, а, случалось, даже ругательно, ему и в голову не приходит... Булгаков: «Он (то есть Окоороков, - *авт.*) был лично знаком с Ф.М. и часто встречался с ним на вечерах, которые устраивались ещё до свадьбы у Катанаевых. Д. присутствовал на них вместе с невестой. По словам Окоорокова, он всегда бывал в очень весёлом расположении духа, шутил, смеялся. Это сообщение должно для нас быть особенно интересным. Как известно, Ф.М. отличался характером необщительным, даже мрачным».⁵

«Чувствовал себя если не счастливым, то удовлетворённым более или менее...»

И всё же – Булгаков, очевидно, о многом слышан. Как иначе толковать его слова, что Достоевский в Кузнецке «чувствовал себя если не счастливым, то удовлетворённым более или менее». Булгаков сомневается, что в Кузнецке Достоевский вполне счастлив? Любой ценитель творчества Достоевского той поры написал бы прямо: «На свадьбе был счастлив». Булгаков же однозначной оценки избегает. Не потому ли, что знает о некоем «облачке» - о том самом, о котором сообщала Любовь Фёдоровна в своей книге? Он явно что-то утаивает. Щадит память писателя?... Булгаков: «Очевидно, здесь, в Кузнецке, под влиянием близости любимого существа, вдали от служебных обязанностей, от места неприятных, тяжёлых воспоминаний, Ф.М. чувствовал себя если не вполне счастливым, то удовлетворённым более или менее. Этим и можно объяснить его хорошее расположение духа, о котором говорит и на котором, нужно прибавить,

прямо настаивает Окоороков. Когда устраивались карты, Ф.М. не отказывался принимать участия, случалось ему, как другим, выигрывать и проигрывать, сам Окоороков не раз играл с ним. Нередко видели Ф.М. в его военном плаще, гуляющим по улицам города вместе с Марией Дмитриевной».⁶

Несомненно, Булгаков приводит это важное свидетельство ещё и для подтверждения торжества Достоевского, победившего соперника – пышная свадьба состоялась!

«Прислал в подарок свою автобиографию...»

Окоороков – церковнослужитель, но открыто признаётся, что играл в карты. К слову сказать, в начале века в томских газетах появлялись публикации, осуждающие фривольное поведение некоторых иереев. Если, например, священник имел отношение к постановке спектаклей, допустим, по пьесам Островского, сразу же начиналось консисторское разбирательство (примеры см. в книге «Загадки провинции»). А тут - Окоороков «гуляет» на свадьбе (да и с Тюменцевым Достоевский пивал отнюдь не только чай и кофе!). Прослеживающаяся в статье Булгакова как бы апология вольного образа жизни представителей сословия, славящегося особым консерватизмом, должна была неизбежно вызвать резонанс. Надо полагать, связь священнослужителей с бывшим каторжником тоже, наверное, не все одобряли.

Между тем, Булгаков пишет, что Достоевский отцу Евгению Тюменцеву «прислал в подарок автобиографию». По сей день неясно, что это за «автобиография». Впрочем, не подразумевались ли вообще под

«автобиографией» вполне автобиографические «Записки из Мёртвого дома», напрямую связанные с Сибирью?... Булгаков: «Посещал он (то есть Достоевский, - *авт.*) часто венчавшего его священника о.Евгения Тюменцева, которому после прислал в подарок свою автобиографию. В этих посещениях знакомых, прогулках, вечерах, картах проходило время, срок отпуска, данного Д-му, истекал. Скоро он, вместе с женою, действительно покинул Кузнецк. Перед самым отъездом была на могилу Исаева, где стоял лишь деревянный крест, положена чугунная плита, изготовленная по распоряжению М.Д. Я был на местном кладбище, отыскал могилу и прочёл эпитафию. Мне кажется, едва ли Ф.М. и его жена предпринимали что-нибудь тогда, не посоветовавшись предварительно, а если так, то мы имеем основание предполагать, что Ф.М. участвовал в составлении этой эпитафии или, по крайней мере, видел и одобрил её. Она не длинная, и я позволю себе её привести: «Аз есмь воскресение и живот, веруй в Мя имать живот вечный». Здесь покоится тело Александра Ивановича Исаева. Он умер 4 августа 1855 года».⁷

«Аз есмь воскресение и живот...»

Большевики, как известно, снесли кладбище, на котором находились могилы помнивших Ф.М. людей, очевидцев его бракосочетания, уничтожили и упомянутое надгробие с надписью в церковно-славянском стиле, выбранной, по версии Булгакова, возможно, самим Достоевским. Между тем, из воспоминаний Врангеля, как уже было сказано, мы узнаем, что Достоевский «попов, особенно сибирских», не терпел и

к обрядам в храмах относился отнюдь не ревностно. Однако в Кузнецке его поведение несколько изменяется. Он общается с местными церковно- и священнослужителями (Огороков, Тюменцев), исправно посещает богослужения и даже выбирает для Исаева вполне каноническую эпитафию. И всё это – чтобы расположить к себе отца Евгения, покрывающего подлог «обыска брачного»?...

Д.А. Поникаровский

Одновременно с Булгаковым обращается к теме бракосочетания Достоевского с Исаевой довольно известный в Кузнецке чиновник и краевед Дмитрий Алексеевич Поникаровский, связанный с императорским Географическим Обществом. В своем «Историческо-географическо-статистическом описании г. Кузнецка» он упоминает о «проживании» Достоевского в этом городе, относя его почему-то к 1858 году. Работа Поникаровского написана в 1904 году - вероятно, до того, как в томской газете появилась статья Булгакова (опровергающая упомянутую ошибку в дате). Для Поникаровского пребывание Достоевского в Кузнецке – только эпизод, причём довольно малозначительный, о нём автор поминает лишь вскользь – возможно, впечатленный недавним переименованием улицы Полицейской, где жила Исаева, в Достоевскую в 1901 году, или зная об интересе Географического Общества к сибирскому периоду биографии великого писателя (подробнее см. «Загадки Провинции», 1996). Такое внимание могло быть стимулировано и географом П. Семёновым-Тян-Шанским, ещё здравствующим в ту пору видным учёным,

лично знакомым с Достоевским. Особо примечательно, что к Достоевскому проявляет заинтересованность именно «географическое» сообщество (напомним: ведь копия «обыска брачного» в том же 1904 году затребована не откуда-нибудь, а из Семипалатинского подотдела ИРГО)...⁸

Кузнецкий совдеп

После октябрьского переворота новая власть пыталась записать Достоевского себе в «союзники», даже вопреки известному мнению Горького, что роман «Бесы» был самой злой пародией на революционное движение. Социальный статус Достоевского сибирской поры (ссылный, «простой» солдат), а также постоянно испытываемые писателем материальные затруднения могли быть использованы Советами и их идеологами «в нужном свете». Однако для канонизации Достоевского не пришло еще время и, как уже сказано, оценки Горького этому мешали. Автор «Буревестника» никому не хотел уступать литературного олимпа, - хотя бы и Достоевскому.

Началась соответствующая пропагандистская кампания, призванная нести Достоевского в массы «как надо», то есть как велит партия. Изучение его творчества и биографии продолжалось под другим углом зрения, но нельзя не признать, что двадцатые годы по сравнению с дореволюционными в достоевсковедении во многом оказались «прорывными». До революции каторжное прошлое известного писателя прощали ему, наверное, не все. Хотя – Достоевским в первые годы соввласти занимались именно те исследователи, которые были увлечены им еще

до переворота. Например – семипалатинский священник Б.Г. Герасимов (о нём – ниже).

На сибирском уровне новые веяния проявлялись весьма своеобразно. Петроградское издание «Грядущее» в 1918 году сообщило о выделении Наркомпросом Совдепу Кузнецка 3000 рублей на памятник Ф.М. Достоевскому. Мотив понятен: если уж при царе Полицейскую улицу переименовали в Достоевскую, то при Советах, конечно, бывшему каторжнику следовало ставить монумент, - не иначе. Но, несмотря на выделенные субсидии, из этой затеи ничего не получилось. Что при желании можно объяснить и обстоятельствами гражданской войны. Так, красные партизаны (роговцы) по отношению к местам пребывания Достоевского в Кузнецке повели себя варварски: Одигитриевскую церковь, где проходило венчание, спалили, а на кладбище, где похоронены были свидетели «кузнецкого венца», да и сам А.И. Исаев, прототип героя «Вечного мужа», устроили погром и перевернули плиты тыльной стороной вверх.

После гражданской «эйфория» угасла – о памятнике Достоевскому просто забыли...⁹

Андрей Кручина

Тем не менее, оживление в исследовательской среде - явное. Замечены были творческие поиски Л.П. Гроссмана, опубликованы воспоминания Л.Ф. Достоевской (правда, в сокращённом виде), увидели свет и свидетельства Анны Григорьевны.

В Сибири двадцатые годы прошли под знаком кропотливых изысканий Бориса Герасимова (бывшего священника). Известен также очерк журналиста

«Советской Сибири» Андрея Кручины «В глухом углу, в Кузнецке», в котором он (возможно, со слов местного краеведа Дмитрия Ярославцева) сообщает о запущенном состоянии памятников города, связанных с Достоевским, и требует «подумать о них», сопровождая всё это удивительным комментарием - Достоевский, де, прожил в Кузнецке аж пять лет: «Одноэтажный, потемневший от времени, продолговатый кряжистый домик. Слегка покосился, но долго ещё проживёт... Лиственный дом, крепко сработан, по-сибирски. В этом доме жил Фёдор Михайлович Достоевский. Сейчас в нём живёт внучка петрашевца – Михаила Дмитриевича Дмитриева. Дмитриев был старый знакомый Достоевского, и когда последний приехал в Кузнецк – предоставил ему комнату в своём доме. Вскоре Достоевский женился и снял себе квартиру в доме Вагина по Картаасской ул., в которой прожил пять лет. Дом Вагина сгорел, и на его месте теперь цветёт чей-то огород. Дом петрашевца Дмитриева находится на ул. Достоевского под №23. Раньше улица называлась Большой Береговой. Наименованием улицы в честь писателя только и отмечено пребывание Достоевского в Кузнецке. И узнать, что именно в доме Дмитриева жил писатель Достоевский, можно только от таких старожилов, как Ярославцев. Остальных жителей это, по видимому, не интересует. Охраной памятников старины здесь вообще не интересуются. Следовало бы, конечно, этот домик купить на средства государства, открыть в нём библиотеку имени писателя и т.п. или, по крайней мере, хоть доску медную прибить к дому с указанием, что здесь жил Достоевский. Подумать об этом некому! Не то, что некому, а вернее лень, столь

свойственная всему и во всём в жизни Кузнецка, этой поистине захолустной дыре».¹⁰

А. Кашина-Евреинова

Таким образом, в Сибири о романе Достоевского с Исаевой как бы забыли – работы Герасимова и Булгакова не на слуху, а столичные издания доходят до провинции с трудом. Вероятно, книгу Л. Достоевской, вышедшую за год до появления статьи Кручины, тот не читал. Возможно, именно поверхностность суждений Кручины и некоторых других подвигла Герасимова (и не только его) вновь обратиться к теме «Достоевский в Кузнецке» на страницах альманаха «Сибирские Огни» (о чём ниже). В Петрограде же все находятся под впечатлением перевода с немецкого сенсационных откровений Любови Фёдоровны, в связи с чем, конечно же, в самых разных трактовках мелькает имя Исаевой. Своеобразной, не вовсе благосклонной реакцией на эту публикацию была брошюра А. Кашиной-Евреиновой «Подполье гения: сексуальные источники творчества Достоевского» (Петроград, 1923). Отношения писателя с Исаевой излагаются автором с явной оглядкой на психоанализ по Фрейдю. Кашина пишет: «Психические недуги прекращаются у Достоевского ещё, может быть, потому, что сразу по выходе из каторги он сходится со своей будущей женой – Марией Дмитриевной, которую его дочь характеризует, как женщину «восточных страстей», в жилках которой бурлила кровь её предков – страстных мамелюков. Что это были за страсти, что за любовь – мы можем только догадываться».¹¹

**«Завела, помимо претендентов на её руку,
любownika...»**

Конечно, «психические недуги» Достоевского отнюдь не прекратились с женитьбой на Исаевой – в этом Кашина ошибается. Однако её работа выгодно отличается от книги Л.Ф. Достоевской тем, что она считает мотивы и психологию первого брака писателя неразгаданной загадкой, тогда как Любовь Фёдоровна свои выводы делает, напротив, категорично. Иными словами – Кашина более деликатна, хотя и вторгается в область весьма интимную. Продолжим чтение: «Связь длилась с 1854 по 1857 год. Мария Дмитриевна успела за это время овдоветь, собраться замуж за Достоевского, потом переменить решение, чуть не выйдя за другого, тем временем завела, помимо претендентов на её руку, любownika (домашнего учителя из Кузнецка) и, наконец, сочеталась браком с Достоевским в феврале 1857г.»¹²

«Провела ночь со своим любownika...»

А. Кашина не ограничивается использованием «кастрированного» (обрубленного наполовину) изложения книги Любоми Фёдоровны на русский язык, осуществленного в 1922г., и прибегает к подлинному немецкому изданию, причём её перевод соответствующих «параллельных» фраз, касающихся Исаевой, представляется нам в отдельных местах вопиюще неверным. Читаем: «Если судить по свидетельству Любоми (Aimee) Достоевской, то (Исаева, - авт.) это какой-то дьявол в юбке. Достаточно указать, как она невестой проводит вечер накануне свадьбы: Am Vorabend ihrer Hochzeit hatte

M.D. die Nacht bei ihrem Liebhaber einem, kleinem Hauslehrer, zugebracht (Вечером перед свадьбой М.Д. провела ночь со своим любownika, маленьким домашним учителем)».¹³

«Нападала на него, не имея сил сдержаться...»

А. Кашина «отяжеляет» своё исследование, приводя цитаты из немецкого издания. Она чересчур щепетильна, и прежде всего, казалось бы, пытается соблюсти точность перевода. Однако - стараясь чуть не дословно воспользоваться немецким текстом, прибегает к чудовищно искажённому русскому изложению. Читаем дальше: «А вот поездка супругов Достоевских из Сибири в описании дочери: «Auf jeder Station Hinterliess sie ihm einige eilige geschriebene Liebworte, teilte ihm mit, wo sie die Nacht zubringen wurden, befahl ihm, auf der vorgehenden Station anzuhalten, um sie nicht zu uberhelen. Was mag diese weisse Negerin fur ein Vergnugen daran gehabt haben, das kindlich gluckliche Gesicht ihres armen Dichtergatten zu betrachten». (На каждой станции она передавала ему (учителю) торопливо написанное любовное послание, сообщающее ему, где она проведёт ночь, уже при приближении очередной станции нападала на него, не имея сил сдержаться [А следовало: «...Наказывала ему задержаться на предыдущей станции, дабы не опередить её». Что, согласимся, придаёт написанному совершенно иное значение, - авт.]. О том, что вытворяла эта белая негритянка для удовлетворения своих необузданных страстей, несчастный муж – писатель мог прочитать на её счастливым личике).¹⁴

Неточность перевода просто ошеломляет. Следует читать: «... Какое удовольствие испытывала эта белая негритянка при виде детски-счастливого лица своего бедного мужа-сочинителя»...

«Темперамент безмерен, необуздан, ... она хитра, злобна...»

А. Кашина справедливо задаётся вопросом: как же Достоевский, при его «сверхинтуиции», не разглядел роман Исаевой с любовником, о чем та поведала, де, чуть ли не на смертном одре? Мы, в свою очередь, удивляемся тому же, присовокупляя ещё и сомнение: а не выдумана ли эта связь самим Достоевским, потому что его «сверхинтуиция» могла вполне трансформироваться в сверхподозрительность (ведь интуитивность и провидение где-то близкородственны, а, не сомневаясь в собственной сверхинтуитивности, легко уверовать и в дар провидения)... Читаем: «Такова в изображении Любви Достоевской первая жена писателя. Темперамент безмерен, необуздан, кроме того, она хитра, злобна. Прожив 7-8 лет с Достоевским, находясь всё это время в связи с любовником (домашним учителем), она, наконец, озлобленная тем, что любовник её бросил, раскрывает ничего не подозревавшему мужу, наивно верившему в её чистоту, тайну своей связи и, бесстыдно-циничная, заключает словами: «Eine Frau, die etwas auf sich halt, wird niemals einen Mann lieben können, der vier Jahre in Gesellschaft, von Dieben und Morder im Zuchthause gearbeitet hat». (Женщина, находящаяся при тебе, ощущает себя в тюрьме, работает в обществе воров и убийц четыре года, она никогда не сможет любить одного мужчину)».¹⁵

Переводчик опять сослужил Кашиной дурную службу. Следует читать: «... Женщина, хоть сколько-нибудь себя уважающая, никогда не сможет полюбить мужчину, который четыре года работал на каторге в обществе воров и убийц...».

«Уж не ошибается ли «осведомлённая» Любовь Фёдоровна...»

Кашина одной из первых подвергает сомнению написанное Любовью Фёдоровной о личности Исаевой. Правда, выдвигаемое ею собственное объяснение и «расшифровка» коллизий, сопутствующих первому браку Достоевского, вряд ли близко к истине. Кашина считала, что об изменах Исаевой он знал задолго до её предполагаемых откровений, сделанных чуть ли не на смертном одре. Но - мирился «в силу тех или иных обстоятельств», причем они сводятся Кашиной прежде всего к его сексуальной ориентации. Полагаем, что автору явно вредила чрезмерная (но в те поры – модная) увлечённость Фрейдом. Однако критический настрой к источникам можно только приветствовать... А. Кашина: «И семь лет чуткий, обладавший сверхинтуицией Достоевский не подозревал этого (то есть измен, - *авт.*). Уж не ошибается ли «осведомлённая» Любовь Фёдоровна в объяснении психологии Достоевского и не было ли у Марии Дмитриевны Исаевой-Достоевской иных оснований «любовников заводить» и так ненавидеть своего мужа, как она ненавидела, и не мирился ли с этими изменами сам Фёдор Михайлович в силу тех или иных обстоятельств».¹⁶

То есть имеется ввиду, что деликатный и романтический писатель с трудом терпел чрезмерную пылкость

жены, которой не мог соответствовать, но был понятлив: потому она «любовников заводит».

Несколько лет назад мы выдвигали, как один из мотивов охлаждения столь вожделенного брака, элементарное несоответствие темпераментов супругов. Но в отличие от версии Кашиной роли «действующих лиц», скорее всего, прямо противоположны: как сказано выше, судя по откровениям А.Г. Достоевской, её муж был страстной и даже грубой натурой. М.Д. Исаева – женщина хрупкая, к тому же больная, и чувственная агрессия Достоевского заставляет её постоянно ссылаться на недомогания. Отсюда – «жена всё хворает». Большая духовная близость у этой четы еще не успела зародиться, а тут – переезд Вергунова в Семипалатинск. Условия для семейных неурядиц наличествуют. Драма не замедлит разыграться...

«Влечение к новой, более молодой, более интересной женщине...»

Главный посыл Кашиной в изучении биографии и творчества Достоевского, как уже сказано, – анализ событий по Фрейдю, «жажда эротических переживаний». Полагаем, однако, что Достоевскому всю жизнь только и приходилось заниматься тем, чтобы подобные «переживания» в себе гасить. И он должен был уметь это делать – каторга научила. С другой стороны, в романах и повестях Достоевского зову плоти уделено явно второстепенное место, причём описание любовных коллизий сводится им отнюдь не к «африканским страстям», а к некой философии и рассмотрению мотивов «под лупу». Так что первее всего получался рассудок, хотя и завуалированный флером

романтики, о чем можем судить, как ни странно, и по письмам Ф.М. поры «влюблённости» в Исаеву... А. Кашина-Евреинова: «Следуя дальше описаниям Л. Достоевской любовных драм её отца, мы узнаём, что абсолютно чуждый женщин (!) до сих пор (кроме жены, конечно), Достоевский решил мстить ей той же монетой, т.е. изменой (а не было ли это просто влечением к новой, более молодой, более интересной женщине, потому что какая же месть, если новый роман должен был быть сохранён в строжайшей тайне от жены – объекта мести!). Он сходится с молодой, «свободомыслящей», своей слушательницей, очень «пикантной», красивой девушкой - Полиной Н... Вернувшись снова вместе с Полиной осенью в Петербург, он узнаёт, что Мария Дмитриевна безнадежно больна, и отправляется за нею в Тверь, чтобы отвезти её в Москву. Он окружает её заботами в Москве и проводит сам всю зиму там до самой её смерти (16 апреля 1865г.). Связь с Полиной, однако, не прекращается, пока последняя (по словам Л. Достоевской), разочаровавшись в Достоевском после ругательного приёма «Преступления и наказания», в 1866 году не бросает его. И так, связь с Полиной длилась приблизительно 4-5 лет, правда, с продолжительными перерывами».¹⁷

«Нет дыма без огня...»

Нельзя сказать, что, описывая связь с Полиной, да и другие увлеченности Ф.М. в момент, когда жена умирает, А. Кашина-Евреинова, опираясь на мнения современников, явно подводила читателя к мысли, что он был развратен. Хотя с ее выводами, подкрепленными ссылками на Страхова, мы соглашаемся:

порок ведь тоже может быть источником вдохновения и творчества. Читаем: «Ещё маленькое прибавление: два впечатления лиц, знавших Достоевского. Страхов характеризует его: «... он был зол, завистлив, развратен... Заметьте, что при животном сладострастии у него не было никакого чувства женской красоты и прелести. Лица, наиболее на него похожие, это герой «Записок из подполья», Свидригайлов и Ставрогин» (!). Насколько это впечатление изложено беспристрастно, я не знаю, но сказано поистине сильно. Руководжусь здесь только одной житейской незыблемой истиной: нет дыма без огня. А из такого столба едкого дыма, как обвинение Страхова, беру за правду, которая неизбежно должна в нём таиться, тем более что Страхов был одним из его ближайших друзей и именно с этой стороной его характера был хорошо знаком».¹⁸

Трудно Страхову не поверить, нас тоже поразило разительное сходство обстоятельств в «Вечном муже» и особенно в «Записках из подполья» с реалиями связи Достоевского с Исаевой...

«Увлечения вполне низменного порядка...»

Свидетельство Страхова на многое открывает глаза. И на фактическое «убиение Исаевой» (нелечением за границей в то время, как Ф.М. пребывал с Полиной, в частности, в Италии, куда срочно надлежало везти Исаеву!), и на неблагоприятную позицию в отношении Исаевой и Вергунова, обвинённых им в прелюбодеянии (ибо обвинитель – только Достоевский, и никем больше их вина не доказывается), и на меткую характеристику Исаевой, подметившей

«каторжные», бесчестные мотивы поступков ее мужа. А. Кашина, впрочем, осторожна. Она воздерживается высказываться более определённо, ограничиваясь лишь ссылками на авторитеты: «Чешихин-Вертинский во вступительной статье к книге о Достоевском замечает на ту же тему: «... молодость Достоевского богата одинаково и страстями, всепокрывающим тяготением к миру духовных интересов и, по-видимому, увлечениями вполне низменного порядка... В нём, как в его Мите Карамазове, бушевал Содом и рвался наружу, чтобы поругать и осквернить образ Мадонны». Почтенный критик, имевший, несомненно, известные основания к такой характеристике молодости Достоевского, не поясняет, к сожалению, в каких границах понимается им молодость».¹⁹

Оговорки

А. Кашина-Евреинова, похоже, несколько опасалась собственной смелости – решила опубликовать столь неллицеприятные для Достоевского свидетельства. Однако сегодня выводы Кашиной представляются хоть и не лишёнными основания, но достаточно робкими. В заключение своей работы она, вероятно, убоившись возможных критических нападков в защиту «великого писателя» и «светоча русской литературы», приводит также ссылки на иные источники, из коих следует, что Достоевский иногда на себя наговаривал ужаснейшие вещи. И считает, что он часто, так сказать, «лгал с натуры». Но одно дело – когда «тьень» касалась лично его, а совсем другое – памяти, возможно, ни в чём не повинных Вергунова и Исаевой. Потому что сейчас, по прошествии лет, правду

от истины так трудно отделить именно потому, что Достоевский как бы запутался в «сочинительстве». Что до «самооклеветания» (дескать, в приступе болезни, вызванной пребыванием на каторге), то к «кузнецкому венцу» и первому браку это вряд ли относились. Ведь измены его – не ложь, а «подталкивание» Исаевой к кончине – данность. Действительные, невыдуманные события обличали Достоевского куда явственнее, чем самый изощрённый самоговор...²⁰

Рассказ Зазубрина

Таким образом, в столицах в 1920-е годы существовало сразу несколько направлений достоевсковедения, затрагивающих «кузнецкий венец»: ортодоксальное (основанное на пунктуальном следовании «благопристойной» биографической канве писателя, заданной его письмами и отчасти книгами А.Г. и Л.Ф. Достоевских), идеологизированное (пытающееся приспособить творения и имя Достоевского к задачам «революции») и скептическое (А. Кашина-Евреинова). В провинции же, в Западной Сибири, факты накапливались и фиксировались медленнее. «Столичные» источники тут были мало известны, зато собирались местные, сибирские: свидетельства очевидцев или их потомков. Однако за давностью венчания воспоминания точностью не блистали, и авторы допускают множество ошибочных суждений. Мы уже сообщали о журналисте «Советской Сибири» А. Кручине, который писал о пятилетнем «житии» Достоевского в Кузнецке. Ему вторит известнейший литератор В.Я. Зазубрин,

побывавший в Кузнецке и опубликовавший очерк «Неезженными дорогами» в «Сибирских Огнях» в 1926 году. На этот раз речь идёт не о пятилетнем пребывании Достоевского в городе, а «всего лишь» о двухгодичном: *«Мы едем к местному культуртрегеру Д.Т. Ярославцеву. Я хочу записать всё, что ему известно о жизни здесь Достоевского. Вот рассказ Ярославцева.*

- Два месяца Фёдор Михайлович жил на Большой улице в домике Дмитриева. Большая улица теперь названа улицей Достоевского. Хотя правильнее было бы назвать его именем Картасскую, на которой он жил два года. На Картасской улице (угол Блиновского переулка) Достоевский жил в доме Вагина.

Домик был одноэтажный, старинный, на две «стопы» (два сруба, соединённые сенями), крыт был драпёркой, с низенькими потолками, с маленькими окошечками в разноцветных стёклах. Дом, к сожалению, не сохранился – разобран на дрова. На его месте теперь пустырь.

Шатровый одноэтажный дом Дмитриева на Большой улице тоже не сохранился в том виде, как он был при Достоевском. Дом перестроен, перекрыт.

В Кузнецке Достоевский был дважды...»²¹

Борис Герасимов

Разумеется, ни два года, ни тем более пять Достоевский в Кузнецке не жил, и приезжал туда не два раза, а три. Трудно сказать также, сколь точен Зазубрин (да и Кручина, *см. выше*) в деталях планировки и расположения домов. Ни за что ручаться нельзя – старожилы ведь могли многое запомнить.

Гораздо авторитетнее выглядят трактовки другого сибироведа – Бориса Георгиевича Герасимова, который Достоевским интересовался ещё до революции. Однако он пересказывает, в основном, давно известное. Кузнецкие «легенды» читать не в пример интереснее: хоть и не всегда достоверны, но загадочны и требуют «расшифровки». Повествования же Герасимова, напротив, «фактологически» почти безупречны, но слишком ортодоксальны и осторожны. Сказывается бывший социальный статус автора – когда-то он служил священником – и, кроме того, его литературная опытность (подготовил к печати около двух тысяч публикаций по истории края). Наиболее примечательная – в «Сибирских Огнях» (1924, №4, с.140-150; 1925, №1, с.177-180; 1926, №3, с.124-144), под названием «Ф.М. Достоевский в Семипалатинске». Там же – полемический материал «Где же отбывал каторгу и ссылку Ф.М. Достоевский» (1927, №4, с.147-177). Большинство использованных Герасимовым источников к моменту выхода его статей уже «на слуху», поэтому его очерки вполне справедливо можно отнести к очень грамотной, толковой, научной компиляции. Что касается брака Достоевского с Исаевой, обстоятельств их знакомства, Герасимов сообщает: «... Проживая в Семипалатинске, Достоевский завёл связи и знакомства. Более всего судьба связала его с семейством Исаевых. Мария Дмитриевна Исаева оказалась в центре внимания Фёдора Михайловича и сыграла в его жизни большую роль. Судьба её оказалась тесно связанной с судьбой великого писателя: она стала женой Фёдора Михайловича...».²²

«Аллилуйя с елеем...»

Написанное Б. Герасимовым можно охарактеризовать модным во времена Достоевского штампом (к которому, кстати, сам Ф.М. тоже прибегал): «Аллилуйя с елеем». Бывший священнический статус Герасимова ко многому обязывает. Стремление к благопристойности и благолепию подменяет у него истину. Перед нами – очередное «житие святых», только такими выглядят теперь чуть не все герои «кузнецкой коллизии». Читаем дальше: «По сообщению барона Врангеля, Мария Дмитриевна Исаева была дочь директора Астраханской мужской гимназии... Она вышла замуж за учителя той же гимназии – Александра Ивановича Исаева, очутившегося потом на службе в Семипалатинске в звании чиновника по особым делам при военном губернаторе по корчемной части. Исаев был добрый, скромный и хороший человек, но страдал ужасным запоем, который, вероятно, и привёл его из Астрахани в Семипалатинск. Жена Исаева, Мария Дмитриевна, была образованная женщина, знала даже иностранные языки. Блондинка, среднего роста, довольно красивая, страстная и экзальтированная, но с подозрительным румянцем на лице, она сразу же привлекла внимание Достоевского».²³

«Горячо и страстно...»

Очерк Герасимова долгие годы мог бы рассматриваться как образец исторического исследования. Несмотря на его «нехорошие» социальные (священнические) корни, иерей Герасимов прекрасно вписывается в советскую историографию той давней

поры. Потому что «жития святых» ведь и в СССР тоже нужны были. А на «житиях» более всего специализировались до революции образованные священники. Собственных (марксистских) кадров историков пока не хватает, поэтому приходится использовать опыт и багаж знаний тех, кто пользовался признанием до переворота... Читаем: «Несмотря на то, что Семипалатинск времён Достоевского был страшным захолустьем, имя Фёдора Михайловича как талантливого писателя, уже было знакомо некоторым представителям городского интеллигентного сообщества, в том числе и М.Д. Исаевой. Кроме того, некоторые интеллигентные дамы приняли участие в судьбе Достоевского, как потерпевшего политического, и старались чем только можно облегчить жизнь Фёдора Михайловича. Ближе других дам к Достоевскому стали: Степанова, жена ротного командира, поэтесса, дававшая Достоевскому для прочтения и поправок свои стихи, и Исаева. Последняя относилась к Достоевскому ласково и жалела его. Но привязанности к нему она, по крайней мере, в первую пору знакомства с Фёдором Михайловичем, не чувствовала. Несмотря на всю экспансивность своей натуры, Исаева не закрывала глаза на то, что Достоевский – эпилептик, человек «без будущности». Это чувство сострадания к себе со стороны Исаевой Достоевский принял за любовь и, со своей стороны, влюбился в Марию Дмитриевну горячо и страстно».²⁴

«Отзывался об Исаевой восторженно...»

«Чувство сострадания», на которое указывает Герасимов – то, что должно привлекать бывшего

священника к Достоевскому. Но – не родило с ним. Потому что, выйдя из «Мёртвого Дома», Достоевский более всего «сострадал» самому себе. Что до «жалости» Марии Дмитриевны, то Герасимов, наверное, ошибался: если таковая до женитьбы и была, то не по поводу припадков эпилепсии, потому что Исаева в ту пору о болезни Ф.М. вообще еще не подозревала. Не знал и Достоевский, что у него именно это заболевание. О недуге стало известно в полной мере только на пути из Кузнецка в Семипалатинск после венчания, здесь Герасимов неточен. Возможно, им руководило желание нарочито акцентировать внимание на «сочувственности» М.Д., но причины для столь высокого порыва души придумать оказалось непросто... Герасимов: «В разговорах со своим другом, стряпчим по уголовным и гражданским делам в Семипалатинске, бароном А.Е. Врангелем, Ф.М. отзывался об Исаевой восторженно. Он часто бывал в квартире Исаевых и всегда возвращался домой в экстазе, очарованный Марией Дмитриевной. Каждую лишнюю минуту от службы он старался провести в доме Исаевых».²⁵

«Экспансивность Исаевой шокировала дам...»

Читатель, конечно, догадывается, что семипалатинское мещанское общество по поводу романа Ф.М. с Исаевой злословило. Достоевский – простой солдат! Но в годы НЭПа широкой сибирской «пролетарской» аудитории как раз особо интересно узнать, что «служивый» стал знаменитым писателем вопреки «буржуйским» предрассудкам. Герасимов писал статьи с явной оглядкой на «новые изменившиеся

условия». Его герой – «ссылный», а с такой темой – хоть на страницы столичных журналов. «Допереворотные» семипалатинские дамы – не в счет: никакого у них представления о подлинной нравственности и, главное, о классовости. То, что Ф.М. «влюбился в чужую жену» - не суть важно: «правость» и «виноватость» теперь решалась в соответствии с «социальным положением», которое у Достоевского послекаторжной поры в контексте историографии двадцатых – самое что ни на есть «подходящее»... Герасимов: «Знакомство Исаевой с Достоевским, конечно, не могло укрыться от взоров семипалатинских дам из чиновного мира, и Мария Дмитриевна явилась предметом злословия со стороны местных обывательниц. Они не могли понять, для чего нужно было Исаевой возиться с больным и ссылкой солдатом. Мария Дмитриевна по своему умственному развитию стояла значительно выше прочих городских дам, с которыми у ней было мало общего, а экспансивность Исаевой шокировала дам; всё это, конечно, не создавало почвы для сближения обеих сторон. Дружба же Исаевой с Достоевским ещё больше дала дамам материала для пересуд и сплетен по адресу Марии Дмитриевны. Последняя знала об этих сплетнях и, не обращая на них внимания, держалась с достоинством».²⁶

«Была интересной собеседницей...»

Герасимов всячески избегает предположительной формы изложения, - похоже, единственно возможной в повествованиях о «кузнецком венце» и сопутствующих ему событиях. Особенно что касается эмоционального склада и душевных порывов Достоевского

или Исаевой, которые по сю пору для исследователей – загадка. Мог ли точно знать Герасимов, обращала ли внимание на сплетни семипалатинских дам Исаева, как на них реагировала, и как держалась в обществе! Высказывания его кажутся чересчур «утвердительно-вердительно». Проще бы сослаться на использованные работы, а ещё лучше – процитировать их, когда речь идёт о такой тонкой материи, как чувства. Трудно, порой, понять, где у Герасимова переложение источника, а где – его трактовка... Он пишет: «Исаева умела поддерживать в обществе занимательный разговор, была интересной собеседницей и не давала скучать публике. Глубокая любовь, которую чувствовал Фёдор Михайлович к Исаевой, по-видимому, не могла не отразиться и на Марии Дмитриевне, и её дружба к Ф.М-чу постепенно стала переходить в чувство тёплой привязанности к писателю... К моменту отъезда Исаевых из Семипалатинска уже и сама Мария Дмитриевна была захвачена своим чувством к Фёдору Михайловичу».²⁷

«Ревность и любовь почти всегда неразлучные спутницы...»

Анализ чувств – профессиональная обязанность священника. Именно поэтому, наверное, Герасимов, бывший иерей, заинтересовавшийся «чувствительной» интригой, всячески демонстрирует свою сверхделикатность. Но он взялся за трактовку «запредельного» романа женщины, которой потом припишут «африканские страсти», - что не часто встретишь в специфическом «интеллигентном» мирке, - и человека, прошедшего через «Мертвый Дом» и признающего, что

«всегда до черты доходил», а скорее – черту переступал. Эти влюбленные никак не подходят под сусальное золочение. Чересчур «каноничные» подходы Герасимова контрастируют со множеством источников, уже широко известных в 1920-е... Читаем: «Ревность и любовь почти всегда неразлучные спутницы. Это чувство испытал и Фёдор Михайлович. Когда Исаевых летом 1855г. перевели в Кузнецк и Мария Дмитриевна не протестовала против этого перевода, Ф.М. горько жаловался своему другу Врангелю: «И ведь она согласна, не противоречит, вот что возмутительно!» - вырвалось у Достоевского. Исаева жалела своего больного мужа и не могла его бросить одного – вот причина согласия её поездки в Кузнецк. Как бы то ни было, но отъезд Исаевой сильно поразил Ф.М.ча. Он положительно пришел в отчаяние. Ему казалось, что с отъездом Исаевой у него всё потеряно...».²⁸

«С ужасом ждал момента расставанья...»

Однако, что сказал бы бывший иерей Герасимов, если бы узнал, что у алтаря Достоевский и Исаева нарушают заповедь «не лги», сообщая в «обыске брачном», что родителей у Исаевой уже нет в живых, причём о. Евгений Тюменцев (как и все в Кузнецке, наверное) знает, что «папа» М.Д. здравствует и с дочерью в переписке, так что, соглашаясь на венчание, совершает должностной подлог. Солидарен ли священник Герасимов со священником Тюменцевым, допустившим такое попустительство и освятившим брак, «зачатый», по сути, в измене Исаевой первому мужу, и в отречении от собственного

отца?... Герасимов: «...Фёдор Михайлович с ужасом ждал момента расставанья с Марией Дмитриевной. Сцену их разлуки Врангель долго потом не мог забыть. Ф.М. при расставаньи с Исаевой рыдал, как ребёнок. Врангель с Достоевским провожал Исаевых за город. Желая дать последнюю возможность Ф.М. побеседовать наедине и без лишних свидетелей проститься с Исаевой, Врангель напоил шампанским самого Исаева, и он был замертво положен в дорожный экипаж. Последний раз простились влюблённые: обнялись, поплакали, и дорожная пыль скоро скрыла из глаз Достоевского дорогой экипаж... Потрясённый разлукой, Достоевский, склонив голову, долго плакал... Друзья вернулись в город. Достоевский не спал всю ночь, метался по своей комнате и утром, больной от страданий и бессонницы, отправился на учение в лагерь. В течение целого дня он даже не прикоснулся к пище и только курил трубку за трубкой. Он похудел, здоровье его заметно стало расстраиваться, что немало беспокоило его друга Врангеля. Письма остались единственной связью Фёдора Михайловича с Исаевой, и в них он изливал свою душу. Достоевский забросил даже свои «Записки из Мёртвого дома», над составлением которых работал перед этим с увлечением».²⁹

«Она расстроена и больна...»

Явная компилятивность очерков Герасимова вызывает разочарование. Из воспоминаний Врангеля извлекаются целые куски, предложения слегка видоизменяются, перелагаются своими словами, но даже не переставляются местами. Между тем, подход к мемуарам Врангеля требует предельной критичности.

Ограничиваться переписыванием отдельных фактов и выводов из них – не значит быть убедительным. Впрочем, бывший священник, возможно, относится к источникам также, как к библии, почти ничего не подвергая сомнениям... Герасимов: «С дороги Исаева прислала Фёдору Михайловичу письмо, в котором сообщала, что она расстроена и больна и не знает, как Достоевский проводит без неё своё время и как располагаются его часы. Встревоженный известием о болезни Марии Дмитриевны, Достоевский отвечает ей горячим письмом, в котором тревога за её здоровье мешается с восторгом перед любимой женщиной и тоской по ней...».³⁰

«Марья Дмитриевна жестоко страдала...»

Далее Герасимов переопубликовывает давно известное и исследователям, и просто читающей публике, единственное уцелевшее письмо Достоевского к Исаевой в Кузнецк, после чего вновь приступает к переписыванию воспоминаний Врангеля собственным слогом. Он настолько подпадает под влияние этого источника, что употребляет до 60 процентов слов, использованных Врангелем... Герасимов: «Переписка с Кузнецком продолжалась. В ней Фёдор Михайлович находил отдых и утешение. Но этого для Достоевского было мало. Он чувствовал глубокую потребность видеть Марию Дмитриевну, беседовать с ней непосредственно... Но вот переписка приняла тревожный характер. В письмах Исаевой к Достоевскому стала попадаться фамилия учителя Вергунова. Он занимался с сыном Исаева, а Мария Дмитриевна давала ему уроки французского

языка. Исаева тепло отзывалась о Вергунове, хотя это был совершенно бесцветный человек. Письма Исаевой внесли в жизнь Достоевского большую тревогу; по-видимому, Фёдор Михайлович испытывал чувство ревности. Потерять Марию Дмитриевну для Достоевского было страшно. Его мнительность рисовала ему всякие страхи. К этому прибавилась смерть Исаева, скончавшегося 4 августа 1855г. от запоя. Мария Дмитриевна не отходила от постели мужа при его последних днях. Несколько дней подряд провела без сна, потеряв и аппетит. А.И.Исаев, чувствуя смерть, терзался от мысли, что оставляет семью свою без всяких средств к существованию. Перед смертью он всё повторял жене: «Что будет с тобою, что будет с тобою!». Сын Марии Дмитриевны, Паша, обезумел от слёз и горя. Смерть отца потрясла его ужасно. Мария Дмитриевна жестоко страдала и за мужа, и за сына. Терзания покойного были основательны: Мария Дмитриевна осталась буквально без копейки денег. Правда, ей помогли знакомые, но это была временная помощь и небольшая».³¹

«Спасти Исаеву от нужды...»

Изысканный стиль А.Е. Врангеля в переложении Герасимова как бы тускнеет. Пересказ лишает историю первого брака не только поэтичности, но и духа авантюры, метко подмеченного и переданного Врангелем. Таким образом, Герасимов, хоть и следует его воспоминаниям чуть не добуквенно, превращает восторженный лёгкий слог в «консистерский». И, конечно же, ревнитель нравственности, бывший священник Герасимов, счёл возможным не повторять

вслед за первоисточником свидетельства о двух поездках Достоевского и Врангеля в Змиев, куда они хотели «выманить» для свидания Исаеву, тайком от её мужа. Несмотря на то, что для понимания психологии Достоевского эти места из мемуаров барона были если не ключевыми, то первостатейными, Герасимов умалчивает о них... Далее он пишет: «Зная тяжёлое положение вдовы Исаевой, кто-то из знакомых кузнецких обывателей прислал ей три рубля. «Нужда толкала руку принять и приняла... подаяние», - писала она потом Достоевскому. На Фёдора Михайловича выпала большая забота – спасти Исаеву от нужды. Он в горячем письме к другу своему Врангелю просит его выслать Исаевой некоторую сумму. Сам посылает ей 25 рублей, за что и получает от неё выговор, так как Исаева хорошо знала материальную необеспеченность Достоевского. Вместе с тем Фёдор Михайлович принял горячее участие в хлопотах о назначении вдове казённого пособия в 250 рублей серебром, как жене чиновника, умершего на службе. К этому делу он привлёк и влиятельного Врангеля. Но пока что – Исаева без средств и надеялась только на распродажу своего скромного имущества...».³²

«Боже мой! Что это за женщина!»

«Романтическое» толкование «кузнецкого венца» действительно строилось во все времена преимущественно на корреспонденциях самого Достоевского и воспоминаниях Врангеля. Они настолько поэтичны, что подвигали многих писать об этом «эпизоде» биографии Ф.М. восторженно и патетично. Но не следует забывать, что мемуары и письма XIX века, принадлежащие перу образованного человека, и не могли

представляться иными. Так принято было изъясняться. Обменивались не подлинными сообщениями о чувствах, а, скорее, чувствительными словами, поэтому при анализе эпистолярного и мемуарного наследия той поры так важно попытаться увидеть контекст происходящего... Читаем дальше: «... «Я Вам покажу письмо (Исаевой), когда Вы приедете, - пишет Фёдор Михайлович Врангелю. - Боже мой! Что это за женщина! Жаль, что Вы её так мало знаете!» (Письмо от 23 августа 1855г.). На беду, деньги, посланные Исаевой Врангелем, не выдавались на кузнецком почтамте по формальным основаниям. Опять для Фёдора Михайловича тревога и хлопоты. Достоевский вообще попечение о вдове Исаевой и её сыне считал неотложной обязанностью, прямо целью жизни. Удручённый тяжёлым положением Исаевой и занятый мыслью возможно лучше устроить Марию Дмитриевну, Достоевский даже прерывал свою переписку с друзьями. Так, в письме к А. Майкову от 18 января 1856 года Достоевский сообщает: «Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго медливший в моей жизни, и, наконец, посетивший меня, увлёк и поглотил меня совершенно. Я был счастлив, я не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня».³³

«Достоевский допускал трагический конец...»

Публикации Герасимова в «Сибирских Огнях», касающиеся Достоевского - это 66 страниц журнального текста (согласно раскладу листажа, приведённому исследовательницей Ириной Фёдоровной Мельниковой в ксероксной распечатке, выпущенной под эгидой Семипалатинского музея Ф.М. Достоевского). По

объему – почти книга или, по крайней мере, толстая брошюра. При всех издержках трудов Герасимова, в 20-е годы они выглядели «весомо», авторитетно. Но - компиляции не красили его статей, а заимствование чужих выводов обесценивали написанное. Однако работа даже по переложению и переписыванию известных фактов была проделана большая и походила в чём-то на составление хрестоматии. Итак, продолжим чтение уже знакомого нам по другим источникам: «Кроме бедности Исаевой, Достоевского ещё мучила мысль об отношениях между Исаевой и Вергуновым. Достоевский допускал трагический конец: возможность выхода замуж Исаевой за Вергунова. Он рвался в Кузнецк, искал необходимые для этой поездки 100 рублей и терзался ужасно. С другой стороны, если бы брак Исаевой с Вергуновым и состоялся, он не избавил бы Марию Дмитриевну от бедности, так как Вергунов ничего не имел. В отчаянии Фёдор Михайлович опять умоляет Врангеля о скорейшем исходатайствовании Исаевой казённого пособия, что дало бы ей возможность несколько передохнуть...».³⁴

«Страхи... потерять любимую женщину...»

Далее приводится письмо Достоевского от 21 июля 1856 года. Цитирование у Герасимова применяется широко, к чему можно отнести скорее положительно: знакомство с первоисточниками – весьма похвально. Удручает только, что они давно у всех на слуху и не знакомы, пожалуй, только непросвещённым слоям населения... После цитаты – спорный комментарий:

«Но страхи Фёдора Михайловича потерять любимую женщину оказались преувеличенными. Исаева скоро разочаровалась в своей привязанности. Вергунов оказался не опасным соперником. Переписка между Достоевским и Исаевой закончилась предложением, сделанным Фёдором Михайловичем Марии Дмитриевне и принятым последней...».³⁵

Исаева «разочаровалась в своей привязанности» к Вергунову? Явно – Герасимов либо не читал книгу Любовь Федоровны, либо с нею скрыто полемизирует...

«Повенчался с вдовой... в Богородской церкви...»

И опять – цитирование. На этот раз Герасимов обращается к письмам Достоевского от 21 декабря 1856г. и 25 января 1857г., уже известным нам во всех деталях. Герасимов подходит к самому щекотливому для него месту – бракосочетанию Достоевского в Богородской церкви. О подробностях он мог знать (вернее, не мог не знать!) из известной статьи Валентина Булгакова «Ф.М. Достоевский в Кузнецке». Но старательно избегает описывать обрядовую сторону действия. Возможно, потому что бывшему священнику не гоже особо акцентировать внимание на церковном таинстве, - рискует напомнить о «не том» своём социальном статусе. Поэтому венчание у Герасимова упоминается лишь вскользь: «Приготовления к свадьбе доставили Достоевскому много хлопот. Прежде всего – не было денег. С большим трудом удалось Достоевскому занять 600 рублей. Получив отпуск на 15 дней, Фёдор Михайлович выехал 27 января 1857 года в город Кузнецк и там повенчался с вдовой

Исаевой в Богородской церкви 6 февраля. При возвращении в Семипалатинск, с Фёдором Михайловичем случился в Барнауле сильнейший припадок эпилепсии, весьма напугавший Исаеву. Призванные врачи рекомендовали Фёдору Михайловичу немедленное и правильное лечение при полной свободе, иначе во времяпадучей больной может умереть от горловой спазмы».³⁶

«Не имел возможности ухаживать за больной женой...»

Цитаты из писем сменяет их пересказ. Думается, прямое воспроизведение воспоминаний Врангеля и полного текста корреспонденций Достоевского оказалось бы куда интереснее, чем их переложение. Хотя не исключено, что не вовсе просвещенным читателям «Сибирских Огней» изысканность стиля Достоевского и Врангеля - явно чужда. Скорее всего, интерпретация «школьным» языком, адаптирующим «кузнецкую» интригу к вкусам и понятиям «гегемона» 20-х годов, в те поры - единственно возможна. Так бывшему иерею Герасимову пригодились навыки объяснять просто и доходчиво, полученные им, очевидно, во время подготовки проповедей. *Он пишет:* «По приезде в Семипалатинск заболела Мария Дмитриевна. Как на грех, на этот раз приехал бригадный командир делать смотр войскам, и Достоевскому приходилось проводить время на парадах, так что он даже не имел возможности ухаживать за больной женой. Немало времени отнимали хлопоты по устройству квартиры и необходимого хозяйства. Приходилось заводить всё, начиная с белья. Мария Дмитриевна сумела устроить в семье полный уют. Обстановка была

скромная, но вполне располагающая к работе, и Достоевский в это время много писал».³⁷

«Фёдор Михайлович сурово встретил Вергунова...»

Далее - предположения. Очевидно, используемая Герасимовым литература умалчивала о том, что случилось с Вергуновым после «кузнецкого венца». Приходилось прибегать к ненадёжным и сомнительным данным. Герасимов допускает оплошность - пишет, что Вергунов приезжал в Семипалатинск, тогда как в действительности он постоянно проживал там вплоть до 1864г. (с последующим переездом в Барнаул и опять в Семипалатинск). Напомним, что Герасимов с 1902 года тоже пребывал в Семипалатинске, где, конечно же, Вергунова ещё не забыли (к тому же он похоронен именно в этом городе). Молва о связях молодого учителя с Исаевой не успела утихнуть. Откуда шли слухи - неясно; Герасимов ограничивается дипломатичным: «говорят, что...». Таким образом, собственно «семипалатинские» источники у Герасимова занимают не только подчинённое, но и вообще - самое незначительное место. А ведь он - пытливый краевед и ему могли быть доступны более пространные сведения. Увы, как компилятор Герасимов оказался удачливее, чем исследователь-изыскатель. О дошедших до него пересудах обывателей он сообщает: «Говорят, что Вергунов, по выходе Исаевой замуж за Достоевского, приезжал в Семипалатинск, но Фёдор Михайлович сурово встретил Вергунова и предложил ему больше не показываться на глаза Достоевским...».³⁸

«Мария Дмитриевна настаивала на этом отдыхе...»

Дезинформация о «приездах» Вергунова (тогда как он, на самом деле, как уже было сказано, не «приезжал» в Семипалатинск, а проживал в нём почти десять лет), основанная, очевидно, на «молве», в свою очередь, просочилась и в Полное собрание сочинений Достоевского и отражена в справке о Вергунове во второй книге 28-го тома (со ссылкой на Герасимова). Таким образом, легенда, пущенная Герасимовым в ход, бытовала более 60 лет (до обнаружения архивных документов об окончательном переезде Вергунова в Семипалатинск, буквально вслед за Достоевскими, и об обстоятельствах, тому сопутствующих – см. «Загадки провинции»). Но если Герасимов столь радикально ошибся в вопросе пребывания Вергунова в Семипалатинске, то не мог ли он так же основательно дезориентировать читателя насчёт предложения Вергунову «не показываться на глаза» Достоевскому и его супруге?... Продолжим чтение: «Волнения последних двух лет и настойчивые советы врачей не откладывая лечение падучей побудили Достоевского взять в конце мая 1857г. двухмесячный отпуск и отправиться на отдых в посёлок Озерки, в 16 верстах от Семипалатинска. Мария Дмитриевна настаивала на этом отдыхе самым решительным образом. Эпилепсия мужа и пугала, и мучила её. Много пришлось понести Фёдору Михайловичу забот о пасынке своём, Паше Исаеве, об определении которого в учебное заведение на казённый счёт Достоевский много хлопотал. Ухудшение в состоянии здоровья Фёдора Михайловича крайне беспокоило Марию Дмитриевну, на

руках у которой оставался не пристроенный в школу сын Павел. Вторичное вдовство пугало её. Фёдор Михайлович видел её тревогу и в свою очередь сам беспокоился. Военная служба тяготила Достоевского, и он подал прошение об увольнении его по болезни в отставку, что и состоялось 18 марта 1859г.»³⁹

«Постоянно хворала, нервничала и ревновала...»

Крайне занятно утверждение, что Мария Дмитриевна, де, «настаивала... самым решительным образом» на поездке Достоевского в Озерки спустя всего три месяца после венчания (причём продолжительность отдыха составляла два месяца, а Вергунов уже живёт в Семипалатинске!). В письмах Достоевского ничего не сказано о «настоянии» Исаевой, да еще «решительном». Если бы это происходило в действительности, то выглядело бы весьма двусмысленно: Исаева, де, подталкивает мужа к отъезду в момент, когда её бывший возлюбленный поселяется в одном с ней городе. Герасимов пытается спасти репутацию Достоевского и подспудно воюет с неизбежными предположениями, основанными на воспоминаниях дочери Достоевского (если только они Герасимову известны!), но поступает неосторожно, приписывая Достоевскому, да и Исаевой тоже, поступки и помыслы, документально нигде не отраженные. Подправляет историю, выдавая сугубо гипотетические тезисы и выводы в утвердительной форме...

Послесибирский период жизни Исаевой в статье Герасимова почти не отражён. Единственное, что он

мог сообщить: «Достоевский хотел поселиться в Москве, но ему указали на Тверь, куда он и выехал с семьёй в августе 1859 года. В письмах из Твери к Врангелю Достоевский сообщает о болезни Марии Дмитриевны, - видимо, злой недуг (болезнь лёгких) давал себя чувствовать. Мария Дмитриевна постоянно хворала, нервничала и ревновала...».⁴⁰

«Она продолжала таять...»

О том, что у Исаевой имелись причины для подозрительности, Герасимов сдержанно умалчивает. Для него и так верхом смелости сообщить, что ревность Исаеву мучила. Взгляд его на М.Д. более всего приближается к субъективным трактовкам Врангеля или самого Достоевского, причём из всех оценок последнего отмечены наиболее «публичные», выставляемые напоказ как некая «вывеска». Раскрытие темы «кузнецкого венца» у Герасимова оказалось «профильтрованным» самоцензурой, а потому - достаточно робким... Далее он пишет: «Тверь Достоевский находил хуже Семипалатинска в тысячу раз. Фёдор Михайлович стремился в центр. Только в январе 1860г. Достоевскому разрешили поселиться в Петербурге, куда он и приехал один; Марию Дмитриевну, ввиду слабости её лёгких, пришлось направить на жительство в более мягкий климат – в Москву. Здесь она продолжала таять, и, наконец, 16 апреля 1864г. скончалась от чахотки».⁴¹

«Ответ на прожитую... жизнь»

Написанное Герасимовым похоже скорее на некролог. О мёртвых – только хорошо, или – ничего. Таковы

представления о нравственности, вполне естественные для бывшего иерея Герасимова. Его позиция заслуживает уважения, но выглядит несколько ограниченной. Подобный подход, возможно, куда более приличествовал бы при составлении эпитафии... Раздел статьи, посвященной Исаевой, заканчивается так: «Был ли Фёдор Михайлович счастлив с Марией Дмитриевной? Ответом на этот вопрос может служить письмо Достоевского к Врангелю от 31 марта 1865г. с посмертной характеристикой Марии Дмитриевны... Позднее Достоевский встретился с Врангелем в Копенгагене. Разговор, естественно, коснулся и Сибири. Поделились сибирскими воспоминаниями, вспомнили сибирских знакомых. Во время этого разговора Фёдор Михайлович произнёс слова, которые, пожалуй, можно считать ответом на прожитую с Исаевой жизнь: «Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая женщина. Не следует требовать от неё вечно жить и только думать о вас, это недостойный эгоизм, который надо уметь побороть».⁴²

«Обвиняя во всём его судьбу...»

Итак, часть очерка, посвященного Исаевой, закончилась. Далее – о военной службе писателя, и под конец, в разделе «Друзья и знакомые», Герасимов опять возвращается к М.Д. – уже в контексте взаимоотношений Достоевского с её первым мужем. Основной источник - письма Достоевского от 4 июня и 14 августа 1855г. Главное, что вынес Герасимов из них – Ф.М. «не судил Исаева». Но было бы

странно, если бы Достоевский, имевший виды на М.Д. при живом супруге, его в чем-либо еще и «судил»! Достоевскому свойственны совершенно неординарные представления о нравственности. Ибо ухаживания за чужой женой большинство обывателей обычно порицает. Но – не Герасимов!

Авторитеты, особенно после их кончины, всегда правы, именно в силу всеобщего признания таланта, - им можно оправдать то, что при жизни считалось предосудительным. Не сомневаемся, впрочем, что, будь Герасимов современником «кузнецкого венца», и наблюдая за Достоевским со стороны, его точка зрения на этот брак оказалась бы, скорее, неодобрительной.

В коллизии Исаев-Исаева-Вергунов-Достоевский, пожалуй, более всего не повезло А.И. Исаеву. О его чувствах мало кто думал. Однако Герасимов считает, что об Исаеве Достоевский заботился, как о родном брате. А как бы иначе нашел Достоевский подход к Марии Дмитриевне? Усыпить бдительность обманутого Александра Ивановича можно было только выказанным ему радушием. Или жалостью. Да и как не пожалеть его, зная, что М.Д. ему изменяет? Но ни о чем подобном в статье Герасимова – ни слова. Потому что приличия не велят. Он скупко сообщает: «Семья Исаевых была тем домом, с которым Достоевский оказался связанным очень крепко. Как же относился Достоевский к самому Исаеву? Фёдор Михайлович очень жалел Александра Ивановича Исаева, страдавшего запоем и допивавшегося даже до белой горячки. Достоевский не судил Исаева, обвиняя во всём его судьбу.

Оба Исаевы были расположены к Достоевскому и считали его как бы своим. Фёдор Михайлович ценил такое отношение к себе... Во времена Достоевского Семипалатинск пил горькую. Захолустье засасывало людей, а слабовольных, как Исаев, и губило. Исаев был неразборчив в выборе приятелей по выпивке. Всегда находились охотники выпить за чужой счёт. Местные запивалы из чинушей знали слабость Исаева к выпивке и пользовались ею. А в результате всего высмеивали Исаева и распускали про него всякие «гадости». Достоевский возмущался таким поведением собутыльников Исаева, но был бессилён помочь ему. Известие о смерти Исаева в Кузнецке очень расстроило Фёдора Михайловича... Фёдор Михайлович видел в этом спившемся и обиженном судьбой чиновнике высокие человеческие черты...».⁴³

К сожалению, изучив очерк Герасимова, испытываешь чувство, что перед тобою адаптированный текст только что прочитанных в оригинале писем Достоевского и воспоминаний Врангеля...

Примечания к пятой главе

¹ (с.340) - Кулиникова М., Тогулев В. Загадки провинции: «кузнецкая орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов.- Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996. - С.394.

² (с.340) - Там же.

³ (с.342) - Там же. - С.394-395.

⁴ (с.343) - Там же. - С.395-396.

⁵ (с.344) - Там же. - С.396.

⁶ (с.345) - Там же.

⁷ (с.346) - Там же.

⁸ (с.348) - Повествование о Земле Кузнецкой / Авт.-составитель В. Тогулев.- Кемерово: Притомское, 1992. - С.84-91, 107-108.

⁹ (с.349) - Кузнецк в жизни и творчестве Ф.М.Достоевского: аннотированный указатель литературы. - Новокузнецк: Кузнецкая

Крепость, 1996. - С. 26.

¹⁰ (с.351) - Повествование о Земле Кузнецкой / Авт.-составитель В. Тогулев. - Кемерово: Притомское, 1992. - С.100-101.

¹¹ (с.351) - *Кашина-Евреинова А.* Подполье гения: Сексуальные источники творчества Достоевского. - Л.: Агус, 1991. - Репринт. изд. (Петроград, 1923). - С. 18.

¹² (с.352) - Там же.

¹³ (с.353) - Там же. - С. 18-19, 61.

¹⁴ (с.353) - Там же. - С. 19, 61.

¹⁵ (с.354) - Там же. - С. 19, 62.

¹⁶ (с.355) - Там же. - С. 19.

¹⁷ (с.357) - Там же. - С. 19-21.

¹⁸ (с.358) - Там же. - С. 22.

¹⁹ (с.359) - Там же.

²⁰ (с.360) - Там же. - С. 59.

²¹ (с.361) - *Кушникова М., Тогулев В.* Загадки провинции: «кузнецкая орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов. - Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996. - С. 208.

²² (с.362) - *Герасимов Б.Г.* Ф.М. Достоевский в Семипалатинске: М.Д. Исаева. Военная служба. Друзья и знакомые. Семипалатинск времён Достоевского // Ф.М. Достоевский в Семипалатинске: Сборник / Сост. И.Ф. Мельникова. - Семипалатинск, 1992. - С. 1.

²³ (с.363) - Там же.

²⁴ (с.364) - Там же. - С. 1-2.

²⁵ (с.365) - Там же. - С. 2.

²⁶ (с.366) - Там же. - С. 2-3.

²⁷ (с.367) - Там же. - С. 3.

²⁸ (с.368) - Там же.

²⁹ (с.369) - Там же. - С. 3-4.

³⁰ (с.370) - Там же. - С. 4.

³¹ (с.371) - Там же. - С. 6-7.

³² (с.372) - Там же. - С. 7.

³³ (с.373) - Там же. - С. 7-8.

³⁴ (с.374) - Там же. - С. 8.

³⁵ (с.375) - Там же. - С. 8-9.

³⁶ (с.376) - Там же. - С. 9.

³⁷ (с.377) - Там же. - С. 10.

³⁸ (с.377) - Там же.

³⁹ (с.379) - Там же.

⁴⁰ (с.380) - Там же. - С. 10-11.

⁴¹ (с.380) - Там же. - С. 11.

⁴² (с.381) - Там же. - С. 11-12.

⁴³ (с.383) - Там же. - С. 27-28.

Глава шестая

ТОЛКОВАТЕЛИ

Правдивость и политика редко уживаются под одной крышей, и там, где для демагогических целей надо создать некий образ, от услужливых приспешников общественного мнения справедливости ожидать не приходится...

Стефан Цвейг

Владимир Шемелёв

Тридцатые годы – время, когда интерес к Достоевскому уже не столь оживлённый. Взгляды исследователей практически не разнятся и следуют в одном чётко выверенном направлении: Достоевский, де, на заключительном этапе творчества – писатель реакционный, вполне уживающийся «с общественно-политическим строем», и проповедующий идею «христианского смирения». На местном уровне, пожалуй, о «кузнецком венце» более всего в эти поры писал Владимир Шемелёв. В 1935г. он подготовил (но не опубликовал) статью «Ссылка Ф.М. Достоевского в Сибирь и его поездка в Кузнецк». Автор хорошо знаком с известными публикациями упомянутого выше Бориса Герасимова... Читаем: «Кузнецкие краеведы в погоне за местными достопримечательностями создали легенду о длительном пребывании Достоевского в Кузнецке. Здесь показывали и «домик Достоевского», и камеру в крепостной тюрьме, где он якобы отбывал каторгу. Его именем названа главная улица в городе. Эта легенда пошла гулять по страницам сибирских газет и журналов».¹

«На его месте теперь пустырь...»

Усомнившись, - вслед за известными выступлениями Б. Герасимова, - в «факте» отбывания Достоевским срока в Кузнецке, Шемелёв, однако же, перечёркивает и вполне верную, по сути, информацию, что в означенном городе действительно сохранился домик, где Ф.М. останавливался. В своём

скептическом отношении к более ранним публикациям Шемелёв заходит слишком далеко. Не считает он справедливыми и сведения из процитированного нами очерка В.Зазубрина, которые, в целом, точно отражают подлинные реалии, за исключением единственной досадной погрешности: автор пишет о двух приездах Достоевского в Кузнецк, тогда как их было три. В связи с чем нельзя не обратить внимание на название статьи самого Шемелёва: «Ссылка Ф.М. Достоевского в Сибирь и его *поездка* в Кузнецк», - то есть речь идёт об *одной* поездке, так что Шемелёв легко «ловится» на невольном искажении. Далее он сообщает: «Так, например, В.Зазубрин в статье «Неезжеными дорогами» (Сиб. огни, 1926г., №3, стр. 194) сообщает такой рассказ местного культурного работника краеведа Д.Т. Ярославцева: «Два месяца Фёдор Михайлович жил на Большой улице в домике Дмитриева. Большая улица теперь названа улицей Достоевского. Хотя правильнее было бы назвать его именем Картасскую, на которой он жил два года. На Картасской улице (угол Блиновского переулка) Достоевский жил в доме Вагина. Домик был одноэтажный, старинный, на две «стопы» (два сруба, соединённые сенями), крыт был драньём, с низенькими потолками, с маленькими окошечками в разноцветных стёклах. Дом, к сожалению, не сохранился – разобран на дрова. На его месте теперь пустырь. Шатровый, одноэтажный дом Дмитриева на Большой улице тоже не сохранился в том виде, как он был при Достоевском. Дом перестроен, перекрыт. В Кузнецке Достоевский был дважды».²

А как же *поездка* (см.название шемелёвской статьи), то есть *один* приезд?...

«Сожжена и разрушена до фундамента...»

Как уже сказано, очерк Зазубрина действительно содержал неточности. Но Шемелёв пытается подвергнуть сомнению почти всё, что сообщал Зазубрин с подачи краеведа Ярославцева. Не вызывает у него доверия и работа Валентина Булгакова «Ф.М.Достоевский в Кузнецке», тоже частично написанная по воспоминаниям старожилов. Между тем, фактуру булгаковской статьи опровергнуть сложно даже сегодня. Таким образом, критика Шемелёва была огульной, «за глаза». Таковы условия времени: в 30-е годы «обличения» свирепствовали всюду. Притом в эту пору Булгаков – эмигрант, он в Чехословакии, так что хвалить его не положено, а хулить – сколько угодно! Впрочем, кузнецкие «легенды» разоблачаются отнюдь не Шемелёвым, и не Борисом Герасимовым, на которого тот ссылается, а уже давным-давно опубликованными источниками... Читаем: «Описывая крепость, тот же Зазубрин и тоже «по местной информации» говорит о крепостной тюрьме, разрушенной партизанскими отрядами Рогова в 1919г. (стр.194): «Крепостная одноэтажная тюрьма сожжена и разрушена до фундамента», от неё осталась куча обгорелых камней и кирпичей. В уничтоженной (тем же Роговым) тюрьме в камере №6 сидел Ф.М.Достоевский. До нашествия скопищ Рогова камера Фёдора Михайловича показывалась посетителям». Эти совершенно неверные сведения о пребывании

Достоевского в Кузнецке распространялись ещё в дореволюционной печати на основе всё тех же изустных преданий местных людей (см., напр., статью Булгакова «Достоевский в Кузнецке», XXIII иллюстрир. прилож. к Томской газете «Сибирская жизнь» от 10 окт. 1904 года №221).³

**«Жизнь Достоевского в Сибири достаточно
полно освещена...»**

По Шемелеву выходит, что Булгаков распространял точно такие же «неверные сведения», что и Зазубрин. Однако мы не находим много общего между очерком Зазубрина и статьёй Булгакова. Особенно – в контексте тех цитат, которые извлекает Шемелёв у Зазубрина. Про крепостную тюрьму Булгаков не пишет вовсе. Что именно «неверного» узрел Шемелёв – загадка! Ещё более сомнительно выглядит утверждение, будто «жизнь Достоевского в Сибири», оказывается, «достаточно полно освещена», причём Шемелёв ссылается не только на письма и воспоминания, но и на «архивы», - в советские поры их престижно было поминать, без указаний, тем не менее, номеров фондов, описей и дел. Вот ведь как далеко шагнула сибирская наука во времена Шемелёва: всё вдоль и поперек «изучено», - какие уж тут «белые пятна»!... Шемелёв: «Эти «творимые легенды» были разоблачены Бор. Герасимовым в №4 «Сиб. Огней» за 1927 год в статье «Где же отбывал каторгу и ссылку Ф.М.Достоевский?». Жизнь Достоевского в Сибири достаточно полно освещена в воспоминаниях, опубликованных его друзьями, в статьях,

обоснованных на переписке Достоевского и на документах Омского и Семипалатинского архивов. Именно с Омском и Семипалатинском связана вся подневольная жизнь Достоевского в Сибири – годы каторги и поднадзорной военной службы. С Кузнецком связан лишь короткий, хотя и важный эпизод его жизни: женитьба на М.Д.Исаевой». ⁴

«Дружба их закончилась любовью...»

Итак, место «кузнецкого венца» в биографии Достоевского определено: это лишь «короткий эпизод», «22 дня» или около того. Что вся жизнь Ф.М. во многом пройдёт под знаком означенного события - неважно.

В 30-е годы цвет академической мысли перебит или эмигрировал еще раньше, так что представления об исследовательском поиске как бы складываются заново. Принято было считать, что слово «наука» подразумевает прежде всего сухость изложения, обилие дат и прочих «количественных» уточнений. И - никаких эмоций. А уж версии и предположения – и подавно от лукавого. Шемелёв усердно перечисляет факты, педантично выписанные из статьи Герасимова: «В Кузнецк Достоевского привела не неволя, а «влечение сердца», любовь к женщине. Во время своего пребывания в Семипалатинске Ф.М.Достоевский подружился с интеллигентной, образованной женщиной Марией Дмитриевной Исаевой, резко выделявшейся из захолустного семипалатинского общества. Дружба их закончилась любовью, но Исаева была замужем. Муж её служил чиновником по особым

делам по корчемной части (аренда кабаков) при семипалатинском губернаторе. Летом 1855 года Исаева перевели по службе в Кузнецк. Достоевский, состоявший в это время на военной службе в семипалатинском гарнизоне, глубоко затосковал, впал в меланхолию. Он поддерживал переписку с Исаевой, находя в этом утешение в своей судьбе. 4 августа 1855 года А.И.Исаев умер».⁵

«Исаева крайне нуждалась...»

Как уже сказано, основной источник для Шемелёва – очерк Бориса Герасимова. Для виду, однако, чтобы компилятивность работы не выглядела столь явной, Шемелёв в одной частности с Герасимовым не соглашается. Герасимов писал, что венчание Достоевского произошло в Богородской церкви, а Шемелёв его подправляет: не в Богородской, а в Одигитриевской. Нужно сказать, что оба названия верны и относятся к храму Одигитрии Божией Матери. Уровень разработанности темы оставляет желать лучшего, а утверждение, что сибирский период Достоевского «достаточно изучен», после очередной «промашки» Шемелева представляется еще более сомнительным. Но - где именно Шемелёв почерпнул информацию, «подправляющую» данные Герасимова? Не в раскритикованной ли им статье Булгакова?...^{5a} Читаем: «Исаева также крайне нуждалась, оставшись после смерти мужа без копейки денег с малолетним ребёнком на руках. Несмотря на материальные затруднения, они решили жениться. С большим трудом Достоевскому удалось занять у друзей 600 рублей. Получив отпуск на 15 дней,

Достоевский выехал 27 января 1857г. в Кузнецк и повенчался там с вдовой Исаевой. Венчание Достоевского с Исаевой было произведено в Кузнецкой Одигитриевской церкви (В ст. Б. Г-ва «Ф.М. Достоевский в Семипалатинске» - «Сиб. Огни», 1926г., №3, с.128 – дана, видимо, неверная справка о том, что венчание произошло в Богородской церкви) 6 февраля 1857г., как это записано в «брачном обыске» под №17. (Этот документ, по ходатайству Семипалатинского Отдела географического общества в своё время был извлечён из церковного архива и переслан из Кузнецка в Семипалатинский музей. Он был опубликован). Сразу же после венчания супруги выехали в Семипалатинск (Б.Герасимов. Где же отбывал каторгу и ссылку Ф.М. Достоевский? «Сиб. Огни», 1927г., кн.4, стр.176)».⁶

«Страдальческая любовь двух болезненных натур...»

При оценке романа с Исаевой Шемелёв, по примеру Герасимова, приводит письма Врангелю, в которых первая любовь Достоевского рисуется весьма поэтично. Приём избирается тот же: цитирование как доказательство «собственного» вывода – он следует после некоего подобия краткой хроники многолетней совместной жизни Достоевского с Исаевой, о чем сказано скороговоркой в пяти-шести строчках: «На обратном пути в Барнауле с Достоевским случился сильнейший припадок эпилепсии, страшно напугавший его жену. До конца жизни эта мучительная болезнь не оставляла его. 18 марта 1859г., по болезненному состоянию, Достоевскому было разрешено покинуть военную

службу, страшно тяготившую его. В августе 1859г. ему разрешили переселиться в Тверь, куда он выехал вместе с семьёй. Только в январе 1860 года Достоевский мог вернуться в Петербург. Мария Дмитриевна ещё в Твери заболела туберкулёзом. В сырой Петербург она не могла поехать и перебралась в Москву. 16 апреля 1864 года здесь она умерла от туберкулёза. Любовь Ф.М. Достоевского к Марии Дмитриевне была страдальческой любовью двух болезненных натур, полной тяжких переживаний».⁷

«Он никогда не мог забыть своей первой любви...»

Далее – цитирование письма Врангелю от 31 марта 1865г. и намек, что отголоски «кузнецкого венца» в сочинениях Достоевского - налицо. Однако Шемелёв не пытается даже контурно обозначить, как именно «кузнецкая коллизия» отразилась в творчестве писателя... Читаем: «В 1867 году Достоевский вторично женился на А.Г. Сниткиной, впоследствии издательнице его произведений. Но он никогда не мог забыть своей первой любви и тяжело переживал эту утрату. Встретившись много лет спустя с Врангелем за границей, в Копенгагене, он говорил о ней: «Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая нами женщина. Не следует от неё требовать вечно жить и только думать о Вас, это недостойный эгоизм, который надо уметь побороть». Любовь Достоевского к Марии Дмитриевне, полная мучительных переживаний, крайне характерна для его болезненной, страдальческой природы, запечатлевшейся в его литературном творчестве...».⁸

«Его творчество приобретает реакционный характер...»

Примечательно, что Шемелёв использует те же цитаты, что и Герасимов. Иногда немного их сокращает, но не приводит ни одной дополнительной строчки. Статья во многих её местах явно не самостоятельна. Заметно, что, критикуя Герасимова (причём неосновательно и неправильно, хотя повод можно было бы выбрать действительно серьёзный и стоящий), Шемелёв, тем не менее, в части, посвященной «мучительным переживаниям» великого писателя, демонстрирует некоторую зависимость сделанных выводов от умозаключений Герасимова (последний же находился под сильным влиянием Врангеля). Работа Шемелёва как нельзя лучше доказывает, что в 30-е годы достоевковедение (по крайней мере, местное, сибирское) переживает упадок. Удивляет также, что в списке рекомендуемой Шемелевым литературы мы не находим сочинений и писем самого Достоевского! Зато «под занавес» автор Федора Михайловича «припечатывает»: «Этот издёрганный, больной человек поддался упадочным мистическим настроениям. Он проникается чувством христианского смирения, мирится с существующим общественно-политическим строем. Его литературно-художественное творчество приобретает реакционный характер».⁹

«Я долго разыскивал в старом Кузнецке дом...»

Итак, попытавшись невольно после переворота превратить Достоевского, как бывшего каторжника, в идеологического союзника, новая власть в

конце концов решила подойти к нему двойко: признать его дарование как художника, посвятившего немало страниц «униженному люду» (что отмечено *самим* Луначарским), однако чуть не весь послесибирский период перечеркнуть как «реакционный». Значит, памятники Достоевскому уже в 30-е годы ставить не пристало – не заслужил. В школьных учебниках ему места не находилось, – тому поспособствовал и «певец революции» Максим Горький, который считал роман «Бесы» пародией на революционное движение – злой и талантливой. Советский «Буревестник», то и дело прославляемый кумир, литературный Олимп делить ни с кем не собирался. Тем более с «реакционером» Достоевским. В Кузнецке же в пору «великих строек» о Федоре Михайловиче почти не вспоминали. Тому свидетельство – записки Ильи Эренбурга, относящиеся к 1932г.: «Я долго разыскивал в Старом Кузнецке дом, где жил когда-то Достоевский, наконец, нашёл, женщины сердито ответили: «Нет здесь такого...». Школьники объяснили, что они знают много писателей: Пушкина, Горького, Демьяна Бедного, а Достоевского не проходили».¹⁰

Памятная таблица

При Сталине по достоевковедению нанесён удар весьма ощутимый. Выросло поколение, которое в школах Достоевского не изучало, а в вузах его творчество подавалось с известными оговорками про «ограниченность» и «реакционность». Выделялись, впрочем, публикации Л.П. Гроссмана, – в них иногда мелькало имя Исаевой, но по сравнению с

20-ми годами в пропаганде «кузнецкого венца» сделано не так чтобы много. Интерес если и был, то, скорее – попутный. Например, в 1947г. переизданы воспоминания П.П. Семёнова-Тян-Шанского – в связи с чем внимание к первому браку Ф.М. должно, конечно, оживиться – ведь знаменитый географ и путешественник Достоевского и Исаеву знал лично. К тому же в Кузнецке (переименованном в Сталинск!) в 1943 году в связи с 325-летием города на домике Достоевского вывесили, наконец, памятную таблицу: во время войны возрождаются патриотические чувства, поднимаются «на щит» литературные и исторические деятели прошлого, что раньше поминались редко. В качестве благожелательного кивка в сторону интеллигенции, могли позволить почтить и Достоевского. Симптоматично, что заметка об установлении мемориальной доски опубликована в газете «Большевицкая Сталь» под символическим заглавием «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» (10 февраля 1943г.). Именно так называлась работа Валентина Булгакова (едва ли не первая о «кузнецком венце»!), увидевшая свет еще в 1904г. И вот – как бы возрождение интереса к теме...¹¹

Оттепель

Но вот «глухой период» закончился. Возвращено беспомысленное поколение, которое с Достоевским почти не знакомо. «Вождь» умер. Началась оттепель. Издаются Сочинения Ф.М. Достоевского в десятки книг. В последнем томе Л.П. Гроссман публикует «Материалы к биографии Ф.М. Достоевского», поданные в виде хроники. Ничего ранее неизвестного о первом

браке составитель не сообщает. Ссылается в основном на Врангеля, причём поминает только о двух поездках Достоевского в Кузнецк, тогда как на самом деле, как уже сказано, их было три. Работа интересна не новизной представленных в ней материалов, а просто как опыт «летописной» систематизации. Читая, поражаешься, как мало прибавлено за годы правления Сталина к тому, что знали ещё в 1920-е.¹²

«Сошлись два человека со страстными характерами...»

То же самое чувство возникает, когда читаешь специальные работы о Достоевском 50-х гг. В 1956г. в издательстве «Художественная литература» вышла тоненькая книжка Д.И. Заславского «Ф.М.Достоевский». Сухо изложенная биография лишена важных для Достоевского вех; очерк похож, скорее, не на исследование, а на главу из учебника. Первому браку уделено всего несколько строк: «Он (т.е. Достоевский, - *авт.*) женился на Марии Дмитриевне Исаевой, интересной во многих отношениях женщине, с болезненным, однако, и тяжелым характером. Супружеская жизнь была неровна. Сошлись два человека со страстными характерами, не обладающие терпением, вспыльчивые. В первой жене Достоевского некоторые исследователи находят прототип Настасьи Филипповны из «Идиота», Грушеньки из «Братьев Карамазовых»...».¹³

«Поднимемся на гору...»

Более пространный экскурс в историю «кузнецкого узла» находим в статье В. Кирпотина «В

Сибири, по местам Достоевского», опубликованной в 1959г. в журнале «Октябрь». Поражает, правда, что автор то и дело проводит параллели между бытованием Достоевского в Кузнецке и металлургическим гигантом, выстроенным в 30-е годы, перекидывая при этом весьма рискованные не вполне убедительные «мостики». Читаем: «Шофёр, возивший меня к дому Достоевского в Кузнецке и по заводам города, предложил: «поднимемся на гору и посмотрим сверху на комбинат». Я послушался и не обманулся. До сих пор благодарен я ему за добрый совет: лучше всякого экскурсовода он понял, что калейдоскоп разнообразных впечатлений от молодого индустриального центра нуждается в опделённой точке, чтобы уложиться в полную глубокого смысла общую картину».¹⁴

То есть без обзора КМК с горы впечатление о пребывании Достоевского в Кузнецке и его связи с Исаевой было бы неполным?...

«Чувство истории...»

Читаем, и не верим глазам своим. Новокузнецк, с его трехвековой историей, назван Кирпотиным «молодым индустриальным центром»! Кстати, поднявшись на гору, он, конечно же, должен был увидеть сохранившиеся там останки Кузнецкой крепости, - ею когда-то любовался и Достоевский. На наш взгляд, в контексте достоевсковедения изучение подлинной архитектурной достопримечательности середины девятнадцатого века - занятие гораздо более поучительное, чем разглядывание абрисов металлургического комбината. Но

Кирпотин так не думал. В первую очередь его привлекает визуальное обследование производственных построек. Не лучшая аттестация для автора, изучающего события столетней давности! После затянувшейся оды «кузнецкому металлу» он переходит, наконец, к теме: «Из всех мест, связанных с именем Достоевского в Сибири, молодой, строящейся, чувство истории с особой силой охватывает наблюдателя именно в Кузнецке... Здесь сохранился почти в нетронутом виде старый городок. Только не бог весть какой собор перестроен в хлебозавод, а немощёные улицы и деревянные дома по внешнему виду остались такими же, какими были в старину».¹⁵

«Со скамеечкой у забора...»

«Не бог весть какой собор»... - имеются ввиду останки Спасо-Преображенской церкви, образца культовой архитектуры конца XVIII века, одного из самых высоких каменных строений дореволюционной Сибири. Отношение Кирпотина к памятнику истории напоминает о деяниях красного партизана Рогова, который сжёг этот храм и проводил в нем расстрелы и пытки мирных граждан. Наиболее приметное здание города не могло не запечатлеться в памяти Достоевского; о кровавых перипетиях, развернувшихся в его стенах в 1919 году, рассказывает известный писатель В.Я. Зазубрин. Но Кирпотина, как уже было сказано, вдохновляют преимущественно абрисы производственных построек КМК. Читаем дальше: «Дом, в котором Достоевский жил в 1857 году, перешёл в

наше столетие целёхоньким из девятнадцатого. Одноэтажное деревянное здание в пять окон по фасаду, с тесовой крышей, с двумя печными трубами, со скамеечкой у забора – оно было, вероятно, одним из лучших домов в городе; недаром выстояло целый век. И улица также была такой, на которой прилично было жить чиновнику: одним своим концом она выходила к собору».¹⁶

«Покрыта весной и осенью чёрной грязью...»

Кирпотин неточен. Дом Достоевского отнюдь не перешёл к нам «целёхоньким» из века девятнадцатого. Он неоднократно подвергался перестройкам и доделкам. То же нужно сказать и об улице Достоевского: часть жилья за сто лет после «кузнецкого венца» снесена, сгорела, или обновилась. И, конечно же, забавно звучит, что дом Достоевского «был одним из лучших в городе». Ведь особыми архитектурными достоинствами он как раз и не блистал. Удивительно, как автор не приметил каменные постройки конца XVIII – XIX вв., спроектированные куда более изысканно (иные из них недолге после визита Кирпотина в Сталинск будут истреблены). Как уже сказано, достопримечательностями он восхищался своеобразно: впечатлялся абрисами промышленных гигантов (например - КМК), так что памятники вековой давности вроде дома купца Васильева, или деревянного Народного дома имени А.С. Пушкина, возведенного на рубеже столетий в стиле «модерн», - не в фокусе его внимания. Явная передержка: известный исследователь восхищается довольно типичными

чертами дома Достоевского (хотя внешний вид обитатели «грозного чувства» многим современникам, наверное, мог показаться невзрачным и неказистым), и одновременно уничижительно высказывается о самом красивом старинном здании Кузнецка – Преображенском Соборе! Читаем далее: «Улица носит теперь имя великого писателя, и вид её действительно легко вызывает в воображении всё то, что представлял собой городок во времена Достоевского. Немощёная, она покрыта весной и осенью чёрной грязью. Зимой её засыпают сугробы, летом над нею поднимается густая пыль. Я был на ней в дурную погоду, в слякоть, она была безлюдна, не было на ней даже детей – школьников, которые в таких местах формой и книжками лучше, чем что-либо другое, напоминает о советской поре. Но вряд ли и в хорошую погоду она радуется своим оживлением, и, тем не менее, радовала она Достоевского. Сто лет назад прохожих на ней было ещё меньше, луж, свиней и кур ещё больше, и ходить-то по ней некуда было, кроме как в церковь».¹⁷

Создаётся впечатление, что Кирпотин ездил в Кузнецк не «по следам Достоевского», а в поисках всё новых и новых примет торжества советской действительности...

«Жить в нём ужасно...»

Что значит, - улица носит имя великого писателя «теперь»? Это «теперь» к моменту кирпотинской публикации длилось уже шесть десятилетий. И совсем непонятно, что хочет сказать автор, помяная о грязи, лужах и курах? Что во

времена Достоевского жилось хуже, чем при Сталине, потому что свиней было меньше? (К слову сказать - в 30-е годы на кузбасских «стройках века» фиксировались даже случаи людоедства). Про особенно восхитившие Кирпотина современные постройки и вовсе умолчим: к чему педалировать на «нелепой» и «неоригинальной» архитектуре старинного Собора, если символ безвкусицы по сю пору – новокузнецкие новостройки, напоминающие «каменные мешки»? Что касается «оригинальности», - Собору в ней не откажешь, поскольку второго такого здания в городе вообще не найти. Между тем, словопоток продолжается: «Недаром единственное, что мог сказать Достоевский о Кузнецке, - это что жить в нём «ужасно». Дом Достоевского да здание неоригинального, безвкусного бывшего собора, с одной стороны, и металлургический комбинат с обступившим его многоэтажным городом – с другой, - это как бы спроецированное в одну пространственную плоскость различие времён».¹⁸

«Мы совершаем как бы путь в будущее...»

Позиция Кирпотина понятна. Давнее прошлое – это «ужасно» и уныло, а современностью надо гордиться и уверенно строить будущее. Не лучший посыл для того, кто взялся писать именно о старине. Впрочем, подобные взгляды вполне вписывались в идеологию, повелевавшую расправляться со многими памятниками истории и культуры (такими, как нелестно упомянутый автором полуразрушенный Собор, или старинное кладбище, снесённое большевиками в городе перед войной).

Статью читаем с тяжёлым чувством. «Отправляясь на автомобиле от проспекта Metallургов на улицу Достоевского, - сообщается далее, - мы переносимся из середины двадцатого столетия в середину девятнадцатого, и, наоборот, возвращаясь из дома №40, из дома Достоевского, к Metallургическому комбинату, мы совершаем как бы путь в будущее...».¹⁹

Не будет пути в будущее для поколений, отлучённых от почитания старины, от изучения творчества Достоевского. А будет извечное топтание на месте с лёгким креном к сталинской поре...

«Преемственная диалектическая связь...»

Интересно, знал ли Кирпотин, сколько расстреляно на упомянутом им «металлургическом гиганте» в 30-е годы? О спецпереселенцах и зэках, его возводивших? О репрессированном руководителе стройки Франкфурте? О приговорах его окружению? С такой ли бы ревностью писал он тогда о «преемственной диалектической связи» между домом Достоевского и меткомбинатом? Увлечённый идеей во что бы то ни стало подвести под статью «научный базис», автор выдвигает теорию о «взрастающих» в Кузнецке «неизолированных точках», «связанных развитием» и «органически вливающимися» в «процесс истории всего мира». Кирпотин разъясняет: «Между домом, где жил Достоевский, и Metallургическим комбинатом существует преемственная диалектическая связь, создаваемая развитием (??? – авт.); надо только помнить, что обе эти «точки» выросли (??? – авт.)

не изолированно, что они органически влиты (??? – авт.) в процесс истории Сибири, всей России, а известным образом и всего мира. Непрерывная эта цепь проходила и через Кузнецк, в бытии которого явно выделяются звенья, имеющие общее значение. Сто лет тому назад в Кузнецке было полторы тысячи жителей, но в затерянном этом полуселе-полугороде отбывал в шестидесятых годах ссылку Берви-Флеровский, книгу которого «Положение рабочего класса в России», сожжённую цензурой, распространяемую нелегально, Маркс сравнивал с энгельсовским «Положением рабочего класса в Англии». Кузнецку посвятил ряд рассказов народнический беллетрист Наумов. В Кузнецке доживал свои годы пионер российского рабочего движения Обнорский, участник «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (в городе есть улица имени Обнорского). В Кузнецке жили родители Куйбышева, сохранился дом, где Валериан бывал и откуда он налаживал пропагандистскую работу среди кузнецких рабочих».²⁰

Не лишне напомнить, что «дом Обнорского» и «дом Куйбышева» через несколько лет после визита Кирпотина были снесены также бестрепетно, как и многие старинные дома у Собора на новокузнецкой «Базарной площади» и близ нее. Ибо не существует «нашего» и «не нашего» прошлого. Прошлое – не туша говядины. Его на отборные куски и требуху не поделишь. Либо люди генно привыкают чтить это понятие, либо генно его истребляют...

«Скромно, тихо, чуть приметно мерцала звезда...»

Рассуждения о «взрастающих точках», наверное, призваны продемонстрировать изощренность стилиста, дотошно изучавшего «классиков» и в деталях знакомого с «диалектикой». Часть названных им домов, как уже сказано, в разное время начальство обрекало на гибель. Лицемерно принимались обоймы распоряжений о их грядущей реставрации и восстановлении «в более удобном месте». С домом Достоевского расправиться не удалось – не успели, общественность и журналисты помешали, зато поминаемым автором Куйбышеву и Обнорскому не повезло: о постановлениях, равно и о разобранных домах давным-давно забыли. Именно так выглядело для памятников истории то самое «завтра», о котором писал Кирпотин. Кстати, он не всегда точен. Удивляет, например, место о «пропагандистской работе Куйбышева среди кузнецких рабочих». Но Кузнецк до революции - не индустриальный центр, промышленности, а, значит, и рабочих здесь не было (кустарные ремесла и мелкая торговля не в счет). Некоторые фактические несостыковки чередуются в статье с «сочными» обобщениями: «Скромно, тихо, чуть приметно мерцала звезда Кузнецка среди созвездия более значительных городов России, но и Кузнецк среди них не Иван непомнящий, он имел свою биографию, свои ступени восхождения, свой путь к теперешней славе».²¹

«Вилка застыла у неё в руке...»

Какая, однако, уверенность, что всё прославленное свершилось именно «при социализме», времена

же до Сталина – это лишь «ступени восхождения» и «чуть приметное мерцание». Учёные и писатели наперебой спешили воспевать «героику» современности в те самые поры, когда крушились памятники старины. Прошлое навязчиво подавалось в контексте настоящего, в невыгодном сравнении (написанное Кирпотинным явное тому подтверждение). Иные, возможно, отнесутся сегодня к подобному подходу так же, как автор статьи – к некой гражданке, удивившейся, что в Кузнецке когда-то венчался Достоевский: «Когда я рассказал, что Достоевский бывал в Кузнецке, что он венчался в Кузнецке, что сохранился дом, где он жил, что даже мемориальная доска прибита к нему, вилка застыла у неё в руке, она от удивления перестала есть. Никак не могла она увязать биографию всемирно известного писателя с таким вот новым, с таким вот «деловым» современным Кузнецком. А меж тем история города действительно увязывается с биографией Фёдора Михайловича Достоевского, а через неё и с историей, имеющей столь славное прошлое, столь поэтичной и вдохновенной русской литературы».²²

«Искания, ... загонявшие писателя в тупик»

Прием с «застывшей вилкой» вызвал в памяти год 1932-й. Илья Эренбург, посетивший тогда Кузнецк-Сталинск, удивился: о великом писателе в городе мало кто слышан. Проходит четверть века – и почти ничего не изменилось. Имя Достоевского, конечно, на слуху, но о том, что венчался он в Кузнецке, известно далеко не каждому. Поэтому

при всех издержках, статья Кирпотина, тем не менее, кажется нам для тех времён достаточно приметной вехой. «На щит», наконец-то, начинают поднимать сибирский период Достоевского, и нарочито его, что представляется особо важным... Кирпотин: «В сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями, и Сибирь же даёт, быть может, самый наглядный ответ на вопрос о том, как же завершила действительная история мучительные искания, нередко загонявшие писателя в тупик».²³

«В Кузнецк его привела любовь к жене спившегося чиновника...»

Из слов Кирпотина чуть ли не явствует, что искания Достоевского завершились постройкой КМК. Мы немного утрируем, но мысль писателя к тому близка. Достоевский, наверное, немало удивился бы, узнав, что придет время, когда энтузиасты-строители в Кузнецке разрушат храм, в котором он венчался, и истребят кладбище с могилой А.И. Исаева, первого мужа М.Д. Напомним - по версии Валентина Булгакова эпитафия на надгробие была выбрана лично Ф.М... Далее Кирпотин продолжает: «Достоевский жил в Сибири не только в Кузнецке. В Кузнецк его привела любовь к жене спившегося чиновника Исаева. После смерти Исаева Достоевский сделал вдове предложение, которое было принято. Он поехал к ней в Кузнецк, чтобы оформить свой брак и увезти её. Главными

местами его пребывания в Сибири были Омск и Семипалатинск. В Омске он отбывал каторгу (1850-1854гг.), в Семипалатинске - принудительную военную службу (1854-1859гг.)».²⁴

«Как освободиться из сибирского плена...»

Вот и всё, что мог сказать Кирпотин о сибирском периоде в контексте взаимоотношений с Исаевой, которые Достоевский когда-то определил как «грозные»: без М.Д. ему – «или с ума сойти, или – в Иртыш». Но эмоциональные «всплески» Кирпотиным в расчет не принимаются: «Достоевского не прельщала перспектива романтического опрощения, воспетая в поэзии двадцатых годов». Наверное, этой фразой автор хотел подчеркнуть приоритеты литературного дарования над чувством в жизни Достоевского. Хотя толкование не очень внятных формулировок может быть различным. Так, утверждение В. Кирпотина, что Сибирь талант Ф.М. только губила, читателю покажется, возможно, несколько однобоким: нельзя же, мол, сбрасывать со счетов «сибирскую составляющую» его творчества и сибирские впечатления («романтические опрощения!») - их отголоски находим чуть ли не во всех крупных произведениях Достоевского... Кирпотин: «В Семипалатинск-то он и привёз свою жену, волнуемый всевозможными заботами: как освободиться из сибирского плена, как устроить свою будущую судьбу. Будущее, о котором хлопотал Достоевский, было житейское будущее и – что очень важно – будущее его писательского призвания. В тогдашней Сибири гений Достоевского был бы подавлен и не

принёс бы своих зрелых плодов. Чтобы реализовать таящиеся в нём возможности, Достоевскому необходимо было во что бы то ни стало и возможно скорее вернуться в Петербург».²⁵

Как тут не согласиться с В. Кирпотиним! При том, что, как сказано выше, Достоевский подспудно считал, будто для достижения этой самой важной цели его жизни – все средства хороши...

«Сибирский период... освещается очень бегло...»

Оживление интереса к Достоевскому наблюдается в 50-е годы не только в столицах (чему свидетельствует – хотя бы процитированные места из упомянутой статьи Кирпотина), но и в Сибири. В альманахе «Огни Кузбасса» в 1959г. появляется очерк кандидата филологических наук Н.И. Якушина «Сибирский период творчества Ф.М. Достоевского». «Кузнецкому венцу» и первому браку Ф.М. в нем места почти не уделено. Но хорошо уже то, что исследователи обращаются к Сибири, которая оставила яркий след в банке литературных впечатлений писателя. Привлекательность этой темы Якушин объясняет так: «В обширной критической литературе о Ф.М. Достоевском сибирский период его жизни освещался и освещается очень бегло. Внимание исследователей всегда обращалось преимущественно на характеристику взглядов писателя, сложившихся, после выхода из каторги, в процессе формирования мировоззрения Достоевского и художественные произведения, написанные им в Сибири, получали лишь самую общую оценку... Всё это позволяет говорить о том,

что сибирский период является важной вехой в творческом развитии писателя, что он может и должен стать предметом специального и самого пристального изучения».²⁶

«Но писать хочется, хочется забыться...»

Н. Якушин ссылается на корреспонденции Достоевского, опубликованные в 1920-е годы! Воистину, достоевсковедение только-только начинало оживать после долгого забвения или, точнее, зстоя. Принципы же, на коих основана работа Якушина, довольно «однодоминантны». Он просто излагает факты биографии писателя до 1857 года включительно, известные по письмам Ф.М. Никаких новых, неизвестных ранее данных не приводится. Вопрос о том, как чувственная коллизия сибирской поры отражена в сочинениях Достоевского, Якушин тоже практически не затрагивает. «Беглости», на которую он сетует в начале статьи, ему, увы, также избежать не удаётся. Любовь к Исаевой, по мнению Якушина, лишь осложняет «и без того трудную жизнь Фёдора Михайловича». По прочтении очерка создаётся впечатление, что Исаева была помехой творчеству Достоевского, а не источником самых острых душевных переживаний, отражённых почти во всех последующих его произведениях. Как и В. Кирпотин, Н.Якушин, по крайней мере в 50-е годы, от исследования романтических перипетий, связанных с браком с Исаевой, уклоняется, ограничиваясь небольшим отступлением: «Значительно осложняет и без того трудную жизнь Фёдора Михайловича начавшийся

роман с М.Д. Исаевой. Но писать хочется, хочется забыться, уйти от этой жизни в мир мыслей и чувств своих героев, вместе с ними страдать, любить, надеяться и ненавидеть».²⁷

А чем же ещё должен был заниматься писатель? Продолжать политическую борьбу в развитие идей Петрашевского? А если писать, то как изгнать из жизни причину острейшего эмоционального накала – роман с Исаевой!

«Любить и ненавидеть...»

Итак, Ф.М. хочется «страдать, любить, надеяться и ненавидеть». Но разве Достоевский не подвергается перечисленным эмоциональным всплескам в бурном романе с Исаевой, как уже сказано? Между тем, Якушин старательно уходит от «психоанализа», хотя в письмах Достоевского только о чувствах и говорится. Всячески демонстрируя «беспристрастность» и верность «строгую научному» подходу, автор, тем не менее, не приводит ни одной ссылки на работы его предшественников. Ведь, как ни «бегло» писали Б. Герасимов, А. Врангель, Л. Достоевская, А. Кашина-Евреина, местные краеведы, журналисты и писатели 1920-х годов, суммарный объём их знаний достаточно впечатляет. У Якушина же описание «кузнецкой коллизии» более чем лаконично. Он сообщает: «Большое количество сибирских писем Достоевского, - пишет он, - адресовано к его семипалатинскому приятелю А.Е. Врангелю, с которым писатель близко сошёлся и подружился в первые годы ссылки. Письма к Врангелю интересны прежде всего тем, что в них необычайно подробно

рассказывается о развитии взаимоотношений между Фёдором Михайловичем и Марией Дмитриевной Исаевой».²⁸

«Оживлённый обмен письмами...»

Самым, на наш взгляд, интересным местом статьи Якушина явилось предположение касательно исчезновения писем Исаевой к Достоевскому. Автор полагает, что М.Д. сама их уничтожила. Психологически более оправданно выглядит другая версия: автографы Марии Дмитриевны истребила Анна Григорьевна в порыве ревности. Гипотеза Н. Якушина выглядела бы более убедительно, если бы он попытался её хоть как-нибудь аргументировать. Читаем: «Интереснейшей частью сибирского эпистолярного наследия были письма Достоевского к М.Д.Исаевой, с которой он переписывался с мая 1855 года, т.е. со времени её отъезда из Семипалатинска в Кузнецк, вплоть до начала 1857 года. Известно, что между ними вёлся очень оживлённый обмен письмами. Но из всей этой, видимо, большой переписки сохранилось лишь одно письмо. Остальные, вероятно, были уничтожены Исаевой. Судить о характере переписки по одному письму, конечно, трудно, но если прибавить к этому же сведения, которые есть в письмах Достоевского к Врангелю, то можно всё-таки сделать некоторые обобщения».²⁹

Позволим себе комментарий. В романе «Вечный муж», как уже сказано выше, поминается некая шкатулка, в которой после смерти чахоточной и неверной жены вдовец обнаруживает обличающие

её письма. Эпизод со шкатулкой кажется явственно списанным «из жизни». Нельзя исключить, что после кончины Исаевой Достоевский нашёл у неё свои письма, - а, может, не только свои, что ещё более подвигло его на целый ряд «расправ» с соперником в будущих произведениях.

«Он полон тревоги за ее судьбу...»

Итак, Якушин пообещал поделиться «обобщениями» на тему первого романа Достоевского. Заинтригованный читатель в нетерпении: что нового привнесёт автор к уже известным сведениям о бурной кузнецкой коллизии. Увы, выводы, в целом, свелись к констатации «пылкости, горячности и страстности» связи с Исаевой. В статье хоть и упоминаются письма Достоевского, но анализа и сопоставления источников почти нет – роману с М.Д. посвящено всего несколько строчек. Создаётся впечатление, что в 50-е годы исследователи так и не сумели подняться на уровень разысканий даже двадцатых годов... Якушин: «Послания Фёдора Михайловича к своей возлюбленной писались пылко, горячо, страстно. В них он как будто спешит, торопится высказаться. Ему хочется сказать всё сразу. Всё кажется чрезвычайно важным, а главное, ему хочется говорить с той, которой принадлежало его сердце. Он полон тревоги за её судьбу, хочет успокоить, подбодрить, но это ему плохо удаётся. Ибо он сам в отчаянии, ибо всё вокруг напоминает ему о разлуке, и он не в силах с ней примириться. Фёдор Михайлович припоминает встречи, вечера, проведённые в доме Исаевых, снова и снова говорит о том,

как дороги были для него «женское сострадание, женское участие», которыми его окружила Мария Дмитриевна. Сам того не замечая, писатель в письмах к своей любимой начинает говорить языком героя «Бедных людей» Макара Девушкина. Сам Достоевский признавал себя и М.Д. Исаеву в какой-то мере героями «Бедных людей». Говоря о своей возлюбленной, он писал: «Она в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе)».³⁰

Но всё-таки откуда возникло предположение, что сама Исаева истребила пылкую переписку кузнецкой поры, мы так и не узнали...

«Никчёмная, одуряющая своим однообразием жизнь...»

При всех издержках, нельзя не признать, однако, как явление позитивное, сам факт выхода статей о сибирском периоде Достоевского в 50-е годы. Местные «достоевскоеды» робко нащупывали колею, которой нужно следовать, изучая творчество и биографию писателя. Их публикации выглядят чересчур осторожными; чувственный взрыв, испытанный Достоевским в отношениях с М.Д., их явно пугает, точно также, как и обывателей девятнадцатого века. В «кузнецком венце» авторы 50-х ещё не видят настоящей темы. Кузнецк, по определению того же Н. Якушина, представлял собою всего лишь «никчёмный, одуряющий своим однообразием» городишко. Провинция как источник вдохновения и фон для бурного романа Достоевского исследователей пока не интересует. В материале Н. Якушина

«Достоевский в Сибири», опубликованном в газете «Кузбасс» в 1959 году, собственно о Кузнецке и проживавшей там Исаевой находим всего пять строчек. Между тем, очерк написан именно в Кузнецке (Сталинске) и странно, что не упомянуто в нем даже о доме Достоевского – памятнике особой, исключительной значимости. «Патриотизм», в смысле «любви к малой родине», в Кузбассе явно не пестовался... Н. Якушин: «Ту же никчёмную, одуряющую своим однообразием жизнь увидел Достоевский и в Кузнецке, куда он приезжал несколько раз к своей будущей жене М.Д. Исаевой. Здесь было ещё более тоскливо, чем в Семипалатинске. Кузнецк в то время мало чем отличался от многих других небольших уездных городишек, затерянных среди бескрайних российских просторов, да к тому же стоявших в стороне от больших дорог».³¹

Вениамин Булгаков

Шестидесятые годы по сравнению с пятидесятыми – значительный шаг вперёд. Вторая половина пятидесятых – это только начало оттепели. О романтической коллизии Исаевой и Достоевского начали говорить, что называется, все и сразу, - другое дело, что одним удавалось пробиться сквозь препоны цензуры, а иные ждали своего часа до девяностых. Так, Вениамин Булгаков, брат последнего секретаря Льва Толстого, Валентина Булгакова, в 1958г. закончил книгу о дореволюционном Кузнецке, нашлось там место и Достоевскому («Володя Чушев прикрепил к стенке нарисованную им

акварелью и очень похожую нашу Богородскую церковь и под изображением написал: «Здесь венчался знаменитый писатель Ф.М. Достоевский в 1857 году»...). Но рукопись была отвергнута Кемеровским книжным издательством и опубликована в сокращённом варианте только в 1991 году после тридцати лет «дремоты» в фондах новокузнецкого городского краеведческого музея, откуда была извлечена и скопирована для публикации чуть ли не детективно.³²

«Иртыш и Нева»

В 60-е годы от отдельных контурных высказываний о «кузнецкой коллизии» Достоевского перешли к некоему панорамному изложению событий. Тема вышла на книжный уровень. Увидела свет документальная повесть Павла Косенко «Сердце остаётся одно» (Казахстан, «Жазужи», 1969) - она переиздана с дополнениями, в расширенном варианте, в 1971г. к 150-летнему юбилею Ф.М. под названием «Иртыш и Нева», и наиболее ярко, на наш взгляд, высветила приёмы работы исследователей с источниками.

«Время вздохнуло», и писать дозволили почти без умалчиваний. Однако о временах Сталина ещё помнили. Косенко ссылается на Емельяна Ярославского и повторяет его слова, что Достоевский «перестал верить в революцию, и в этом была величайшая трагедия, величайшее несчастье всей его жизни». Косенко утверждает также, что в «Бесах» - «много клеветы на подлинных шестидесятников», но что роман демонстрирует провидческий дар

великого писателя, который предвидел появление фашизма, тогда как сегодня может ли подлежать сомнению, что в нем описано явление типично русское, апофеозом коего являлась сталинщина, хотя между Германией и советской Россией 30-х годов уже давно проложена убедительная параллель...³³

П. Косенко отмечает «труды представителей советской школы исследователей Достоевского» и называет имена Бахтина, Гроссмана, Тынянова, Шкловского, Долинина, Кирпотина, Фридендера. Они, цитируем, «правильно осветили жизненный и творческий путь писателя». Увы, ни один из перечисленных авторов собственно реалиями «кузнецкого венца» детально не занимался, на что Косенко, кстати, обращает особое внимание: «Книг, посвящённых казахстанскому этапу (точнее – семипалатинско-кузнецкому, - *авт.*) биографии великого писателя, немного. Рассказ о событиях этого периода содержится в соответствующих главах известного труда Л. Гроссмана, дважды выходившего в серии «Жизнь замечательных людей», и книге Н. Якушина «Достоевский в Сибири», изданной в 1960 году в Кемерове. Однако, являясь лишь частью обширной работы, этот рассказ поневоле носит беглый характер. Это относится не только к биографическому труду Л. Гроссмана, но и к книге Н. Якушина, содержание которой шире названия».³⁴

«Книга эта не литературоведческая...»

Основным источником при описании кузнецкой коллизии Достоевского для Косенко выступают

воспоминания барона Врангеля. Прочая библиография, задействованная им, - тоже давно на слуху. Что касается мемуаров Врангеля, то по части использования (корректного и честного, со ссылками) содержащихся в них фактов у Косенко был предшественник – Борис Герасимов, также проживавший в Казахстане, но только в первой трети двадцатого века. Имя Герасимова Павлу Косенко известно – оно проскользнуло в книге один раз, в сугубо негативном (причём не вполне заслуженно, о чем ниже!) контексте. Между тем, Герасимов опирался на те же источники, что и Павел Косенко, и странно, что последний, помяная о Якушине, Гроссмани и других, которые и вовсе мало что привнесли в затронутую им тему, забывает поставить в их ряд своего земляка. Потому что Герасимов о кузнецком венце в двадцатые годы написал больше, чем все перечисленные Павлом Косенко исследователи, вместе взятые... Косенко: «Основным фактическим источником сведений о пребывании писателя в Казахстане являются известные воспоминания А.Е.Врангеля, полностью не переиздававшиеся уже полвека. Но барон Врангель, молодой чиновник, ставший искренним другом рядового 7-го Сибирского линейного батальона Фёдора Достоевского и сыгравший благотворную роль в его судьбе, прожил в Семипалатинске чуть больше года и о последующем периоде казахстанской эпохи жизни писателя рассказать, естественно, мог не много. Однако существует и ряд других мемуаров современников, представляющих, несмотря на свою отрывочность, немалую

ценность. Они вместе с официальными документами и исследованиями краеведов и составили фактическую основу нашей повести. Книга эта не литературоведческая, а биографическая...».³⁵

**«Острейшая полемика с идеологией
реакционеров-крепостников...»**

Косенко утверждает, что в «Дядюшкином сне» и «Селе Степанчиково», в которых отразились сибирские впечатления писателя, «в зашифрованном виде содержится острейшая полемика с идеологией реакционеров-крепостников». Сказанное представляется нам тавтологией: если «острейшая» - то почему же «в зашифрованном виде»? Одно другому – противоречит. Но не это главное. Само содержание целого периода биографии и творчества Достоевского искажается. В 1854-1859гг. он не думал ни о реакционерах, ни о крепостниках, ни об идеологии, ни о полемике. Его волновало совсем другое: обустройство личной жизни. Очевидно, понимая ограниченность и неправдоподобность далеко неочевидного тезиса, П. Косенко делает оговорки, более соответствующие действительности: «Семипалатинские годы Достоевского – это годы его «грозного чувства», его первой, запоздалой, мучительно трудной любви к жене маленького чиновника Марии Дмитриевны Исаевой, которая после сложнейших и трагичнейших перипетий, словно сошедших со страниц романов писателя, стала-таки наконец Марией Дмитриевной Достоевской».³⁶

Тень Бориса Герасимова

Как уже сказано, Павел Косенко упоминает имя своего предшественника Бориса Герасимова, называя его священником, что в 60-е годы особого доверия и симпатий к последнему вызвать не могло. Павлу Косенко не понравилось замечание Герасимова, что Достоевскому «как будто самому нравилось тянуться перед начальством». Косенко считает, что Герасимов это пишет «с прелестной наивностью». На наш взгляд, ничего «крамольного» фраза не содержала. Более того – как нельзя лучше соответствовала действительности. Достоевский в заботах о возвращении из Сибири и о возобновлении писательской деятельности заискивает перед «сильными мира сего» и вынуждает делать то же самое и Врангеля – надо же помочь другу! – наконец, он пишет оду царю! Вообще же работа Косенко обнаруживает много сходства с публикациями Бориса Герасимова 40-летней давности, довольно подробно бытописующих семипалатинское житие-бытие Достоевского. Повторимся: удивляет, что на них приведена одна-единственная ссылка, да и та – в сугубо негативном ракурсе...³⁷

«Сумрачная красота этого лица...»

Однако в любом случае повесть Косенко – значительный шаг вперед по сравнению с Герасимовым. Тема вышла на книжный уровень – и этим всё сказано. Хотя приемы работы у Герасимова и Косенко во многом схожи: превалирует скорее не

анализ и осмысление, а перечисление фактов и механическое следование букве источника (чаще всего – мемуарам Врангеля). Заслуга Косенко также в том, что он пытается, как никто другой, «разгадать» характер Исаевой, награждая ее сугубо положительными качествами (на что после публикации воспоминаний Л.Ф. Достоевской ещё надо было отважиться)... Читаем: «Сохранилась её фотография. С неё смотрит на нас глубоким и грустным взглядом молодая женщина с чистым лбом, с тонкими чертами лица, на котором болезнь уже оставила свой след. Сумрачная красота этого лица может нравиться, может не нравиться, но бесспорно, что это лицо незаурядного человека».³⁸

«Зачёркивая... любое упоминание об Исаевой...»

Однако, поднимая «на щит» образ М.Д., нужно быть предельно осторожным. Нельзя же начисто отменить написанное Л.Ф. и А.Г. Достоевскими об Исаевой и все объяснять ревностью. Такая позиция выглядит не совсем оправданной. Вместо того, чтобы попытаться сопоставить противоречащие друг другу источники и объяснить кажущиеся взаимоисключения, Косенко идёт по пути наименьшего сопротивления, попросту перечёркивая «нелицеприятные» свидетельства Анны Григорьевны и Любови Фёдоровны... Читаем: «Вторая жена Достоевского, Анна Григорьевна, его «добрый ангел», тайно и отчаянно ревновала мужа к памяти Марии Дмитриевны. После его смерти она не жалела труда, тщательно зачёркивая в черновиках писем Фёдора Михайловича любое упоминание об

Исаевой. При активном содействии Анны Григорьевны была создана долго державшаяся легенда об Исаевой – легенда о малообразованной провинциалке со скверным характером, лишь по воле слепого случая ставшей на несколько лет спутницей великого писателя».³⁹

«Сам Достоевский думал иначе...»

Написанное Анной Григорьевной и Любовью Фёдоровной Косенко пытается «нейтрализовать» высказываниями самого Достоевского об Исаевой. Приём в известной мере «критичный». Однако автор даже не пытается показать, что Достоевский в чувствах к Исаевой был очень разный. И, следовательно, важно не столь отвергать сочиненное А.Г. и Л.Ф. Достоевскими, сколь сопоставлять разноречивые суждения, основанные на неоднозначном отношении Ф.М. к первой жене, и на его откровенных разговорах со второй. Не прямолинейно следовать букве источника, а анализировать, в какой мере он отражал действительные чувства Достоевского... Косенко: «Но сам Достоевский думал иначе. Много лет спустя после смерти Марии Дмитриевны, разговаривая в ночной типографии в ожидании гранок с корректором, - девушкой другого поколения, семидесятницей, народницей, - он вспоминал о Марии Дмитриевне с глубоким чувством: «Была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова – да! – и чиста и наивна притом была совсем как

ребёнок, хотя, когда я женился на ней, у неё был уже сын».⁴⁰

«Жизнь этой женщины... сложилась поистине трагически...»

Процитированные слова принадлежали В.В. Тимофеевой – сохранились ее небольшие заметки о Достоевском. Повторимся: П. Косенко, чтобы де-завуировать концепцию Любовь Федоровны, прибегает к высказываниям самого писателя. Между тем, как уже сказано, и Ф.М., и современники относились к Исаевой по-разному. П. Косенко, по понятным причинам, предпочитает использовать почти исключительно лестные отзывы о Достоевском и его первой жене. Однако воспоминания Врангеля и Семёнова-Тян-Шанского, едва знакомого с М.Д., не могли адекватно отразить картину «кузнецкого венца». Наиточнейшее же следование фактологической канве, а, главное, тональности мемуаров Врангеля привели автора к созданию точно такого же портрета Исаевой, какой был написан за 40-50 лет до него священником Борисом Герасимовым. Исследователю, знакомому с творчеством Герасимова, легко убедиться в этом, читая повесть П. Косенко:

«Жизнь этой женщины, умершей тридцати четырех лет, сложилась поистине трагически. Между тем, начало её пути вовсе не предвещало страданий. Она родилась в обеспеченной семье: её отец, Константин, сын выходца из Франции, служил начальником карантина в Астрахани. Мария Дмитриевна вышла замуж за человека своего круга,

Александра Ивановича Исаева, чиновника, служившего на хорошем месте.

Но несколько лет первого замужество ужасно исковеркало судьбу Марии Дмитриевны. Исаев начал страшно пить и быстро совершенно опустился. Из Западного края, где он служил, Исаеву пришлось переехать в Сибирь, где нужда в мало-мальски знающих чиновниках была так велика, что начальство соглашалось смотреть на поведение подчинённых сквозь пальцы, лишь бы они не переходили самой уж последней грани. Но Исаев уже не мог держаться ни на какой грани. И в Семипалатинске он шатался по грязнейшим грошовым кабакам с настоящими золоторотцами. Со службы его вскоре выгнали окончательно. Средств у семьи не было никаких, и она стояла на пороге нищеты. А у Марии Дмитриевны был на руках маленький сын.

Самым скверным для Исаевой, пожалуй, оказалось то, что пропащий Александр Иванович вовсе не был закоренелым негодяем, эгоистом. Бездельник поневоле, отставной козы барабанищик, он продолжал по-своему любить жену и сына. Полосы запоя и странствий по кабакам перемежались у него периодами искреннего раскаяния, иступлённого самобичевания, обещаний начать новую жизнь. Тираном в семье он никак не был, отчётливейшее сознавал свою вину перед женой. «Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден», - вспоминал о нём Достоевский. И несчастная женщина сотни раз переходила от отчаяния к надежде – до нового запоя мужа. Нервы её были издёрганы невероятно.

К моменту знакомства с Достоевским семья Исаева семипалатинским «обществом» была отвергнута почти совершенно. Исаев потерял всякие остатки воли. До дна опустившийся пропойца, редкие трезвые дни он просиживал в своём закутке за печью, бессмысленно листая единственную свою книгу – собрание биографий генералов двенадцатого года. Вместе с нищетой пришло одиночество и отчуждение. Лицемерно жалея Мария Дмитриевну, семипалатинские дамы в душе злорадствовали. Они не могли простить ей духовного превосходства, которое невозможно было не почувствовать.

Вероятно, Достоевского особенно поразили трагический контраст между той нищетой, в которой жила Исаева, её одиночеством и духовным богатством её натуры. Очень быстро интерес Фёдора Михайловича к женщине трудной судьбы, женщине, столь не похожей на других чиновниц и офицеришек маленького города, превратился в чувство исключительной силы и остроты. Это была первая настоящая любовь, так поздно пришедшая в «действительной жизни» к художнику, с огромным проникновением воссоздававшему уже в своих книгах и робкое обожание Макара Деушкина, и глубочайшее чувство мечтателя «Белых ночей»...

Здесь, в Семипалатинске, всё было иначе. Для Марии Дмитриевны скоро перестало быть тайной то, что испытывал к ней Достоевский. А что чувствовала к нему она?

Фёдор Михайлович называл её в письмах «великодушнейшей женщиной». Нет сомнения, что вначале

она приветила Достоевского просто по своей душевной доброте, увидев в нём человека ещё более несчастной судьбы, чем её. Однако сила вспыхнувшей любви Достоевского, исключительное богатство и сложность его духовного мира, которые она не могла не оценить, увлекли и её.

Но чем сильнее разгоралась эта страсть, тем более безнадежной и лишённой будущего казалась она Марии Дмитриевне. На пути к соединению стояло два совершенно непреодолимых препятствия – её замужество и бесправное положение Достоевского.

А между тем об их отношениях по Семипалатинску уже пошли сплетни и пересуды. Мария Дмитриевна делала вид, что они её не задевают, но в действительности они глубоко ранили её оскорблённую судьбой и потому особо взвинченную гордость. Было бы легче, если бы сплетницы прямо осуждали её, но в пересудах был оттенок презрительной снисходительности: конечно, при таком муже да при такой бедности и с солдатом свяжешься...

Глубоко страдал и Фёдор Михайлович. И его тяготила неопределённость будущего их любви. Он мучительно переживал свою вину перед Александром Ивановичем, для которого тоже не было секретом чувство Достоевского, но который никогда не поднимал речи о нём, словно бы карая соперника великодушием. Описателю «Бедных людей» хорошо было понятно это исковерканное, загнанное глубоко-глубоко внутрь и всё же живое чувство собственного достоинства, не покидавшее

всюду отвергнутого за пьянство маленького чиновника. Через десять лет писатель с потрясающей силой возродил давно уже к тому времени умершего Александра Ивановича в образе Мармеладова.

И всё-таки Достоевский верил в счастливый исход своей запоздалой первой любви. Десятки раз, как заклинание, твердил он Марии Дмитриевне, что они ещё будут счастливы. Он не плыл по течению, он строил свою судьбу».⁴¹

«Романтическая» концепция

Таким образом, следуя в главном своему основному источнику - воспоминаниям А.Е. Врангеля – Павел Косенко является стойким сторонником «романтической» концепции «кузнецкого венца»: два безмерно любящих сердца рвутся навстречу друг к другу, несмотря на преграды и препятствия, они страдают, предаются «грозному чувству» и готовы на отчаянные шаги («в Иртыш, или с ума сойду»). В названном подходе ничего нового нет. Её последовательные адепты – Врангель, Герасимов, да и, в целом, все видные достоевскоеды сталинской поры, с большим недоверием относившиеся к оценкам Л.Ф. Достоевской. По художественности и мастерству, написанное Косенко, конечно, неизмеримо выше статей Б. Герасимова, но страдает отсутствием библиографических ссылок. Впрочем, это не выглядит изъясном: любой исследователь темы и без того знал, где и на каких страницах книги Врангеля найти аналоги ситуаций, приведённых Косенко. По эмоциональному воздействию на читателя, тем не менее, мемуары барона

повесть Косенко превосходили. Она, на наш взгляд, особенно ценна тем, что пропагандировала среди интеллигенции имя Врангеля. И хоть сообщаемое Врангелем Косенко не опровергает ни разу, не сомневаясь ни в единой его строчке, сам дух любознательности, разбуженный оттепелью, подталкивал на известное домысливание, а наиболее критически и скептически настроенные задавались, возможно, вопросом, а насколько вообще связь с Исаевой соответствовала этическим канонам той далёкой поры, когда предосудительный штамп «треугольник» звучал только в водевилях...

Наверное, Павел Косенко чувствовал некоторую двойственность и двусмысленность поведения Достоевского, да и Исаевой тоже. Он возмущен «семипалатинским обществом», чиновницами и офицерами, которые ставят в укор М.Д., что она приютила некую девушку, дочь ссыльного поляка. Очень может быть! Однако полагаем, что тамошние «дамы» если и осуждали, то совсем иное. Ухаживания Достоевского за «замужней женой», а после – преследование Исаевой учителем Вергуновым (на чём настаивала Любовь Фёдоровна именно со слов отца или матери) – вот что в действительности в любые поры способно неприятно поразить «свет» и блюстителей двойной, а иногда и истинной, морали...⁴²

Литературные «реконструкции»

Как автор художественного произведения, П. Косенко редко, но всё-таки иногда идёт на домысливание, вкладывая в уста Марии Дмитриевне или

Достоевскому слова, которые они, может быть, никогда и не произносили, но каковым, при желании, нетрудно найти аналоги, скажем, в переписке Достоевского, либо в иных источниках. Таким образом, П. Косенко, порою, следует не столько букве, сколько духу воспоминаний Врангеля. Приём не из худших. В главе «Казаков сад», например, инсценируется чувствительный разговор М.Д. с Достоевским, накануне прощания перед отъездом Исаевых в Кузнецк, а также сцена проводов тарантаса Исаевых, дополненная «воссозданным» диалогом Достоевского с Врангелем. Полагаем, однако, что реконструкции требовалось подвергнуть, скорее, не достаточно мелкие детали кузнецкого романа, а психологический портрет Достоевского во всём его противоречии, в том числе и с некоторыми «стыдными» моментами биографии. Впрочем, для годов 60-х это задача нереальная. Психология и Фрейд не в почете, приходилось довольствоваться строго заданными схемами: в советские поры «литературные» отражения интимных связей многих замечательных людей носили явный отпечаток шаблона. Увы, Достоевский - не исключение...⁴³

Параллели

Для того, чтобы оценить приёмы работы с источниками, обратимся (вполне произвольно) к одному из многих параллельных мест между книгой П. Косенко и воспоминаниями Врангеля. Это очень важно для понимания творческой кухни литераторов 60-х годов, пишущих в биографическом

жанре. Итак:

Врангель:

«Благословясь, двинулись в путь в 10 часов вечера. Можно сказать, не ехали, а вихрем неслись, чего, по-видимому, совсем не замечал мой бедный Фёдор Михайлович; уверяя, что мы двигаемся черепашьим шагом, он то и дело понукал ямищиков... Мы наутро были в Змиеве. Каково же было разочарование и отчаяние Достоевского, когда стало известно нам, что Мария Дмитриевна не придет; вместо же неё Фёдору Михайловичу было передано письмо, в котором Мария Дмитриевна извещала, что мужу значительно хуже, отлучиться не может, да и приехать не на что, так как денег нет. Настроение Достоевского описывать не берусь: я только ломал себе голову, каким способом я его успокою».

Косенко:

*«На рассвете, закрыв ставни окна..., тайком выехали из города. Мчались как угорелые. А домчавшись, узнали: приехали напрасно. Мария Дмитриевна лишь прислала записку – болен муж. Не оглядевшись, полетели назад. Когда Достоевский вышел на службу, никто не усомнился, что он перенёс тяжёлую болезнь».*⁴⁴

Таким образом, рассвет меняется на закат, фраза «вихрем неслись» переделывается на «мчались как угорелые», письмо Марьи Дмитриевны превращается в записку, удручённое настроение Достоевского стало болезнью. Но, несмотря на то, что весь кусок из воспоминаний Врангеля переписан мастерски, и предложения изменены, тем не менее,

очередность их сохранена полностью, что вызывает ощущение уже читанного. Подобных примеров можно привести множество. Ни в коей мере не сомневаясь в правомочности подобных приёмов, полагаем, однако, что куда важнее было не «редактировать» Врангеля, а осмысливать сочинённое им, но книга П. Косенко показалась нам интересной отнюдь не в части выводов и сопоставлений.

Стилистические «заимствования»

В книге П. Косенко удивляет смешение жанров и приёмов. «Аккуратное» следование источнику внезапно сменяется «переделками» его в малозначительных, порой, но весьма многочисленных, деталях. Довольно точная биографическая хроника разбавляется «домысленными» вставками, чаще всего диалогами, что можно только приветствовать, ибо мы сталкиваемся здесь с некой реконструкцией поведения Достоевского, иными словами – с версиями и предположениями (неизменными спутниками любого поиска!). Но трудно понять другое: когда в руках у автора – мемуары, которые он изучил до последней буквы, однако нарочно их «подправляет», причем зная заранее, что налицо преднамеренное искажение, – то зачем? Ну, например, возвращаясь к упомянутой параллели между книгами Врангеля и Косенко, нельзя не задаться вопросом: а столь ли нужно менять время суток, сопутствующее действию, с заката на рассвет, если доподлинно известно, что событие начиналось именно в вечерние сумерки? Литературный аргументированный вымысел хорош там, где нужно

восполнить какой-либо пробел в сведениях о биографии человека. Но если «лакуны» нет – к чему истину подменять суррогатом?

Иногда, впрочем, П. Косенко впадал в другую крайность, и куски из воспоминаний почти переписывал, лишь слегка видоизменяя текст, и даже с повтором стилистических особенностей. Чтобы не быть голословными, приведём пример.

Врангель:

«Мы прогостили в Змиеве пять дней; согласно обычаю, нам отвели квартиру у богатого купца. Радушно встретило нас горное начальство; не знали уж, как нас и развлечь, - и обеды, и пикники, а вечером даже и танцы. У полковника Полетики, управляющего заводом, был хор музыкантов, организованный из служащих завода... А Фёдор Михайлович был на этот раз франт хоть куда. Впервые он... облачился в сюртук, сшитый моим Адамом, серые мои брюки, жилет и высокий стоячий накрахмаленный воротничок. Углы воротничка доходили до ушей, как носили в то время. Крахмальная манишка и чёрный атласный стоячий галстук дополняли его туалет».

П. Косенко:

«В этот приезд приятели прожили в «Змиеве» целых пять дней и успели осмотреться в нём... Квартиру отвели им у богатого купца, но там они только ночевали, а днём и вечером их возили то на обед, то на пикник в бор, то на танцы. У управляющего заводом полковника Полетики слушали хороший хор, составленный из служащих завода. Достоевский, щеголявший в сюртуке,

шитом Адамом, в серых брюках, заимствованных у Врангеля, чёрном атласном галстуке и высококрахмальном воротничке, углы которого доходили до ушей, несколько оттаял».⁴⁵

Из сопоставления цитат следует, что заимствование, в целом, налицо. Полагаем, что в некоторых местах книга П. Косенко только выиграла бы, если вместо подобных переложений он использовал бы прямое закавычивание текста со ссылкой на источник и познакомил бы читателя с живым образным стилем Врангеля...

«Грозное чувство»

Применительно к отношениям с Исаевой, П. Косенко использует термин «грозное чувство» - именно так Достоевский определил своё эмоциональное состояние периода «кузнецкого венца». Одновременно перечёркивается практически все, что сообщила Л.Ф. Достоевская о любви Исаевой и Вергунова. Автор разделяет также характеристику Вергунова как «бесцветной личности» (в этом он следует буквально мемуарам Врангеля). Как и Л.Ф. Достоевская, П. Косенко аттестует Вергунова скорее негативно, однако оценки Исаевой у них диаметрально противоположны. Но, объявляя написанное Л.Ф. Достоевской «мифом», П. Косенко никак не объясняет, почему и как он возник, так что читатель наверняка мог сделать вывод, что дочь писателя сама, непонятно по каким мотивам, злонамеренно пустила в оборот оскорбительные штампы и ярлыки, зачем-то унизив ни в чём не повинную Исаеву. К анализу причин появления

подобных «легенд» П. Косенко, как и большинство исследователей той поры, не прибегает. Историю взаимоотношений внутри «треугольника» он излагает так:

«Вести из Кузнецка или самые тревожные. Мария Дмитриевна устала от бесконечной борьбы с нищетой, теряла надежду, что ей удастся когда-нибудь соединить судьбу с Достоевским. Единственным выходом ей представлялось новое замужество в Кузнецке. Она осторожно спрашивает совета у Достоевского, как ей поступить в случае, если будет к ней свататься пожилой обеспеченный человек.

Говоря о своём предполагаемом женихе, Исаева была намеренно неточна, но Фёдор Михайлович ей поверил и пришёл в отчаянье, представив в качестве будущего мужа своей любимой такового таёжного медведя, богача, «который, может быть, про себя и побои считает законным делом в браке». «Она в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!)».⁴⁶

Исаева была «намеренно неточна» в письмах, присоединяя четвертого «игрока» к уже известному треугольнику? Но ведь это – только предположение автора книги, который поставил себе цель оберегать честь М.Д. Позиция вполне понятная: нельзя же хотя бы исподволь допустить в достоевковедение 60-х «крамолу» под стать той, что содержится в книжке Л.Ф. Достоевской! Бросать тень на интимную жизнь великого писателя, незадолго до венчания подключившегося к «групповому роману» – как же

можно... Читаем дальше:

«Но создатель Девушкина совсем не походил на своего героя, и его «страшное, грозное чувство» ничем не напоминает безнадежного обожания Макара Алексеевича. Достоевский не собирается сдаваться: «Отказаться мне от неё невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, 2 года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости». И он уверен: «Само собой разумеется, что, если б уладились дела мои, то я был бы предпочтен всем и каждому».

Через несколько месяцев Фёдор Михайлович убедился, что аналогии с ситуацией из «Бедных людей» в Кузнецке вообще нет: добрый, но предельно бесцветный уездный учитель Вергунов совершенно не походил на грубого и сильного «господина Быкова». Он был значительно моложе и духовно слабее Марии Дмитриевны. Не имелось у него и Быковского богатства: брак с ним был бы для Исаевой лишь переходом от отчаянной нищеты к бедности, еле сводящей концы с концами.

Драма Достоевского была в том, что Достоевский не мог предложить ей и этого...

Фёдор Михайлович Достоевский был живым человеком – умным, страстным, сильным, но отнюдь не маньяком. Беспокойство за судьбу своих хлопот о будущем, «грозное чувство» к Исаевой, где надежда чередовалась с отчаяньем, бесконечно волновали его, несли бессонные ночи. Но не нужно даже в эти исключительно тревожные месяцы представлять его угрюмо сосредоточенным на

оном...

Но, естественно, главными для Достоевского в те месяцы оказывались мысли о Марии Дмитриевне, опасения, что «гадость кузнецкая её замучает». Увидеть Исаеву, понять, как и чем она сейчас живёт, стало необходимостью. И Федор Михайлович вновь идёт на весьма рискованный шаг. Направленный по служебной командировке в Барнаул, Достоевский самовольно приезжает в Кузнецк и после тринадцати месяцев разлуки встречается с любимой женщиной. Радости, однако, эта встреча не принесла.

... Трудно, конечно, теперь, через век, точно сказать, была ли эта, вторая, любовь. Автор книжки «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской» приписывает вдове маленького чиновника чуть не демоническую страсть к «красавцу учителю». Л. Ф. Достоевская объясняет эту страсть «африканским происхождением» Исаевой, которую далее, увлекаясь, уже попросту называет «негритяжкой». Но думается, что эти африканские страсти в алтайском уездном городишке не более чем миф. Учитель Вергунов был, по словам Врангеля, «личностью вполне бесцветной» и, если говорить только о чувствах, соперником Фёдору Михайловичу не являлся. Суть-то выражена в словах Достоевского «отсутствующие виноваты». Одиноким женщинам просто не на кого было опереться в своей кузнецкой нищете».⁴⁷

То, что автор вводит в оборот давно забытую книжку Любовь Федоровны – большой плюс. Однако он несколько упрощает, «схематизирует» ее

концепцию, принижая до уровня злостных наветов. Тогда как вторая жена и дочь о романе Исаевой с Вергуновым могли узнать только из уст самого Ф.М. Создаётся некая ловушка: пером Л. Достоевской как бы водит ее отец, причем биографам 60-х ему не верить - нельзя. Недооценивание связи Исаевой и Вергунова, столь впечатлившей Достоевского, выглядит неоправданно. Тем не менее, исследователи вынужденно попадали в патовую ситуацию, пытаясь оспорить Достоевского «в изображении дочери» его же собственными словами. А глубоко погружаться в психологические подробности «треугольника» в те поры было небезопасно. Поэтому осторожность Павла Косенко вполне объяснима. Он пишет:

«Но вполне вероятно, что Мария Дмитриевна, воспитанная на романтических повестях Марлинского, невольно несколько «марлинизировала» положение и даже себе, не только Фёдору Михайловичу, внушала мысль о женском сердце, разрываемом чувством пополам, - трудно ведь даже себе признаваться, что выбор всего будущего решается вопросом об обеспеченном куске хлеба. Во всяком случае, возможность брака с Вергуновым Марией Дмитриевной не исключалась, и это-то и страшило Достоевского – не только за себя, но и в ещё большей степени за любимую женщину...»

Вергунов написал Фёдору Михайловичу «ответ ругательный». Несмотря на это Достоевский просит Врангеля («ради бога, ради света небесного») похлопотать об уездном учителе у Гасфорта (Александр Егорович собирался в Омск). «Хвалите его

на чём свет стоит» - для того, чтобы выхлопотать ему более обеспеченное место».

Эту просьбу нужно оценить правильно, иначе мы не поймём Достоевского, выдумаем ему фантастический характер.

Достоевский тут вовсе не отрекается от своего чувства, не собирается отступить от борьбы за него, не жертвует собой ради соперника (которого он, вдобавок, не считает достойным любимой женщины). Но если всё же выбор будет сделан не в его пользу, Фёдор Михайлович находит необходимым добиться для Марии Дмитриевны хотя бы материального благополучия...

Здесь нет юродства, нет всепрощения. С соперником Фёдор Михайлович целоваться не собирается, напротив, говорит о нём с еле сдерживаемой злостью. Но он не переносит обиды за женщину, которую любит.

Кроме перевода Вергунова Фёдор Михайлович хлопочет о выплате Марии Дмитриевне причитавшегося ей после смерти мужа, но почему-то задержанного единовременного пособия в 285 рублей серебром... Достоевский боится, «чтобы она, не дождавшись этих денег, не вышла замуж», так как после нового замужества Исаева лишилась бы права на пособие.

Но после свидания в Кузнецке Мария Дмитриевна решила не спешить с выбором будущего. К этому времени её положение несколько улучшилось: в семье окружного исправника Ивана Мироновича Катанаева она нашла людей, искренне к ней расположенных и готовых поддержать. Теперь она уже

*не так остро чувствовала своё одиночество в алтайском городке».*⁴⁸

Заметим, что автор трактует события из жизни Достоевского приблизительно также, как сам великий писатель. Иными словами – выводы и оценки Достоевского подаёт как свои. Это видно хотя бы по объяснению причин, по которым Достоевский хлопочет за Вергунова, что полностью сходится с уже известным по письмам Ф.М. В подобных совпадениях особого зла, конечно, нет. Однако такая позиция не критична. Биографу не следует безоглядно идти на поводу источника. Но это – на наш сегодняшний взгляд. В 60-е же годы налицо были лишь зачаточные элементы критики и весьма робкие отдельные попытки сопоставления точек зрения, что, впрочем, никогда или почти никогда не перерастало в полемику. Поэтому неудивительно, что столь непрозрачный во многих отношениях эпизод, как кузнецкое венчание, всегда вызывавший кривотолки, описывается П. Косенко так, как будто никаких споров и двусмысленностей на этот счёт не существовало... Читаем:

«Здесь было новое и решительное объяснение с Марией Дмитриевной, объяснение с Вергуновым, которого Фёдор Михайлович, вернувшись домой, всячески расхвалил в письме к Врангелю, хотя превозносить его, собственно, было не за что: молодому учителю ничего другого не оставалось, как потихоньку стушеваться.

Всё было решено. Дело оставалось за малым – за деньгами. Их же совсем не было ни у Исаевой,

ни у Фёдора Михайловича. Ему не на что было экипироваться после производства в офицеры, выручил вечный Врангель, приславший каску, полусаблю и офицерский шарф...

На пути в Кузнецк Фёдор Михайлович остановился в Барнауле у Семёнова. Находился он, как свидетельствует учёный, в самом лучшем расположении духа и был проникнут твёрдой верой в счастливое будущее...

Заботы по устройству свадьбы взяла на себя жена исправника Анна Николаевна Катаная, очень расположенная к Марии Дмитриевне. Благодаря её хлопотам (да и не только хлопотам – Анна Николаевна приняла на себя и значительную часть расходов) церемония получилась весьма пышной. В церковь собрался чуть не весь Кузнецк, а праздничный стол отличался исключительным изобилием даже по масштабам сибирского хлебопекства.

*Короткие дни, проведённые молодожёнами в Кузнецке до отъезда, принадлежат к немногим безоблачно светлым в жизни Достоевского. Фёдор Михайлович был спокойно счастлив, угрюмость и хмурость его словно испарилась; кузнецкое «общество» было им очаровано. Он постоянно бывал с женой на вечерах, много танцевал (танцором он был превосходным), шутил, охотно играл в карты по маленькой. Днём возился с Пашей Исаевым, который заметно подрос и превратился в изрядного озорника. Много гулял с Марией Дмитриевной по городским улицам, накинув военный плащ, и никак не мог с ней наговориться».*⁴⁹

П. Косенко обнаруживает знакомство со статьёй Валентина Булгакова «Ф.М. Достоевский в Кузнецке». Прогулки Марии Дмитриевны, карты, военный плащ – означенные «пассажи» автором не выдуманы, а заимствованы и переданы своими словами, но без каких-либо упоминаний о названной публикации. Конечно, можно возразить, что в литературном сочинении ссылки не обязательны. Но, на наш взгляд, соответствующая оговорка в тексте не помешала бы. Это только украсило бы повествование, а оттенок достоверности был бы гораздо явственней.

Самое «притягательное» место в книге Павла Косенко, пожалуй, - то, где он пытается объяснить, почему связь писателя с Исаевой стала несчастливой. Он полагает, что практически никто из биографов Достоевского до него истинных причин неудачности первого брака Ф.М. не касался. Очевидно, мнение Любви Фёдоровны, которая видела корни бед в многолетних изменах Исаевой, в расчет не принимаются. П. Косенко выдвигает свою версию: ответ на вопрос надо искать в несостыковке психологий супругов, равно и во взглядах на институт семьи у Достоевского - жена должна быть кроткой, «неэмансипированной»:

«Странно, - пишет П. Косенко, - что никто, кажется, из писавших о первом браке Достоевского, не указал на истинные причины того, почему он оказался неудачным. Фёдор Михайлович – и в этом-то, может быть, ярче всего проявились те его мещанские черты, всосанные с материнским молоком, о которых говорила Штакенишнейдер и

которые в сфере мысли и творчества совершенно подавлялись глубиной его гения, - равенства в семье не признавал. Рыцарское преклонение перед любимой женщиной парадоксально сочеталось у Достоевского с требованием безусловного духовного подчинения женщины ему, даже расторжения, так сказать, её личности в нём. В многочисленных своих позднейших выпадах против женской «эмансипации», духовной самостоятельности женщины писатель теряет даже остроумие, которое вообще-то отличает его полемическую борьбу против враждебных ему взглядов, даже когда он явно несправедлив...

Мария Дмитриевна к «кроткому» типу никак не относилась. Она и по характеру была человеком сильным, гордым, а тяжёлая жизнь приучила её особенно и даже навязчиво подчёркивать свою самостоятельность. «Растворяться» даже в человеке, которого она искренне любила, она не могла. И когда Достоевский убедился в этом, он наглухо отгородил её от главного в себе – от своей духовной, творческой жизни.

Будь Мария Дмитриевна просто недалёкой и малообразованной провинциалкой (образ, создавшийся в воображении второй жены Достоевского), она бы просто не заметила этого. Будь её духовный мир хоть как-то сомасштабен интеллекту писателя, может быть, ей хватило бы силы войти в грандиозный творческий мир писателя. Этого не произошло. И в то же время Мария Дмитриевна была достаточно умна, чтобы понимать, что мир этот огромен, что для её мужа он главный и

что ей входа в него нет. И здесь источник мучений Марии Дмитриевны, порой страшно ожесточивших её против мужа.

И всё-таки после смерти Марии Дмитриевны он вспоминал о ней с пронзительной болью, горчайшим сожалением о том, что так страшно исковеркало себя сильное и глубокое чувство».⁵⁰

Процитированное место примечательно во многих отношениях. Во-первых, Косенко отваживается «вспомнить» о мещанском происхождении Достоевского. «Мещанство, всосанное с материнским молоком» - сказано сильно! Но более всего впечатляет другое. Выходит, что М.Д. Исаева - достаточно эмансипирована для того, чтобы не понравиться в браке Достоевскому, но не доросла до него интеллектом, чтобы осознать важность его внутреннего мира как творца, сочинителя. Однако зададимся вопросом: была ли «интеллектуальнее» Полина Сулова, с которой у Достоевского – бурный роман в Европе? А ведь Полину Достоевский предпочитает умирающей Исаевой. Или, может, Аполлинария Сулова - менее «эмансипирована», нежели Исаева, чем и завоевывает писателя? (Но едва ли, конечно, к «эмансипации» стоит приравнивать откровенную распущенность с примесью цинизма...).

Очень даже возможно, что «интеллект» и «эмансипация» имеют прямое отношение к «счастью» брачных уз. Но размышляет ли о сих отвлечённых предметах Достоевский, изменяя Исаевой в последние годы её жизни? Упомянутые П. Косенко факторы, влияющие на сживаемость двух

характеров, важны, но для Ф.М., судя по «чувственным всплескам» вне лона семьи, они едва ли являлись определяющими.

Яростно оппонировав книге Любови Фёдоровны и отбивая ее атаки на Исаеву («прелюбодейку», «негритянку»), Павел Косенко все же выставляет «застрельщицей» послевенчаных конфликтов именно М.Д. На с.117 намекает, что Исаева беспричинно ревновала к дочке семипалатинского поляка Ордынской Марине, «реконструируя» раздумья Достоевского по этому поводу: «Жена – жена рядом. Спит в соседней комнате. Рядом – и далеко. Нет с ней лада, покоя, счастья. Он любит её, да мало радости в этой любви. В выдуманном мире живёт Мария Дмитриевна, и хорошо ей там, вечно какие-то нелепости происходят в том мире: самые благородные помыслы оборачиваются драмой или фарсом, или тем и другим вместе».

Получалось, что виновница супружеской «несчастья» - только Исаева. Достоевский – вне критики. Хотя тональность отзывов о первой жене Ф.М. применительно к их семипалатинскому периоду у Косенко, в целом, если не восторженная, то, во всяком случае, благожелательная. Но он становится в жесткую оппозицию к М.Д., начиная с переезда в Тверь. Коли к Исаевой охладел Достоевский – охладевает и автор: «Видимо, в Твери Мария Дмитриевна окончательно перестаёт играть мало-мальски заметную роль в жизни своего мужа. Он охвачен нетерпением, он лихорадочно строит огромные планы и торопит их осуществление, он возобновляет старые знакомства, а что делать ей?

Круг интересов узок, знакомых нет. Пустоту Мария Дмитриевна заполнила начавшейся именно в Твери с приезда Михаила Михайловича ревнивой, упрямой и мелочной ненавистью к братьям и сёстрам мужа. Ненависть принесла ей много мучений – никто, и в первую очередь сам Фёдор Михайлович, к этому всерьёз не относился, никто с ней ответно не враждовал, все снисходительно согласились считать чувство Марии Дмитриевны извинительным капризом больной женщины – можно представить, как это мучило Исаеву при её гордости и самолюбии!...».⁵¹

Но что стоили «капризы» Марии Дмитриевны по сравнению с изменами Достоевского, которые она терпела – об этом мало кто пишет. Сказано ведь – «малоинтеллектуальная» и слишком эмансипированная, к тому же больная. А посему – вспоминая романы с Апполинарией Суловой и другими, и всячески подчёркивая утончённость чувств, испытываемых Достоевским, об Исаевой как-то забывали. Потому что «высокое» – для гения, а для прочих – «извинительный каприз», в лучшем случае. Тем не менее, описывая предсмертный период Исаевой, Павел Косенко решается в последний раз повоевать с Любовью Фёдоровной, объявляя «диким вымыслом» сообщаемую ею легенду о связях Вергунова с Исаевой, в чём якобы та призналась Достоевскому перед кончиной. Но источником «дикого вымысла», конечно же, объявляется не Любовь Фёдоровна и не Достоевский, а – всё та же «капризная Исаева с узким кругом интересов, упрямой и мелочной ненавистью». Былого

сочувствия к М.Д. автор уже явно не испытывает, ограничиваясь лишь жалостью к «психически неуравновешенной» женщине: «Фёдор Михайлович несколько раз упоминает о том, что больная жена стала исключительно раздражительной. В книжке дочери писателя говорится, что незадолго до смерти Мария Дмитриевна призналась мужу: она была любовницей Вергунова, провела с ним ночь перед венчанием, затем Вергунов поехал за ней из Сибири в Россию, и она постоянно с ним встречалась и в Петербурге, и во Владимире. Разумеется, всё это дикий вымысел (причем вымысел опять-таки в духе повестей Марлинского): никуда из Сибири Вергунов не уезжал и в романтические любовники совершенно не годился. Но не исключено, что больная женщина с абсолютно расстроенными нервами действительно могла сделать Фёдору Михайловичу такое «признание»...».⁵²

Известно: человек «у черты», перед тем, как уйти из жизни, лгать не будет. Он – кается, но выдумывать тяжких вин, никогда им не совершенных, не станет. И посему возможны два варианта: либо Исаева говорила правду (что не подкрепляется никакими прямыми дополнительными источниками, и лишь в незначительной степени – косвенными), либо дезинформация исходила от Достоевского, вкладывающего в уста супруги «не те» слова.

Ведь если «признание» Исаевой оказалось ложным, то она совершает двойной грех, возлагая ответственность за несуществующие прелюбодеяния не только на себя, но и на ни в чем не повинного

Вергунова. Вряд ли Исаева, весьма щепетильная в вопросах чести (вспомним её отказы встречаться с Достоевским в Змиеве при живом ещё Исаеве!) могла «слукавить» в свой последний час. А мы не знаем ровно ни одного документа, из коего следовало бы, что Исаева когда-либо совершала поступки, идущие вразрез со строгими этическими канонами ее века. Достоевский же, «бывший каторжник», - явный враг условностей. Змиев – лучшее тому подтверждение. И таким ли уж нарушением приличий покажется ему унизить Исаеву посмертно, когда «подспудный бес» подначивает: ничего, небеса не обрушатся! И разве не он наделил Личность правами, намного превосходящими мораль «простых смертных»?

Л. Гроссман

Выход книги П. Косенко – событие знаменательное. Основное её достоинство - не в фактологической стороне, а в том, что им выдвигаются любопытные и достаточно спорные версии. Трагедия первого брака Достоевского выглядит, по сравнению с 50-ми годами, свежо и смело, хотя сегодня выводы автора кажутся, напротив, робкими. Однако в целом написанное свидетельствует о возвращении к уже давно забытым подходам, основанным на «переваривании» и безусловном следовании воспоминаниям Врангеля, что было принято в среде местных сибирских историографов первой четверти века, вроде Б. Герасимова.

Как безусловный позитивный факт, надо отметить, что роль Исаевой в жизни Достоевского

отражена в 1960-е годы даже в специальных справочных изданиях, что для сталинской поры нехарактерно. В «КЛЭ» (1964) читаем: «Ещё в ссылке Достоевский пережил болезненно-страстную любовь к жене сибирского чиновника М.Д. Исаевой, которая после смерти мужа стала женой Достоевского (умерла от туберкулёза в 1864)».⁵³

Одна строчка об Исаевой в энциклопедии – много это или мало? Во всяком случае, после известной статьи А. Кирпичникова в словаре Брокгауза и Ефрона, в справочниках, адресованных массовому читателю, М.Д. поминали крайне редко.⁵⁴

Представители старой школы, «выпестованной» при Сталине, в 60-е гг. по-прежнему авторитетны. «Оттепель» сопровождалась открытием новых имен – например, Павла Косенко, но и «ветераны» достоевсковедения - такие, как Л.П. Гроссман (публиковался ещё в начале 20-х!) продолжают активно печататься. В 60-е дважды в серии «Жизнь замечательных людей» выходит обобщающий труд Гроссмана «Достоевский» (1962, 1965). История «кузнецкого венца» изложена в нем довольно бегло, менее спорно, но вместе с тем не так занимательно, как у П. Косенко. Л. Гроссман, как никто другой, буквально следуя письмам и высказываниям самого Достоевского, превращает его в кумира. Что так контрастирует с некоторыми местами из работы Косенко (вспомним попытки проследить «мещанские корни» в поведении Достоевского семипалатинской поры!). Л. Гроссман, по сравнению с Косенко, более лаконичен; чувствуется, что биографию Достоевского он оценивает

глазами «внутреннего цензора» (очевидно, по привычке, сложившейся в «морозные времена»). Вот его видение периода «грозного чувства»:

«По приезде в Семипалатинск Достоевский познакомился с одним скромным таможенным чиновником Александром Ивановичем Исаевым и женой его Марией Дмитриевной, рождённой Констан, по деду французской».

Жизнь её сложилась несчастливо. Дочь начальника астраханского карантин, она вышла замуж за алкоголика, не способного регулярно работать, дружившего со всякими отбросами общества, обрекавшего жену и сына на острую нужду. Достоевский застал его уже «ужасно опустившимся»...

Контрасты такой натуры заинтересовали писателя. «Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден», - писал Достоевский об Исаеве, послужившим ему отчасти прообразом для Мармеладова.

Возникает первый личный роман Достоевского – чрезвычайно сложный и мучительный. Мария Дмитриевна болела туберкулёзом, но, как многие чахоточные, была страстно привязана к жизни, к её радостям и соблазнам. Семейная обстановка её была поистине ужасающая. Муж в пьяном виде доходил до буйства, и ей приходилось непрерывно охранять ребёнка от невменяемости отца. Всё «порядочное» общество отвернулось от них. Сохранилась лишь компания Исаева, которую Достоевский характеризует в одном из своих писем как грязную, отвратительную, кабацкую. Гордо и безропотно несла свою участь Мария Дмитриевна,

по определению её нового друга, «дама ещё молодая, хорошенькая, образованная, умная, грациозная, с великодушным сердцем».

Несколько позже, в 1856 году, когда он ближе узнал её во всей сложности её характера, он определял её ещё глубже и разностороннее...

Натура мятущаяся и порывистая, самобытная и окрылённая, возвышенная и смелая – такой представляется Достоевскому его первая любовь. Вот почему он видит её на краю гибели, и его сердце полно тревоги...

В то время ей было двадцать шесть лет. Милостивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная – так описывает её Врангель... Познакомившись с ней гораздо позже в Петербурге и только мельком видевший её, Н.Н. Страхов отмечает, что Мария Дмитриевна произвела на него очень приятное впечатление бледностью и нежными чертами своего лица, хотя и отмеченного уже смертельной болезнью.

На сохранившемся её портрете перед нами молодая женщина с умным и волевым взглядом, высоким лбом и чувственными губами. Такое лицо в оживлении разговора, в споре, в смехе могло казаться одухотворённым и даже красивым.

Отношения Фёдора Михайловича с его будущей женой получили сразу какой-то неправильный и взаимно мучительный характер...

Уже в первую пору их близости Достоевский испытывает приступы необычайной ревности к своей новой подруге. Отсюда же сомнения в любви к

нему Марии Дмитриевны, что особенно сказалось в момент разлуки.

После двухлетней отставки и почти нищеты Исаев получил, наконец, новую должность заседателя по корчемной части (то есть по управлению трактирами), что даже было «очень унижительно», замечает Достоевский. К тому же предстоял переезд в страшную глушь, за 700 вёрст, в дикий сибирский городишко Кузнецк Томской губернии...

Пришлось всё распродать, уплатить неотложные долги, занять денег на дорогу, пуститься в дальний путь не в кибитке, а в телеге.

Отчаяние Достоевского, по рассказу Врангеля, было беспредельно; он ходит как помешанный; при мысли о разлуке с Марией Дмитриевной ему казалось, что всё для него в жизни пропало...

Уехали в конце мая вечером...

Друзья решили провожать Исаевых лесной дорогой. Стояла чудная майская ночь. Врангель напоял Исаева шампанским и усадил в свой экипаж, где тот и уснул непробудным сном. Достоевский пересел к Марии Дмитриевне. Долго мчались сосновым бором, пронизанным светом... Наконец, остановились, распрощались. Дёрнули лошади, еле стала видна повозка...».⁵⁵

Удивительно, что в 60-е годы, перелагая своими словами (иногда – с редкими цитатами) воспоминания Врангеля, исследователи не всегда оказывались на высоте в трактовке событий. Изложение более всего напоминает хронику – день за днём, месяц за месяцем. Кажется, что литераторы

перворядно озабочены одним – как бы так переставить предложения Врангеля, чтобы не походило на плагиат. Шестидесятники – хорошие систематизаторы и «хроникёры», но, увы, особыми философскими и аналитическими достоинствами их работы не отличаются. К тому же, переписывая Врангеля, они лишают поэтичности его рассказ, ибо как художники слова – гораздо слабее его. Такой «канцелярский» подход к «грозному чувству» Достоевского контрастирует с его авантюрной и романтической составляющей. Поражает также иное: стремление к архи-взвешенному, «академическому» подходу подвигает Л.П. Гроссмана лишь повествование двух эпизодов, очень важных с психологической точки зрения, а именно – попыток Ф.М. встретиться с Исаевой в Змиеве еще при живом муже, тайком от него. Какая характерная деталь, парадоксально отражающая внутренний мир писателя! И – как же «цензурный» самоконтроль должен ограничивать автора, если он опасается поведать читателю то, что любому образованному россиянину начала XXв. было прекрасно известно по публикации Врангеля!.. Однако продолжим чтение главы, посвященной кузнецко-семипалатинским дням Достоевского:

«Возникает переписка, быть может, ещё более мучительная, чем личные отношения. Мария Дмитриевна и на расстоянии не перестаёт томить Достоевского своими жалобами на лишения, на свою болезнь, на печальное состояние мужа и безрадостную будущность. Но ещё сильнее, конечно, волновали и мучили Достоевского жалобы его

корреспондентки на невыносимое одиночество и потребность отвести с кем-нибудь душу... Когда же в письмах всё чаще и всё восторженнее начало мелькать имя нового знакомого в Кузнецке – «симпатичного молодого учителя», обладающего редких качеств и «высокой души», Достоевский впал в окончательное уныние, бродил, как тень, и даже забросил «Записки из Мёртвого дома», над которыми работал в ту пору с редким увлечением.

В августе 1855 года Достоевский получил от Марии Дмитриевны извещение о смерти её мужа. Она сообщила ему, что Исаев скончался в нестерпимых страданиях. Переезд оказался для него роковым... Овдовевшая женщина сообщила, что мальчик её обезумел от слёз и отчаяния и сама она измучена бессонницей и обострёнными припадками своей болезнью; она рассказывала далее, что похоронила мужа на чужие деньги, что у неё ничего не осталось, кроме долгов, что кто-то прислал ей три рубля...

Достоевский отдаётся всецело устройству Марии Дмитриевны. Он достаёт у Врангеля деньги, он пробует устроить в корпус восьмилетнего Пашу, он с героическим самопожертвованием хлопочет и даже «на коленях готов просить» за своего соперника – кузнецкого учителя Вергунова (по свидетельству Врангеля, «личности совершенно бесцветной»).

Но всё это бессильно, по-видимому, переродить дружескую жалость Марии Дмитриевны к Достоевскому в ответное чувство...

Для этого личного романа Достоевского характерна та атмосфера взаимного мучительства, которая так присуща его творческим фабулам...

В июне 1856 года Достоевский совершает служебную поездку в Барнаул и заезжает самовольно в Кузнецк... Он проводит здесь два дня с Марией Дмитриевной. Она рассказывает ему о своём чувстве к Вергунову. Свидание было грустным, но не безнадежным...

Мария Дмитриевна настаивала на объяснении Достоевского с Вергуновым. Колеблясь в своём выборе, она, видимо, рассчитывала, что они без неё смогут легче договориться и разрубить гордиев узел её судьбы. Но этого не произошло... Рассуждать и уговаривать Достоевский не хотел, понимая всю бесполезность таких попыток решать рассудочно вопросы человеческих страстей и отношений.

Но из Семипалатинска он написал одно большое общее письмо ему и ей вместе...

Достоевский писал о трагизме создавшегося положения... Вергунов счёл себя обиженным и ответил резким письмом.

Она же горячо его защищала, но после первых вспышек обратилась снова к Достоевскому, «опять нежна, опять ласкова», опять любит обоих...

Достоевский решает пожертвовать собой и устроить её счастье. Это означало осуществить в жизни благородный идеал самоотверженных влюблённых, как Жак, Сакс, Девушкин. Он обращается к влиятельному Врангелю с просьбой устроить

служебную карьеру Вергунова для жизненного счастья Марии Дмитриевны... Ведь он получает только 400 рублей ассигнациями в год (это составляло всего около 10 рублей серебром в месяц). Где тут обеспечить семью, дать счастье такой женщине, как Мария Констан! Нужно поговорить с генерал-губернатором, отозваться о Вергунове как о молодом человеке, достойном, прекрасном, со способностями. Следует написать о нём и главному начальнику Алтайского округа...».⁵⁶

Достоевский идёт на самопожертвование, когда в августе решает устроить «судьбу его и её»? Возможно. Однако автор игнорирует слова Ф.М., сказанные им много позже, – о том, что летом 1856 года он уже знал наверняка: Исаева будет его женой. И, значит, «самоотверженность», о которой так убеждённо рассуждает Гроссман, превращается в миф? Что же это за жертва, если жертвующий заранее предвидит выгоды в будущем? Увы, Достоевского нужно очень и очень «уметь» читать, и мы бы не спешили выносить суждения, бросающие тень на избранницу Достоевского. Ибо выпад против Исаевой в книжке Гроссмана все же содержался – а как иначе трактовать его ироничное замечание, что Мария Констан не могла быть счастливой при муже с доходами в 10 рублей серебром? Так или иначе, мотивы поступков Ф.М., якобы «забывавшего» себя ради счастья Исаевой с Вергуновым, далеко не прозрачны, а образное сравнение Гроссмана, назвавшего известное письмо с заботами о сопернике «драгоценным источником нравственной биографии» великого писателя, раскрывается перед нами,

сегодняшними, во вполне явственном двусмысленном контексте. Но вернёмся к Л.П., восхищающемуся «моральной красотой» личности Достоевского:

«Это письмо к Врангелю от 14 июля 1856 года – выдающийся человеческий документ и драгоценный источник нравственной биографии Достоевского. Это показатель высоты, какой могла достичь в жизни его горячая и неудержимая в своём полёте душа. Моральная красота его личности выступает здесь во всей своей чистоте.

Вскоре он проявит и подлинное мужество, и высшую жизненную энергию, готовность сильного человека на борьбу за любимую женщину.

Все трудности создавшейся психологической ситуации восходили к бесправному положению Достоевского как всё ещё наказуемого государственного преступника – «бессрочного солдата». Непременным условием к столь возделенной женьтибе являлось производство в офицеры...

Ещё в начале 1856 года Мария Дмитриевна поставила перед Достоевским вопрос – как быть, если ей сделает предложение человек пожилой, служащий и обеспеченный? Он немедленно же отвечает, что умрёт, если лишится её...».⁵⁷

Итак, Гроссман рассуждает о «моральной красоте» личности Достоевского, о его «горячей и неудержимой в своём полете душе». Тогда понятно, почему он лишает повествование двусмысленного сюжета, когда писатель посещает Змиев дважды, уповая на тайные встречи с Исаевой, которая должна была, солгав и «извернувшись», покинуть

ради свиданий с ним Кузнецк и больного мужа. О «моральной красоте личности» в данном случае говорить как-то рискованно, равно как и при описании последних лет жизни Исаевой: Достоевский заводит роман за романом, ей же не предоставляет ни малейшей возможности облегчить болезненное состояние хотя бы кратковременным пребыванием в более мягком климате, а лучше бы – в Италии, где сам бывал нередко в обществе знаменитой «сердцеедки» Апполинарии Суловой. Но он, напротив, «выдергивает» Исаеву из Владимира и буквально увозит умирать в Москву. И каким контрастом ко всему, уже известному по иным источникам, выглядит сообщаемое Гроссманом о чувстве Достоевского к Исаевой!... Читаем:

«В последних числах ноября Достоевский в офицерском мундире приезжает в Кузнецк. Он «честно и откровенно» объяснил ей (Исаевой то есть, - авт.) свои обстоятельства – отсутствие материальной обеспеченности, неопределенность своих авторских прав, но и большие надежды на возврат в литературу. Его твёрдая уверенность в конечной победе убедила, наконец, Исаеву, что перед нею человек с будущим.

Но оставалось одно препятствие – её любовь к Вергунову, не угасившая всё же и её чувства к Достоевскому...

Мария Дмитриевна металась и томилась в поисках спасения из этого губельного водоворота столкнувшихся влечений: писатель Достоевский или полунциций учитель из глухого угла, но молодой и красивый.

Глубокий знаток человеческой психики верит, что подлинное чувство этой умной и сильной женщины не может принадлежать ограниченному и бесцветному существу, неспособному подняться до её духовного уровня...».⁵⁸

Исаеву убедила в необходимости брака с Достоевским «его твёрдая уверенность в конечной победе»? А не проще ли сказать: решающим аргументом становится невысокая, но тем не менее офицерская должность, которой удостоился «бывший каторжник» за несколько дней до побывки в Кузнецке? Так что «подлинное чувство умной и сильной женщины» влечет ее к молодому и красивому Вергунову, а в нервном, больном Достоевском Исаеву прельщают надежды на стабильность и почти гарантированные доходы, связанные с его известностью на литературном поприще. Похоже, Достоевский это понимает, коли поездка в Кузнецк по времени точь-в-точь совпадает с получением чина. Союз с Исаевой зиждется на обоюдном, - скорее всего, подсознательном, - расчете. В письмах некий оттенок сделки не очень-то и скрывается. В отношениях же Исаевой с Вергуновым нет места никаким корыстным соображениям – они в равной степени бедны. И, значит, - истинная любовь? Такой расклад ситуации Гроссмана, вероятно, не устроил бы, хотя он вполне уловил мотив «мены» в поведении Достоевского: с Вергуновым заключен «братский» договор - ты уступаешь мне Исаеву, а я устраиваю твою будущность.

«Не кощунством ли было бы замкнуть этот богатый мир порывов и дум в кругозор глухого уездного

училища? – задается вопросом Л. Гроссман.

Достоевский снова решает объясниться с Вергуновым. Но на этот раз сама жизнь на стороне писателя. Мария Дмитриевна, видимо, принимает решение в его пользу. Учитель уступает. Достоевский стремится отблагодарить его за понесённую жертву. Он «на коленях» умоляет Врангеля устроить судьбу незадачливого Вергунова... Побратавившиеся соперники – это одна из главных тем будущего «Идиота».

В начале декабря Достоевский уезжает из Кузнецка с решением сыграть свадьбу до великого поста...

27 января 1857 года Достоевский выезжает в Кузнецк для устройства своей свадьбы.

Это был убогий посёлок звероловов и золотоискателей при древнем остроге...

Здесь Достоевский пережил своё первое счастье, здесь произошло одно из важнейших событий его личной биографии. 15 февраля 1857 года он повёл к алтарю местной одигитриевской церкви горячо любимую женщину...».⁵⁹

Рассказ Гроссмана содержит неточности. Свадьба состоялась не 15 февраля, а 6-го. Название церкви напечатано с маленькой буквы – очевидно, литератору, «набравшему вес» еще при Сталине, в «культовые» тонкости вдаваться не хотелось. Кузнецк, конечно, не был «поселком звероловов и золотоискателей». Золото добывали не в городе, а на приисках, которые находились от него за десятки вёрст. Никакого «древнего острога» в Кузнецке времен Достоевского не существовало: Кузнецкая

Крепость, построенная на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий, ничего общего с острожными укреплениями семнадцатого века не имела. Вообще, эта глава из книги – из наиболее слабых. Автор приписывает уже побеждённому Вергунову некие «задние мысли», якобы посетившие того на бракосочетании. Но Гроссман не может открыто повторить то, о чем сообщала Любовь Фёдоровна – невеста, мол, накануне венца провела ночь с возлюбленным в тайне от жениха! Приходится ограничиваться красноречивыми недомолвками: имя дочери Ф.М. по-прежнему составляет негласное табу. Об ее откровениях говорить не принято, однако она незримо присутствует в кабинетах писателей.

«Свадьба, - продолжает Гроссман, - была очень скромная и малолюдная: у Достоевского в Кузнецке почти не было знакомых, Мария Дмитриевна, как бедная вдова, жила очень замкнуто. Всё же посаженными были местный исправник с исправницей. Венчал «молодых» отец Евгений Тюменцев. Шафера были, по свидетельству Достоевского, «тоже порядочные довольно люди, простые и добрые», да ещё явились два знакомых семейства, вероятно, из соседей.

Были ещё официальные участники обряда: четыре поручителя. Среди них и учитель Вергунов.

Это, несомненно, сообщало большую напряженность бракосочетанию и раскрывало в празднике венчания сложную внутреннюю драму соперничества, ревности, вражды, и страсти.

Всем присутствующим были известны эти отношения, но им никто не придавал большого значения.

*И только великому писателю, изживавшему свою драму любви в кругу захолустного мещанства, были видны глубокие подводные корни целой драмы чувств, уже отлагавшейся в его творческом сознании».*⁶⁰

Откуда Гроссману знать, придавали ли значение кузнечане связи Исаевой и Вергунова? Тем не менее, об этом сказано с завидной категоричностью. Возможно, рассуждения про «глубокие подводные корни драмы чувств», которые великий писатель разглядел «в кругу захолустного мещанства», призваны нейтрализовать сообщаемое Любовью Федоровной, хотя читатель недоумевает: если Достоевский такой «ясновидец», то как же он не заметил измену Исаевой в свадебную ночь? И не противоречит ли Гроссман источникам? Так, например, его тезис о «большой напряжённости бракосочетания» в какой-то мере контрастирует со свидетельствами действительных участников и очевидцев «кузнечкой коллизии», отраженных в статье Валентина Булгакова (1904). Они утверждали, что в Кузнечке Достоевский был в крайнем благорасположении, весел, шутил. Насколько тональность написанного Гроссманом адекватна психологическому фону события? Читаем:

«Мария Дмитриевна стояла под венцом, быть может, близкая всем своим существом не к жениху, а к своему шаферу, стоящему тут же рядом. Кто угадает внутреннюю драму этого отверженца, его обиду, ревность, отчаяние, гнев – быть может, и жажду мести? К какому жестокому и грозному финалу мог бы привести такой

*накал страстей? К бегству невесты из-под венца, к убийству мучительницы её любовником, к сумасшествию покинутого жениха? Ведь больше всего Достоевский опасался гибели Марии Дмитриевны от произвола пылкого и бездушного Вергунова с его «дурным» и упрямым характером. «Не позовёт ли он её к смерти?» - спрашивает Достоевский 14 июля 1856 года в письме к Врангелю. Через двенадцать лет он увековечит эту драму в своём гениальном романе о грешнице, полюбившей праведника и убитой сладострастником. Кузнечкая свадьба 1857 года развернётся в потрясающую картину беспримечной брачной ночи князя Мышкина...».*⁶¹

И опять Гроссман неточен. Вергунов - поручитель не по невесте, а по жениху (Достоевскому). Что касается фразы «не позовёт ли он её смерти» (переименованную Гроссманом на «позовёт к смерти», - это в корне меняет смысл), то действительно схожая коллизия произошла, но не с Вергуновым, а с самим Достоевским, когда Исаева умирает от чахотки (о чем выше). Вообще, множество искажений и чрезмерная утвердительность, которой уместнее предпочесть предположительную форму изложения, - слабое место исследуемой главы в книге Гроссмана. Вероятно, чувствуя шаткость и неубедительность использованных аргументов, он стремится подчеркнуть авторитетность своих утверждений ссылками на личное знакомство с Анной Григорьевной Достоевской, - она находила, что «к концу жизни Исаева была и психически не вполне здорова», о чем рассказала

автору, оговариваясь, правда, что к первой жене у Достоевского *«было настоящее сильное чувство со всеми его радостями и муками»*. Из сказанного Анной Григорьевной Гроссман делает вывод, что любовь к Исаевой в Достоевском угасла уже в год венчания. Он полагает, что М.Д. после припадка эпилепсии, случившегося с Достоевским по пути из Кузнецка в Семипалатинск, посчитала его неспособным к любой работе. Эти предположения зиждутся непонятно на каких основаниях. Очевидно, как раз с подобным подходом полемизирует неоднократно поминаемый нами П. Косенко. Возможно, именно Л. Гроссману П. Косенко адресовал такие слова: «Некоторые биографы Достоевского этому злосчастному припадку (эпилепсии, - авт.) приписывали чуть ли не роковое значение, им объясняли то, что брак писателя, которого он с таким желанным упорством добивался, очень скоро оказался несчастливим. Дескать, Мария Дмитриевна была настолько напугана болезнью мужа, что испуг убил в ней всякое чувство к нему, и от супружества она уже не ждала ничего хорошего. Порой к этому прибавляется и такой, весьма романтический, мотив: Достоевский, мол, узнав, как тяжело он болен, сознательно решил отдалить жену от себя, чтобы его возможная смерть не принесла ей особенной боли».⁶²

Напомним, что Косенко, при некоторых издержках его работы, в описании брачных торжеств точнее, чем Гроссман, - во всяком случае, приводит верную дату венчания. Круг используемых им источников шире (в отличие от Гроссмана, напри-

мер, у него задействована упомянутая статья Булгакова). В повести Косенко нетрудно обнаружить следы явной полемики с Гроссманом – их позиции подчас диаметрально противоположны. У Косенко чувство к Исаевой в Достоевском «умирает» в начале 1860-х, Гроссман же считает, что оно угасло почти сразу после свадьбы (как следствие припадка эпилепсии, якобы отворотившего Исаеву от собственного мужа).

Причины разногласий названных авторов, конечно, отнюдь не только в некоем «местническом» патриотизме, но все же: Семипалатинск – город казахстанский, и связанные с ним события алматинским литератором Павлом Косенко подаются романтичнее, чем у Гроссмана. В том числе – и перипетии «кузнецкого венца». Косенко более лиричен, оттого и берет так охотно себе в союзники впечатлительного Врангеля. Гроссман же – жестче, прямолинейнее. Вот не вовсе убедительное место (не вполне согласующееся с Врангелем), где он пишет о роковом влиянии болезни Достоевского на роман с Исаевой:

«Через несколько дней после свадьбы Достоевские выехали из Кузнецка в Семипалатинск. Путь шёл хвойными лесами, запорошенными снегом, на юго-запад, через Алтай к степям Киргизии. По пути путешественники остановились в Барнауле у Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского, которого Достоевский очень ценил и уважал...

Барнаульский врач тотчас же определил «настоящую падучую» и предсказал, что в один из таких припадков больной задохнется от горловой

спазмы и умрёт! Достоевский жалел, что при такой серьёзной болезни он женился.

Так, видимо, считала и Мария Дмитриевна: новый муж её неизлечимо поражён тяжёлой мозговой болезнью, препятствующей военной службе, а, может быть, и всякой работе...

Работа отвлекает Достоевского от непредвиденных горестей его семейной жизни. Желанного и чаемого счастья он в своём браке не нашёл...

Уже в Семипалатинске начались драмы ревности, впоследствии совершенно подорвавшие семейное согласие.

Любовь Достоевского, которая ещё в декабре 1855 года пылала костром в его письмах, явно перерождается уже в 1857 году и перестаёт ощущаться в его существовании...».⁶³

Итак, позиция Гроссмана достаточно ясна. Припадок Достоевского по пути из Кузнецка в Семипалатинск так напугал обвенчанных, что и жених, и невеста сразу же стали жалеть о браке, и «любовь перестаёт ощущаться в его существовании». Против подобной трактовки «грозного чувства» выступает, как уже сказано, П. Косенко. Он контраргументирует тезис Гроссмана припиской Исаевой к известному посланию Достоевского: «я любима и балуема своим умным, добрым, влюблённым в меня мужем».⁶⁴

П. Косенко, впрочем, прибегает к дипломатичным оговоркам, что действительно, де, «размолвки и разлад в семейной жизни молодожёнов» имели место, а это соответствует и тональности глав у Гроссмана. Но ссылок на источники у авторов

нет, что легко объяснить сугубо художественной формой подачи материала, близкой к романам или повестям (хотя у Гроссмана работа похожа и на монографию, или, точнее, на журналистски выправленную диссертацию с броскими заголовками). Однако литераторы довольно настойчиво подчёркивают документальную основу повествования – причём у обоих она практически совпадает и сводится, в основном, к письмам Ф.М. и воспоминаниям Врангеля.

Сделав вывод о резком охлаждении Исаевой к Достоевскому весной 1857г., Гроссман к «кузнецкой коллизии» больше не возвращается, и вновь упоминает М.Д. только в связи с ее смертью в 1864г. И тут он допускает некое противоречие: Достоевский, мол, «по-своему глубоко любил усопшую и смерть её переживал трагически». Непонятно, как соотносить такую оценку с другими увлечениями Ф.М., - кстати, также заинтересовавшими Гроссмана. Никаких дополнительных разъяснений он не даёт, так что поневоле задаёшься вопросом: как же можно почти одновременно испытывать нежную привязанность к Исаевой, Апполинару Сусловой, и актрисе Шуберт? И, конечно, ни единым словом не обмолвился он о признаниях Исаевой, которые, по свидетельству Любови Фёдоровны, были сделаны Достоевскому перед её кончиной. Допустим, Гроссман с дочерью писателя не соглашался, и именно поэтому скрывает от читателей неудобное для него свидетельство - он как бы жонглирует источниками. Находим соответствующую страницу текста:

«Переезд Достоевского в 1859 году из Семипалатинска в Петербург оказался подлинным несчастьем для Марии Дмитриевны. К семье мужа она сразу встала в подозрительно враждебные отношения больной и бедной родственницы, мнительно чующей неприязнь и торопящейся ответить на неё всем запасом своего раздражения и озлобления. Всю жизнь она была убеждена, что имеет в лице своего деверя Михаила Михайловича тайного врага, и только на смертном одре проявила желание с ним примириться. Необычайно оживлённая деятельность её мужа в период издания двух журналов проходит мимо неё. У Достоевского своё общество, в которое она не вхожа...

Психическое состояние больной совершенно расстраивается...

15 апреля 1864 года наступил эпилог самому мучительному роману Достоевского: Мария Дмитриевна скончалась...

... Ясно одно: Достоевский по-своему глубоко любил усопшую и смерть её переживал трагически.

Она вдохновила художника на одну из его величайших страниц, и через полтора года в «Преступлении и наказании» в образе Катерины Ивановны Мармеладовой Достоевский произнёс свою творческую отходную памяти первой жизненной спутницы. Подвергая обычной художественной переплавке сырые материалы действительности, он повторил в судьбе и личности измученной подруги Мармеладова многие обстоятельства из биографии своей первой жены. Беспечная молодость,

брак с горьким пьяницей, «нищета безденежная», развитие чахотки, припадки злости и потоки покаянных слёз – все эти черты Катерины Ивановны описаны с близкой натуры. Достоевский использовал при создании этого образа и некоторые штрихи кузнецких писем Марии Дмитриевны: в день смерти Мармеладова Катерина Ивановна принимает «подаяние» - трехрублёвую зелёную кредитку.

Даже во внешнем облике своей героини Достоевский зарисовал черты своей первой жены в её предсмертную эпоху...

Такую запомнил Достоевский свою первую жизненную спутницу. В рембрандтовском освещении петербургских квартир, в игре густых и беглых теней, набегающих на её измождённые щёки и оттеняющих неподвижно горящие глаза – лик великомученицы, изнемогающей на плахе жизни, – таким тесным медальоном украсил Достоевский могилу своей подруги...».⁶⁵

Размышления у гроба в «Кроткой»

«Финальная» сцена, завершающая «грозное чувство» Достоевского, уместилась у Гроссмана на 4-х страницах. Но нет главного: отсутствуют детали сенсационной исповеди Исаевой. Не задействованы известные источники, и, прежде всего, как уже говорилось, воспоминания дочери Ф.М. Возможно, исследователи, современные Гроссману, видели подобные досадные умолчания, но, затрагивая названные трагические перипетии, обычно поступали также, как и он. В 1965 году в вестнике ЛГУ

опубликована статья В.А. Туниманова. Автор утверждает, что в рассказе Достоевского «Кроткая» размышления мужа у гроба супруги как бы «сколоты» с реальных фактов биографии писателя. Версия привлекательна. Однако наиболее запоминающийся момент, связанный с кончиной Исаевой - то самое откровение, которого избегает Гроссман. И в «Кроткой» соответствующего места мы тоже не находим. Не обнаруживается оно и в записной книжке Достоевского – в части, начинающейся словами: «Маша лежит на столе». И если последние часы Исаевой тяготят Достоевского настолько, что он мучается всю жизнь, и сообщает о раскрывшейся на одре болезни тайне Анне Григорьевне, а та – Любви Фёдоровне, то отчего же в более поздние годы, отражая «умирание» первой жены в романах, он признаний Исаевой об ее отношениях с Вергуновым не касается? Не потому ли, что многое оказалось мифом, сочиненным Достоевским для утишения ревности А.Г., либо для объяснения в кругу близких родственников собственных измен Исаевой (де, «платил той же монетой»)? Нельзя не пожалеть, что в содержательном материале В.А. Туниманова нет даже намека на двусмысленность означенного пассажа...⁶⁶

Н. Якушин

В 60-е годы приметным событием в достоевковедении стал выход небольшого исследования Н.И. Якушина «Достоевский в Сибири». Эпиграфом к нему послужила цитата из Луначарского, которая, думается, симпатии к Достоевскому не

прибавляет: «Достоевский... подвергнутый мукам каторги и поселения, сломился, или, вернее, согнулся. В колоссальной внутренней работе он, сохранив свою ненависть по отношению к духу буржуазному, раздул в себе также ненависть к духу революционному».

Невольно задаешься вопросом, - при чем тут «буржуазный» или «революционный дух»? В сибирских письмах Достоевского если социальные мотивы и мелькали, то крайне редко. Потому что главное содержание его посткаторжного периода – обустройство личной жизни. Увы, о романтической составляющей кузнецко-семипалатинских дней великого писателя в предисловии к книге Н. Якушина мы не находим ничего. Зато читаем о «страстном обличении собственнической морали буржуазного общества, налагающей страшную лапу на человеческое сознание», и о «реакционном» характере творчества Достоевского: «Достоевский... отошёл от передовых идей своего времени, отошёл от освободительного движения и, в конце концов, оказался в лагере реакции, стал врагом революционной демократии, всех прогрессивных сил, боровшихся за коренное социальное преобразование России, за освобождение народа от векового гнёта».

Н. Якушин пылко дискутирует с другими авторами на тему, когда же Достоевский «свернул с верной дороги». Так, он отмечает, что Л.П. Гроссманом в 1920-1930-е гг. сделаны выводы о складывании реакционного мировоззрения Достоевского на каторге: «он вышел оттуда ярким приверженцем

монархии и православной церкви» (и как тут не противопоставить такому утверждению свидетельство Врангеля, что Достоевский «попов, особенно сибирских, не терпел!»). Н. Якушин подметил также, что уже известный нам В. Кирпотин приурочивает проявление «неправильностей» внутреннего мира Достоевского к семипалатинской поре, «и это, нам кажется, более близко к истине». Наконец, Н. Якушин умозаключает, что «реакционные взгляды Достоевского окончательно оформились в самом начале 60-х годов».

Удивительно: историографы, причисляя Достоевского чуть ли не к мракобесам, спорят лишь о времени трансформации его «прогрессивных» революционных взглядов в «реакционные» и «буржуазные», что выглядит сегодня довольно плоско. Впрочем, выделялось мнение М. Никитина (о его повести «Здесь жил Достоевский» мы расскажем ниже), что Ф.М. и после каторги оставался «убеждённым социалистом» и «сторонником идей Белинского», но Якушин считает названный тезис «несомненно ошибочным».

От атаки на Достоевского Н. Якушин переходит к работам Врангеля и А. Скандина, которые, оказывается, «представляют несомненный интерес, но в большинстве своём они ничего, кроме малозначимых, а подчас просто неверных фактов, не содержат». Непостижимо, - где именно Якушин обнаружил в воспоминаниях Врангеля «ложные сведения»? А уж про «малозначительные факты» и вовсе умолчим: наиважнейшие для Якушина, безусловно, - те, что могли бы доказать «реакционность»

Достоевского – об этом судим даже по предисловию.⁶⁷

Собственно о романе Достоевского с Исаевой Н. Якушин, на наш взгляд, сообщает приблизительно в той же манере, как и несправедливо раскритикованный им А.Е. Врангель. Но – гораздо менее изысканно и не всегда убедительно, поскольку «додумывает» диалоги и вкладывает в уста Марии Дмитриевне, её первому мужу и Достоевскому то, что они, возможно, никогда и не произносили. В Якушине столкнулись две ипостаси: как художник слова он находится под влиянием врангелевской романтики, а как литературный критик и идеолог – в явной оппозиции к барону. О зарождении «кузнецкой коллизии» Якушин пишет так:

«Достоевский стусевался. Он всегда стеснялся новых людей, избегал новых знакомств, а после каторги стал вдвойне осторожен и очень неохотно сходил с людьми.

- Исаев, Александр Иванович, - проговорил гость негромким, слегка надтреснутым голосом, подавая Достоевскому горячую сухую руку. – Моя жена, Мария Дмитриевна.

Писатель молча поклонился. Называть себя не следовало. Он отлично знал, что семипалатинские жители уже довольно наслышаны о нём. И отнюдь не как о писателе, а как о «государственном преступнике», бывшем каторжнике.

Прерванный разговор не клеился. Достоевский сидел потупившись, лишь изредка поднимая глаза на гостей. Он не мог не заметить, что Исаева внимательно наблюдает за ним. К праздному

любопытству провинциальных обывателей писатель уже привык, но было во взгляде Марии Дмитриевны что-то такое, чего он не видел у других. Ему показалось, что в нём сквозит искреннее сострадание и глубокое сочувствие.

«Нет, нет», - подумал он про себя. – Это мне только кажется. Что она мне может сказать? Зачем я ей?

Воспользовавшись тем, что муж и Белихов о чём-то разговаривали, Мария Дмитриевна стала расспрашивать Достоевского о его жизни, о его знакомствах, о том, как ему нравится здесь, в Семипалатинске. Мимоходом пожаловалась на скуку, на отсутствие друзей, на одиночество.

Фёдор Михайлович отвечал односложно, но внимательно прислушивался к звуку её голоса и старался понять, искренне ли она говорит. Ему очень хотелось знать, зачем она так разговаривает с ним. Что это было: настоящее дружеское участие или обычная светская болтовня? Нет, пока он не уловил ни одной фальшивой нотки в её голосе. В нём звучала удивительная мягкость и даже задушевность. Казалось, что она говорит с давно знакомым человеком, советуется с ним и проявляет заботу о нём.

Эта встреча пробудила в Достоевском множество противоречивых чувств. Как ни старался он убедить себя, что не стоит придавать особого значения знакомству с семьёй Исаевых, что дружеское расположение и внимание к нему со стороны Марии Дмитриевны может быть ни чем иным, как умелым кокетством, сердце говорило

другое. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним, как живое, вставало лицо Марии Дмитриевны, он видел её внимательные и почему-то грустные глаза, слышал её немного резкий, но проникнутый живым участием голос. Писатель часто ловил себя на том, что думает об Исаевой, и думает часто, гораздо чаще, чем о ком-либо другом.

После памятного вечера Достоевский ещё несколько раз встречался с Исаевыми у Белихова. И каждый раз эти встречи будили в его сердце странное чувство щемящей радости. От неё становилось легко на душе и всё вокруг уже не представлялось таким мрачным и безысходным, как раньше.

Видеть Марию Дмитриевну стало для Достоевского необходимостью. Когда писатель долго не встречал её, грусть и тоска снова закрадывалась ему в сердце. Всё было не так, всё раздражало, всё выбивало из привычной колеи. Но стоило ему увидеть Исаеву, как его точно подменяли. На душе становилось спокойно, разглаживались скорбные морщины, глубоко запавшие в углах губ.

- Что это? – тревожно спрашивал себя Фёдор Михайлович. – Почему каждая встреча с ней так волнует меня? Почему я так жду этих мимолетных встреч?

И не скоро признавался он себе в том, что пришла наконец к нему его первая, слишком запоздалая и потому такая трудная и мучительная любовь.

Это открытие обрадовало и испугало Достоевского. Теперь всё чаще и чаще он задавал себе

вопросы, на которые не находил ответа. «Зачем всё это? – думал он. – К чему может привести эта неразумная страсть? Ведь у неё муж, сын! И мы никогда не будем вместе! Да и что ей во мне, бывшем каторжнике, «государственном преступнике», а ныне «рядовым без выслуги»?».

Долгое время, несмотря на неоднократные приглашения, Достоевский не решался бывать в доме Исаевых. Боялся, как бы Мария Дмитриевна не узнала о его чувстве к ней, боялся, что выдаст себя каким-нибудь неосторожным, невпопад сказанным словом. И только после того, как Мария Дмитриевна попросила его позаниматься с маленьким Пашей Исаевым, Фёдор Михайлович наконец решился переступить порог дома своей возлюбленной. А придя раз и побывав там целый вечер, он уже не мог подавить в себе искушение и стал бывать у Исаевых всё чаще и чаще». ⁶⁸

Разумеется, многое из процитированного выше является литературным вымыслом. Но коли сам Якушин прибегает к такому приёму, - то осуждает Врангеля за якобы сообщаемые им «неверные факты» неоправданно? Ведь Врангеля – «живого» свидетеля кузнецкой драмы и адресата откровеннейших писем Достоевского, - в неточностях уличить почти невозможно.

Психологическая же «реконструкция» жгучего романа Ф.М. в исследовании Н. Якушина подана в сугубо утвердительной форме, тогда как, используя он чаще слова: «наверное», «может быть», «думаю, что...» - книга выглядела бы убедительнее. Увы, «предположительной» манеры нередко избегали

намеренно, дабы не прослыть «фантазёрами». И получалось, что версии выдавались за данность, причём читателя об этом не предупреждали.

«Достоевский, - пишет Н. Якушин, - уже много знал о прежней жизни Марии Дмитриевны... Она рассказала ему о своём детстве, об отце... На теперешнюю жизнь Мария Дмитриевна не жаловалась, но Достоевский видел, как тяжело приходится молодой женщине. Муж её был человеком со странностями, самолюбивым, любящим подчеркнуть свою независимость. В своё время он служил чиновником в одном из казённых учреждений Семипалатинска, но не сумел ужиться с начальством и вынужден был выйти в отставку. Ко времени знакомства с ним Достоевского он уже несколько месяцев был без работы и сильно пил. Состояния Исаевы не имели, а кое-какие сбережения быстро таяли, и нужда стучала в дверь их дома. Мария Дмитриевна прилагала героические усилия для того, чтобы свести концы с концами: брала на дом всякого рода работу, хлопотала о назначении мужа на какое-нибудь место, уговаривала кредиторов подождать долги. Александра Ивановича всё это мало трогало. Он по-прежнему пил и всё более опускался. В некоторых домах его перестали принимать. Пьяный, он высокопарно говорил о своём благородстве и грозился отомстить своим недругам, а потом плакал злыми слезами. Трезвый, он целыми днями молча сидел у окна или у себя за перегородкой и вместе с сыном листал и перелистывал всё одну и ту же книгу – «Герои 1812 года».

Писатель видел, как мучительно стыдилась Мария Дмитриевна своего мужа, хотя и старалась ничем не выдать этого. Она часто говорила Достоевскому о том, что Александр Иванович хороший, но только очень несчастный человек, что как только для него сыщется подходящее место, он сразу же переменится.

- Ну, конечно же. Конечно! – торопливо подтверждал Фёдор Михайлович. – Всё устроится наилучшим образом. Должно устроиться!

Мария Дмитриевна благородно пожимала ему руку, и в эти минуты он чувствовал себя счастливейшим человеком.

Впервые за много лет Достоевский не чувствовал себя одиноким. Теперь почти всё свободное время писатель проводил у них: занимался с Пашей, вёл пространные разговоры с подвыпившим Александром Ивановичем, а когда тот ложился спать, вполголоса говорил с Марией Дмитриевной. А ещё больше он любил молчать и смотреть на неё, видеть её склонённую к рукоделию голову. Ему казалось, что так он может просидеть вечность; что ему уже ничего на свете не нужно, а только так вот сидеть около любимой, видеть её, слышать её голос. В такие минуты он терял представление о времени, и только бой часов выводил его из этого блаженного состояния. Пора было уходить. С грустью шёл Фёдор Михайлович домой, и только мысль о том, что завтра он снова придёт сюда, утешала его.

Всё в Марии Дмитриевне нравилось ему, всё привлекало: и её необычайная впечатлительность, и

её резкие порывистые движения, и манера говорить. Она казалась ему совершенством...

Любовь к Марии Дмитриевне Исаевой внесла в жизнь Достоевского новое содержание. Он чувствовал себя теперь в какой-то мере ответственным за судьбу близких ему людей. Писатель пытался воздействовать на Александра Ивановича, пробовал образумить его, взывал к его чести, совести. Но всё было напрасно. Исаев со всем соглашался, клялся и... продолжал пить.

Сам страшно нуждаясь, Достоевский часто из своих средств помогал Марии Дмитриевне и при этом убеждал её, что у него всё есть и что отдаёт он ей лишнее, не нужное ему самому. Особенно внимателен Фёдор Михайлович был к маленькому сыну Исаевой. Он часами рассказывал ему занимательные истории, учил его читать, писать.

Знаки внимания, которые оказывал Достоевский семье Исаевых, смущали Марию Дмитриевну. Она чувствовала, что поступками Фёдора Михайловича руководят чувства гораздо большие, нежели простое дружеское участие. Поэтому ей казалось неудобным пользоваться даже теми мелкими услугами, которые оказывал её семье Достоевский. Но когда Мария Дмитриевна попробовала заговорить с ним об этом, она увидела в его глазах столько муки и невысказанной печали, что продолжать не смогла. И всё осталось по-старому. К тому же Марии Дмитриевне льстило внимание со стороны такого образованного человека, каким был Достоевский. Она знала, что он был в своё время довольно известным писателем, что

у него много друзей в Петербурге. И пусть пока он одет в серую солдатскую шинель, но ведь не вечно же это будет продолжаться. Дружба с Достоевским в то время, когда большинство семипалатинских обывателей отвернулось от неё, была для Марии Дмитриевны большой нравственной поддержкой. Да к тому же ей всё больше и больше нравился этот молчаливый человек с осунувшимся лицом и серыми внимательными глазами...».⁶⁹

Исследование Н. Якушина обнаруживает сходство с его же статьёй, опубликованной в «Огнях Кузбасса» в 1959г. - она была подготовительным этапом на пути к книге, но почти не содержала отступлений в «фантазийном» духе. Выводы, впрочем, одни и те же. Так, Якушин пишет, что роман с Исаевой трудную жизнь Достоевского «лишь осложняет».⁷⁰

Примечательна сцена отъезда Исаевых из Семипалатинска в Кузнецк. Она полностью взята из воспоминаний Врангеля (без ссылок на источник!). Эпизод переложен своими словами, в ущерб изяществу и легкости слога, свойственных Врангелю. Вынуждены повториться: Н. Якушин в предисловии посетовал на массу «малозначащих» деталей у Врангеля. Но выясняется: как раз подробностями сам Якушин зачастую никак не пренебрегает, - и заимствованы они именно из названных мемуаров. То же нужно сказать и про место о посещении Змиева, - там, как известно, Врангель намеревался устроить свидания Достоевского с Исаевой в тайне от её мужа. Якушин несколько сокращает

текст Врангеля, однако даже не переставляет предложения, и только немного их видоизменяет. Указания на использованную литературу – отсутствуют. Но хорошо уже то, что «змиевский» пассаж всё-таки упомянут. Гроссман, например, о нем совсем не обмолвился. Между тем, предполагающую встречу Достоевского с «мужней женой» ещё требовалось как-то соотносить с рамками морали, если не девятнадцатого, то хотя бы двадцатого века...⁷¹

Описание первой поездки Достоевского в Кузнецк на три четверти – вымысел. Поэтому цитировать диалоги Достоевского с Исаевой о Вергунове мы не станем. Характеристика Вергунова как «человека слабовольного, тщеславного и болезненно самолюбивого» в 60-е и последующие годы распространена чрезвычайно. Основана она на противоречивых отзывах Достоевского и его друга Врангеля. Но вспомним: Ф.М. горячо хлопочет о Вергунове – «за него не грешно просить, он того стоит», что, очевидно, не укладывается в упрощенную схему взаимоотношений внутри треугольника Исаева-Вергунов-Достоевский, обозначенную Н. Якушиным.

Удивляет и лаконичность, с какой Н. Якушин поведал читателю о свадебном путешествии Достоевского. Чувствуется, что автору не знакома работа Булгакова «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», - в ней приводятся свидетельства очевидцев. Рассказ Н. Якушина о венчании уложился в десять строчек: «На второй день к вечеру вдали показался Кузнецк. Взволнованный и радостный, подъезжал писатель

к городу... Все последующие дни прошли как в тумане. Достоевский смутно припоминал, как священник в церкви что-то долго и нудно говорил, а потом обратился к нему с каким-то вопросом. Он машинально вслед за Марией Дмитриевной сказал «да» и поцеловал её. Всё было кончено. Свершилось то, о чём он так мечтал, чем жил последнее время. Потом все вышли из церкви и направились домой. А в метрической книге Одигитриевской церкви под №17 появилась запись...».⁷²

Итак, священник Тюменцев «что-то долго и нудно говорил», и больше ничего, оказывается, Достоевский о венчании вспомнить не в состоянии, потому что всё происходило – «как в тумане». А как же подлог, который учинили Достоевский с Исаевой, подправляя «обыск брачный №17»? А как же застолья с Тюменцевым – ему Достоевский позже пришлет в подарок некую «автобиографию»? А как же ревностное неоднократное посещение церкви и исполнение всех обязанностей прихожанина именно в Кузнецке, на чём настаивают очевидцы? А как же отношения с Вергуновым, ведь он на свадьбе - шафер Достоевского? И, наконец, как воспринять сообщение Любови Фёдоровны об измене Исаевой в предбрачную ночь? Неужели Н. Якушину не знакомы не только статья Валентина Булгакова, но даже книга дочери Ф.М.? Так или иначе, в списке литературы, на которую ссылается Н. Якушин, имен Булгакова и Л.Ф. Достоевской нет! И, значит, ускользает целый пласт свидетельств, касающийся сибирского периода жизни писателя. Удивительно: читателю предлагаются вымышленные

«реконструкции» поведения Достоевского, но его забывают познакомить с источниками исключительной важности! Л. Гроссман же, в свою очередь, в библиографическом перечне к книге, вышедшей дважды в «ЖЗЛ», не поминает Н. Якушина вовсе. Вероятно, не без подтекста: а можно ли вообще считать написанное – исследованием?

Не сказано у Н. Якушина ничего и о стремительном переезде Вергунова вслед за Достоевскими в Семипалатинск. И, поскольку воспоминания Любови Фёдоровны игнорируются, то непонятно, на чём основывается уверенность, что в семипалатинскую пору Исаева к Достоевскому глубокого чувства не испытывала... Читаем: «Жизнь Фёдора Михайловича во многом осложнялась обострившимися отношениями с женой. Марию Дмитриевну писатель горячо и искренне любил, но с её стороны не было такого же глубокого чувства. Было скорее просто женское сострадание, а, может быть, и жалость ко всеми отвергнутому и одинокому человеку. Достоевский это понимал, но думал, что со временем Мария Дмитриевна ответит ему если не любовью, то нежной привязанностью. Первое время всё было хорошо. Мария Дмитриевна была внимательна и проявляла трогательную заботу о муже. О Достоевском нечего было и говорить. Он был счастлив. Жили супруги скромно и на материальные затруднения старались не обращать внимания. Но шло время, улеглись первые восторги, жизнь вошла в свою привычную колею, и с каждым днём Фёдор Михайлович всё острее и острее чувствовал, насколько они с женой

разные люди. Мария Дмитриевна была человеком с болезненным самомнением. Она не уставала говорить о своём почти аристократическом происхождении, о своём презрении к окружающим людям. Не обошлось, по-видимому, и без попреков в адрес Фёдора Михайловича, брак с которым она считала для себя если не унижительным, то во всяком случае неравным. Вначале Достоевский старался ничего не замечать, относя это за счет раздражительного характера Марии Дмитриевны, и за счёт того, что ей пришлось пережить за последние годы. Мало-помалу подобные разговоры стали угнетать его, надолго выбивали из колеи, мешали работать, думать, сосредоточиться. Всё становилось немилым, всё выводило из себя».⁷³

Н. Якушин приписывает Исаевой весьма непривлекательные свойства души и поступки, - перед нами некий смягченный вариант книги Любови Федоровны. В целом, автор сходится с Л. Гроссманом в том, что уже в Семипалатинске начался разлад в личной жизни новобрачных. Однако есть и разночтения. Л. Гроссман выдвинул версию, что чувства Исаевой угасли еще в 1857 году (чуть ли не сразу после венчания: виною тому, де, припадок падучей). Н. Якушин, напротив, предполагал, что Мария Дмитриевна Достоевского хоть и «угнетала», но он все же глубоко любил эту женщину.

В. Кирпотин

Если Н. Якушин и П. Косенко прибегают к литературному вымыслу (причем иногда трудно понять, где истина, а где «додуманность»), а Л. Гроссман

свои версии и гипотезы представляет как действительные факты биографии великого писателя, то автор монографии «Ф.М. Достоевский: творческий путь (1821-1859)» В. Кирпотин (1960) гораздо более точен. Касаясь первой любви Достоевского, да и других тем, он в указанной работе ссылается на библиографию, однако избегает каких-либо обобщений. Пересказ событий настолько осторожный, что кажется неоспоримым, но вместе с тем – и менее занимательным. Исключение составляет заключительная часть, в которой перекидывается мостик в современность, и выводы В. Кирпотина становятся уязвимыми: «В Семипалатинске и в Кузнецке сохранились дома, в которых жил Достоевский во время своей сибирской ссылки. Достаточно подойти к ним и войти внутрь, достаточно оглянуться на улицы, где они стоят, пока ещё сохранившие многое в своём внешнем облике от середины XIX века, чтобы понять, как тесен, неприютен и бесперспективен был горизонт, давивший угнанного в далёкую глушь писателя. Тогда это не были доживающие свой век захолустные окраины, вытесняемые грандиозным индустриальным и жилищным строительством. Это были хорошие дома на хороших видных улицах – грязных весной и осенью, пыльных летом, занесённых сугробами зимой; и ни одной общей мысли не билось ни в одном доме, и не было перехода от того, что кипело в голове Достоевского, к тому, чем жили, чем интересовались окрестные обыватели...».⁷⁴

Не следует ли из написанного, что Достоевский не испытывал интереса к «окрестным обывателям»?

Ведь очевидно, что многие романы Ф.М. – как раз и есть своеобразный срез бытования типичных провинциалов середины XIX века, которые и были, не побоимся сказать, главными героями его книг. И уж совсем непонятно, как соотносится «грандиозное индустриальное строительство», так впечатлившее Кирпотина, с периодом пребывания Достоевского в Кузнецке. Имелось ли в виду, что коммунисты продолжили дело «хорошего», «докаторжного» Достоевского? Притом, что современные писателю памятники истории и архитектуры, которыми он мог любоваться в Сибири, снесены именно большевиками...

А. Алдан-Семенов

Вообще, шестидесятые годы, несмотря на всплеск интереса к Достоевскому и его первому браку, стимулированный оттепелью, характеризуется не только «количественным» увеличением трактовок и концепций, но и некоторой робостью исследователей: источники, прекрасно известные уже полвека назад, порою замалчиваются, или перелагаются «дозировано», причём противоречащие друг другу свидетельства не всегда сопоставляются. Так, А. Алдан-Семенов в вышедшей в 1965г. работе повторяет, скорее всего, неверные сведения: дескать, именно у П.П. Семенова-Тян-Шанского Достоевский после венчания гостил две недели. Казалось бы: сравнением с датами, обозначенными в письмах Ф.М., это сообщение легко подвергнуть сомнению. Остается пожалеть, что, ссылаясь на столь авторитетного географа,

автор книги не попытался объяснить означенные разночтения...⁷⁵

Н. Арденс

Подобная «некритичность» в сочинениях «строного» хроникально-биографического жанра удивляет.

Иные требования – к чисто художественным произведениям: в них допустимы отступления в чисто «фантазийном» духе. В 60-е гг. среди романистов-достоевсковедов выделяется Николай Арденс, автор книги «Ссылный №33». Он убежденно отстаивает глубину чувства Исаевой, вопреки скептическому налёту, свойственному «профессиональным» историкам литературы.

Арденсу хорошо известны воспоминания Врангеля. Об этом можно судить хотя бы по сцене прощания Достоевского с Исаевыми в Семипалатинске. Однако опять-таки пересказанные Врангелем две поездки в Змиев, где Достоевский поджидал ещё замужнюю Исаеву, Арденсом не отражены никак. И как тут не вспомнить Л.П. Гроссмана, который «змиевские» пассажи тоже не затрагивает. Напрочь отбрасывается косвенное свидетельство «качества» нравственности данников «грозного чувства». Достоевскому «совесть» позволяет звать Исаеву от больного мужа на тайное свидание. Он любит её, и тогда его доминирующее Я перечёркивает нормы и приличия, и этики. Исаевой же «совесть» не позволяет откликнуться на зов, притом, что и она к Достоевскому далеко не равнодушна, а ещё и довольно романтична, чтобы увлечься идеей таких свиданий.

Но «подспудный бес» не шепчет ей из подсознания: «ничего, небеса не обрушатся!». И она отказывается от встреч, не скрывая и мотивы: нездоровье мужа.

Что касается Вергунова, то его имени в романе Арденса нет. Просто вскользь поминается некий «молодой учитель», сватавшийся к Исаевой, но в дальнейшем означенная линия беспоследственно обрывается. Описание же венчания уместилось всего на половине страницы. О Вергунове, брачном обыске, Тюменцеве – ни намёка. Для Арденса мемуары Любви Фёдоровны вообще как бы не существовали. Он – на страже нравственности и добропорядочности, и явно считает, что скандальную любовную коллизию уместнее превратить в образцовую. Объективностью можно пожертвовать. «Грозного чувства» не получилось. Вергунову уделено меньше места, чем свадебному фэзтону. Но фэзтон-то – выдуман, а Вергунов – существовал, любил, страдал, соперничал с Достоевским, совершал необдуманные поступки...

В одном только абзаце «сладкоречие» разбавляется размышлениями о несчастливости брака с Исаевой, что занимает семь строчек: «Фёдор Михайлович был весь предан уходу за Марьей Дмитриевной, предъявлявшей ему всё большие и большие требования и выражавшей своё недовольство по случаю всякого, даже мелкого изъяна в доме. Не хватало денег, изнашивалось бельё, портились вещи, остановились только что купленные стенные часы. Между супругами пошли размолвки и прорывалась болезненная раздражительность».

Однако Арденс, видимо, этим своим словам большого значения не придавал. Они, очевидно, написаны «во убажение скептиков», всезнающих достоевсковедов. Потому что на следующей странице уже читаем, что супруги перебраниваются «благодарно». И, стало быть, перед нами – всё-таки счастливая пара, а «милые бранятся – только тешатся».⁷⁶

Так Н. Арденс подвергает сомнению оценки самого Достоевского. А заодно - сообщаемое о первом браке Анной Григорьевной и Любовью Фёдоровной.

Что ж, литературная концепция – дело убежденности автора. Каждый имеет право на собственное мнение...

В. Дмитриев

В Кузбассе в шестидесятые годы интерес к нашей теме на газетном уровне проявляется вяло, несмотря на то, что в Новокузнецке – Дом Достоевского, связанный с первым браком писателя, и именно в Кемерове, как уже сказано, издаётся упомянутая книжка Н. Якушина.

В «Кузнецком рабочем» привлекает внимание публикация В. Дмитриева (1966). Автор излагает обстоятельства венчания по статье Валентина Булгакова (1904). Он цитирует её и перелагает своими словами. И это кажется примечательным, поскольку в солидных исследованиях той поры на Булгакова не ссылались (возможно, из-за его эмигрантского прошлого). Знакомство с работой Булгакова выказывает, пожалуй, П. Косенко («Иртыш

и Нева»), но имени его не называет.

Что касается В. Дмитриева, то достойными особой отметки кажутся сведения, сообщаемые им об истории Дома Достоевского:

«... В наши дни в городе не осталось людей, которые видели Достоевского. Но старая жительница улицы, названной именем писателя, В.Г. Прибыткова, с гордостью рассказывала:

- Точно не помню, кому принадлежал домик, когда в нём жил Достоевский. Знаю, что мой дедушка уже поздно купил дом у каких-то Ивановых. Я жила в нём совсем маленьким ребёнком.

Сейчас на домике выше и левее мраморной мемориальной доски висит вывеска: «библиотека Новокузнецкого отдела культуры»...».⁷⁷

«Камера Достоевского»

Кемеровские исследователи в 60-е гг. продолжают делать все новые «открытия». Мы помним, что В. Дмитриев подаёт как сенсацию данные, приведенные Валентином Булгаковым. А член Союза журналистов А. Мазюков в 1968 году в статье «Камера Достоевского – верно ли это?» опровергает давно опровергнутое: «Длительное время, - пишет он, - бытовало мнение, что великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский отбывал наказание в кузнецкой каторжной тюрьме, построенной, как известно, в 1617 году. Одну из камер острога даже называли «камерой Достоевского». Однако это не соответствует истине».⁷⁸

История про «камеру Достоевского» контраргументирована ещё в 1920-е Б. Герасимовым.

Исследователи о названном казусе уже давно слышаны. О подлинных реалиях знает, несомненно, тот же Дмитриев, цитирующий статью Булгакова в «Кузнецком рабочем» - ведь в ней чётко сказано, что именно родило Достоевского с Кузнецком. Провинциальная интеллигенция открывает Достоевского заново спустя сорок лет! Что касается «кузнецкой каторжной тюрьмы, построенной, как известно, в 1617 году», то это очередное досадное недоразумение. А. Мазюков неоправданно объединяет два события – воздвижение кузнецкого острога (XVII век) и сооружение кузнецкой крепости на рубеже XVIII и XIX столетий – как раз с ней и связана легенда о Достоевском. Во времена Мазюкова она разрушалась за отсутствием интереса со стороны властей, хотя означенный памятник, молчаливый свидетель венчания Достоевского, вполне мог рассматриваться как часть его кузнецкого мемориала, коли бы такой в Новокузнецке существовал!

Семидесятые годы

1970-е гг. отмечены методичными попытками осмысления тех концепций, которые родились еще в предыдущем десятилетии.

Заметное явление литературной жизни тех лет – Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского (первые девятнадцать томов: 1971-1979). Значительным подспорьем исследователям оказался его научный аппарат. В те же годы активно выходят «Материалы и исследования» о Достоевском, и переиздаются «Воспоминания» Анны Григорьевны.

Что касается темы «кузнецкого венца», то никак нельзя не отметить публикацию писем А.Е. Врангеля к Ф.М. Достоевскому, подготовленную Т.И. Орнатской в 1978г.

На местном уровне, в Кузбассе, авторы только-только начинали высвобождаться из длительного «оцепенения». Стимулом стал интерес, проявленный к Достоевскому в Москве. Как-никак, ПСС – своего рода памятник, и коли центральные власти отважились на такое увековечивание имени писателя, - местным отставать неприлично, учитывая наличие едва не раскатанного по брёвнышкам Дома Достоевского в Кузнецке, вокруг которого длительное время будут ломаться копыя – быть ему или не быть...

В 1971г. Новокузнецкое городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выпустило двухстраничный буклет «Достоевский в Кузнецке» (тираж 4500 экз.). Слава богу, никаких упоминаний о реакционности творчества Достоевского в нем не содержалось. Но есть неточности. Например, сообщалось, что в общей сложности Достоевский в Кузнецке провел «около сорока дней», что превышало действительные сроки почти в два раза. Обнаруживаем также фото начала XX века, выдаваемое составителем за современный венчанию Достоевского вид (подпись: «Кузнецк 1857г.»). Жирным шрифтом выделены строчки из статьи Валентина Булгакова без всяких ссылок на источник и без упоминаний авторства. Цитата закавычена, но её содержание извращено до неузнаваемости. Очевидно, редактор считал себя

куда более сильным литератором, нежели последний секретарь Льва Толстого.⁷⁹

Впрочем, нельзя обойти молчанием исключительно благотворную для культуры Кузбасса роль Общества охраны памятников истории и культуры в 70-е годы...

«Неизданный Достоевский»

В 1971 году в серии «Литературное наследство» солидным фолиантом выпущены записные книжки и тетради Достоевского (1860-1881). Л.М. Розенблюм так комментирует содержащиеся в них строчки, навеянные смертью Исаевой: «Его (т.е. Достоевского, - *авт.*) отношение к жене в ту пору очень мало напоминало прежнюю безумную любовь, но оставалось сердечное сострадание к близкому человеку, постоянная забота о её лечении и благополучии, о её сыне и, главное, ощущение глубокой, вечной связи с женщиной, ещё недавно так много значившей в его судьбе. «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?». Поразительна чистота и искренность тона! Достоевский нигде, ни единым словом не пытается преувеличить своё страдание, обнаружить «надрыв», его действительно нет. Но громадность проблем, которые он стремится сейчас уяснить: личное бессмертие, причины развития человеческого общества, возможность будущей мировой гармонии, - сами говорят о масштабах переживаемого события... Личность Достоевского – человека и мыслителя, с большой силой и полнотой предстаёт перед нами на тех страницах записной книжки, которые посвящены

смерти М.Д. Исаевой».⁸⁰

Автор комментария «подаёт» Достоевского и как мыслителя, и как романтика. Те его поступки, которые можно посчитать равнозначными «убийству» Исаевой, предстают теперь как доказательство «человеческого сострадания к близкому человеку», а измены его первой жене уживаются с выводом о «постоянной заботе Достоевского о её благополучии». Воистину, - сколь двусмысленными ни были бы факты биографии великого писателя, их, при желании, нетрудно отобразить в выгодном свете...

Упомянутая книга приурочена к 150-летию Достоевского, - оно стало осязаемым стимулом для исследователей. Но в любом юбилее кроется опасность: не сделать бы гения ещё более «гениальным», не переусердствовать бы в рассуждениях о «моральной чистоте» и высокой нравственности. Все хорошо в меру. В самом деле: вряд ли есть основания приравнивать две-три странички «размышлений», - пусть действительно информативных, но скорее афористичных, - к глубокому философскому изысканию. Впрочем, некий налёт «праздничной» патетики в преддверии знаменательной даты легко объясним...

М. Никитин

Среди «художественных» толкований первого брака в семидесятые годы приметное место принадлежало роману Михаила Никитина «Здесь жил Достоевский». Он, впрочем, написан ещё в середине 40-х, а впервые опубликован в 1956 г., но подлинный

интерес, на наш взгляд, вызвал лишь 70-е, чему способствовало и предисловие К. Ломунова ко второму изданию, в котором тот отвечал на выпады против концепции Никитина: «Критики упрекали Никитина в том, что он подражает Достоевскому – и не только в языке, тоне и стиле романа, а и в трактовке отдельных персонажей. Так, исповедь чиновника-пьяницы Исаева они нашли «похожей» на исповедь Мармеладова из «Преступления и наказания», а в образе жены Исаева, Марьи Дмитриевны, обнаружили черты, присущие inferнальным героиням Достоевского. Нам кажется, что здесь дело не в подражании автора романа Достоевскому, а в чём-то ином. Напомним, что как установлено исследователями, Исаев послужил одним из прототипов Мармеладова. Не отсюда ли «мармеладовские» черты у Исаева в Никитинском романе? Исследователи давно указали на то, что история взаимоотношений Достоевского с М.Д.Исаевой и её первым мужем нашла отражение в его произведениях, в частности, в романе «Униженные и оскорблённые». И мог ли ответ стиля и слога этих произведений не лечь на страницы романа Никитина?».⁸¹

«Подражание стилю Достоевского» - отнюдь не худшая черта. Как упоминалось выше, многие исследователи злоупотребляли переложением писем Достоевского и воспоминаний барона Врангеля. Стилистические заимствования настолько явны, что мы решились опубликовать их в сравнении с оригиналом (см. начало этой главы). Однако у Никитина подобных «параллелей» мы не обнаружили.

Проделанная Никитиным работа представляется весьма кропотливой. Пожалуй, в литературе 40-70-х гг., отражающей взаимоотношения с Исаевой, такое мастерское владение словом характерно только для Н. Арденса и Д. Бреговой. События «посткаторжного» периода вплоть до отъезда Исаевых в Кузнецк изложены очень подробно. Перед нами – хроника зарождения и утверждения чувства к Исаевой (с весны 1854г. по весну 1855г.). Полагаем, что книга М. Никитина опередила своё время лет на 20-30. Читатель не то что в 40-е, но даже в 50-е гг. вряд ли был готов к восприятию столь «психологического» феномена, как треугольник Достоевский-Исаева-Исаев. Критика же, скорее всего, вызвана не теми обстоятельствами, что «объявленно» ставились в вину Никитину, а его решимостью приподнять покровы «личного и сокровенного»...

Что касается версии, упомянутой К. Ломуновым, будто Исаев - прообраз Мармеладова, то подобная действительно существовала, и оправданно существует по сей день. Добавим: в образе Катерины Ивановны Мармеладовой достоевсковеды М.С. Альтман, Г.В. Коган и другие находили черты сходства именно с М.Д. Исаевой...⁸²

Д. Брегова

Выход в свет в 1974 году объёмного романа Доры Бреговой «Сибирское лихолетье Фёдора Достоевского», после публикации уже упомянутых весьма приметных трудов о жизни и творчестве писателя (Л. Гроссман, Н. Якушин, П. Косенко,

Н. Арденс, М. Никитин), казалось бы, удивить не мог никого. И, возможно, читатель, негодовал: переписывание одних и тех же источников, де, раздражает! Тем не менее, по ознакомлению с концепцией Д. Бреговой приходишь к выводу, что в осмыслении коллизий «кузнецкого венца» ей удалось занять собственную нишу. И дело не в том, что Достоевский – тема неисчерпаемая. Важно другое. Автор – женщина, а предыдущие работы, касавшиеся первой любви Достоевского, принадлежали, в основном, перу представителей сильного пола. Перед нами – волнующая «дамская» проза!

Из сцены прощания Достоевского с Исаевыми перед их поездкой в Кузнецк:

«Телега тронулась: Достоевский качнулся и приник к Марье Дмитриевне.

- Я не вынесу... Я умру...

- Ну что вы, голубчик... Крепитесь!

- Мы увидимся, и очень, очень скоро!...

- Ах, если б можно было!

- Будет можно, вот увидишь! Только жди, не забывай!

- Не сомневайся!...

Достоевский соскочил на землю и в последний раз посмотрел на Марью Дмитриевну. Врангель деликатно отвернулся.

Марья Дмитриевна первая обняла его:

- Как я буду без тебя?!

По щекам её текли слёзы. Он вытер их ладонью, потом взял обеими руками её голову и долго молча вглядывался в горячие глаза...

- Прощай! – Он нашел губами её губы. – Хотя нет: до свидания!

*- До свидания, дорогой! До свидания!».*⁸³

В подобных тонах выдержаны многие места, которые, безусловно, впечатляли наиболее чувствительные сердца, чему способствовал и чистый, прозрачный стиль.

Мы отмечали в начале главы, что такой видный Достоевсковед, как Л. Гроссман, начисто лишает свои книги «змиевского пассажа», то есть двух попыток Достоевского свидеться с Исаевой в Змиеве, для чего ей пришлось бы на время покинуть больного мужа. Брегова же – не упускает дополнительной возможности «потрактовать» опасный эпизод в романтическом ключе. Однако она «переромантизировала» даже Врангеля! Иные исследователи, следуя Врангелю, «обедняли» его мемуары, пересказывая собственными словами. Дора Брегова демонстрирует подход противоположный. Воспоминания Врангеля несколько приукрашиваются. Письма же Достоевского к нему выступают субстратом для реконструкции душещемительных диалогов. Вот, например, встреча в Кузнецке двух соперников – Достоевского и Вергунова – в присутствии Исаевой:

«- А кто это Николай Борисович?

- Да разве я не писала Вам?

- Нет, я первый раз о таком слышу.

- Как же так...

- Так кто же это?

- Ну, как сказать... - Она замялась.

- Небось один из женихов?

Она опустила голову, промолчала...

- Прости, прости. Я так виновата...

- Что? Что? – повторил он, пугаясь и холодея.

- Я люблю его...

- Что?

- Да, я люблю его; конечно, я и тебя люблю; может быть, тебя даже более, но и его тоже...

Что-то тёмное, страшное надвинулось на него...

- Нет, я неправду сказала, - на лице её появилось новое, упрямое выражение, - я его больше люблю...

Руки Достоевского разжались и повисли, но уже через минуту им овладело странное спокойствие. Так вот что – кого-то другого она любит больше! И это за всё – за всю его долгую, страстную, преданную любовь! Ну что ж, хорошо!...

- Да он же в сыновья тебе годится! Нет, ты не можешь любить его!... Сколько же ему лет?

- Двадцать четыре.

- Двадцать четыре, а вам двадцать девять! Полноте, это несерьёзно!

*- Он любит меня!...»*⁸⁴

Облик Вергунова в описании Бреговой достаточно привлекателен. Возможно, чисто интуитивно, она добивается даже большего, чем другие исследователи (так как каждая женщина в своём внутреннем подсознательном естестве – одновременно и романтик, и психолог!). Именно поэтому отвлечённые образы Бреговой представляются порою, гораздо достовернее, чем точно сверенные с источниками «теории» первого брака, коими

«просвещало» читателей большинство авторов. По общей тональности сочинённое ею сопоставимо с книгой М. Никитина. Но у Никитина отсутствует самый загадочный кузнецкий персонаж, Вергунов, которого Брегова наделяет такими свойствами характера, как чистота и простота души, «безоблачная ясность»: «Видимо, молодой человек был чист и прост душой: на все вопросы он отвечал с полной готовностью и смотря прямо в глаза – заподозрить его во лжи было невозможно. Что-то в нём было общее с Врангелем – скорее всего, именно чистота и безоблачная ясность. В то же время всё в ней ещё не устоялось».⁸⁵

Расшифровка отношений Вергунова с Исаевой и вовсе удивляет непривычностью: «Вергунов тянулся к Марье Дмитриевне потому, что надеялся найти в ней руководителя, и тем самым вызвал у неё материнское чувство – ведь она так добра, так любит опекать молодых людей обоёго пола! Эти взаимные чувства оба приняли за любовь, но никакой любви нет, а только одно сплошное недоразумение: какой уж из неё руководитель! Ведь она, бедняжка, так слаба и сама нуждается в руководителе!».⁸⁶

В 70-е годы написанное выглядело очень свежо. Д. Брегова не боится мыслить. Более того – опровергать и «опрокидывать» концепции, и отнюдь не только Любви Фёдоровны, хотя её, пожалуй, отвергает решительней всех-иных. Потому что Любовь Фёдоровна по натуре – скептик, причём озлоблённый, а Д. Брегова – воплощение восторженности.

Что касается высказываний Ф.М. о Вергунове – то могла ли на них положиться Д. Брегова – ведь они весьма противоречивые. То «сердце у него злое», то – «он того стоит», всё это – про Вергунова, и если Достоевский непоследователен в оценках, не доказывают ли подобные разноречивости, что в любви главное – не логика, а чувства.

«Реконструкция» второй встречи с Исаевой в Кузнецке отражает грозовой настрой назревающих событий:

«- Он бывает?»

Против воли голос его сразу стал строгим и тусклым.

- Бывает, - коротко ответила Марья Дмитриевна, тотчас поняв, о ком он говорит. И вздохнула.

- Ну, и... как же? – Не ответ, а вздох Марьи Дмитриевны сразу вернул его ко всем тревогам и заботам.

- Это такое сердце, - проговорила она, отстраняясь. – Ах, если бы ты знал, какое это чистое, нежное, доброе сердце!...

- Значит, он понял, что не пара тебе? Ну, слава богу! Конечно же, с ним ты не была бы счастливой.

- Как знать... - повторила она задумчиво.

- Но... ведь ты же любишь меня, - сказал он, несколько смешавшись.

- Да, конечно... Однако и его тоже.

- Его тоже? Что ты говоришь?...

- Ты пойми: он совсем особенный... он ребёнок, и если иногда что нехорошее делает, ... то совсем

*не понимает этого... Хотя и любит меня, очень любит... Я же говорила тебе, что он очень даже способен на самопожертвование, что это золотое сердце...».*⁸⁷

По версии Д. Бреговой, поведение Вергунова меняется в момент третьей поездки Достоевского в Кузнецк. Он «потускнел и осунулся», но от Исаевой не отрекается: «(Он) просто не представляет себе, как это я перееду в другой город и уже не буду в Кузнецке. Что он даже согласен со мной не видеться, но ему обязательно надо знать, что я где-то поблизости, чтобы иметь возможность, если станет совсем невмоготу, постоять на другой стороне улицы, глядя, как мелькает за занавеской моя тень, или подстеречь минуту, когда я выхожу из дома. Такой странный!».⁸⁸

Таким образом, Д. Брегова превращает Вергунова в покорного воздыхателя, который готов переехать за Исаевой в другой город, чтобы тайком подглядывать за её мелькнувшей тенью в окне. На следующей странице она намекает на планы Вергунова навсегда остаться холостым. Конечно, ей пока не известно, что Вергунов женится в 1865 году, то есть после смерти Исаевой, очевидно, посчитав себя свободным, о чем красноречиво рассказывают документы, найденные лишь недавно. Они же доказывают, что Вергунов был не робкого десятка, совершал порой стремительные и отчаянные поступки и умел защитить свою честь. Отсюда – вывод: отнюдь не слабость подвигла Вергунова уступить Достоевскому Исаеву.

Как и прочие авторы, Д. Брегова предвенчальную сцену «соития Вергунова с Исаевой» не описывает. Тайное свидание в ночи, де, - миф. Воспоминания Любови Фёдоровны хоть и не замалчиваются, но используются осторожно. В схему, созданную Д. Бреговой, слишком прямолинейные оценки Л.Ф. не укладываются...

Э. Румянцева

Романтический флер, коим овеяна связь Исаевой с Достоевским, в 70-е годы отражается не только в произведениях художественных, но даже в учебных пособиях. В 1971г. Э.М. Румянцева публикует в издательстве «Просвещение» биографию Ф.М. Автор поминает о Врангеле - *«друге и наперснике в бурно развивавшемся романе»*. Изложение докузнецкого периода чрезвычайно сжато, что, впрочем, понятно: книга для учащихся должна содержать наиболее значительные вехи истории. Некоторые искажения наблюдаются в формулярных данных Н.Б. Вергунова, - он почему-то назван *«учителем уездной школы в Томске»*, хотя в действительности служил в кузнецком приходском училище. Перипетии любовного треугольника поданы лаконично: «Мария Дмитриевна была натурой неуравновешенной, мятущейся. После смерти мужа она получила предложение от Н.Б. Вергунова, учителя уездной школы в Томске. «Её счастье я люблю более моего собственного», - писал Достоевский и стал хлопотать, чтобы как можно лучше устроить будущую семейную жизнь Марии Дмитриевны и Вергунова. Достоевский

просил Врангеля помочь Вергунову перейти в другую школу, чтобы обеспечить Марию Дмитриевну материально. Мария Дмитриевна была бесконечно привязана к Достоевскому и всё же колебалась и сомневалась в определении своей судьбы. Черты её личности отразились в образе Катерины Ивановны в романе «Преступление и наказание» и в образе Настасьи Филипповны в романе «Идиот». О Марии Дмитриевне в эти годы Достоевский писал: «что-то каждую минуту вновь оригинальное, здоровомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное... у ней сердце рыцарское: сгубит она себя». Он старался помочь Марии Дмитриевне, как мог... Но в то же время Достоевскому мучительно тяжело. Он то ведёт разговоры с Вергуновым о его жизни с Марией Дмитриевной и становится его другом, то ссорится с ним, доказывая, что Вергунов с Марией Дмитриевной не могут быть счастливы».⁸⁹

Находим и досадные «промашки», основанные на не критическом отношении к мемуарам П.П. Семенова-Тян-Шанского. Э. Румянцева полагает: Достоевский после свадьбы «прожил две недели» у названного ученого в Барнауле, что опровергается другими свидетельствами. Впрочем, зная авантюрный склад великого писателя и рассказ Врангеля о тайных поездках в Змиев (с инсценировкой, будто бы Ф.М. вовсе из Семипалатинска не отлучался), а также имея ввиду странное несоответствие в дате, проставленной на прошении Белихова об обвенчании новобрачных священнослужителями города Кузнецка, помеченного 1 февраля

(когда Достоевский уже в дороге!), невольно задаёшься вопросом – где истина, а где неправда. Пытаемся вновь себя перепроверить: а не подправлены ли числа, соответствующие отъезду в Кузнецк и возвращению в Семипалатинск (через Барнаул) именно Достоевским? И, возможно, Семёнов-Тян-Шанский как раз точен, а Достоевский снова как бы дезинформирует потомков – ведь тайн, сопровождающих «кузнецкому венцу», накопилось столь много, что ничему не удивляешься...

Не исключено, что Достоевскому следовало быть на службе в Семипалатинске в строго определённое время, и нужный отпуск (месячный!) могли ему в полной мере не предоставить. Отсюда – договорённость с командирами о более длительной (чем официально разрешённой) отлучке под предлогом, например, болезни. Рискованная проделка тщательно скрывается в документах и письмах, которые читаются цензурой (и не потому ли, кстати, ему иногда приходится отправлять послания через знакомых, о чем он сам сообщал, см. 28-й том Сочинений). Так что предосторожность не помешает - в случае, если устно разрешённая «самоволка» существовала! И тогда авторитет Семёнова-Тян-Шанского, как добросовестного фиксатора событий – сомнению не подлежит...

«Материалы и исследования» и «Новые материалы и исследования»

В целом 70-е годы в достоевсковедении, по сравнению с предыдущим десятилетием – это, скорее всего, не качественный, а количественный

скачок. Что касается брака с М.Д. – в оборот не вводится практически никаких не рассмотренных ранее источников, концепции тоже не отличаются разнообразием. Выходит в свет немало литературы – и, главное, ПСС, но в нём мы находим не так уж много «открытий». Исключение из правила составляет, пожалуй, публикация посланий Н.М. Достоевского к А.М. Достоевскому в «Новых материалах и исследованиях» (1973) в серии «Литературное наследство» (фолиант под номером 86). В письмах – лестные оценки личности Исаевой: «...Жена его Марья Дмитриевна, по умершему первому мужу Исаева, по показанию приезжих отсюда, наипрелестнейшая и умнейшая женщина. Брат знал её ещё при жизни первого мужа и когда сам он был ещё в ужасном положении, она принимала в нём большое участие, помогала ему, быв сама не в слишком хороших обстоятельствах. По смерти мужа она осталась совершенно в беспомощном состоянии с шестилетним ребёнком и тогда-то брат женился на ней и живёт очень счастливо...» (1858).⁹⁰

Огорчают неточности – искажен, например, возраст пасынка Ф.М.

В том же томе обнаруживаем ещё одно сообщение Н.М. Достоевского от 18 ноября 1862г. – в нем также фигурирует Исаева: «Жена его очень добрая особа, но жаль, что очень больная женщина. У ней чахотка, и только тридцатилетний возраст не даёт скоро развиться этой болезни...».⁹¹

Вообще, имя Исаевой в исследованиях тех лет мелькает довольно часто. Другое дело, что излагается, в основном, уже известная канва событий.

Неожиданностью ракурса привлекают внимание лишь некоторые места упомянутых выше книг, справочного аппарата к Полному собранию сочинений или к отдельным изданиям произведений Достоевского (особенно нужно отметить вышедший в 1970г. в «Науке» роман «Преступление и наказание», прокомментированный Г.Ф. Коган). Маленькие сколки «кузнецкого венца» – и в первом выпуске «Материалов и исследований»: В.А. Туниманов, в развитие своих более ранних гипотез 60-х гг., вновь обращается к размышлениям Достоевского у гроба жены в контексте рассказа «Кроткая»: «Ситуация «Кроткой», – пишет он, – и завет Христа ведут к словам Достоевского, записанным у гроба его первой жены, М.Д. Исаевой: «Возлюбить человека как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует...».

Из сказанного следует, что Исаеву Достоевский не в состоянии был «возлюбить как самого себя» из-за неумолимого «закона личности». И тогда вполне очевидно, что в угоду собственному Я (которое в творчестве Ф.М. – категория доминирующая, подчиняющая обстоятельства) Достоевский может Исаевой и поступиться. Что он и делает, пренебрегая ею ради иных увлечений. Именно к такому выводу подталкивает нас, сегодняшних, приведённая В.А. Тунимановым аналогия, однако в его словах она не угадывается, а как бы домысливается читателем. 70-е – время иносказаний...⁹²

О полемике полувековой давности

В Сибири в 70-е годы семипалатинский период Достоевского прилежно изучала М.М. Громыко. В 1975г. она выступила со статьей, посвящённой «Запискам из Мёртвого дома». Новых сведений о «кузнецком венце» публикация не содержала. Однако М. Громыко обращала внимание на известную в среде достоевсковедов полемику 20-30-х гг. Сам факт возвращения к некоторым нюансам историографии - позитивен, ибо читателям дали понять, что в теме «Достоевский и Сибирь» есть увлекательная и далеко неоднозначная «история вопроса». Увы, в поле зрения автора - лишь столкновение мнений Б. Герасимова и В. Зазубрина на страницах альманаха «Сибирские Огни» (называлось также имя Г. Вяткина). На самом деле, как подробно сказано выше, к трудным поискам истины подключились и другие исследователи (в частности, А. Кручина, Д. Ярославцев и В. Шемелев). М. Громыко пишет: «... В 1926-1927гг. на страницах «Сибирских Огней» неожиданно вспыхнула полемика о месте отбывания каторги и ссылки Ф.М. Достоевским. Тем более неожиданная, что именно в этом журнале в январе 1925г. Г.Вяткиным был опубликован «Статейный список о государственных преступниках, находящихся в Омской крепости, в каторжной работе 2-го разряда июня 11 дня 1850 года», подписанный подполковником Де Граве и содержащий подробные данные о Достоевском. Тем не менее, через год с небольшим В.Зазубрин в очерке «Неезженными дорогами» заявил,

что Достоевский сидел в г.Кузнецке в тюрьме, в камере №6 (какая точность!) и что до «нашествия скопищ Рогова», разрушивших кузнецкую тюрьму, «камера Фёдора Михайловича показывалась посетителям» (?!). Это был не единственный фантастический факт о жизни Достоевского в Сибири в этом очерке. Очерк поразительно уживался в одном номере журнала с обстоятельной статьей «Ф.М. Достоевский в Семипалатинске», учитывавшей и «Воспоминания» А.Е. Врангеля, и письма Достоевского, и некоторые материалы из местного архива о семипалатинском окружении Достоевского. В статье, в частности, был четко оговорен короткий выезд в Кузнецк, только в отпуск (в это время Ф.М. Достоевский находился на военной службе), для венчания с М.Д. Исаевой. Статья шла за подписью Б. Г-в и принадлежала, по видимому, перу Бориса Герасимова. Этот же автор в апреле 1927г. дал фактическое разъяснение о сроках и местах пребывания Достоевского в ссылке, отметив вымышленные утверждения В.Я. Зазубрина и некоторых досужих старожилов Усть-Каменогорска, горевших естественным желанием связать побольше знаменитых имён с историей родного города, а также тех жителей Семипалатинска, которые показывали «заброшенные копи, где работал Фёдор Михайлович»... Перу Герасимова же принадлежит статья в Сибирской Советской Энциклопедии о пребывании Достоевского в Сибири, где четко изложена фактическая канва событий... К этому времени в распоряжении Б. Герасимова была публикация первого

тома «Писем» Ф.М. Достоевского, вышедшего в 1928г...».⁹³

В. Дроздов

М. Громыко излагает исторические и историографические факты довольно точно - в отличие от некоторых авторов газетных и журнальных статей, часть коих в Сибири в 70-е годы грешила искажениями. Так, В. Дроздов в журнале «Огни Кузбасса» в 1971г. в очерке, приуроченном к 150-летию Достоевского, допускает прямые незакавыченные заимствования из книги П. Косенко «Иртыш и Нева». Приводим доказательства:

П. Косенко:

*«Исаев начал страшно пить и быстро совершенно опустился... Интерес Фёдора Михайловича к женщине... превратился в чувство исключительной силы и остроты... Сила вспыхнувшей любви Достоевского, исключительное богатство... его духовного мира, которые она не могла не оценить, увлекли её... На пути к соединению стояло два... препятствия – её замужество и бесправное положение Достоевского».*⁹⁴

В. Дроздов:

«... А.И. Исаев... начал страшно пить и быстро совершенно опустился. Интерес Ф.М. Достоевского к... женщине превратился в чувство исключительной силы и остроты. Сила вспыхнувшей любви Достоевского, богатство его натуры и внимание, в котором так нуждалась Мария Дмитриевна, вызвали взаимное чувство и у неё. Но на пути к их соединению было два препятствия –

*замужество М.Д. Исаевой и бесправное положение Ф.М. Достоевского».*⁹⁵

В. Дроздов переписывает у П. Косенко чуть ли не целые предложения. Причем там, где он проявляет инициативу и отходит от стиля понравившейся ему повести, происходят явные недоразумения. В частности, он сообщает, что весной 1855г. «мужу М.Д. Исаевой предоставили место управляющего трактирами в Кузнецке», тогда как на самом деле должность Александра Ивановича называлась так: заседатель по корчемной части. «Казаков сад» превратился в «Казаковский сад». Во фрагментах, переданных своими словами, публикация В. Дроздова походит на школьное сочинение. Но как только он прибегает к фразам, взятым из чужой работы (например, таким, как «счастливый исход его мучительной любви», сравним с.57 у Косенко и с.77 у Дроздова), сразу чувствуется профессиональное перо.

П. Косенко:

*«Вести из Кузнецка шли самые тревожные. Мария Дмитриевна устала от бесконечной борьбы с нищетой... Она осторожно спрашивает совета у Достоевского, как ей поступить в случае, если будет к ней свататься пожилой обеспеченный человек... Фёдор Михайлович с невероятной энергией предпринимает... попытки «уладить» свои запутанные дела... С первым же письмом Врангелю в Петербург... Достоевский отправляет и другое, адресованное герою Севастопольской обороны Эдуарду Ивановичу Тотлебену...».*⁹⁶

В. Дроздов:

*«Скоро из Кузнецка стали приходиться самые тревожные вести. М.Д. Исаева устала от бесконечной борьбы с нищетой. С осторожностью, как ей поступить в случае, если будет к ней свататься обеспеченный человек, она спрашивает совета у Ф.М. Достоевского... С огромной энергией он ищет пути улаживания своих запутанных дел. Он направляет письмо своему другу А.Е. Врангелю, переехавшему... в Петербург, адресованное герою севастопольской обороны Э.И. Тотлебену...».*⁹⁷

Не будем утомлять читателя перечислением других подобных «параллельностей». Их много. Остаётся пожалеть местных любителей творчества Достоевского. Тем более, что у В. Дроздова встречаем, как уже сказано, немало фактологических ошибок. Так, Дроздов утверждает, что Достоевский отправился в Кузнецк из Семипалатинска 1 февраля 1857г., что не соответствует действительности. Хотя, в целом, верно отражены свадебные перипетии, однако опять же находим здесь очередное злоупотребление. В. Дроздов: «В церковь собрался чуть ли не весь Кузнецк. Свадьба была пышной, заботы по её устройству взяла на себя жена исправника А.Н. Катанаева. В эти дни Фёдор Михайлович был спокойно счастлив, весел, кузнецкое «общество» им было очаровано. Он постоянно бывал с женой на вечерах, много танцевал, охотно играл в карты по маленькой». (А вот схожий текст Косенко: «Заботы по устройству свадьбы взяла на себя жена исправника Анна Николаевна Катанаева... Церемония получилась весьма пышной.

В церковь собрался чуть не весь Кузнецк... Фёдор Михайлович был спокойно счастлив; ... кузнецкое «общество» было им очаровано. Он постоянно бывал с женой на вечерах, много танцевал..., охотно играл в карты по маленькой».⁹⁸

Аналогичный прием – в описании эффекта, которое произвело на Семёнова-Тян-Шанского чтение «Записок из Мёртвого Дома» накануне венчания Достоевского. В. Дроздов: «Тот был потрясён силой и правдой нарисованных картин каторги». (У П. Косенко: «Семёнов был потрясён силой и правдой нарисованных его другом картин каторги».)⁹⁹

А. Мазюков, В. Соскин, Н. Яшина

С сожалением констатируем, что сибирское «достоевскоеведение» в 70-е гг. не всегда выглядело достаточно профессионально. А. Мазюков в августе 1970г. оспаривает версию, что Достоевский якобы «отбывал наказание в кузнецкой крепости». То же самое, впрочем, он делает и в 60-е годы (см. выше). Причём, видимо, безуспешно, поскольку даже в солидных монографиях неверные сведения об отбывании Достоевским срока именно в указанном месте все же бытовали. Мазюков одного такого автора называет по имени, но в разъяснениях опять-таки неточен. Так, он считает, что кузнецкая крепость построена в 1618 году, тогда как она начала возводиться только в конце XVIII века. Читаем: «... Длительное время бытовало ошибочное мнение, будто великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский отбывал наказание в Кузнецкой крепости, построенной, как известно

(!!! – авт.) в 1618 году. В крепости действительно побывало немало участников революционного и демократического движения (??? – авт.), тех, кто выступал против крепостничества и самодержавия. Это обстоятельство не могло не найти отражения в документах прошлого. Так, первый съезд крестьянских депутатов Кузнецкого уезда, состоявшийся в марте 1918 года, под влиянием широко распространённой версии о причастности Ф.М. Достоевского к Кузнецкому острогу и в какой-то степени (??? – авт.) выдавая желаемое за исторически достоверное событие, в перечне своих важнейших мер по отделу народного образования утвердил пункт «Об увековечивании памяти писателя Ф. Достоевского, отбывавшего ссылку в Кузнецке». В постановлении крестьянского съезда указывалось: «Единогласно решено на средства Совета и добровольные пожертвования приобрести дом, где жил Достоевский, организовать в нём музей и библиотеку-читальню». Намечено было в камере тюрьмы, где якобы находился писатель, устроить читальню и в городе установить памятник... В 1921 году исполком Кузнецкого уездного Совета ещё раз возвратился к имени Ф.М. Достоевского, но на этот раз в постановлении просто отмечается о присвоении городской библиотеке имени писателя... Тем не менее версия эта оказалась живучей. Например, новосибирский автор В.Л. Соскин в «Очерках истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны», вышедшей пять лет назад, ссылается как раз на постановление крестьянского съезда». ¹⁰⁰

То, что факты биографии Достоевского искажались учеными, удивляться не приходится – тому мы приводили уже примеры. Вот ещё: кандидат наук Н. Яшина в заметке «Пафос творчества», опубликованной в газете «Кузбасс» 11 ноября 1971г., критикуя «буржуазных идеологов», которые «пытаются объявить Достоевского гением психопатологии», попутно сообщает, что «в Кузнецке Достоевский был два раза» (однако Ф.М. приезжал в Кузнецк трижды!), и что «15 февраля он (Достоевский, - авт.) ведёт к алтарю местной церкви горячо любимую женщину...» (но венчание состоялось, как известно, 6 февраля, Н. Яшина ошиблась в дате, - очевидно, вслед за исследователем Л. Гроссманом, но не ссылается на него). ¹⁰¹

В. Мелих

В 1971 году к юбилею писателя в Новокузнецке организовали выставку. К её подготовке оказались причастны видные краеведы и старожилы К.А. Воронин и бывший фельдшер Борисенко, а также директор городского музея П.В. Кононова. Среди экспонатов привлекала внимание фотокопия статьи Валентина Булгакова «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» (1904). Однако пропаганда «кузнецкого венца» была не столь успешна, как могло казаться. Даже ознакомившийся с экспозицией корреспондент сбивается на вопиющую неточность и пишет о «годах жизни» (!!!), проведённых Достоевским в Кузнецке. Из заметки В. Мелиха от 31 октября 1971г.: «... Наиболее богато иллюстрированными фотографиями оказались годы жизни, проведённые

писателем в Кузнецке... Есть здесь и фотографии старой лиственницы – свидетельницы прогулок Фёдора Михайловича по Кузнецку. Она и сейчас стоит на Советской площади. Есть фотокопия статьи В.Ф. Булгакова... Эту фотокопию сотрудники нашего музея получили из ленинградской библиотеки им. Салтыкова-Щедрина... Некоторые снимки, в частности, единственная в своём роде фотография дореволюционного Кузнецка с улицей Достоевского, позаимствована у бывшего фельдшера Борисенко. (Добавим: в конце 70-х «лиственница Достоевского» помешала башенному крану при прокладке объездной дороги и её бестрепетно срубили, - *авт.*).

- Материалы, - рассказывает научный сотрудник К.А. Воронин, - к открывающейся выставке были собраны не за один месяц. Директор музея П.В. Кононова долго вела переписку с домом-музеем Достоевского, московскими и ленинградскими библиотеками...».¹⁰²

Л. Сербин

К «кузнецкому венцу» Достоевского в те поры также проявляет интерес новокузнецчанин Л. Сербин. Судя по всему, ему знакома работа Валентина Булгакова «Ф.М. Достоевский в Кузнецке». Однако автор не избегает неточностей. Так, в октябре 1971г. Сербин неосторожно сообщает, что «...около сорока дней (!!! – *авт.*), в общей сложности, пробыл Фёдор Михайлович Достоевский в Кузнецке».¹⁰³

Тот же Л. Сербин поведал о крайне занимательных фактах из истории Дома Достоевского. Из его

статьи «Здесь жил писатель» узнаём, что реставрация упомянутого памятника – уже на повестке дня, о ней говорят (но, увы, упорно не осуществляют, ограничиваясь лишь скоротечными ремонтами): «...Пройдёт немного времени, и реставраторы вернут домику первоначальный вид. А пока здесь заканчивается очередной ремонт. Сохнут крашеные полы, лучи скупого осеннего солнца играют на свежесвыкрашенных окнах.

Леонид Иванович Шабалин по-хозяйски обходит небольшую усадьбу...

- Я ещё не застал в живых сыновей того самого крестьянина Михаила Дмитриева, который был свидетелем венчания Исаевой и Достоевского. Отец мой Иван хорошо знал своего соседа. Дома стоят рядом. Человек он был добрый и отзывчивый. Отец сказывал, что овдовевшей чиновнице Исаевой большую помощь оказал в её несчастье. Да и поручительство при венчании на себя взял. Теперь остались только внуки Михаила, да и те поразъехались. В доме долгое время жили три богомольные старухи. Придут, бывало, школьники или студенты, а то и заезжие гости к домику, станут расспрашивать, а старухи их даже в дом не пускали.

Вот тогда-то и пошла по соседям Агнесса Павловна Ващенко. Собрала она жителей улицы Достоевского на собрание, и порешили они всем миром написать письмо депутату.

«Мы, общественность и жители округов 17-21, просим содействия в открытии филиала краеведческого музея в доме №40 по улице Достоевского.

Как известно, в этом доме жил великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский. К дому часто приходят те, кто интересуется творчеством писателя, и часто обращаются к нам с просьбой рассказать о том времени, когда Фёдор Михайлович был в Кузнецке. В нашем районе много исторических мест, и усадьба бывшего портного Дмитриева была бы ещё одним свидетельством исторической ценности старого Кузнецка. В этом доме мы собираемся открыть общественную библиотеку, и просим вашего содействия и поддержки».

*Через месяц дом отдали в распоряжение энтузиастов. Агнесса Павловна вместе с учащимися соседних школ привела в порядок запущенные комнаты, побелила стены. Так состоялось торжественное открытие общественной библиотеки имени Фёдора Михайловича Достоевского. В её фондах было более тысячи экземпляров книг, собранных у населения. Сейчас библиотека государственная, имеет штатного работника и около шестисот читателей».*¹⁰⁴

Напомним – «обобществление» памятника истории осуществилось в 1962 году. Во время «оттепели». Чему, возможно, невольно содействовала упомянутая «богомольность» населявших дом старушек. Хрущев отличался особым атеистическим «зудом» именно в период означенной «реквизиции». В начале 1960-х гг. в Кузбассе закрыты Знаменская церковь в Кемерове, Вознесенская в Верхотомке и Покровская в Ленинске, поэтому гонениям на верующих удивляться не приходится.

Огорчительно, что к расправе над «униженными и оскорбленными» оказалось причастно имя Достоевского. Тем не менее, Л. Сербин заканчивает статью оптимистично: «У этого дома теперь есть паспорт, и он зарегистрирован как исторический памятник. Большую заботу о нём проявляет сотрудник городского краеведческого музея Константин Александрович Воронин. Это он главный инициатор открытия мемориальной комнаты, он первым оформил уголок, посвящённый памяти писателя, в библиотеке, многие фотокопии документов, относящиеся к кузнецкому периоду жизни Достоевского, получены из музеев страны Константином Александровичем... В отделе культуры горисполкома мне рассказали о мероприятиях этого юбилейного года. Это и открытие бюста и мемориальной комнаты в доме, где бывал Достоевский, и реконструкция всей усадьбы...».¹⁰⁵

Заметим – Л. Сербин оперирует термином «кузнецкий период Достоевского». Он будет взят на вооружение немногим позже как один из аргументов для открытия мемориала в Новокузнецке (дескать, означенный «период» отнюдь не укладывается в 22 дня, проведённых Достоевским в Кузнецке, а длился по крайней мере два года, когда помыслы его были обращены к этому городу, а то и всю жизнь, ибо отблески «кузнецкого венца» находим даже в «Братьях Карамазовых»). Пока же – лишь разговоры о «реконструкции». Именно – разговоры, потому что до открытия музея ещё десять лет, а о хлопотной реставрации мечтают только романтики, но и они пребывают в постоянной

тревоге: известно, что, руководствуясь как раз «заботой о памятниках», в Новокузнецке уничтожили несколько старинных зданий, в том числе дом священника Тюменцева, венчавшего Достоевского. Их разобрали якобы для того, чтобы потом восстановить «по науке», и – собрать забыли...

«Счастливые и грозные кузнецкие дни»

Сказанное как нельзя лучше объясняет, почему один из авторов этой книги, очутившись в середине 70-х годов в Кузбассе, в публикациях той поры особое внимание уделял Дому Достоевского и его сохранности. Из очерка «Счастливые и грозные Кузнецкие дни» от 05.03.1977г.: «Дом Достоевского... Он сохранил кусочек того короткого счастья, что приютилось под его крышей в кузнецкие дни великого писателя... Он, мне кажется, один из важнейших памятников Кузбасса по своей причастности не столь к мимолетному пребыванию здесь Достоевского, сколь к тому, может быть, самому яркому и важному событию в его сибирской жизни – «грозному чувству» к Исаевой...».¹⁰⁶

Вслед за П. Косенко берётся на вооружение понятие «грозное чувство», коим сам Достоевский определил свои отношения с М.Д. Исаевой. Однако главное, что отличало «кузбасскую» публицистику 70-х гг. - острая полемическая направленность: на повестке дня стояло сбережение Дома Достоевского и открытие мемориального музея. Большую помощь оказывали москвичи, и особенно – авторитетный достоевковед Галина Владимировна Коган, подписавшая, наряду с другими

видными литераторами, известное письмо, опубликованное в «Литературной Газете» еще в 1965г., - в нём говорилось о памятных местах, связанных с Достоевским, и, в частности, о Кузнецке. Названный материал и стал отправной точкой для развернувшихся вскоре «баталий». Из статьи «Кузнецкие дни Достоевского» от 21.08.1977г.:

«... В 1965 году в «Литературной Газете» было опубликовано письмо за подписями виднейших литераторов нашей страны. Письмо касалось уцелевших памятных мест Достоевского в Сибири. Семипалатинский дом, в котором жил Достоевский после каторги, и дом в Старокузнецке рассматривались как ценнейшие памятники мировой культуры...»

Как сообщает заведующая Московским музеем-квартирой Достоевского Г.В. Коган (её подпись тоже стоит под упомянутым выше письмом), особый интерес вызывают памятные места, связанные с сибирским периодом Достоевского...

Московский музей Достоевского готов оказать всемерную помощь серьёзному становлению ценнейшего памятника мировой культуры, расположенного в нашем крае. Помощь эта выразится в широкой поддержке экспонатами, фотоматериалами, документами, ценными изданиями, а также в научной консультации и постоянном тематическом руководстве.

Тем более огорчительно, что в самом Кузбассе ещё бытуют сомнения: а так ли уж велика роль М.Д. Исаевой в жизни Достоевского?... И почему речь идёт о доме-музее Достоевского, коль жил в

старокузнецком домике не сам Достоевский, а Исаева...

Я беседовала с заместителем председателя Новокузнецкого горисполкома П.Н. Свистулой. Выяснилось, что дом поставлен на капитальный ремонт. Однако предполагается не реставрация, а обычный ремонт в побелкой и покраской, после чего опять откроется библиотека.

Но каковы же планы на будущее? Ведь вполне очевидно, что такое положение дома нестабильно. Да, нестабильно, подтвердил П.Н. Свистула. Дом ветхий. Исчезли ставни. Неизвестно, какие были наличники – сейчас никаких не осталось. Внутри перегородки переставлялись, так что теперь всё уже вовсе не такое, как было при Достоевском. Вывод?

Предполагается домик разобрать и выстроить новый. Здесь же рядом. А может быть, в ином месте. Дом будет из доброго дерева, которому привлечённый специалист постарается придать вид старины, так что «аромат времени» не пострадает...

В случае с домиком Достоевского, мне кажется, нужна особая осторожность. Имеется негативный опыт разборки памятных домов, которые уже никогда не «воскресли»...

Также безвозвратно утрачена при сноске старого кузнецкого кладбища надгробная плита чиновника по питейной части Александра Ивановича Исаева. А между тем первый супруг Марии Дмитриевны Исаевой послужил прототипом для Мармеладова... Кроме того, по свидетельству уроженца...

Кузнецка Валентина Фёдоровича Булгакова, последнего секретаря Л.Н. Толстого, эта плита была водружена Достоевским и Исаевой в 1857 году, и надпись на ней составлена была Достоевским.

Так что если время пощадило домик Достоевского и стоит он на своём месте без каких-либо других повреждений, то не лучше ли прибегнуть ко всем средствам консервации, имеющимся у сегодняшней реставрационной науки, чтобы сохранить его?... Он принадлежит не только Кузбасу, но и мировой культуре, так что требует бережности и внимания в соответствующих масштабах...».¹⁰⁷

«Быть или не быть музею Достоевского в Кузнецке?»

И тут в очередной раз разыграли чиновные амбиции. Со страниц газет официальным лицам указывалось на недопустимое отношение к памятникам старины. И Дом Достоевского был не первым и не последним поводом для затянувшегося противоборства кучки «интеллектуалов», опирающихся на московские связи, с местными властями. (Сегодня, впрочем, «антигерои» этой некрасивой истории - в почёте, и получают награды «за большой вклад в культуру», точнее – за многолетнее и целенаправленное разрушение оной).

Между тем, конфликт вокруг Дома Достоевского всё обострялся. 18 апреля 1978 года в «Комсомольце Кузбасса» появляется статья «Быть или не быть музею Достоевского в Кузнецке?». Читаем:

«... Вновь было привлечено внимание общественности к «кузнецкому домику» и вновь прозвучала тревога за его сохранность.

В отличие от Семипалатинского дома-музея Ф.М. Достоевского, дом в Новокузнецке до недавних пор служил лишь скромной районной библиотекой, и ещё до недавних пор ему грозили многие неприятности. На протяжении последних лет судьба Домика Достоевского в Новокузнецке справедливо волновала общественность. И недавно, после предварительных переговоров с Московским литературным музеем и Московским музеем-квартирой Ф.М. Достоевского, в Министерство культуры РСФСР и в упомянутые музеи было направлено письмо, подписанное писателями, журналистами, художниками, преподавателями местных вузов с одной просьбой - содействовать сохранению ценного памятника и открытию в нём литературного музея имени Ф.М. Достоевского...

На письмо последовали оживлённые отклики. Главная инспекция по охране памятников, Союз писателей РСФСР, московские литературные музеи горячо заинтересовались «кузнецким домиком». Обращение кемеровского облисполкома в Министерство культуры РСФСР оказалось решающим. И вот то, что многим казалось хлопотной, а, главное, необоснованной идеей, - Достоевский пробыл в Кузнецке так недолго! - нашло поддержку многих центральных инстанций.

Для изучения возможности открыть в Новокузнецке литературный музей прибыли В.Н. Рыбалко, директор Ленинградского музея имени

Достоевского, и заведующая сектором литературных музеев НИИ музееведения в Москве Е.Г. Ванслова. Предварительный вывод специалистов: в Кузбассе нет ни одного литературного музея, и особенно важно открыть в Кузнецком районе мемориальный музей Достоевского – филиал Новокузнецкого краеведческого музея. Предложив ряд подготовительных работ (создание научного совета, разработка методических планов) и напомним о предстоящей дате 1981 года – столетия со дня смерти Ф.М. Достоевского, специалисты Москвы и Ленинграда ознакомились с весьма скудными материалами, которыми располагает городской краеведческий музей, и обещали поделиться своими сокровищами.

В Кузбассе побывал опытный специалист, архитектор А.С. Алтухов, который также высказал вполне конкретное мнение: наш край богат ценными памятниками старины, часть из них имеет республиканское значение... Итак, всё звучит обнадеживающе и внушает определённый оптимизм. Но до победы ещё очень и очень далеко. Осуществление всех этих планов будет зависеть от созвучности местных позиций с оценками авторитетных центральных инстанций, и потому путь к «виктории» куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд. И опасения эти не напрасны.

Передо мною документ – «Приложение к решению Совета Министров РСФСР №624 от 4.12.1974 года» с перечислением 11 памятников республиканского значения в Кузбассе. Наряду с

Домом Достоевского здесь указан и дом Обнорского в Кузнецке, который ещё в 1969 году был снесён и продолжал существовать в качестве «мёртвой души» в неверных или непроверенных списках, попавших на утверждение в Москву к 1974 году.

Как уже было сказано, 1981 год мировая общественность будет отмечать как год памяти Достоевского, а домик в Кузнецке стоит пока обшитый досками. Пример этот не единственный. Кузнецкая крепость, будучи внесённой в списки республиканского значения, ждёт не первый год решения своей участи. Могу привести ещё один документ – решение Новокузнецкого горисполкома о сооружении памятного обелиска к 350-летию Кузнецка, принятое в 1969 году. В этом году Кузнецку исполняется уже 360 лет, а обелиска, обещанного десять лет тому назад, всё нет...

Казалось бы, «кто старое помянет...»! Но ведь это «старое» живо и поныне: на состоявшемся недавно в Кемерове пленуме Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры наряду со многими взволнованными выступлениями... звучало и нервное недоумение по поводу «моды на новокузнецкие памятники»...». ¹⁰⁸

«Музеем быть!»

Названный публицистический материал вызвал отклики. Будущий директор Дома Достоевского М. Лычагин 16.05.1978г. в статье «Музеем быть» сообщил, что в Новокузнецке полным ходом идёт подготовка к открытию и что даже собираются

экспонаты. Власти как бы ставились перед фактом, и в прессе отнюдь не случайно поминалось, что соответствующее ходатайство кемеровского облисполкома «было решающим». Но сколько трудов стоило подвинуть чиновников на сей шаг! Из заметки М. Лычагина: «... Сейчас домик Достоевского отремонтирован, но ещё не реставрирован. Для этой работы нужен специалист, и мы верим, что он приедет в Новокузнецк. Пока же мы собираем экспонаты конца XIX века, характеризующие эпоху, когда творил Достоевский. В середине июня собираемся открыть мемориальную комнату писателя. Личных вещей Фёдора Михайловича в Кузнецке, к сожалению, не обнаружено. Надеемся, что москвичи и ленинградцы поделятся с нами своими сокровищами, предварительный разговор на эту тему с ними уже был. Так что пора сказать раз и навсегда: «Конечно, быть музеем Достоевского в Кузнецке!»...». ¹⁰⁹

Вскоре именно М. Лычагину поручат подготовить первоначальный интерьер музея. 12 мая 1979г. публикуется интервью с ним. Автор, уже упомянутый нами Л. Сербин, в небольшой преамбуле разъясняет, что в доме Достоевского до 1925 и начиная с 1962гг. существовала библиотека, «а весной 1978 года, после письмо группы жителей Кемеровской области в Министерство культуры РСФСР было принято решение о создании мемориального музея Ф.М. Достоевского...».

Создание музея – дело многотрудное. Соответствующей вещественной ауры в залах пока нет. Хотя наличествует самый главный «экспонат» -

стены дома. До открытия – два года. Срок далеко не достаточный, чтобы «из ничего» сделать экспозицию. Полноценной она, конечно же, не могла быть. Но М. Лычагин настроен оптимистично: «Есть специальное уведомление о том, что усадьба, где бывал Ф.М. Достоевский, и народный дом переданы нашему музею и являются его филиалами. Новокузнецкий художник Иван Шмидт сейчас работает над проектом мемориального комплекса. А сотрудники Томской реставрационной мастерской после осмотра усадьбы и дома дали согласие вскоре начать здесь работы... Я уже однажды бывал в командировках в Москве и Ленинграде, познакомился с экспозицией музеев Достоевского и получил консультации специалистов. Были встречи и с сотрудниками Государственного литературного музея. Говорили заинтересованно, а главное – готовы помочь будущему дому Достоевского. Сейчас работаю над тематико-экспозиционным планом по мемориальному комплексу... Планируется к дому сделать просторную пристройку, чтобы в ней разместить экспозицию... Кроме тех фотодокументов и экспонатов, которые мы имели, в фонде музея есть уже литографии московского художника Леонида Ланна... Хорошие, по настоящему деловые контакты налажены у нас и с ленинградскими художниками. Графические работы одного из них, Владимира Верещагина, из серии «Петербург Достоевского», мы уже приобрели. Но, пожалуй, самой большой удачей для нас стало знакомство и сотрудничество с известным советским скульптором Сергеем Аслановым. Нас

очень привлекла серия его скульптурных работ, посвященных Достоевскому. Теперь решается вопрос о их приобретении...».¹¹⁰

Восьмидесятые годы

Восьмидесятые годы по сравнению с 70-ми – еще шаг вперед. Почти завершён выпуск Полного собрания сочинений Достоевского. Наиболее важны, в контексте нашей темы, тома с письмами. Они подробно прокомментированы (хотя встречаются некоторые неточности).

Выходят в свет «Материалы и исследования». На их страницах находим отголоски первого романа писателя – например, в статье П.В. Бекедина, посвященной пребыванию Ф.М. в Кузнецке (о ней мы уже писали подробно). Заслуживают особого внимания и выступления Т.И. Орнатской (т.5), касающиеся отдельных мест «Сибирской тетради», связанных с именем М.Д. и предваряемых словом «Eheu» (по латыни «увы», см. выше).

В тех же «Материалах» именно в 80-е обнаруживаем текст доселе неизвестного послания А.Н. Майкова А.И. Майковой от 27 января 1864г., из которого узнаем о болезненном состоянии Исаевой незадолго до смерти (публикация исследователя И.Г. Ямпольского): «... Марья Дмитриевна ужасно как еще сделалась с виду-то хуже: жёлтая, кости да кожа, просто смерть на лице. Очень, очень мне обрадовалась, о тебе спрашивала, но кашель обуздывает её болтливость. Фёдор Михайлович всё её тешит разными вздориками, портмонеичиками, шкатулочками и т.п., и она, по-видимому, им очень довольна.

Картину вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей». ¹¹¹

Обмен «вздориками»

Позволим себе отступление: очевидно, Исаева любила всякие изящные безделки. И тут как не вспомнить «шкатулочку с перламутром и маленьким ключиком» из «Вечного мужа», в которой содержались «обличительные письма», кои в случае коллизии Исаева-Достоевский-Вергунов вполне могли быть равнозначны признанию... «Портмонеи» очень даже могли быть по вкусу обоим данникам былого «грозного чувства». Не зря же Анна Григорьевна упоминает о «трехрублёвом портмоне», которое купила Достоевскому в день рождения, ссылаясь на то, что не отставать же ей, дескать, от Марии Дмитриевны – она всегда в этот день преподносила маленький подарок. И, кто знает, быть может, обмен «вздориками» вошёл в традицию ещё со времён столь короткой счастливой поры сочинителя Достоевского с его избранницей, М.Д. Исаевой.

Но – насколько именно «короткой», и – счастливой ли? В.А. Туниманов, например, в 80-е гг. называет роман с Исаевой «бесконечным» и «тяжелым»: «Что же касается личной жизни – в самом разгаре бесконечный тяжёлый роман с Марией Дмитриевной Исаевой». Это написано применительно к 1856г., однако означенная характеристика явно распространяется исследователем на гораздо более длительную перспективу. Как же – «бесконечный», если в то время Достоевский знаком с Исаевой только два года? ¹¹²

«В уезде далёком и зверском...»

В 80-е годы многие исследователи по-прежнему находятся под влиянием версий Л.П. Гроссмана. Во всяком случае, именно такое чувство возникает после ознакомления с книжкой С.В. Белова «Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», адресованной учителям и вышедшей в 1985г. вторым изданием. Читаем: «... Л.П. Гроссман считает, что в известном смысле прототипом Мармеладова был и первый муж Марии Дмитриевны Исаевой (1825-1864) (первой жены Достоевского), Александр Иванович Исаев (? – 1855), мелкий сибирский чиновник, страдавший жестоким запоем... По свидетельству А.Г. Достоевской, в образе Катерины Ивановны нашли отражение многие черты Марии Дмитриевны Исаевой, первой жены Достоевского, умершей рано, как и героиня романа, от чахотки. Л.П. Гроссман считает, что в «Преступлении и наказании» «дан внешний портрет супруги Мармеладова, очевидно, списанный с покойной жены писателя в период её медленной агонии»...».

С.В. Белов, вслед за вполне аргументированной гипотезой Г.В. Коган (см. комментарии к Полному собранию Сочинений), обнаруживает в «Преступлении и наказании» как бы «копийность» трагического положения Исаевой в период ее пребывания в Кузнецке. Внимание автора привлекла следующая фраза: «*И осталась она... в уезде далёком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной...*». С.В. Белов полагает, что

в приведенной цитате отражены «обстоятельства, сходные с эпизодами биографии М.Д. Исаевой и Достоевского. После смерти первого мужа М.Д. Исаева осталась «заброшенная на край света», «без куска хлеба», «одна с малолетним сыном, в отдалённом захолустье Сибири, без призора и без помощи» (из писем Достоевского из Семипалатинска к М.М. Достоевскому...).

Однако ссылок на комментарий Г.В. Коган С.В. Белов почему-то не приводит.¹¹³

П. Бекедин

П.В. Бекедин в 1987г. в «Материалах и исследованиях» занят разбором известного сюжета – размышлениями Достоевского у гроба Исаевой. Он «подлавливает» литератора В.А. Туниманова, искадившего дату автографов Достоевского. Однако в целом автор солидарен с выводами Туниманова, который ещё в середине 60-х занимался сравнением текста «Кроткой» с записями Ф.М., навеянными кончиной супруги. П. Бекедин: «Известно, что Достоевский испытывал неизъяснимое чувство вины перед своей первой женой, причём это наблюдалось и во время её болезни, и сразу после её кончины, и много лет спустя. В спектре переживаний художника были грани, которые чуть ли не в чистом виде перешли в его сочинения. Кое-что из духовного опыта Достоевского преломилось и в повести «Кроткая». Запись, сделанная им на второй день после смерти Марьи Дмитриевны Исаевой (Достоевской), может служить в какой-то мере параллелью к произведению, которое будет

создано через двенадцать лет: точки соприкосновения обнаруживаются и в общей атмосфере, и в некоторых деталях, и в характере нравственно-философских выводов. Не исключено, что Достоевский, осматривая осенью 1876г. «старый материал сюжетов повестей»... и готовясь к написанию «Кроткой», перечитал и автобиографическую запись от 16 апреля 1864г., найдя в ней то, что потребует-ся ему при обрисовке внутреннего состояния «мужа, у которого лежит на столе жена»... Личная трагедия, вызвавшая в душе Достоевского целый комплекс противоречивых чувств (отчаяние, ужас одиночества, безысходность и т.п.), заставила его по иному взглянуть на вещи... Сложность, запутанность семейной жизни, скорбь, пустота, надломленность, отчуждённость, вызванные смертью..., власть воспоминаний, жестокая игра случайностей, странные отношения с супругой, любовь-несчастье – все эти мотивы (хотя и в специфической форме и в особом психологическом наполнении) дадут о себе знать и в повести «Кроткая»...».¹¹⁴

Ю. Карякин

Записи у гроба Исаевой впечатлили также Ю. Карякина, автора книги «Достоевский и канун XXI века» (1989). Он считает, что в апреле 1864г. Достоевский встретился, немного-немало, - со своей «нравственной смертью». И статья П.В. Бекедина, и исследование Ю. Карякина трактуют источник в возвышенном и даже патетическом духе. Ю. Карякин пишет чуть ли не о нравственном подвиге Достоевского, рискнувшего на своеобразное

саморазоблачение – признание в невозможности такой любви к ближнему, какая пересиливала бы любовь к самому себе. Однако вне поля зрения остаётся иное: а окупал ли этот «нравственный подвиг» поправки собственному Я, на которые подталкивал Достоевского все тот же подспудный бес? В любом случае, постоянное подчёркивание величия Достоевского как психолога, философа, человека, моралиста, в контексте многих двусмысленных поступков по отношению к М.Д. именно накануне ее кончины, выглядит передержкой. Впрочем, хорошо уже то, что тема «Исаева и Достоевский» поднята до осмысления важнейшего философского вопроса, размышлений о жизни и смерти. Ю. Карякин: «Жена, умирающая в чахотке, остаётся в России, разводится с ней он не хочет. Сусллова настаивает на этом. Он - наотрез отказывается: «Она же умирает...»... 15 апреля 1864 года в Москве умирает жена Достоевского – Мария Дмитриевна. И он делает в этот момент такое исповедальное признание, откровеннее которого даже у него трудно, да, пожалуй, и невозможно найти: «16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей? Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, - невозможно. Закон личности на Земле связывает. Я препятствует...»... Это и была встреча со своей нравственной смертью (нечто подобное случалось и прежде – в письме от 22 декабря 1849-го есть об этом, и позже, но в такой степени – никогда). И она оказалась ничуть не легче той, первой... Он уничтожает прекраснотушный самообман: будто «само собой

разумеется», что всякий человек уж изначально и неуклонно любит всё человечество больше себя. «Близких», не «дальних», оказывается, полюбить на деле – труднее всего...».¹¹⁵

Таким образом, Ю. Карякин сравнивает состояние Достоевского в последние дни Исаевой с пребыванием на Семёновском плацу в ожидании казни. И всё это – на основании одной-единственной записи? Но почему же не обратиться к письмам Достоевского той поры? Ведь в них – о себе самом, о своих недугах, о деньгах, о Сусловой – причём перечисленное заботит его едва ли не перворядно, и невольно приходишь к выводу, что с «умиранием» М.Д. он уже давно свыкся.

«Мука видна, мука за Машу, за себя», - заключает Ю. Карякин. А, может быть, не мука? Может – облегчение, как это ни кощунственно? Наконец, развяжется пыточный узел любви-страдания. И – своеобразная апологетика этой радости: найдено осмысление многим своим поступкам. Но если ближнего нельзя возлюбить больше, чем себя самого, то все случаи, когда могучее Я Достоевского брало верх над сломленной Исаевой – не нарушение «заповеди Христовой», а просто таков закон жизни, таковы правила «закона личности»...

В. Гришаев

80-е годы – время, когда московские и ленинградские культурные центры, занимающиеся творчеством Достоевского, как никогда, налаживают связи с Сибирью, в том числе и с Кузбасом. В нашем распоряжении – письма известных

достоевсковедов Г. Коган и Т. Орнатской, адресованные одному из авторов этой книги. Кстати, именно Т. Орнатской подготовлены комментарии к изданию «Ф.М. Достоевский: Моя тетрадка каторжная» (1985), дополняющие уже упомянутые выше сведения о загадочном слове «Еheu» из «Сибирской тетради». В частности, она сообщала: «Все одиннадцать биографических записей в Тетради (помеченные этим латинским «символом», - *авт.*) имели чрезвычайное значение для Достоевского. Это был зашифрованный дневник чувств писателя: перечень дат имел самое прямое отношение к Марии Дмитриевне Исаевой, будущей жене Достоевского. За грустной пометой *eheu* – «увы» таились эмоциональные бури, горести и надежды ссыльного Достоевского».¹¹⁶

В «Материалы и исследования» по Достоевскому прорывается публикация сибиряка – барнаульца В.Ф. Гришаева (1986). Статья называлась «К пребыванию Достоевского на Алтае». И хоть о первом браке писателя в ней не сказано почти ничего, тем не менее, для нас она представляет определенный интерес: так, В. Гришаев считает неверными свидетельства Семёнова-Тян-Шанского, что Достоевский будто бы «по дороге в Кузнецк прожил у него недели две в приготовлениях к свадьбе и на обратном пути ещё две недели, итого – месяц», и противопоставляет сим «фактам» те письма Ф.М., в которых обозначены сроки поездок. Впрочем, о несоответствии в датах знали и предыдущие поколения исследователей, но никто, в том числе и В. Гришаев, не допускали возможности, что неточен

(причём намеренно неточен!) сам Достоевский, а не Семёнов-Тян-Шанский...¹¹⁷

М. Громыко

Достаточно сенсационно в 80-е гг. выглядела книжка новосибирской исследовательницы М.М. Громыко «Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского». В ней находим убедительные параллели между Зосимой из «Братьев Карамазовых» и знаменитым старцем Зосимой (Верховским) – он провел в отшельничестве под Кузнецком четверть века. М. Громыко отмечала, что версия о сходстве героя романа и прообраза отражалась в работах Р. Плетнёва (1933), Л. Гроссмана (1935) и М. Альтмана. Биография Зосимы ныне хорошо изучена. К подмеченным М. Громыко «схожестям» мы в «Загадках провинции» (1996) прибавили некоторые дополнительные сведения, и посвятили им отдельную главу.

О том, как именно Достоевский узнал о Зосиме, существовало несколько гипотез. Р. Плетнёв (на что М. Громыко обращает особое внимание) «высказал предположение о том, что Достоевский слышал о Зосиме Верховском уже в Сибири», но «Плетнёв связывал эту возможность с жизнью Достоевского в Кузнецке, так как Зосима жил в лесу недалеко от этого города». С Р. Плетнёвым М. Громыко категорически не согласна, потому что «кратковременность пребывания писателя в Кузнецке, где его помыслы были заняты свадьбой с Марией Дмитриевной Исаевой, ставит под сомнение такое предположение». М. Громыко поэтому

заключает, что о Зосиме Федору Михайловичу, скорее всего, поведал сибирский краевед Н.А. Абрамов, «который при Достоевском жил сначала в Омске, потом – в Семипалатинске».

Однако М. Громыко в 1985г., вероятно, ещё неизвестны документы, опубликованные нами позже. Дело в том, что отец автора «Кузнецкой летописи», «учинённой» в 1867г., Ивана Семёновича Конюхова, восемь лет - рядом с Зосимой, в монашеских кельях, в глухой тайге, под Кузнецком. И.С. Конюхов тоже виделся с Зосимой и его кузнецкое бытование описывает весьма подробно. История Петра Мичурина (его М. Громыко возводит в прототипы Алёши Карамазова), в изложении Конюхова – настоящая сага о подвиге души. Очевидно, население Кузнецка, где Достоевский венчался, считало житие Зосимы фактом эпическим. И если М. Громыко полагает, что кратковременность трех побывок в Кузнецке делает местные источники информирования для Достоевского маловероятными, то ведь нельзя же не учесть, что Исаева обитала там целых два года, и она могла, конечно, о Зосиме мужу рассказать. Тем более, городок - в четыре раза меньше Семипалатинска, походил на деревню, и Исаева, конечно, встречалась с Конюховым-сыном, – он приметный общественный человек уездного масштаба, посещает с ней одну церковь, и принят в лучших домах. Да и венчавшему Достоевского священнику Тюменцеву (они вместе коротали долгие вечера за чаем, кофе и «русской»), несомненно, имя Зосимы знакомо и, возможно, от того

же Конюхова. С Тюменцевым же у Достоевского – переписка (увы, не сохранившаяся)...¹¹⁸

Л. Никонова

В 80-е гг. в Кузбассе выходит немало публикаций о Достоевском (всплеск интереса стимулирован открытием музея его имени), но иные носят чисто просветительский характер, ничего существенного к изучению темы не прибавляя. Выделяются разыскания поэтессы Л. Никоновой. Одна из них – в журнале «Огни Кузбасса» (1988). Некоторые её высказывания, несмотря на общую правильность в изложении линии «кузнецкого венца», не совсем точны. Так, Л. Никонова сообщила, что мемориальная плита на могилу Исаева водружена в феврале 1857г. Очевидно, автор не вполне верно истолковал свидетельства, зафиксированные в статье Валентина Булгакова. Булгаков не писал о конкретной дате установки надгробия и вообще причастность Достоевского к сему факту выдавал не за данность, а как предположение. Неосторожно обозначены и сроки пребывания Достоевского в Кузнецке: 22 дня, которые в сумме составляют три поездки в Кузнецк. Между тем, в произведённом подсчёте легко усомниться – это до сих пор не прояснённый до конца вопрос. И – ещё одно уточнение: Л. Никонова полагает, что дому Достоевского в 1988г. исполняется 134 года. Получается, что он построен в 1854г., но источники такой информации остаются туманными (никаких ссылок на документ не приводится).

Из наиболее удачных версий, введенных в оборот Л. Никоновой – что Достоевский мог быть слышан о Зосиме Тобольском (возможном прототипе героя «Братьев Карамазовых») от священника Тюменцева, с коим сошелся очень близко. Названная гипотеза «подтачивает» позиции М. Громыко, утверждавшей в упомянутой выше книге, что в Кузнецке Достоевский вряд ли что-либо узнал о Зосиме.¹¹⁹

Кузнецкий музей

В том же альманахе «Огни Кузбасса» в 1980г. появляется очерк «Счастливые и грозные дни Достоевского». Вводится в исследовательский оборот письмо старожила П.Г. Зенкова - оно отчасти подтверждает то, о чём писала в своей книге дочь Достоевского Любовь Фёдоровна, т.е. что Вергунов на самом деле сопровождал Исаеву до Твери: «... В 30-х годах в Новокузнецкий краеведческий музей поступает письмо учителя Порфирия Гавриловича Зенкова. Тесно связанный со старожилами Кузнецка, Зенков слышал много интересных подробностей о кузнецких днях Достоевского от Николая Алексеевича Попова, который проживал в Кузнецке с 1887 года. Попов был дружен с Дмитриевым-Соловьёвым, хозяином домика, где два года жила Исаева, и Дмитриев оказался невольным свидетелем сложной коллизии Достоевский-Исаева-Вергунов. Судя по подписи Дмитриева же на «Обыске брачном №17», как поручителя по невесте, был он не вовсе посторонним человеком для Марии Дмитриевны. С его слов и стало известно

Попову, а от него Зенкову, что Вергунов последовал за Марией Дмитриевной в Тверь и далее, «и даже брал у неё деньги!». Значит, такой эпизод вовсе не придуман Л.Ф. Достоевской?».¹²⁰

Далее автор вносит предложения по совершенствованию экспозиции новокузнецкого Дома Достоевского. Особенного значения музею ещё не придают. В ходу был модный аргумент: с Кузнецком связан хоть и важный, но всё же – лишь эпизод биографии Ф.М., укладывающийся в пресловутые «22 дня». Приведена контраргументация этого довода:

«... Весной 1977 года в Новокузнецке был паводок. Мне сообщили, что домик Достоевского был залит водой выше крыши, в нём погибли ценные издания и документы и что вывод напрашивается лишь один – «всем миром построить новый дом Достоевского, раз уж, как говорится, вмешались стихии». Кого бы такое известие не взволновало? Вспоминаю, что 20 мая 1965 года в «Литературной газете» было опубликовано письмо за подписью видных литераторов страны, напоминающее о необходимости сохранить единственные два памятных места сибирской ссылки Достоевского - семипалатинский и кузнецкие дома, - и что среди подписей была фамилия Галины Владимировны Коган, директора Музея-квартиры Достоевского в Москве. Обращаюсь в этот музей и встречаю полную готовность оказать всемерную помощь затопленному домику. От самой Г.В. Коган узнаю, что интерес именно к старокузнецкому домику – как к обители «грозного чувства» великого писателя – растёт

повсеместно и с каждым днём...

Скажете: в Кузнецке Достоевский бывал так недолго! Но разве количеством времени, а не интенсивностью переживаний измеряются события в жизни человека? В течение почти двухлетнего пребывания Исаевой в Кузнецке настроение и вдохновенность Достоевского зависели от вестей, поступающих от неё, - разве не жил он в ту пору душой и мыслью в этом городе? Разве не от Кузнецка шли в те поры счастье и горе писателя?...

Читатель, конечно, догадался, что настоящая статья, нарочито отстаивающая, казалось бы, вполне очевидную значимость Исаевой в жизни Достоевского, является некоторым образом ответом на непонимание весомости «грозного чувства» великого писателя. От такого непонимания не нависла бы угроза над кузнецким домиком. Сгорел же ненароком, полыхая подозрительно жарким пламенем в дождливую осеннюю ночь, не менее важный памятник Кузнецка – старый Народный Дом. И тем более так недавно спилена чуть не полтора века прожившая «лиственница Достоевского», лишь потому, что ветви её мешали стреле башенного крана...

Скажете: неоправданная тревога? Ведь принято решение Министерства культуры РСФСР об открытии музея имени Ф.М. Достоевского в Кузнецке в 1981 году к 100-летию со дня кончины писателя. Но решение – не свершение. Разве не было принято решение об открытии отдела социального периода Новокузнецкого краеведческого музея в погибшем теперь Народном Доме?

Преувеличена ли тревога и не правомочно ли настойчивое желание автора ещё и ещё раз привлечь внимание читателя к значимости кузнецкого домика, коль намеченный в нём музей по сей день не имеет не то что научного совета, но даже конкретного названия (название – значит, направление!), а к общему удовлетворению числится в планах просто литературно-мемориальным музеем (как будто музей, посвященный памяти писателя, может быть не литературным или не мемориальным!)?...

Разве можно представить себе в кузнецком домике стандартную экспозицию с «псевдонатуральным» столом Достоевского, коли в этом доме он никогда ничего не писал? В этом доме лишь заждались будущие творения, зачатые в смятениях и восторге. Ибо здесь писатель познал горечь сомнений. И здесь же был счастлив. И разве не была в ту пору хозяйкой и горя и счастья Достоевского незаурядная женщина Мария Дмитриевна Исаева, жившая в этом доме? Разве не её портрет во весь рост должен бы встречать у входа посетителей будущего музея? Разве нельзя представить этот своеобразный музей как обитель тех персонажей и тех произведений писателя, в которых нарочито отразился «кузнецкий праздник» со всеми упомянутыми коллизиями? Разве стандартные витрины с фотокопиями - свидетельствами «петрашевства» Достоевского, которые можно встретить в любом школьном музее любого города, а не они, эти персонажи, детища «грозного чувства», должны населять

маленький дом, который влѣк к себе в течение ста лет краеведов, исследователей, писателей и художников?

Не могу представить этот музей без своего, особого лица, без «февральский чтений» Достоевского. Без театрализованных вечеров, концертов, просмотров кино постановок по романам писателя, ежегодно в феврале, который мог бы стать юбилейным «месяцем Кузнецка». Я думаю, что в создании этого музея, не тревожась о ведомственных границах, должны участвовать все, кто сколько-нибудь причастны к культуре Кузбасса. Я думаю, что, не опасаясь нарушить административную иерархию, каждый житель Кузбасса, которого заботит культура родного края, вправе спросить у Новокузнецкого музея, у общества по охране памятников, у управления культуры облисполкома: достаточно ли рачительно используется памятник республиканского значения – кузнецкий дом Достоевского. Тогда, кто знает, сколько новых страниц будет вписано в обширную литературу, посвященную творчеству писателя. Ф.М. и М.Д. Достоевские ждут своего дома. Хочется верить, что это будет дом, достойный «грозного чувства»...».¹²¹

«Остались в памяти края»

В 1984 г. в Кемерово с предисловием Г.В. Коган издана книга «Остались в памяти края». Самый большой очерк в ней посвящен Достоевскому. Только что открытому новокузнецкому мемориалу

великого писателя требовалось «идеологическое» подспорье, - оно появилось. Автором поднимается на щит термин «кузнецкий период Достоевского». Им оперирует уже в 70-е годы Л. Сербин, но подобное «клише» оказалось как нельзя более уместным в 80-е. В ходу были штампы. Для того, чтобы разбить одни – надо «внедрить» другие. Для музея же, который только-только начал существовать, причем первые десять лет – как филиал городского, каждый новый очерк о «кузнецком венце», самостоятельный статус (а его ещё надо добиться!) и специальная «кузнецкая» терминология - ко времени. «Кузнецкая» проблематика вычленяется из общего потока литературы о Достоевском в Сибири.

«Остались в памяти края» - попытка проследить параллели между жизнью и творчеством Достоевского в его «кузнецком узле». В обиход пущено несколько версий. Поначалу это вызвало глухое раздражение, - впрочем, вполне понятное в провинции. Но ведь без гипотез исследовательский поиск – мёртв. Они – его составная часть, и его стимул. Главное – не выдавать их за действительность, и чётко обозначать «сугубо предположительный» характер написанного. В литературоведении аналогии между героями и их прототипами особенно зыбки, но если они аргументированы, то вполне оправданно входят в научный оборот, и только на местном уровне приходилось терпеливо доказывать, что речь не идет о фантазиях искусственного беллетриста...¹²²

Ю. Некрич

Новокузнецкий музей Достоевского, что изначально должен ориентировать посетителей и исследователей именно на изучение и пропаганду «кузнецкого венца», в 80-е годы со своей задачей явно не справлялся, и, возможно, в том виде, в котором существовал, не стоил баталий, развернувшихся в 70-е вокруг грядущего открытия. В газетах нарочито отмечалось, что среди его «первых гостей» были секретари Новокузнецкого горкома партии Н.С. Ермаков и Э.Ф. Тарасова. Фонды насчитывали всего около тысячи экспонатов. Ю.Некрич (1980) сообщала: «Кузнецкий период – один из важнейших в творчестве Достоевского... Музей открыт, это заслуга всех сотрудников новокузнецкого краеведческого и в первую очередь М.М. Лычагина, Е.М. Сущенко, П.Ф. Киселева...». Об усилиях москвичей, и в первую очередь Г.В. Коган, - без нее музея просто бы не было! - корреспондент умолчала...¹²³

Невдолге местных художников в партийном и ином порядке стали привлекать к отображению темы «Достоевский» в их творениях. Наибольших успехов достигли, конечно, «непрофессионалы», т.е. не имевшие членских билетов, и писавшие не на заказ, а по зову души. Об одном из них – ныне почившем Германе Захарове, авторе подлинно значительного полотна «Кузнецкий венец», подробно рассказано в книжке «Искры живой памяти» (1987) - о нем тепло отзывался московский кинодеятель Михаил Ульянов.¹²⁴

В. Откидач

О «кузнецкой» иконографии читаем в статье искусствоведа В. Откидач «О Достоевском с кистью и резцом» (1981):

«Одной из первой попыток обращения к образу Фёдора Михайловича Достоевского у нас в городе является работа художника А. Елфимова над скульптурным портретом писателя, в котором, правда, образ Достоевского не лишён односторонности и некоторой экзальтации... Этим же художником выполнен небольшой по размеру живописный портрет Марии Дмитриевны Исаевой... Кроме того, у художника есть несколько эскизов и картин, посвященных разным событиям жизни Ф.М. Достоевского... Над образом Ф.М. Достоевского работает и скульптор А. Брагин. У него в мастерской находится портрет писателя, выполненный в гипсе. Художник продолжает работу над портретом, думает выполнить скульптуру в дереве... Внешняя сдержанность писателя при скрытом напряжении внутренней эмоциональной жизни как бы подтверждается контрастом необработанной стихии материала, из которого возникает четко моделированное лицо и голова... Наиболее значительной работой... является «Проект генерального решения музейной зоны Новокузнецка», выполненный новокузнецкими художниками Н. Статных и И.Шмидтом в 1977 году. Художники в этом проекте предлагали отметить памятником-символом место, где находилась в прошлом церковь Одигитрии божьей матери... Одигитриевская церковь стояла до

1918 года на нынешней Советской площади... До 1980 года был ещё цел единственный «живой свидетель» венчания Достоевского с Исаевой – это листовенница, стоявшая некогда во дворе церкви. В проекте художники предлагали рядом с листовенницей поставить ажурный силуэт церкви из металлических стержней, который символизировал бы память о событии прошлого... Но осенью прошлого года листовенницы не стало. Она была срублена, поскольку рядом прокладывалась дорога. Сиюминутная нужда дорожного управления оказалась дороже всяких реликвий – пример, к сожалению, не единственный. Есть ещё одна работа..., – это картина новокузнецкой художницы П. Ковтун-Статных «Венчание Ф. Достоевского», недавно картина приобретена новокузнецким краеведческим музеем». ¹²⁵

Вопиющая неточность: Одигитриевская церковь стояла «на нынешней Советской площади» не до 1918г., а до конца 1920-х, после чего ее снесли (в декабре 1919г. – разграблена, осквернена и подожжена красными партизанами). Но в целом автор верно отражал современные реалии: художники вдохновились Достоевским – возможно, лелея надежду, что небогатый на экспонаты только что открытый музей выделит на закуп картин субсидии. Что экспозиция и фонды чрезвычайно бедны, с горечью констатировала журналист А. Трухина: «... При всём уважении к новокузнецкому краеведческому музею, – писала А. Трухина, – филиалом которого является дом-музей Достоевского, надо сказать, что экспозиция дома-

музея бедна. В основном это несколько витрин с произведениями изобразительного искусства, рисованными портретами Ф.М. Достоевского и М.Д. Исаевой». ¹²⁶

Восьмидесятые годы – удивительное время. Обустроивается интерьер Дома Достоевского, обнаружено много новых архивных источников. Сибирское окружение Достоевского становится более «читаемым». Встречаются, конечно, неосторожные утверждения. Новокузнецкая газета оповещала, например, что Достоевский «безусловно» был знаком со штатным смотрителем училищ Николаем Ананьиним через Вергунова (инициалы коего почему-то искажаются). Тогда как Ананьин в 1856-1857гг. обитает в Томске и встретиться в Кузнецке с Достоевским никак не мог. ¹²⁷

В другой статье (1988) сообщалось, что «Достоевский жил в Кузнецке около 40 дней, затем уехал с женой в Петербург». Иными словами, получалось, что после венчания писатель отправился напрямиком в столицу – его семипалатинское и тверское бытование как бы перечеркивалось. ¹²⁸

Всесоюзные чтения

В 1989г. в Семипалатинске проходят Всесоюзные Достоевские чтения. Весьма примечательно выступление Н. Левченко, – в нем представлены важные архивные находки, но они сочетались с не очень осторожными высказываниями. Так, сообщалось, что «круг знакомств ссыльного писателя был достаточно обширен. Он насчитывает 85 лиц». Какая точность! ¹²⁹

Тем не менее, открытия Н. Левченко действительно впечатляли. В Астрахани и Омске она обнаружила сведения об А.И. Исаеве, М.Д. Исаевой и её отце Д.С. Констант. Изложение реалий снабжено точнейшими ссылками. Выводы - корректные и взвешенные. Исключение составляет, пожалуй, персона Н.Б. Вергунова. О нём Н.И. Левченко отзывается неоправданно резко.

Цитирование источников точное не везде. Известное место в письме учителя Калмакова, которого направляли на службу в Семипалатинск, но он вместо себя рекомендовал Вергунова, излагается так: «ему ехать и ехать туда», тогда как следует читать: «сесть да ехать», что иносказательно отражает готовность к такому переезду. Неверно определены и сроки перемещения Вергунова из Кузнецка в Семипалатинск (по данным Н. Левченко - август 1857г.). Но - Вергунов числился преподавателем приходского училища в Семипалатинске уже с 15 июня 1857г.!

Характеристика Н. Левченко, данная Вергунову как человеку «скандальному», выглядит односторонне и последующими разысканиями не подтверждается (см. «Загадки провинции», 1996). Несколько поспешные заключения сделаны на основании изучения одного-единственного дела, касающегося стычки Вергунова со штатным смотрителем Делаткевичем в первой половине 60-х гг. Между тем, ряд других документов, ещё неизвестных Н. Левченко в ту пору, рисуют не Вергунова, а его противника Делаткевича как дерзкого интригана, вызывавшего возмущение у семипалатинских

чиновников своим поведением – в частности, ложными доносами, опускался он даже до оскорбления дам, в результате же переведен на работу (читай – сослан) в Каинск. Конфликт Вергунова с Делаткевичем датируется автором 1863г., однако вспышка в самом разгаре и в 1864-м. Неправильной оказывается также информация, что Вергунов после Семипалатинска очутился «в Барнауле на должности учителя русского языка в открывающемся пансионе сестер Шнейдер». Всё обстоит иначе: пансион открыт только в 1867г., и до этого времени Вергунов занимается частными уроками. И уж совсем ошибочно уточнение, что, «прослужив до 1883 года, он (Вергунов, - *авт.*) выходит в отставку и продолжает жить в Семипалатинске».

Но ведь Вергунов скончался осенью 1870г.¹³⁰

В. Туниманов

Но, несмотря на некоторые искажения, выступление Н.И. Левченко ценно уже тем, что в нем использованы незадействованные ранее источники. В чём-то написанное ею сродни с книгой М. Громыко: вводились в оборот новые версии (привлекает внимание также свежий взгляд на старые). Притом, что трактовка событий казалась многим чрезвычайно спорной, что и отражено, например, в рецензии В. Туниманова на названную работу М. Громыко. Он пишет: «... Стоило бы... хоть какой-то порядок навести. В конце концов, надо заслужить право писать о Достоевском. Дело ведь ответственное и необыкновенно трудное. Строже, видимо, следует относиться и к недобросовестным

спекуляциям... Неубедительным и наивным выглядит утверждение М. Громыко, что сибирский период «остаётся наименее изученной частью биографии Ф.М. Достоевского...». Напротив, в литературе о Достоевском давно уже господствует мнение, что ни один другой период в жизни писателя не получил такого модного и разнообразного отражения в творчестве и письмах художника, как именно сибирский... Литература о Достоевском в Сибири и Казахстане неуклонно растёт. Книги, статьи, документальные повести и очерки А. Палашенкова, В. Владимирцева, В. Вайнермана, М. Кушниковой, В. Гришаева, А. Лейфера, Е. Евсеева, И. Стрелковой, П. Косенко - явление закономерное, говорящее об успехах литературоведческого краеведения в Сибири...».¹³¹

Сказанное В. Тунимановым – и верно, и неверно одновременно. Буквально залежи документов, ранее нетронутых, начали всплывать на поверхности архивного поиска лишь в конце 80-х - первой половине 90-х, что, несомненно, свидетельствует: «сибирский период» Достоевского в достаточной мере отнюдь не изучен. С другой стороны, упомянутые находки во многом лишь подтверждали выводы, к которым пришли в достоевсковедении в 70-80-е, и даже более ранние годы.

В. Вайнерман

Расхождение во мнениях – ко благу. Чем больше толкований, причем, порою, не вовсе «лицеприятных», тем лучше. Например, омский исследователь В. Вайнерман в 1988г. в журнале «Простор»

процитировал источник, из коего явствует, что Достоевский в Семипалатинске «был склонен к употреблению спиртных напитков, сознавая их пагубное действие». Какие трактовки могут сопутствовать подобному утверждению? Самые разные. Потому что становятся отчасти понятными причины сближения Достоевского с Александром Ивановичем Исаевым. Кроме того, эпилепсия, как хроническое нервно-психическое заболевание, часто развивается из злоупотребления винопитием, и уж во всяком случае «возлияния» очень обостряют течение указанного недуга. Но важно другое. В повестях 1950-1970-х гг. многожды воспроизводился («реконструировался») момент знакомства Исаева с Достоевским. Совпадали ли въяве «завязки» узла Достоевский-Исаев-Исаева с теми, что отражены нашими современными художниками слова? И, соответственно, - не подлежит ли пересмотру стержень отношений Достоевского с семейством Исаевых? Гложет червячок сомнения: романтично ли начало романа?¹³²

Развивающаяся эпилепсия, очевидно, заставляет Достоевского отказаться от употребления алкоголя, что измученная М.Д. Исаева, вероятно, приветствовала. Впрочем, счастливой её не назовёшь. Потому что в медицинских справочниках сказано, что эпилепсия, как правило, сопровождается и проявляется в «патологической обстоятельности мышления», назойливости и эгоцентризме. И как тут не вспомнить запись Достоевского «у гроба жены», что человек не может полюбить ближнего «как самого себя», ибо первоценное собственное

Я мешает. Так, возможно, подобные заявления – лишь следствие нездоровья? И – можем ли мы поручиться, что Достоевский, продолжая «эгоцентрическую» (эпилептическую) линию поведения, из соображений «душевной комфортности» уже после смерти Исаевой приписывает ей всевозможные пороки, зафиксированные потом в воспоминаниях дочери?

И, наконец, если Достоевский в Семипалатинске страдает известной слабостью, то не объяснимы ли сомнения Исаевой, кому после кончины первого мужа доверить свою судьбу? На смену спившемуся Исаеву – подверженный такому же пристрастию Достоевский? – тут любая женщина задумается...

С. Белов

Очередной всплеск интереса к Достоевскому – в первой половине 90-х. Закончено издание Полного собрания сочинений. Переизданы двухтомник «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников», работа Кашиной-Евреиновой «Подполье гения: сексуальные источники творчества Достоевского», очерк В. Булгакова «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», в новой редакции и переводе – «мемуары» Л.Ф. Достоевской. Впервые опубликована рукопись В. Шемелёва «Ссылка Ф.М. Достоевского в Сибирь и его поездка в Кузнецк», ждавшая своего часа шесть десятилетий. И, наконец, вышла в свет «Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского» в трех томах.

Отношениям с Исаевой стали посвящаться не только статьи, но и книги.

В тайну связи Достоевского и Исаевой в 90-е гг. пытается вникнуть исследователь С.В. Белов. Он считает, что привязанность писателя к Исаевой – это не то любовь, не то сострадание, и нужного слова не находит: «... Отношения рядового Сибирского 7-го линейного батальона с супругой спившегося чиновника Исаева приняли, если можно так сказать, какой-то неправильный характер: иногда сострадание принималось за любовь, а любовь за сострадание, а чаще всего они так неразрывно переплетались вместе, что невозможно было отличить одно от другого».¹³³

С.В. Белов, вслед за Л.П. Гроссманом, «трещину» в «грозном чувстве» связывает с эпилептическим припадком Ф.М. по дороге из Кузнецка в Барнаул. Иначе говоря – брак разрушается предположительно чуть ли не на следующий день после венчального торжества.¹³⁴

Причины «несчастливости» союза с Исаевой С.В. Белов определяет трояко. Во-первых, Исаева «быстро поняла, что она обречена, как чахоточная больная, и это сознание накладывало определённый отпечаток на её отношения с близкими». Во-вторых, «их брак с Марией Дмитриевной оказался бездетным». В-третьих, «Достоевский всё же терзался мыслью, что когда-то в Кузнецке Мария Дмитриевна предпочла Вергунова исключительно по любви, не почувствовав страстную веру унтер-офицера Достоевского в своё писательское призвание, а Мария Дмитриевна, в свою очередь, может быть, так и не смогла забыть тот страшный припадок Достоевского всего лишь через несколько дней после венчания».¹³⁵

Б. Вышеславцев

Выдвигая эти версии, С.В. Белов нигде не ссылается на воспоминания Л. Достоевской, - очевидно, полностью их игнорируя. Но во многом с ней сходится. Дело в том, что его трактовка отношений с Исаевой – сугубо «земная», если не сказать – «приземлённая». Что так отличается, скажем, от оценок Б. Вышеславцева - его очерк опубликован ещё в 1932г., но стал доступен широкой читательской аудитории лишь в 90-е. «Весь роман Достоевского в Марией де Констан (по мужу Исаевой), - писал Вышеславцев, - был сплошным взаимомучительством... В них было какое-то взаимное притяжение, даже сходство..., - и вместе с тем принципиальная несовместимость и дисгармония. В их романе была какая-то трудно понимаемая правда и ценность и какая-то очевидная уродливость... Она любила его идеальное Я, его небесный образ, могла целовать ему руки, признаваясь в земной страсти к другому, но никогда не могла в сущности эротически принять его земную, эпилептическую оболочку. Он тоже любил её вначале и в конце как сестру..., но не удержался и стал «посягать». Станным образом «священная» болезнь наказала его страшным припадком, трагически разрушив их первую ночь, а в сущности и всё их семейное счастье... Всё трагично в жизни Достоевского и прежде всего его первый роман и брак... Трагедия первой большой любви Достоевского состояла в том, что он имел против себя всё подсознание любимой женщины, а за себя – только её сознание. И при этом

он знал это своим подсознанием и утверждал обратное своим сознанием. Это была сознательная любовь при сплошной подсознательной борьбе, насилии и ненависти...». ¹³⁶

М. Слоним

Иная трактовка романа с Исаевой – в книге Марка Слонима «Три любви Достоевского». Она опубликована в Нью-Йорке в 1953г., а в России - в 1991-м. Если у Белова – толкования «приземлённые», а у Вышеславцева – обращенные к психологии и философии, то у Слонима - сексуальная подоплёка, подобная версии Кашиной-Евреиновой. Воспоминания Л.Ф. Достоевской, основанные на яростной и непримиримой ревности второй жены писателя к первой (что унаследовала и Любовь Фёдоровна), не игнорируются им начисто, как, скажем, у С.В. Белова, а - контраргументируются. Однако ряд мест из этого источника откровенно называется «измышлениями» и «фантазиями». ¹³⁷

Зарождение чувства к Исаевой – в изображении Слонима: «Весьма возможно, что Марья Дмитриевна привязалась к Достоевскому, но влюблена в него ничуть не была, по крайней мере в начале, хотя и склонялась на его плечо и отвечала на его поцелуи. Он же в неё влюбился без памяти, и её сострадание, расположение, участие и легкую игру от скуки и безнадёжности принял за взаимное чувство... Он искал любви, любовь была ему необходима, и в Марье Дмитриевне его чувства нашли превосходный объект». ¹³⁸

Обнаруживаем неточности. Так, например, читаем, что Вергунов родом из Иркутска, - тогда как в действительности он уроженец Томска.¹³⁹

Слоним полемизирует с Л.Ф. Достоевской, но в оппонировании ей непоследователен. Так, он, с одной стороны, вроде бы оспаривает мнение, будто Исаева вышла замуж за Достоевского «не любя, по расчету», и сам же в процитированных выше строчках себе противоречит, утверждая, что привязанность Исаевой к Ф.М. нельзя считать любовью. «Неудача брака» не сводится им к «грубой и явной причине» - то есть к тому, что Исаева якобы продолжила контакты с Вергуновым и после венчания.¹⁴⁰

Так или иначе, Слоним полагает, что «именно в Твери брак Достоевского потерпел окончательное крушение». И хоть он не верит в рассказ Любови Федоровны о поездке соперника Достоевского вслед за М.Д. из Сибири, но предполагает, что Исаева созналась в Твери, «что продолжает любить Вергунова».¹⁴¹

Слоним также соглашается с Л.Ф., что возможное признание Исаевой снимало с Достоевского всякую ответственность и «моральные обязательства... в чисто физическом смысле».¹⁴²

Таким образом, Слоним, в отличие от подавляющего большинства исследователей в России, не отмечает сочиненное Любовью Фёдоровной, а прибегает к анализу и объяснениям – поэтому его подходы выглядят более взвешенными. Но, конечно, ему еще не известны почерпнутые лишь недавно в документах Томского архива факты биографии Вергунова, проливающие свет на сложные,

надрывные и загадочные отношения внутри мучительного треугольника...

Ю. Селезнев

В 90-е гг. концепция Марка Слонима в России должна казаться еще некоторой аномалией. Главенствующее место в литературном процессе всё же занимали традиционные трактовки. Так, в 90-е третьим изданием в серии «Жизнь замечательных людей» выходит книга Ю. Селезнёва. Напомним: в 60-е годы в ЖЗЛ под одноимённым названием дважды публиковалась работа Л.П. Гроссмана.

Оба автора, обращаясь к кузнецкой теме, иногда пользуются «методом умолчания». Как и Гроссман, Селезнёв начисто лишает биографию Достоевского «змиевских пассажей». Странно выглядит и аттестация Вергунова: «Тоже не ближний свет до Кузнецка, но, рискуя многим, заехал (Достоевский) всё-таки на два дня к любимой. Здесь-то Достоевский и узнал имя человека, за которого решила выйти замуж Мария Дмитриевна: он оказался молодым, двадцатичетырехлетним сослуживцем её мужа (Достоевский же и помог ему получить место учителя в Кузнецке) Николаем Борисовичем Вергуновым».¹⁴³

Нагромождение неточностей требует комментария. Во-первых, Исаев не был сослуживцем Вергунова и никогда не занимался преподаванием. Во-вторых, Достоевский не помогал Вергунову «получить место учителя в Кузнецке», поскольку Вергунов на указанной должности пребывал с 1854г. (см. «Загадки провинции»). В-третьих, Селезнёв

допускает противоречие: если Достоевский узнал имя Вергунова только в Кузнецке, то как же мог хлопотать за него задолго до этого? Или подразумевается, что Вергунов стал учителем уже после приезда Достоевского в Кузнецк? Но формулярные списки Вергунова означенное предположение решительно опровергают.

Вслед за Л.П. Гроссманом Ю. Селезнёв искажает сроки венчания Достоевского: «6 февраля, - пишет он, - оформляется «Обыск брачный...»... 15 февраля здесь же совершается и венчание... Его беспокоил малодушный, не в меру бойкий Вергунов...». Повторимся: дата 15 февраля – ошибка, пущенная в ход Л.П. Гроссманом, воспользовавшемся непроверенными данными. Удивляет также неоправданно негативная оценка личности Вергунова. Неубедительно: Вергунова развенчивает исследователь, который не в курсе времени его появления в Кузнецке! О Семипалатинском же бытовании Вергунова Ю. Селезнёв, очевидно, вовсе не подозревает. И – ровно никаких ссылок на источник дезинформации!¹⁴⁴

Вергунову приписываются самые отталкивающие черты характера. Читаем: «Как знать, может, она (Исаева) и была бы счастлива там, в Барнауле, с этим Вергуновым...? ... Вергунов непременно бы запил, тут и прорицателем не нужно быть...».¹⁴⁵

Вергунов бы «запил»? О таком его пороке лично мы сведениями не располагаем. Зато Достоевский в Семипалатинске, как известно, отличался склонностью к винопитию. Факты подаются в искажённом свете, притом не понятно, почему возможная

совместная жизнь Вергунова с Исаевой «привязывается» именно к Барнаулу. Сегодня документально подтверждено, что Вергунов пять лет с 1864 по 1869гг. действительно обитал в Барнауле, прижив двух дочерей после смерти Исаевой. Не оттого ли и женился, что посчитал себя свободным от какого-либо обета верности! Стало быть, к Исаевой Барнаул даже косвенно никакого отношения не имеет...

Время гипотез

Девяностые годы – удивительное время, когда в публикациях исследователей новые архивные данные, ранее никому неизвестные, порою соседствуют на одной странице с явной дезинформацией. Например, солидный журнал в 1991г. приводит любопытные, доселе не бывшие в обороте, сведения о семействе Исаевых, основанные на астраханских находках. И тут же читаем: «...А.И. Исаев скомпрометировал себя на службе и вынужден был переехать вместе с семьёй в Сибирь. Здесь брак Марии Дмитриевны и А.И. Исаева вскоре распался. Впоследствии Мария Дмитриевна встретила с Ф.М. Достоевским и стала его женой».

Выходит, что брак «распался», а не естественно закончился смертью Александра Ивановича? А Исаева, оказывается, познакомилась с Достоевским лишь после «разрыва» с мужем! Создаётся впечатление, что, окрылённые действительно впечатляющими удачами на поприще документального поиска, авторы очень спешат напечататься, а потому не берут на себя труд свериться хотя бы с

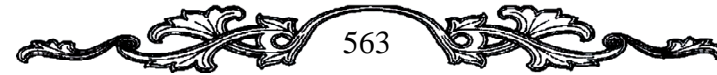
письмами Ф.М.¹⁴⁶

Очередной поток неточностей - в газете «Советская Сибирь» (1992): «...Их роман (т.е. Достоевского с Исаевой, - *авт.*) длился уже с год, как вдруг в мае 1855 года, видимо, заподозрив увлечение жены, А.И. Исаев переезжает с женой и сыном в город Кузнецк... Отец её, Дмитрий Степанович Констант, проживал в Астрахани, и она, выйдя замуж за сибирского учителя, обитала в Семипалатинске...».

Можно предположить, конечно, что Исаевы уехали в Кузнецк, опасаясь преследований Достоевского. Каждый имеет право на гипотезы. Но как получилось, что Исаев превращается в «сибирского учителя»?¹⁴⁷

Д. Пачини

Возможно, вызывающая лишь уважение склонность к выдвигению «железно» обоснованных предположений у иных авторов перерождается со временем в грубый неаргументированный вымысел. Что вовсе не дезавуирует версию как метод. Прекрасный образец гипотетических реконструкций представлен европейским исследователем Дж. Пачини. Его эссе о Достоевском опубликовано в России в 1992г. Он подмечает роль любовного треугольника в жизни писателя и полагает, что женитьба на М.Д. во многом стимулирована появлением соперника, то есть Вергунова (впрочем, таковым, с оговорками, можно назвать и первого мужа Исаевой, Александра Ивановича). Иными словами – Достоевскому приходилось женщины

добиваться, и ему важен, по мнению Пачини, именно процесс завоевания. «Можно предположить, - пишет Пачини, - что Достоевский, ужаснувшись соперничеством, злобой и ненавистью, открывшимися ему в человеческом сердце, и против которых человек, в силу всеобщности этого явления, казался ему беззащитным, в страхе отпрянул от своего открытия, захотел отказаться от него, укрывшись в слащавой сентиментальности. В ней его персонажи, например, из «Униженных и оскорблённых», прячут от самих себя свои настоящие чувства, стараясь убедить себя, что питают самые великодушные и бескорыстные чувства по отношению к своим удачливым соперникам, которые на самом деле им отвратительны. Известно, что Достоевский стал жертвой подобного самообмана в период его влюбленности в Марию Дмитриевну Исаеву, ставшую впоследствии его первой женой. Он тоже, как Ваня из «Униженных и оскорблённых», пытался скрыть от самого себя злобу против счастливого соперника; он тоже, таким образом, стал жертвой психологического механизма «треугольного» желания. А с того момента, как опасность в виде соперника исчезла с горизонта и Мария Дмитриевна, став его женой, прочно стала его собственностью, он начал терять интерес к объекту своего вожделения, так как теперь уже никто не претендовал на то, чтобы отобрать его у него, и спустя всего несколько лет с того момента брак можно было считать неудачным».¹⁴⁸

Интересной кажется трактовка «побега от жестокости к сентиментальности». Достоевский не

чужд мазохизма, а, стало быть, и садизма...

«Черный человек сочинителя Достоевского»

Для провинциальных исследователей, занимающихся жизнью и творчеством Достоевского, 90-е годы, особенно их первая половина, - период весьма насыщенный. Пробудился интерес к историческому краеведению и в «массах»: в Кемеровской областной научной библиотеке читатели в тяге к расширению своих культурных горизонтов начали вырезать публикации о Достоевском из подшивок местных газет.

В 1990 и 1992 гг. в Кузбассе выходят сразу две книги о «кузнецком венце»: «Кузнецкие дни Фёдора Достоевского» и «Чёрный человек сочинителя Достоевского: загадки и толкования» (с послесловием Г.В. Коган). Это не календарное, летописное воспроизведение событий, а попытка проникновения в психологию писателя и реконструкции возможных мотивов и побуждений Достоевского, а также поиск стимулов к созданию «Вечного мужа» и «Записок из подполья». В произведениях такого жанра гипотезы неизбежны. Встречаются и «блохи», коих трудно избежать при работе над малоизученной темой. Например, в «Черном человеке» утверждается, что священник Тюменцев, венчавший Достоевского, вероятно, знал о статье Валентина Булгакова, написанной в 1904 г. Между тем, указанная информация почерпнута из ненадежного устного источника, и не могла быть в своё время опровергнута, поскольку формуляры Тюменцева обнаружались лишь недавно, и из них явствует, что он скончался в 1893 г.

Н. Левченко

В 1994 г. в одиннадцатом томе «Материалов и исследований» опубликован очерк Н.И. Левченко «Круг знакомых Ф.М. Достоевского в Семипалатинский период жизни». Отчасти автор дублирует свои же работы, опирающиеся на архивные находки конца 80-х. К сожалению, Н. Левченко снова воспроизводит те же неточности, на которые мы обращали внимание выше: так, она допускает неосторожное высказывание, что «круг знакомств Достоевского» по Семипалатинску «насчитывает 85 лиц» (ровно! не больше и не меньше!); искорежена цитата, касающаяся отъезда Вергунова из Кузнецка в Семипалатинск («ехать да ехать» вместо «сесть да ехать»); искажены даты прибытия Вергунова в Семипалатинск и его поступления в барнаульский пансион сестёр Шнейдер, и уж совершенно неверно сообщение, что Вергунов «в 1883 г. ... вышел в отставку», тогда как его уже 13 лет нет в живых! Оценки личности Вергунова по-прежнему односторонние, основанные на двух или трех документах (сегодня их известно около сорока). Однако при всех погрешностях в изложении и трактовке фактов, перед нами – результат кропотливых разысканий в Астрахани, Барнауле и Томске: малоизвестные ранее источники все-таки введены в исследовательский оборот!¹⁴⁹

А. Шадрина

В 1995 г. в Кузбассе вышла брошюра А. Шадриной «Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского»

(твёрдый переплёт, красочная жёлтая суперобложка, без приложений - 2 издательских листа). В предисловии сказано, что автором *«использованы ранее неизвестные архивные документы, впервые вводимые в научный оборот»*. И - читатель действительно обнаруживает ссылки на тринадцать дел, но почти все эти источники на момент публикации в исследовательской среде уже в ходу - значительной их частью успешно оперировала в своих работах Н.И. Левченко, и, кроме того, они хранились в копиях в новокузнецком Доме-музее Ф.М. Достоевского (переданные туда другими лицами, никак не упомянутыми А.Ш.).

У А. Шадринной, однако, встречаемся и с новыми, доселе неозвученными, мотивами. Так, ставится под сомнение правдивость сведений, изложенных в статье последнего секретаря Льва Толстого, Валентина Булгакова, - точнее, содержащихся в ней свидетельствах местного церковнослужителя Д. Окорокова. Булгаков утверждал, что Окороков лично знал Достоевского, с чем А.С. Шадринна решительно не согласна. Окороков, де, намеренно ввёл в заблуждение Булгакова. Доказательство - в том, что епископ Парфений означенного Окорокова в 1857г. наказал «за неудовлетворительное поведение», так что – какое уж тут доверие к такому подозрительному информатору! Достоевский же – личность высоконравственная, и общаться с кем попало не будет. Вывод: Окорокову веры нет, потому что он пребывал в опале.

Но при подобном раскладе, конечно, легко посчитать и Достоевского человеком «ненадежным».

Ведь если Окорокова «за проступки» лишь понизили в должности, то Достоевского-то сослали на каторгу!

И коли исходить из посыла, что Достоевский, из этических соображений, не мог общаться с «сомнительными» особями (к каковым А.С. Шадринна, без обиняков, относит и Д.И. Окорокова), то как же, например, быть с «Мёртвым Домом» - каторжные-то персонажи описываются Достоевским отнюдь не всегда со злобой и раздражением? Как раз – напротив...

«Нехороший» Окороков и «приличный» Катанаев

Находим у А. Шадринной упоминание и про кузнецкого исправника Катанаева - известный публицист Наумов в одном из рассказов обвинял его в жульничестве, зашифровав под прозрачным псевдонимом Канаев. Достоевский же называет семейство Катанаевых «приличными довольно людьми». Но никому, конечно, не придёт в голову усомниться в связях Достоевского с Катанаевыми на том основании, что Ф.М. якобы не стал бы знаться с мошенником – такой довод выглядел бы неубедительно. Тем более, что именно жена Катанаева устроила кузнецкое венчание за свой счёт, с чем Достоевский легко «смирился». Говорим мы это лишь для того, чтобы подчеркнуть: вряд ли Достоевского могли смутить слухи о неблагочестии или неблагоповедении его новых знакомых – например, Окорокова или Катанаева.

Во всяком случае, с «нехорошим» Окороковым Булгаков общался и считал его серьёзным

свидетелем. То есть был проникнут к нему полным доверием, в отличие от А. Шадринной, которая как-то внезапно заинтересовалась Достоевским в преддверии очередного его юбилея. И начала с того, что перечеркнула авторитетнейший источник былой поры по фантастическим мотивам. К тому же не вовсе аргументированные предположения она выдаёт в сугубо утвердительной форме, приписывая О कोरोкову дурные помыслы: «Впоследствии из желания приобщиться к великому имени (а свидетелей прошлому уже не было) О कोरोков расскажет Булгакову о слышанном из чужих уст от своего имени, как участник далёких событий».¹⁵⁰

А. Шадрина огорчена, что исследователи зачастую «*субъективно-категоричны в суждениях*» и «*додумывают мысли и поступки*» героев кузнецкой коллизии. Но разве не демонстрирует тот же автор и субъективность, и категоричность, «додумывая мысли и поступки» за Д.И. О कोरोкова? И, кстати, не только за него...

«Бликий по духу» Тюменцев

Человеком, родственным «*по духу и нравственным устремлениям*» Достоевскому, в той же брошюре объявляется св. Тюменцев - такая аттестация сделана на основании его прекрасного послужного списка, и на аргументе, что «*как духовный пастырь отец Евгений оставил о себе добрую память в сердцах нескольких поколений кузнецан*». Однако зададимся вопросом – неужели столь зыбкого довода хватило, чтобы «по духу» приравнять

провинциального иерея к Достоевскому? Кстати, «блеск» формуляра отнюдь не означает примерность поведения. Тюменцев некогда уличался чуть ли не как участник громкого скандала с сокрытием церковной кражи, причем мотивом было его человеколюбие и тайна исповеди. Тюменцев также отказывался служить молитвословие среди арестантов Кузнецкой тюрьмы, что бывшему каторжнику Достоевскому вряд ли понравилось бы. Разумеется, ничего подобного у А. Шадринной о Тюменцеве не сказано – уж больно неудобны оказались документы, которые не вписывались в сусальную версию взаимоотношений Тюменцева с Достоевским, напоминающую пасхальную открытку: две благочестивые и благонравные личности вносят возвышенный вклад в скрижали мировой литературы.

Но дело совсем в другом. «Хороший» или «плохой» Тюменцев – маловажно. Он если и интересен Достоевскому, то, скорее всего, именно своей неоднозначностью...¹⁵¹

Имеются, конечно, и иные «соображения». Достоевский пил с Тюменцевым «кофе, чай и русскую». И поэтому – «образ мышления, духовно-нравственный уровень молодого провинциального священника произвели на Достоевского благоприятное впечатление». Вот ведь как мало нужно для того, чтобы приблизить «духовно-нравственный уровень» к Достоевскому! И тогда – всех ли знакомцев по застолью награждать «образом мышления» и «духовно-нравственным уровнем», свойственным Достоевскому?¹⁵²

И еще «узелок»: А.Ш., вслед за поэтессой Л. Никоновой, полагает, что о Зосиме Сибирском (вероятном прототипе одноименного героя «Братьев Карамазовых») Достоевский мог узнать от Тюменцева. Увы, не оговариваются прочие возможности информирования Достоевского – например, через летописца Конюхова (родитель коего прожил вместе с названным монахом восемь лет под Кузнецком), и, главное – через Исаеву, целых два года обитавшую в Кузнецке и, значит, наслышанную о местных достопримечательностях.¹⁵³

«Совсем неромантичный» Вергунов

Удивляет трактовка «вергуновского пассажа». А.Ш. отмечает как грубый вымысел сведения о связи Исаевой и Вергунова после венчания Достоевского. Мы помним: дочь писателя утверждала обратное. Однако оценки Вергунова у Любови Федоровны и А.С. Шадринной сходны. Так, А.Ш. считает, что Вергунов «на страницах архивных документов» выглядит «совсем неромантично». Как оказалось – вывод поспешный: в книге «Загадки провинции» опубликованы подлинные свидетельства, рисующие Вергунова личностью разносторонней, с чувством собственного достоинства, вхожим в дом известнейшего сибирского краеведа Гуляева. В сокращенном виде вехи биографии Вергунова изложены в альманахе «Достоевский и мировая культура».¹⁵⁴

Характеристики, коими наделяет Вергунова А. Шадринна, нельзя назвать достоверными. Например, пишется о «благотворности» влияния на него

штатного смотрителя Ананьина. Очевидно, А.Ш. не было еще известно о скандалах с пьяными дебошами Ананьина, о его драке с учителем Поповым.¹⁵⁵

Возмущает А. Шадрину и «поверхностность натуры» Вергунова, она намекает на его страсть к развлечениям (ничем не подкреплённое заявление и нигде не отражённое документально!).

Столь же безосновательно предположение, что вслед за Вергуновым из Кузнецка в Семипалатинск «потянулся шлейф непорядочности»: именно так проинтерпретировала А. Шадринна историю, когда Вергунову пришлось отстаивать свою честь в противоборстве со штатным смотрителем Делаткевичем – автором подложных доносов, грубо оскорблявшим почтенных семипалатинских дам из губернаторского окружения...¹⁵⁶

Опасные ловушки

Как правильно отметил В. Туниманов, о Достоевском ещё надо заслужить право писать. В 90-е гг. иные авторы, уловив с поверхности поиска десятков-другой документов (а зачастую и того меньше), но не имея ни опыта литературной работы, ни достаточной усидчивости (подлинное исследование – это тысячи часов, проведённых в читальных залах, а не количество лет, коими принято иногда измерять глубину освоения темы), принялись совершать «революции» под суетным лозунгом: «мы – самые первые». Громкие заявления и выводы, основанные на беглом прочтении нескольких строчек плохо понятого источника – опасная

ловушка. Не обладая навыками ассоциативного мышления, «первооткрыватели» нередко ограничивались школьным пересказом, лишённым осмысления и толкования. Притом именно такой подход считали истинной наукой, атрибутом которой называли «точность». И, конечно же, не принимали во внимание, что главное – не факт, как сказал Тынянов, а то, что стоит за ним. «Факт – упрямая вещь» и «глупо как факт» лежат на чашах весов истории, и важно не нарушить их равновесия...

На краеведческом уровне «достоевсковедение» порою выглядело так: великий писатель – кумир, личность высоконравственная, и окружение должно быть под стать ему. Критерий же нравственности в идеале – пристойный, а лучше – блистательный послужной список. Подобный подход сильно упрощает метод оценки поступков и характеров – благо, формуляров в царской России бытовала тьма-тьмуца, причем они переписывались ежегодно (что касается чиновников, учителей или священников). И, значит, найти их – легче всего. Ими знание преимущественно и ограничивалось. Если в них поощрения да ордена – хороший человек. А если, не дай бог, провинился чем перед начальством и заслужил наказание, то в окружение Достоевского не вхож – за неимением необходимых моральных качеств.

После «Загадок провинции»

Вот кого «казённые» представления о морали возмутили бы, так это, наверное, самого Достоевского. Они умертвляют историю и делают её похожей на

расписание движения поездов, чего мы старались всячески избежать, когда писали «Загадки провинции», посвящённые Достоевскому, его окружению, и Кузнецку прошлого века.¹⁵⁷

Однако со временем появилась потребность сверить нашу концепцию со множеством других. Так появился «Кузнецкий венец», в котором мы многого могли коснуться лишь вскользь, поскольку, как известно, «Достоевский – неисчерпаем». Более того, - книга чрезвычайно субъективна уже потому, что об историографии судят те, кому «взгляд со стороны», по понятным причинам, недоступен.

По-прежнему подспорьем исследователям служит музей Ф.М. Достоевского в Новокузнецке. Из наиболее памятных баталий почти десятилетней давности - срыв мероприятий, направленных на переименование Дома Достоевского в «Дом Исаевой», - в те поры местное чиновничество хотело лишить его самостоятельного статуса и даже пыталось объявить названный памятник «*потерявшим мемориальность*». Представители российской, казахстанской, и собственно кузбасской интеллигенции (К. Степанян, Г. Коган, И. Мельникова, Т. Ащеулова, Б. Рахманов) выступали за скорейшее окончание затянувшейся реставрации Дома Достоевского с последующим созданием в нем образной экспозиции. И - своего добились.

В заключение отметим, что за прошедшие 150 лет теме «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» посвящено около двухсот публикаций, частично они отражены в недавно вышедшем библиографическом указателе литературы.¹⁵⁸

Примечания к шестой главе

¹ (с.387) - Кушникова М., Тоголев В. Загадки провинции: «кузнечная орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов. – Новокузнецк: Кузнечная Крепость, 1996. – С.390.

² (с.388) - Там же. – С.390-391.

³ (с.390) - Там же. – С.391.

⁴ (с.391) - Там же.

⁵ (с.392) - Там же.

^{5a} (с.392) - В упомянутой статье В.Ф. Булгакова название церкви – Одигитриевская. (см.: Булгаков В.Ф. Достоевский в Кузнецке / Кушникова М., Тоголев В. Загадки провинции: «кузнечная орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. - Новокузнецк: Кузнечная Крепость, 1996. - С.394-396).

⁶ (с.393) - Там же. – С.392.

⁷ (с.394) - Там же.

⁸ (с.394) - Там же. - С.392-392.

⁹ (с.395) - Там же. – С.393.

¹⁰ (с.396) - Эренбург И. Люди, годы, жизнь. – М.: Сов. Писатель, 1990. – Т.1. – С.553.

¹¹ (с.397) - Кузнецк в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского: аннотированный указатель литературы. – Новокузнецк: Кузнечная Крепость, 1996. – С.23.

¹² (с.398) - Гроссман Л. Материалы к биографии Ф.М. Достоевского (даты и документы) // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Гос. Изд-во худож. лит., 1958. – Т.10. – С.562-573.

¹³ (с.398) - Заславский Д.И. Ф.М. Достоевский: Критико-биографический очерк. – М.: Худож. лит., 1956. – С.35.

¹⁴ (с.399) - Кирпотин В. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. – 1959. – Кн. 4. – С.208.

¹⁵ (с.400) - Там же. – С.209.

¹⁶ (с.401) - Там же.

¹⁷ (с.402) - Там же.

¹⁸ (с.403) - Там же. – С.209-210.

¹⁹ (с.404) - Там же. – С.210.

²⁰ (с.405) - Там же.

²¹ (с.406) - Там же.

²² (с.407) - Там же.

²³ (с.408) - Там же. – С.211.

²⁴ (с.409) - Там же. – С.212.

²⁵ (с.410) - Там же.

²⁶ (с.411) - Якушин Н.И. Сибирский период творчества Достоевского // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1959. - №12. – С.98.

²⁷ (с.412) - Там же. – С.99.

²⁸ (с.413) - Там же. – С.101.

²⁹ (с.413) - Там же.

³⁰ (с.415) - Там же. – С.101-102.

³¹ (с.416) - Якушин Н.И. Достоевский в Сибири: К 100-летию пребывания писателя в Сибири // Кузбасс. – Кемерово, 1959. – 17 сентября.

³² (с.417) - Булгаков В.Ф. В том давнем Кузнецке / Лит. обраб. и послесл. М.М. Кушниковой. – Кемерово: Кн. Изд-во, 1991. – С.181.

³³ (с.418) - Косенко П. Иртыш и Нева: Двенадцать лет из жизни Фёдора Достоевского, литератора. – Алма-Ата: Жазуши, 1971. – С.13, 14.

³⁴ (с.418) - Там же. – С.15-16.

³⁵ (с.420) - Там же. – С.16.

³⁶ (с.420) - Там же. – С.17, 19.

³⁷ (с.421) - Там же. – С.22.

³⁸ (с.422) - Там же. – С.30.

³⁹ (с.423) - Там же.

⁴⁰ (с.424) - Там же.

⁴¹ (с.428) - Там же. – С.31-33.

⁴² (с.429) - Там же. – С.37.

⁴³ (с.430) - Там же. – С.41-45.

⁴⁴ (с.431) - Там же. – С.52.

⁴⁵ (с.434) - Там же. – С.55.

⁴⁶ (с.435) - Там же. – С.79-80.

⁴⁷ (с.437) - Там же. – С.80-83.

⁴⁸ (с.440) - Там же. – С.83-85.

⁴⁹ (с.441) - Там же. – С.87-92.

⁵⁰ (с.444) - Там же. – С.94-95.

⁵¹ (с.446) - Там же. – С.151-152.

⁵² (с.447) - Там же. – С.243-244.

⁵³ (с.449) - Белкин А.А. Достоевский, Фёдор Михайлович // Краткая литературная энциклопедия / Под ред. А.А. Суркова. – Т.2. – М.: Сов. Энциклопедия, 1964. – Стлб. 760.

⁵⁴ (с.449) - Энциклопедический словарь / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Том XI. – Спб., 1893. – С.75.

⁵⁵ (с.452) - Гроссман Л.П. Достоевский. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Мол. Гвардия, 1965 (Жизнь замечательных людей). – С.184-187.

- ⁵⁶ (с.456) - Там же. – С.187-191.
⁵⁷ (с.457) - Там же. – С.191-192.
⁵⁸ (с.459) - Там же. – С.194-195.
⁵⁹ (с.460) - Там же. – С.195-197.
⁶⁰ (с.462) - Там же. – С.197.
⁶¹ (с.463) - Там же. – С.197-198.
⁶² (с.464) - *Косенко П.* Иртыш и Нева: Двенадцать лет из жизни Федора Достоевского, литератора. – Алма-Ата: Жазуши, 1971. – С.92.
⁶³ (с.466) - *Гроссман Л.П.* Достоевский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мол. Гвардия, 1965 (Жизнь замечательных людей). – С.199-200.
⁶⁴ (с.466) - *Косенко П.* Иртыш и Нева: Двенадцать лет из жизни Фёдора Достоевского, литератора. – Алма-Ата: Жазуши, 1971. – С.93.
⁶⁵ (с.469) - *Гроссман Л.П.* Достоевский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мол. гвардия, 1965 (Жизнь замечательных людей). – С.306-309.
⁶⁶ (с.470) - *Туниманов В.А.* Приёмы повествования в «Кроткой» // Вестник ЛГУ. – 1965. - №2. – Сер. истории, языка и лит. – Вып.1. – С.111.
⁶⁷ (с.473) - *Якушин Н.И.* Достоевский в Сибири: Очерк жизни и творчества. – Кемерово: Кн. Изд-во, 1960. – С.3-6.
⁶⁸ (с.476) - Там же. – С.122-124.
⁶⁹ (с.480) - Там же. – С.124-128.
⁷⁰ (с.480) - Там же. – С.139.
⁷¹ (с.481) - Там же. – С.148-149.
⁷² (с.482) - Там же. – С.170-171.
⁷³ (с.484) - Там же. – С.192-193.
⁷⁴ (с.485) - *Кирпотин В.Я.* Ф.М. Достоевский: Творческий путь (1821-1859). – М.: Гос. Изд-во худож. лит., 1960. – С.568.
⁷⁵ (с.487) - *Алдан-Семёнов А.* Семёнов-Тян-Шанский. – М.: Мол. гвардия, 1965 (Жизнь замечательных людей). – С.129-130.
⁷⁶ (с.489) - *Арденис Н.Н.* Ссылный №33: Роман: В 3 ч. / Послесл. М. Щеглова. – М.: Сов. Писатель, 1967. – С.507, 508, 528, 534, 535.
⁷⁷ (с.490) - *Дмитриев Е.* Страничка биографии Ф.М. Достоевского // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1966. – 28 августа.
⁷⁸ (с.490) - *Мазюков А.* «Камера Достоевского» - верно ли это? // Кузбасс. – Кемерово, 1968. – 4 августа.
⁷⁹ (с.493) - Достоевский в Кузнецке. К 150-летию со дня рождения / Новокузн. гор. отдел. всерос. об-ва охраны памят.

- ист. и культ. – Новокузнецк, 1971.
⁸⁰ (с.494) - Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради: 1860-1881. – М.: Наука, 1971 (Лит. Наследство: Т.83). – С.13, 15.
⁸¹ (с.495) - *Никитин М.А.* Здесь жил Достоевский. – М.: Современник, 1973. – С.6.
⁸² (с.496) - *Альтман М.С.* Достоевский по вехам имён. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. – С.193.
⁸³ (с.498) - *Брегова Д.Д.* Сибирское лихолетье: Роман. – М.: Сов. писатель, 1974. – С.267-268.
⁸⁴ (с.499) - Там же. – С.357-360.
⁸⁵ (с.500) - Там же. – С.361.
⁸⁶ (с.500) - Там же.
⁸⁷ (с.502) - Там же. – С.399-400.
⁸⁸ (с.502) - Там же. – С.416.
⁸⁹ (с.504) - *Румянцева Э.М.* Фёдор Михайлович Достоевский: Биография писателя: Пособие для учащихся. – Л.: Просвещение, 1971. – С.108-110.
⁹⁰ (с.506) - Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1973 (Лит. Наследство: Т.86). – С.375.
⁹¹ (с.506) - Там же. – С.387.
⁹² (с.507) - *Туниманов В.А.* Достоевский и Глеб Успенский // Достоевский: Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1974. – Т.1. – С.53.
⁹³ (с.510) - *Громыко М.М.* «Записки из Мёртвого Дома» Ф.М. Достоевского как источник по истории сибирской каторги 50-х годов XIXв. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – нач. XIXвв.). – Новосибирск: Наука, 1975. – С.135-136.
⁹⁴ (с.510) - *Косенко П.* Иртыш и Нева: Двенадцать лет из жизни Фёдора Достоевского, литератора. – Алма-Ата: Жазуши, 1971. – С.31-33.
⁹⁵ (с.511) - *Дроздов В.* Ф.М. Достоевский в Сибири (К 150-летию со дня рождения) // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1971. - №2. – С.76.
⁹⁶ (с.511) - *Косенко П.* Иртыш и Нева: Двенадцать лет из жизни Фёдора Достоевского, литератора. – Алма-Ата: Жазуши, 1971. – С.79-81.
⁹⁷ (с.512) - *Дроздов В.* Ф.М. Достоевский в Сибири (К 150-летию со дня рождения) // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1971. - №2. – С.77.
⁹⁸ (с.513) - *Косенко П.* Иртыш и Нева: Двенадцать лет из жизни Фёдора Достоевского, литератора. – Алма-Ата: Жазуши, 1971. – С.91-92; *Дроздов В.* Ф.М. Достоевский в Сибири

(К 150-летию со дня рождения) // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1971. – №2. – С.77.

⁹⁹ (с.513) - *Косенко П.* Иртыш и Нева: Двенадцать лет из жизни Фёдора Достоевского, литератора. – Алма-Ата: Жазуши, 1971. – С.90; *Дроздов В. Ф.М.* Достоевский в Сибири (К 140-летию со дня рождения) // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1971. – №2. – С.77.

¹⁰⁰ (с.514) - *Мазюков А. Ф.М.* Достоевский в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1970. – 14 августа.

¹⁰¹ (с.515) - *Яшина Н.* Пафос творчества // Кузбасс. – Кемерово, 1971. – 11 ноября.

¹⁰² (с.516) - *Мелих В.* Здесь жил Достоевский // Кузбасс. – Кемерово, 1971. – 31 октября.

¹⁰³ (с.516) - *Сербин Л.* Женщина души возвышенной // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1971. – 9 октября.

¹⁰⁴ (с.518) - *Сербин Л.* Здесь жил писатель // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1971. – 11 ноября.

¹⁰⁵ (с.519) - Там же.

¹⁰⁶ (с.520) - *Кушникова М.* «Счастливые и грозные кузнецкие дни» // Комсомолец Кузбасса. – Кемерово, 1977. – 5 марта.

¹⁰⁷ (с.523) - *Кушникова М.* Кузнецкие дни Достоевского // Кузбасс. – Кемерово, 1977. – 21 августа.

¹⁰⁸ (с.526) - *Кушникова М.* Быть или не быть музеем Достоевского в Кузнецке? (Полемические заметки) // Комсомолец Кузбасса. – Кемерово, 1978. – 18 апреля.

¹⁰⁹ (с.527) - *Лычагин М.* Музей быть // Комсомолец Кузбасса. – Кемерово, 1978. – 16 мая.

¹¹⁰ (с.529) - *Лычагин М.* Именем Достоевского // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1979. – 12 мая.

¹¹¹ (с.530) - Достоевский: Материалы и исследования. – Т.4. – Л.: Наука, 1980. – С.279.

¹¹² (с.530) - *Туниманов В.А.* Творчество Достоевского 1854-1862. – Л.: Наука, 1980. – С.9.

¹¹³ (с.532) - *Белов С.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий: Кн. для учителя / Под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: Просвещение, 1979. – С.64, 68, 69.

¹¹⁴ (с.533) - *Бекедин П.В.* Повесть «Кроткая» // Достоевский: Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1987. – С.118-121.

¹¹⁵ (с.535) - *Карякин Ю.* Достоевский и канун XXI века. – М.: Сов. писатель, 1989. – С.132-133, 366-367.

¹¹⁶ (с.536) - *Владимирцев В.П., Орнатская Т.И.* Сибирская записная тетрадь Достоевского // Достоевский Ф.М. Моя

тетрадка каторжная / Изд. подгот. В.П. Владимирцев и Т.И. Орнатская. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1985. – С.53.

¹¹⁷ (с.537) - *Гришаев В.Ф.* К пребыванию Достоевского на Алтае // Достоевский: Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1985. – Т.6. – С.200.

¹¹⁸ (с.539) - *Громыко М.М.* Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского 1850-1854гг. / Отв. Ред. Н.П. Покровский. – Новосибирск: Наука, 1985. – С.130-145.

¹¹⁹ (с.540) - *Никонова Л.* Кузнецкий венец // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1988. – №3. – С.77-78.

¹²⁰ (с.541) - *Кушникова М.* Счастливые и грозные дни Достоевского // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1980. – №2 (67). – С.70.

¹²¹ (с.544) - Там же. – С.71-72.

¹²² (с.545) - *Кушникова М.* Остались в памяти края: Страницы литературно-краеведческого поиска. – Кемерово: Кн. Изд-во, 1984. – С.64-94.

¹²³ (с.546) - *Некрич Ю.* Улица Достоевского, 40 // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1980. – 22 мая.

¹²⁴ (с.546) - *Кушникова М.* Искры живой памяти: Очерки. – Кемерово: Кн. Изд-во, 1987. – С.181-197.

¹²⁵ (с.548) - *Откидач В.* О Достоевском с кистью и резцом // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1981. – 17 марта.

¹²⁶ (с.549) - *Трухина А.* Наша гордость – дом Ф.М. Достоевского // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1987. – 8 декабря.

¹²⁷ (с.549) - *Шадрина А.* Наше наследие: Кузнецкое уездное училище – один из немногих сохранившихся памятников архитектуры в Новокузнецке // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1989. – 5 января.

¹²⁸ (с.549) - *Самошкина Т.* Корифеи науки и литературы в Кузнецке: В.В. Флеровский, Ф.М. Достоевский // За алломиный. – Новокузнецк, 1988. – 26 мая.

¹²⁹ (с.549) - *Левченко Н.И.* Круг семипалатинских знакомых Ф.М. Достоевского (1854-1859) // Достоевский и современность (Материалы Достоевских чтений) / Семипалатинский обл. комитет по культ.; Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. – Семипалатинск, 1989. – С.70.

¹³⁰ (с.551) - Там же. – С.71-76.

¹³¹ (с.552) - *Туниманов В.* Достоевский в Сибири // Вопр. лит. – 1988. -№1. – С.230-231.

¹³² (с.553) - *Вайнерман В.* Пропащие письма Ф.М. Достоевского // Простор. – Алма-Ата, 1988. – №11. – С.173.

¹³³ (с.555) - *Белов С.В.* Фёдор Михайлович Достоевский: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1990. – С.81.

- ¹³⁴ (с.555) - Там же. – С.85.
¹³⁵ (с.555) - Там же. – С.101.
¹³⁶ (с.557) - *Вышеславцев Б.* Достоевский о любви и бессмертии (новый фрагмент) // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сб. статей. – М.: Книга, 1990. – С.400-401.
¹³⁷ (с.557) - *Слоним М.* Три любви Достоевского. – М.: Сов. Писатель, 1991. – С.52.
¹³⁸ (с.557) - Там же. – С.54.
¹³⁹ (с.558) - Там же. – С.69.
¹⁴⁰ (с.558) - Там же. – С.77, 83.
¹⁴¹ (с.558) - Там же. – С.94.
¹⁴² (с.558) - Там же. – С.109.
¹⁴³ (с.559) - *Селезнев Ю.* Достоевский. – 2-е изд. – М.: Мол. гвардия, 1981 (Жизнь замечательных людей). – С.181.
¹⁴⁴ (с.560) - Там же. – С.185.
¹⁴⁵ (с.560) - Там же. – С.309-310.
¹⁴⁶ (с.562) - *Иванова Л.И.* Новые сведения о первой жене Ф.М. Достоевского // Сов. Архивы. – 1991. - №6. – С.89-90.
¹⁴⁷ (с.562) - *Федотов Л.* «Я любил её без меры...» // Сов. Сибирь. - Новосибирск, 1992. – 22 июля.
¹⁴⁸ (с.563) - *Пачини Дж.* О философии Достоевского: Эссе / Пер. с ит. М.Д. Зарецкой. – М.: Прометей, 1992. – С.61-62.
¹⁴⁹ (с.565) - *Левченко Н.И.* Круг знакомых Ф.М. Достоевского в Семипалатинский период жизни // Достоевский: Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1994. – Т.11. – С.235-246.
¹⁵⁰ (с.568) - *Шадрин А.С.* Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского: (г.Кузнецк, 1856-1857гг.). – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1995. – С.34-35.
¹⁵¹ (с.569) - Там же. – С.46.
¹⁵² (с.569) - Там же. – С.47.
¹⁵³ (с.570) - Там же. – С.46.
¹⁵⁴ (с.570) - Там же. – С.66.
¹⁵⁵ (с.571) - Там же. – С.68.
¹⁵⁶ (с.571) - Там же. – С.70.
¹⁵⁷ (с.573) - *Кушникова М., Тоголев В.* Загадки провинции: «кузнецкая орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов. – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996.
¹⁵⁸ (с.573) - Кузнецк в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского: аннотированный указатель литературы. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996.

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

Истина историческая может быть в неученом романисте, и ложь глубокая, наглая, - в творении книжника, который на каждом шагу подпирается цитатами...

Стефан Цвейг

Во время подготовки очередных глав «Кузнецкого венца» для публикации в «Голосах Сибири» из Новокузнецка пришло огорчительное известие. В декабре 2004г. на месте старинного кузнецкого кладбища, где в течение нескольких столетий захороняли тела горожан, водрузили новгородную елку.

Напомним: именно на этом кладбище был похоронен первый муж Марии Дмитриевны Достоевской, Александр Иванович Исаев, послуживший прототипом героев многих произведений великого писателя. По свидетельству кузнецкого уроженца Валентина Булгакова, последнего секретаря Льва Толстого, эпитафию на надгробие Исаевой, скорее всего, выбрал Ф.М. Достоевский.

Как уже было сказано, в 1919 году кладбище осквернено красными партизанами из отряда Рогова, причем известный сибирский литератор 20-30-х гг. В.Я. Зазубрин утверждал, что роговцы испражнялись на плиты, переворачивая их тыльной стороной вверх.

В сталинскую пору кладбище снесли, затем на этом месте был разбит Сад Алюминщиков с танцплощадкой. Общественность края протестовала против подобного надругательства над памятью. Один из авторов этой книги в 70-е годы, будучи ведущим ряда циклов передач на местном ТВ, не раз говорил о недопустимости соседства увеселительных аттракционов с останками былых жителей Кузнецка, а другой автор, уже в конце 90-х, в статье «Танцы на бабулиных косточках», имея все

основания для беспокойства по поводу возможных рецидивов кощунства, предлагал на территории означенной мемориальной зоны установить специальный памятный знак.¹

И, тем не менее, памятное место, которое некогда посещал Достоевский, и которое было дорого М.Д. Исаевой, вновь претерпело осквернение; оказалось, что здесь же в марте 2005г. собирались проводить праздник Масленицы.

Новокузнецкая общественность заволновалась. Заведующая музеем народного образования Тамара Васильевна Семенова собрала около ста подписей под ходатайством о переносе Масленицы на другое место. Ее горячо поддержали директор музея «Кузнецкая Крепость» Р. Ястребова и председатель городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры Н. Ишкова. Увы, в стороне остались городские писатели, равно и газеты хранили дипломатичное молчание.

Кемеровская общественность была настроена куда боевитее. Мы без труда нашли общий язык с доктором исторических наук, председателем Кемеровского общественного фонда «Исторические исследования» Леонидом Лопатиным, а также с председателем Общественной палаты Кемеровской области Владимиром Лебедевым, равно и с председателем Кемеровского областного отделения ВООПИК Сергеем Плетневым. В результате, 25 февраля 2005г. Общественная палата приняла Обращение с просьбой отменить празднование Масленицы на кладбище и воздержаться от проведения там подобных акций в будущем.²

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

... Где-то под асфальтовыми дорожками новокузнецкого Сада Алюминщиков лежат, возможно, обломки чугунной плиты, «изготовленной по распоряжению Марии Дмитриевны» - с текстом, выбранным для эпитафии великим душеведом Достоевским. И – прах Александра Ивановича, близкого друга Ф.М. по Семипалатинску, первого мужа владелицы его «грозного чувства».³

Не найти в сегодняшнем Кузнецке захоронений и других знакомых Достоевского: венчавшего его священника Тюменцева, исправника Катанаева с супругой, взявших на себя все хлопоты по свадьбе. «Мемориальность» небольшого клочка земли, что стала их последним приютом, мало кого впечатляет. Аттракционы на погостах оказались интереснее...⁴

* * *

Как горестно склонны мы забывать, что из нашего сегодня невидимые нити тянутся далеко вглубь веков, и что многочисленные потомки некогда поруганных усопших соседствуют с нами в нынешнем времени. Мы не раз имели случай убедиться в том – когда исследовали портрет 1832 года полковника Семена Павловича Юренева, и вдруг получили трогательно-теплую благодарность его далекого прапраправнука, или - когда опубликовали очерк о бывшем вице-губернаторе Дмитрие Орестовиче Тизенгаузене, расстрелянном в 1937 году в Новосибирске (почти сразу же взволнованно откликнулась его праправнучка) – трагическая эта судьба нас заинтересовала именно оттого, что

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

прямая нить от жертвы расстрела вела к началу 19 века, к зятю Кутузова, Фердинанду Тизенгаузену, прототипу Князя Волконского из толстовского романа «Война и мир».

И мы еще раз прониклись убеждением и изумлением: нет разрозненных времен и все связаны со всеми...

Когда мы начинали писать эту книгу, то были лишь смутно наслышаны, что где-то живет и здравствует правнук Марии Дмитриевны Исаевой. И вдруг в 2004 году в Санкт-Петербурге вышла в свет книга Анатолия Донова «Мария Константиновна, жена Достоевского». С трепетом прочли мы эту книгу. Она не только укрепляла нас в занятой позиции, но и приводила совершенно неизвестные дотоле сведения об отдаленных и многочисленных потомках этой удивительной женщины, отмеченной печатью злого рока, и ее сына Павла Александровича Исаева, судьба которого была тесно связана с Достоевским до самой кончины писателя.⁵

За ряд новых сведений о родственниках не только М.Д. Исаевой, но и самого Достоевского, которых так люто невзлюбила его вторая жена, Анна Григорьевна, сетуя, что Ф.М. взял на себя ненужную обузу и вынужден кормить «чужих щенят», - за новые сведения, разумеется, мы Анатолию Донову должны быть благодарны.

Равно и за то, что он кропотливо выстроил из переписки Достоевского с Пашей – а позднее с «любезным Павлом Александровичем», - стройный ряд, обрисовывающий развитие и «зигзаги»

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

в их отношениях, вплоть до почти полного охлаждения Ф.М., чему способствовало злобное неприятие Павла Анной Григорьевной, но и легковесный, «без стержня», характер последнего и его далеко не безукоризненное поведение во многих случаях.

Здесь, думается, следует открыть скобку. Маленький Паша формировался под влиянием того, что наблюдал в своей семье. Став взрослым, он легко обращался за денежной помощью к знакомым Достоевского, - но ведь не мог он не знать, как действительно умел Ф.М. добиваться субсидий от родственников и друзей. Не мог он не знать также о пагубной страсти отчима к рулетке и об его сокрушительных проигрышах, что никак не способствовало в будущем взвешенному поведению юноши, его склонностям к самоограничению и обдуманным поступкам.

В одном из писем к пасынку Достоевский возмущается, что не получает известий от Павла, хотя тот оправдывается: постоянно, де, и аккуратно отвечает на письма отчима (заметим: это в разгар самого грозного периода в романе Ф.М. с «инфернальницей» Сусловой!). Может быть, письма не доходят? – сомневается Павел. Достоевский раздраженно парирует: от всех, кто пишет ему, послания пребывают без задержки, а от пасынка – нет. Но - совершенно сходная картина: Достоевский находится за границей с Апполинарией Суловой и уверяет в письмах юношу Павла, что «поминутно пишет маменьке» (М.Д. Исаевой), и как это она писем не получает, а все остальные адресаты –

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

получают исправно. Можно предположить, что усвоенная в юности история с письмами через много лет отзывается рикошетом в переписке отчима и пасынка.

Из выстроенного А. Доновым ряда вырисовывается, однако, глубокая привязанность Ф.М. к Павлу, возможно, именно потому, что он был поручен ему М.Д. Исаевой, а его чувства к ней, похоже, видоизменяясь с годами после ее кончины, оставались мучительно сложными и неискоренимыми.

Остается сожалеть, что А. Донов как бы взял в качестве девиза - «у каждого была своя правда». Как родственник М.Д., он, совершенно естественно – на ее стороне. Но ведь так важно, что она – жена Достоевского и, стало быть, ее супруг тоже должен быть «без сучка и задоринки»! Так что, прекрасно понимая всю неблагоприятность романа с Сусловой в последние времена М.Д., он все же пытается эту связь как-то оправдать: девушка, де, была очень хороша, «нигилистически» настроена, что делать – вся молодежь той поры затронута таким поветрием, притом каждый вправе выбирать себе образ жизни и поведения...

По всему видно, не любит, ох как не любит А. Донов Анну Григорьевну, но – ведь она вторая жена Достоевского, а он – бывший муж его прабабушки Марии Димитриевны, так что, по возможности, - А.Г. тоже постоянно отводится ряд индольгенций.

«Беспозиционная» позиция автора интересной и довольно информативной книги, к сожалению,

---

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

разочаровывает.

Не вовсе корректно выглядит отношение автора к одному из главных персонажей «кузнецкого венца» Николаю Борисовичу Вергунову. Очевидно, автору незнакомы уже давно введенные в оборот документы об этой примечательной личности – иначе бы он мог узнать, что Вергунов никак не просил его перевести из Кузнецка в Томск, а весьма целенаправленно стремился в Семипалатинск вслед за Достоевскими.

Он узнал бы также, что Н.Б. был на хорошем счету в Барнауле, где был принят в лучших домах и имел довольно близкие отношения с особой, хорошо известной в ту пору в Сибири – Стефаном Иоанновичем Гуляевым, который, кстати, находился в переписке с иереем Евгением Тюменцевым, а также с братом Ф.М., с Михаилом Михайловичем Достоевским.

Ну, а что касается магии послужных списков, то в служебном формуляре Вергунова числится, например, «благодарность за преподавание в течение года ученикам уездного училища Арифметики и Геометрии, сверх своей обязанности (1855 ноября 11-го)».

Вряд ли у молодого человека, «склонного к развлечениям», как пишет А. Донов, нашлось бы время для сверхурочной работы...

Однако Николай Борисович высоких чинов «не выслужил». Так стоит ли удивляться, что он описывается как личность «претенциозная, с провинциальным уровнем мышления», не сумевшая полноценно реализовать себя «ни в личной жизни,

---

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

ни в служебной деятельности».

Что до «крайних обстоятельств», поминаемых А. Доновым, вынудивших Достоевского увезти М.Д. из Владимира, то осторожно выраженным другими авторами (на основании воспоминаний Л.Ф.) предположениям о возможном посещении ее Вергуновым в 1863г.: «а не могло ли быть...», - противопоставляется причина иного рода: срочная надобность Достоевскому ехать в Москву, чтобы вступить в право наследования по смерти А.А. Куманина, мужа тетки Ф.М., «богатого купца первой гильдии. Вот и все крайние обстоятельства...» - такие причины ничуть не красят ситуацию.

Выбор был прост: не столь здоровье, сколь жизнь Марии Дмитриевны – или вступление в наследство. Достоевский выбрал последнее...

Возвращаясь, однако, к теме памяти, поразило в книге Дюнова, что автор так и не нашел могилы Марии Дмитриевны. Судьба была к ней жестока даже после ее кончины, ее жизнь и смерть поистине отмечены роком...

* * *

В заключении авторы выражают глубокую благодарность всем, кто содействовал изданию этой книги – *Юрию Гинатулину* и *Виктории Кинг*, нашему неизменному и незаменимому помощнику *Алексее Благину*, коллективу издательства «Кузбассвузиздат», с которым нас связывает почти десятилетнее сотрудничество, равно и новокузнецкому музею Ф.М. Достоевского и его

Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти

директору *Елене Констанц*.

Мы благодарим также председателя Омского регионального отделения Союза российских писателей *Александра Лейфера* и директора Омского государственного литературного музея им. Достоевского *Виктора Вайнермана* за высказанные ими ценные соображения о журнальных вариантах глав книги, опубликованных в первых двух выпусках альманаха «Голоса Сибири».⁶

Примечания

¹ (с.584) - *Тоголев В.* Танцы на бабулиных косточках // С тобой. – Кемерово, 1999. – 14 июня.

² (с.584) - Текст Обращения: Край. – Кемерово, 2005. – 4 марта.

³ (с.585) - Что случилось с надгробной плитой А.И. Исаева? «Упокоилась» ли она вместе с прахом А.И. под аттракционами Сада Алюминщиков, или стала объектом интереса особо хозяйственных местных крестьян, в обычаях коих было употреблять надгробные плиты для изготовления печек в частных домах? Вот, например, что сообщается в пресс-релизе Администрации Кемеровской области от 9 октября 2002г. по поводу найденной чугунной надгробной плиты Якова Карпова: «В одном из частных домов поселка Редаково в Новокузнецке обнаружена надгробная плита XIX века. Ничего не подозревающие жильцы дома выкопали двухметровую яму для постройки гаража, прежде чем нашли плиту. Как сообщил нам заведующий отделом истории Новокузнецкого краеведческого музея П.П. Лизогуб (Петр Петрович) плита была снята с захоронения в середине девятнадцатого века и попала в Редаково после Великой Отечественной войны. Использовалась она как основа для чугунной печи, о чем свидетельствуют обгоревшие буквы надписи. Могила находилась на старом Кузнецком кладбище. Плита чугунная, весит больше ста килограмм. Такие, в прошлом веке изготавливали на Гурьевском

Примечания

железодельном заводе. Стоило такое надгробие по тем временам не мало – 19 рублей. На плите почти целиком сохранилась надпись. Похоронен под ней Яков Карпов – кузнецкий мещанин, который умер в 1854 году. По словам краеведов, Карповы – фамилия в Кузнецке небезызвестная – предки его строили крепость на Алтае, а вблизи Кузнецка основали деревню Карпово, которой в настоящее время уже не существует. По словам специалистов в ближайшее время надгробная плита подвергнется консервации и будет выставлена в постоянной экспозиции краеведческого музея». (См.: <http://www.ako.ru/PRESS/viewtext.asp?C6153=On>).

⁴ (с.585) - 12 февраля 2004г. новокузнецкая газета «Фронт» (№7, с.15) сообщила о планах по реорганизации Сада Аллюминщиков: «Грядет грандиозная реконструкция парка, в результате которой место культурного отдыха преобразится до неузнаваемости. Часть территории будет отдана в руки коммерсантов. Одни назовут это кощунством, другие с ностальгией вспомнят времена расцвета Парка Аллюминщиков, но все понимают: что-то радикально менять – дорогое удовольствие. Да и, похоже, веселье на погосте у нас в порядке вещей. Ведь подобные ситуации имели место и в Новосибирске, и в Томске, и в Москве... Планируется, что к концу этого года парк будет работать и приносить дивиденды...».

⁵ (с.586) - *Донов А.А.* Мария Констант, жена Достоевского. Спб.: [изд-во не указ.], 2004. – 168с.

⁶ (с.591) - В соавторах журнального варианта глав «Кузнецкого венца», опубликованных в № 1-2 «Голосов Сибири», обозначена также Ксения Тилло, оказавшая посильную техническую помощь в подготовке публикации. Часть названных глав, принадлежащая перу К. Тилло и воспроизведенная в альманахе, не вошла в наст. изд. Ср.:

Голоса Сибири. - Вып. 1. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С.275-443.

Голоса Сибири. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С.485-600.

Сводный указатель имён и персонажей

Сводный указатель к историко-краеведческим книгам авторов (более 19 тысяч имен) см. в сети Интернет:
http://www.kuzbasshistory.narod.ru/Biobib/Im_Uk/01.htm

- Абакумов - 317
 Абрамов Н. А. - 538
 Алдан-Семенов А. - 486, 576
 Алтухов А. С. - 525
 Альтман М. С. - 496, 537, 577
 Ананьин Н. И. - 549, 571
 Арденс Н. Н. - 487-489, 496, 497, 576
 Асланов С. - 528
 Ащеулова Т. С. - 573
 Бахтин М. М. - 418
 Бедный Д. - 396
 Бекедин П. В. - 281, 284-286, 294-296, 298, 529, 532, 533, 578
 Белинский В. Г. - 472
 Белихов - 133, 252, 292, 471, 475, 504
 Белкин А. А. - 575
 Белов С. В. - 297, 531, 532, 554-557, 578, 579
 Берви-Флеровский В. В. (Флеровский В. В.) - 405, 579
 Битюгова И. А. - 52-54
 Боборыкин П. Д. - 217
 Борисенко - 515, 516
 Брагин А. - 547
 Брагин А. В. - 2, 590
 Браун М. (Панина М.) - 48, 279, 280
 Брегова Д. Д. - 496-503, 577
 Брокгауз Ф. А. - 449, 575
 Буданова Н. Ф. - 81, 228
 Булгаков Вал. Ф. - 6, 7, 161, 284, 292, 339-347, 351, 375, 389, 390, 392, 397, 408, 416, 442, 462, 465, 481, 482, 489-492, 515, 516, 523, 539, 554, 564, 566-568, 574, 575, 583
 Булгаков Вен. Ф. - 416
 Быков - 108, 415, 435, 436
 Вагин - 350, 361, 388
 Вайнерман В. С. - 148, 149, 552, 579, 591
 Валиханов Ч. Ч. - 5, 151
 Ванслова Е. Г. - 525

- Васильев М. В. - 401
 Ващенко А. П. - 517, 518
 Вельчанинов - 60, 61, 63
 Вергунов Н. Б. - 7, 12-17, 20, 27, 29-38, 40-42, 44, 46-48, 54, 56, 57, 60, 62-65, 67, 68, 73, 78, 79, 85, 86, 88, 90-94, 108, 110-112, 127, 128, 136-145, 148, 150-152, 154-156, 160, 174, 175, 179, 188-190, 208, 219, 224, 236, 237, 239, 243, 246, 247, 249-251, 254, 255, 260, 262-264, 268, 274-276, 289, 293, 294, 310, 311, 313, 315, 316, 319, 322, 332, 341, 343, 356, 358, 359, 370, 371, 374, 375, 377-379, 382, 429, 434, 436-440, 446-448, 454-456, 458-463, 470, 481-483, 488, 498-504, 530, 540, 541, 549-551, 555, 558-562, 565, 570, 589, 590
 Верещагин В. - 528
 Версилов - 69
 Вихман - 189-191
 Владимирцев В. П. - 552, 578, 579
 Волконский - 586
 Воронин К. А. - 515, 516, 519
 Врангель А. Е. - 13, 14, 55, 56, 61, 62, 69, 77, 87, 90-93, 95, 97-104, 106, 108-113, 119-121, 123, 124, 128, 130-134, 137, 141, 143-149, 152-156, 168, 169, 171-174, 193, 195, 220-223, 225, 240, 246, 249, 250, 259, 260, 282, 295, 301-308, 310, 311, 313, 315-317, 329, 336, 346, 363, 365, 368-374, 376, 380, 381, 383, 393-395, 398, 419, 421, 422, 424, 428-434, 437, 438, 440, 441, 448, 451-455, 457, 460, 463, 465, 467, 472, 473, 476, 480, 481, 487, 492, 495, 497, 498, 500, 503, 504, 509, 511, 512
 Вучичевич Е. Д. - 6
 Вучичевич-Сибирский В. Д. - 6-9
 Вышеславцев Б. - 556, 580
 Вяземский П. А. - 154, 155
 Вяткин Г. - 508
 Гасфорт Г. Х. - 130, 132, 142-145, 154, 438
 Гейбович А. И. - 194, 325
 Герасимов Б. Г. - 291, 293, 294, 349, 351, 361-384, 387, 389, 390, 392, 393, 395, 412, 419, 421, 424, 428, 448, 490, 508, 509
 Гернгросс А. Р. - 112, 129, 142, 145, 307, 310

- Гернгросс Е. И. - 55, 56, 62, 99, 112
 Гинатулин Ю. - 2, 590
 Голенковский Н. И. - 116
 Голубев А. - 280, 285, 286
 Горнфельд А. Г. - 246, 298
 Горский П. Н. - 48, 279, 280
 Горький А. М. - 348, 396
 Граве де А. Ф. - 508
 Гришаев В. Ф. - 535, 536, 552, 579
 Громько М. М. - 508, 510, 537, 538, 540, 551, 552, 577, 579
 Гроссман Л. П. - 50, 284, 349, 396, 397, 418, 419, 448, 449, 453, 456-467, 469, 470, 481, 483, 484, 487, 496, 498, 515, 531, 537, 555, 559, 560, 574-576
 Гуляев С. И. - 570, 589
 Даль В. - 306
 Девушкин М. - 415, 426, 436, 455
 Делаткевич И. П. - 550, 551, 571
 Демчинский - 318
 Дмитриев - 518, 540
 Дмитриев В. - 489, 490, 491
 Дмитриев Е. - 576
 Дмитриев М. Д. - 289, 342, 350, 361, 388, 517
 Дмитриев-Соловьев - 540
 Долинин А. С. - 42, 43, 418
 Донов А. А. - 586, 588-590, 592
 Достоевская А. Г. (Сниткина А. Г.) - 5, 15, 17, 19, 28, 50, 54, 56, 57, 65, 67, 70, 72, 80, 132, 156, 177, 196, 206, 208, 219, 220, 223, 224, 231-246, 255, 258, 260, 261, 263, 265, 266, 268, 274, 275, 277, 280-287, 290, 297, 301, 311, 312, 315, 317, 327, 329, 332, 335, 339, 349, 356, 360, 394, 413, 422, 423, 463, 464, 470, 489, 491, 530, 531, 586-588
 Достоевская В. М. - 209
 Достоевская Л. Ф. - 15, 16, 27, 47, 54, 58, 80, 136, 189, 203, 219, 222, 231, 233, 237, 243, 246-256, 258-266, 268-270, 272-278, 280, 282, 283, 298, 301, 311, 312, 315, 339, 344, 349, 351,

352, 354, 355, 357, 360, 375, 412, 422-424, 428, 429, 434, 435, 437, 438, 442, 445, 446, 461, 462, 467, 470, 482-484, 488, 489, 500, 503, 540, 541, 554, 556-558, 570, 590

Достоевская М. Д. – см. *Исаева М. Д.*

Достоевская Э. Ф. - 162, 209, 218

Достоевский А. М. - 74, 195, 197, 220, 506

Достоевский М. М. - 30, 46, 49, 50, 102-104, 112, 119, 147, 156-159, 161, 163, 165, 171, 174, 180, 189, 193, 209, 215, 219-221, 250, 263, 266, 269, 273, 446, 468, 532, 589

Достоевский Н. М. - 197, 506

Достоевский Ф. М. - 1-592

Дроздов В. - 510-513, 577, 578

Евсеев Е. - 552

Елфимов А. - 547

Ермаков Н. С. - 546

Ефрон И. А. - 449, 575

Ждан-Пушкин И. В. - 143, 184, 188

Житомирская С. В. - 297

Зазубрин В. Я. - 360, 361, 388-390, 400, 508, 509, 583

Зарецкая М. Д. - 580

Заславский Д. И. - 398, 574

Захаров Г. П. - 546

Зенков П. Г. - 540, 541

Зосима - 74, 537, 538, 540, 570

Иванов А. П. - 211, 212, 217, 218, 236

Иванова Л. И. - 580

Ивановы - 235, 332, 490

Исаев А. И. - 15, 21, 63, 69, 85-89, 163, 165, 181, 183, 185, 237, 238, 244, 248-250, 267, 270, 276, 282, 283, 287, 302-304, 312, 318, 320, 340, 346, 349, 363, 369, 371, 382, 383, 392, 408, 425-428, 448, 450, 452, 454, 473, 477-479, 495, 496, 510, 511, 522, 531, 550, 553-555, 559, 561, 562, 583, 585, 591

Исаев П. А. - 56, 68, 69, 72, 73, 117, 132, 142, 143, 155, 182-188, 195, 196, 199, 204, 205, 207-210, 212, 213, 216-218, 223, 253, 256, 259, 269, 276, 284, 291, 304, 313, 332, 340, 370, 371, 378, 379, 441, 454, 476, 478, 586-588

Исаева М. Д. (Достоевская М. Д., Констант М. Д.) - 5-8, 10-23, 27-38, 40-56, 58, 61-80, 85-98, 100, 102-106, 108-116, 118-121, 123-138, 140-150, 152-161, 163, 164, 167-175, 177-190, 192-225, 231-251, 253-256, 258-278, 280-282, 284, 286, 287, 289-294, 297, 301-304, 306-320, 322, 325, 326-335, 339-343, 345-347, 351-360, 362-382, 384, 391-394, 396-399, 408, 409, 411-416, 420, 422-431, 434-470, 473-484, 487, 488, 493-498, 500-504, 506, 507, 509-512, 517, 520-523, 529-544, 547-550, 553-563, 570, 584-588, 590, 592

Ишкова Н. - 584

Калмаков А. А. - 550

Канаев - 567

Карамазов А. - 538

Карамазов Д. - 359

Карандышев - 191

Карепина В. М. - 162, 163, 165, 167, 170-172, 179, 183

Карпов Я. - 591, 592

Карповы - 592

Карякин Ю. - 533-535, 578

Катанаев И. М. - 126, 128, 161, 283, 284, 289, 295, 343, 439, 567, 585

Катанаева А. Н. - 341-343, 441, 512

Катанаевы - 344

Катков М. Н. - 38

Кашина-Евреинова А. - 351-357, 359, 360, 384, 412, 554, 557

Кийко Е. И. - 45, 47, 74

Кинг В. - 2, 590

Кирпичников А. - 449

Кирпотин В. Я. - 398-411, 418, 472, 484-486, 574, 576

Киселев П. Ф. - 546

Ковтун-Статных П. - 548

Коган Г. В. – см. *Коган Г. Ф.*

Коган Г. Ф. (Коган Г. В.) - 48-50, 496, 507, 520, 521, 531, 532, 536, 541, 544, 546, 564, 573

Кок Поль де - 59

Кононова П. В. - 515, 516
Констант В. Д. - 186, 187, 199, 200, 202, 204-207, 211, 236, 237, 267
Констант Д. С. - 163, 180-182, 184, 287, 424, 550, 562
Констант М. Д. – см. *Исаева М. Д.*
Констанц Е. В. - 591
Конюхов И. С. - 74, 538, 539, 570
Корвин-Круковская А. В. (Круковская А. В.) - 47, 85, 225, 278
Косенко П. - 417-424, 428-435, 438, 440-446, 448, 449, 464-466, 484, 489, 496, 510-513, 520, 552, 575-578
Кочкарев - 114
Круковская А. В. – см. *Корвин-Круковская А. В.*
Круковская Л. Я. - 246, 298
Кручина А. - 349-351, 360, 361, 508
Куйбышев В. В. - 405, 406
Куманин А. А. - 590
Кумпан К. А. - 77-79
Кутузов М. И. - 586
Ламотт С. А. - 103, 308
Ланн Л. - 528
Лебедев - 51
Лебедев В. А. - 584
Лебядкина М. - 63, 70, 75, 224
Левченко Н. И. - 549-551, 565, 566, 579, 580
Лейфер А. Э. - 552, 591
Лизогуб П. П. - 591
Лихачев Д. С. - 578
Лобов А. - 56
Ломунов К. - 495, 496
Лопатин Л. Н. - 584
Лошков П. - 289
Луначарский А. В. - 396, 470
Лычагин М. М. - 526-528, 546, 578
Мазаев В. М. - 8
Мазюков А. - 490, 491, 513, 576, 578

Майков А. Н. - 33, 36, 154, 155, 314, 373, 529
Майкова А. И. - 529
Маркс К. - 405
Марлинский А. А. - 438, 447
Мармеладов - 17, 62, 428, 450, 468, 495, 496, 522, 531
Мармеладова К. И. - 468, 469, 496, 504, 531
Мелих В. - 515, 578
Мельникова И. Ф. - 373, 384, 573
Мещерин Ф. С. - 154
Миллер О. - 316
Милюков А. П. - 45
Минералов В. Т. - 293
Мичурин П. - 538
Мозгляков - 17, 29, 139
Мольер - 59
Мышкин - 60, 87, 251, 261, 335, 463
Наумов Н. И. - 405, 567
Неворотова Е. М. - 149
Некрасов Н. А. - 261
Некрич Ю. - 546, 579
Никитин М. А. - 472, 494-497, 500, 577
Никонова Л. - 539, 540, 570, 579
Нововойский - 329
Обнорский В. П. - 405, 406
Окороков Д. И. - 341, 343-345, 347, 566-568
Ордынская М. К. - 445
Орнатская Т. И. - 7, 77-82, 225, 228, 492, 529, 536, 578, 579
Островский А. Н. - 191, 345
Откидач В. - 547, 579
Палашенков А. - 552
Панина М. – см. *Браун М.*
Парфений - 566
Паскевич И. Ф. - 101
Пачини Д. - 562, 563, 580
Перлина Н. М. - 27, 28, 34
Петрашевский М. В. - 122, 412

Пешехонов П. М. - 128
 Писарева В. Д. - 35
 Плетнев Р. - 537
 Плетнев С. С. - 584
 Покровский Н. П. - 579
 Полетика В. А. - 310, 433
 Поникаровский Д. А. - 347
 Попов Н. А. - 540, 541
 Попов С. С. - 571
 Потанин Г. Н. - 7
 Прибыткова В. Г. - 490
 Пушкин А. С. - 23, 396, 401
 Раскольников - 50
 Рахманов Б. А. - 573
 Рогов - 5, 9, 389, 400, 509, 583
 Рогожин - 60, 87, 251
 Розенблюм Л. М. - 77, 78, 493
 Романова Р. - 279
 Румянцева Э. М. - 503, 504, 577
 Рыбалко В. Н. - 524
 Салтыков-Щедрин М. Е. - 516
 Самошкина Т. - 579
 Сапожников П. - 289, 343
 Свидригайлов - 358
 Свистула П. Н. - 522
 Селезнев Ю. - 559, 560, 580
 Семенов П. П. (Семенов-Тянь-Шанский П. П.) - 152, 317-324, 347, 397, 424, 441, 465, 486, 504, 505, 513, 536, 537, 576
 Семенова Т. В. - 584
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. – см. *Семенов П. П.*
 Сербин Л. - 516, 519, 527, 545, 578
 Серман И. З. - 36, 40-43, 55-57, 59-62
 Скандин А. - 472
 Слободский И. - 289
 Слоним М. - 557-559, 580
 Слуцкий Я. А. - 123, 142, 143, 149, 185
 Сниткина А. Г. – см. *Достоевская А. Г.*

Соловьев - 23
 Соскин В. Л. - 513, 514
 Ставрогин Н. - 63, 64, 68, 358
 Сталин И. В. - 396, 398, 403, 407, 417, 449, 460
 Статных Н. - 547
 Степанова - 364
 Степанян К. А. - 573
 Страхов Н. Н. - 55, 330, 331, 333, 357, 358, 451
 Стрелкова И. - 552
 Сурков А. А. - 575
 Сулова А. П. - 20, 47, 48, 77-79, 85, 136, 198-200, 203, 204, 208, 209, 211, 217, 220, 221, 225, 232, 233, 235, 237, 265, 269-273, 276, 277, 280, 291, 326, 357, 358, 444, 446, 458, 467, 534, 535, 587
 Сущенко Е. М. - 546
 Сытина З. А. - 324-330
 Тарасова Э. Ф. - 546
 Темезева Т. М. - 341, 342
 Тизенгаузен Д. О. - 585
 Тизенгаузен Ф. - 586
 Тилло К. - 592
 Тимофеева В. В. - 49, 333, 335, 424
 Толстой Л. Н. - 6, 7, 18, 52, 80, 284, 339, 416, 493, 523, 566, 583
 Тотлебен А. И. - 134
 Тотлебен Э. И. - 100-102, 120, 121, 130, 134, 193, 511, 512
 Трусоцкий - 17, 56, 60-62, 267
 Трухина А. - 548, 579
 Туниманов В. А. - 297, 470, 507, 530, 532, 551, 552, 571, 576-579
 Тургенев И. С. - 59, 198
 Тынянов Ю. Н. - 418, 572
 Тюменцев Е. И. - 126, 258, 280-286, 289, 291, 293, 295-297, 343, 345-347, 368, 461, 482, 488, 520, 538, 539, 564, 568-570, 585, 589
 Угрянский П. - 289, 343
 Ульянов М. А. - 546

Федоров М. П. - 35
Федотов Л. - 580
Федотов П. А. - 34, 35
Флеровский В. В. – см. *Берви-Флеровский В. В.*
Флобер - 59
Фон-Фохт Н. - 332
Франкфурт С. М. - 404
Фрейд З. - 135, 139, 351, 355, 356, 430
Фридлендер Г. М. - 48, 73, 81, 228, 418
Хоментовский М. М. - 103
Хрущев Н. С. - 518
Цвейг С. - 4, 21, 22, 26, 84, 230, 300, 338, 386, 582
Чехихин-Вергинский - 359
Чушев В. - 416
Шабалин Л. И. - 517
Шадрина А. С. - 565-571, 579, 580
Шатова М. - 67
Шемелев В. И. - 387-395, 508, 554
Шкловский В. Б. - 418
Шмидт И. - 528, 547
Шнейдер А. - 551, 565
Шнейдер С. - 551, 565
Штакеншнейдер - 442
Шуберт А. И. - 45, 47, 85, 134, 195, 467
Щеглов М. - 576
Эренбург И. Г. - 396, 407, 574
Юрнев С. П. - 585
Якубович И. Д. - 81, 228
Якушин Н. И. - 410-416, 418, 419, 470-473, 476, 477, 480-484, 489, 496, 575, 576
Якушкин Е. И. - 30
Ямпольский И. Г. - 529
Ярославский Е. М. - 417
Ярославцев Д. Т. - 350, 361, 388, 389, 508
Ястребова Р. - 584
Яшина Н. - 513, 515, 578

Содержание

Вместо предисловия или... Оппонируя самим себе.	3
<i>Глава первая. ОБРАЗЫ</i>	25
Примечания к первой главе.	81
<i>Глава вторая. ПИСЬМА</i>	83
Примечания ко второй главе	226
<i>Глава третья. ВТОРАЯ ЖЕНА И ДОЧЬ.</i>	229
Примечания к третьей главе.	297
<i>Глава четвёртая. СОВРЕМЕННОСТИ.</i>	299
Примечания к четвёртой главе... ..	336
<i>Глава пятая. ПОТОМКИ</i>	337
Примечания к пятой главе.	383
<i>Глава шестая. ТОЛКОВАТЕЛИ</i>	385
Примечания к шестой главе.	574
Вместо послесловия, или Отступление на тему памяти	581
Примечания.	591
Сводный указатель имён и персонажей.	593

Союз российских писателей – в Кузбассе

Серия книг, изданных в 2003-2005гг.:

1. Виктория Кинг. Виктуар. Роман. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 540с.
2. Виктория Кинг. Отшельница. Роман. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 432с.
3. Голоса Сибири. Литературный альманах. – Вып. 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 640с.
4. Голоса Сибири. Литературный альманах. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 768с.

Основные сайты в сети Интернет:

www.golosasibiri.narod.ru,
www.marykushnikova.narod.ru,
www.kuzbasshistory.narod.ru,
www.litsite.narod.ru,

(на 30 августа 2005г. количество посетителей - 29192).

Электронная почта для переписки с читателями:

sprkem@mail.ru,
alexey_bragin@rambler.ru.

Информационная поддержка:

общественно-политическая еженедельная газета
«Край»(г. Кемерово, номера от 01.07.2005 и
08.09.2005г.)

Мэри Кушникова Вячеслав Тогулев

**«КУЗНЕЦКИЙ ВЕНЕЦ»
ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО
в его романах, письмах и
библиографических
источниках минувшего века**

Книга первая

Подписано к печати   Формат
Бумага офсетная № Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж   экз. Заказ №

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. (384-2)-58-34-48

---

internet: www.kvi.bip.ru e-mail: 582934@rambler.ru